

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМ. В.П. СЕРБСКОГО»
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ
И СОЦИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ



Коченовские чтения
«Психология и право в современной России»

Сборник тезисов

участников Всероссийской конференции по юридической психологии

с международным участием

Москва

2012

ББК 88.47
К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2012. – 290 с.

Редакторы:

*В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, Е.Н. Заборина, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Ениколопов, М.Г. Дебольский,
Ц.А. Шамликашвили*

Составители:

И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева

ISBN 978-5-94051-113-7

© МГППУ, 2012.

Уважаемые коллеги!

В данном сборнике представлены материалы конференции «Психология и право в современной России», организованной факультетом Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета совместно с Государственным научным центром социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Целью конференции является объединение специалистов для обсуждения важных вопросов юридической психологии и разработка подходов к их решению. Конференция позволила наметить новые сферы, где знания данной отрасли психологической науки можно применить на благо общества.

Актуальность проблем, обсуждаемых на конференции, велика – тезисы представлены специалистами из множества городов России: Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Донецк, Харьков, Одесса, Смоленск, Уфа, Самара, Новосибирск, Нижневартовск, Шуя, Ростов-на-Дону, Челябинск, Магадан и т.д. Участием в конференции заинтересованы и представители зарубежных государств. В сборник включены тезисы специалистов по юридической психологии Германии, Литвы, Молдовы, Белоруссии, Украины.

В конференции принимали участие представители Министерства образования и науки Российской Федерации, Департамента образования г. Москвы, специалисты и руководители психологических служб ФСИН России, МВД России, Министерства юстиции Российской Федерации, МЧС и образовательных учреждений различных ведомств и субъектов Российской Федерации.

Тезисы выступлений систематизированы и представлены в следующих разделах сборника: Психология девиантного и криминального поведения; Клиническая психология в юридическом контексте; Ювенальная юридическая психология; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психотехнологии в деятельности правоохранительных органов; Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии; Экстремальная психология. Такой подход позволил целостно представить весьма разнообразную палитру актуальных проблем юридической психологии, нашедших отражение в тезисах выступлений участников конференции: психологический механизм формирования девиантного поведения и методы его профилактики; психологические особенности поведения субъектов преступления (преступника и жертвы); анализ криминальных ситуаций; исследования различных категорий правонарушителей (несовершеннолетних, женщин, лиц, склонных к сексуальным преступлениям, осужденных за террористическую деятельность); психологические особенности раскрытия и расследования преступлений, проведения различных видов экспертизы (судебно-психологической, комплексной психолого-психиатрической, гражданской, посмертной (для лиц, совершивших самоубийство); выявление криминально-информативных свойств личности (ценностных ориентаций, правосознания, жестокости, агрессивности, ксенофобии) и оценка риска повторных преступлений;

закономерности влияния лишения свободы на личность осужденного, проведение психокоррекционной работы с различными категориями осужденных; совершенствование деятельности психологической службы; профессионально психологический отбор сотрудников в правоохранительные органы, психологическая подготовка, в том числе к деятельности в экстремальных условиях; вынесение заключений специалистов в судебных спорах о воспитании детей родителями, проживающими раздельно.

Информация, представленная в сборнике будет весьма полезна специалистам, занятым в сфере юридической практики, научным сотрудникам и молодым ученым, только начинающим свой путь в науке.

В.В. Рубцов

Психологические последствия сексуального насилия

Азарных Т.Д.

Воронежский государственный университет инженерных технологий (Воронеж)

Целью данного исследования являлось изучение психоэмоционального состояния у жертв сексуального насилия. Определялись следующие показатели: выраженность посттравматического стресса (ПТС) [Миссисипская шкала, гражданский вариант (МШ) (Keane T. M.) и шкала оценки влияния травматических событий (ШОВТС или IOES-R) (Horovitz M. J.)], депрессии Бека А. (BDI), психопатологической симптоматики и отдельных симптомокомплексов (SCL-90-R) (Derogatis L.) (Тарабрина Н.В., 2007). В группе сравнения были ПТС другой этиологии. Во всех случаях после получения психотравмы прошло не менее полугода. Исследования проведены на студентках дневных отделений государственных вузов г. Воронежа в возрасте 18-20 лет (476 человек) в течение 2004-2010 г.г. Статистическая обработка проводилась с использованием непараметрических методов с помощью программы SPSS (вар. 13).

В исследованной выборке сексуальное насилие являлось причиной ПТС в 6,5 % случаев, попытки сексуального насилия - в 8,5 %, т.е. каждый седьмой ПТС в такой достаточно благополучной социальной группе как студенты связан с сексуальным насилием или его попыткой. Средний возраст, при котором было совершено сексуальное насилие, составлял 16,9 лет (диапазон от 9 до 19 лет), т.е. жертвы в большинстве случаев были несовершеннолетними.

В группе с ПТС, вызванным сексуальным насилием, отмечаются самые высокие значения как специфичных для ПТС МШ и ШОВТС, так и коморбидных (сопутствующих) депрессии BDI, а также шести (из девяти) симптомокомплексов: соматизации, депрессии, тревожности, фобической тревожности, паранойяльных симптомов, психотизма и всех трех обобщенных индексов дистресса. Иначе говоря, ПТС, вызванный этой психотравмой, отличается более тяжелым течением, осложненным кроме того также и одновременно присутствующими симптомокомплексами депрессии (сниженное настроение, отсутствие энергии, сил и удовольствия от жизни), тревожности (нервозность, напряжение, дрожь, паника), фобий (страхи), паранойяльности (подозрительность, страх потери независимости), психотизма (изоляция от окружения, деперсонализационно-дереализационные явления), соматизации (телесные боли и недомогание). Однако при этом присутствуют (как и при ПТС другой этиологии) и остальные симптомокомплексы в виде враждебности (агрессия, раздражительность, гнев, негодование), обсессивности-компульсивности (наличие мыслей и действий, которые являются непреодолимыми и

чуждыми Я), межличностной сензитивности (беспокойство и негативные ожидания в любых межличностных коммуникациях).

В этой группе чаще встречаются такие варианты аутодеструктивного поведения как мысли о суициде, рассматривающиеся как инициальная стадия суицидального поведения (Войцех В.Ф., 2009) (67,7 % случаев против 44,3 % по другим видам психотравм, $\chi^2 = 6,366$, $p = 0,012$) и употребление психоактивных веществ (67,7 % против 42,1 %, $\chi^2 = 7,699$, $p = 0,006$). Наличие высокого уровня враждебности, характерного для всех ПТС в исследованной выборке, и высокой частоты встречаемости мыслей о суициде при ПТС, вызванном сексуальным насилием, позволяет предположить наличие этой психотравмы у смертниц.

Таким образом, сексуальное насилие является одной из самых тяжелых по своим последствиям психотравм. В группе 18-20-летних студенток каждый четырнадцатый ПТС связан с сексуальным насилием. ПТС, вызванный этой психотравмой, отличается от ПТС другой этиологии большей тяжестью и выраженностью коморбидной психопатологической симптоматики, а также более высокой частотой встречаемости аутоагрессивного поведения в виде суицидальных мыслей и употребления психоактивных веществ.

Литература

1. Войцех В.Ф., Гальцев Е.В. Нарушение адаптации и суицидальное поведение у молодёжи // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. №2. С. 17 – 24.
2. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.2. Бланки методик. М.: Когито-Центр, 2007.

Язык как фактор атрибуции вины

Али-заде А.С.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В подготовке обвинительных и оправдательных речей в ходе судебного разбирательства, участники используют разные приемы воздействия на присяжных с целью получения того или иного вердикта. Наряду с юридическими и процессуальными приемами используются и психологические приемы воздействия, в частности влияние на локус атрибуции вины присяжных по отношению к обвиняемому.

Рассматривая язык как один из важных факторов атрибуции вины, мы пришли к выводу, что определенные манипуляции с лингвистическими категориями могут изменять степень абстрактности передаваемого послания и вызывать ошибки атрибуции.

Опираясь на модель лингвистических категорий, предложенной Г.Р. Шеминым и К. Фидлером (Semin G.R., Fiedler K., 1988), включающую в себя глаголы состояния, глаголы действия, интерпретативные глаголы действия и прилагательные, мы предложили следующую гипотезу экспериментального исследования: переход от глаголов действия и интерпретативных глаголов действия к глаголам состояния и

прилагательным в описании поведения обвиняемого становится причиной увеличения уровня абстрактности информации и изменения диспозиции обвинителя. В положении участника обвинитель склонен приписывать вину внешним факторам, а в позиции наблюдателя и взгляда со стороны на преступление наоборот личностным особенностям обвиняемого. Также мы предположили наличие влияния локуса контроля на возможность возникновения ошибок атрибуции.

Целью экспериментального исследования стало выявление влияния лингвистических категорий в тексте на локус атрибуции вины.

В ходе подготовки эксперимента был сформулирован ряд текстовых описаний обстоятельств преступления, в которых варьировались лингвистические категории от менее абстрактных к более абстрактным. Далее эти описания предъявлялись респондентам и предлагалось оценить степень виновности, причастности и ответственности обвиняемого. Для выявления локуса атрибуции вины респондентов использовались оценочные шкалы.

В экспериментальном исследовании принимали участие 80 человек: 57 девушек и 23 юноши. Большинство испытуемых в возрасте от 18 до 23 лет. Средний возраст 21 год. Все испытуемые студенты разных факультетов психологического университета.

Исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Уровень обстоятельственной атрибуции увеличивается при переходе от глаголов действия и интерпретативных глаголов действия к глаголам состояния.
2. Уровень обстоятельственной атрибуции увеличивается при переходе от глаголов к прилагательным.
3. Экстернальный локус контроля испытуемых повышает вероятность мотивационной ошибки (обратный эффект по шкале «степень вины»).

В ходе работы было статистически подтверждено наличие влияния уровня абстрактности в описании преступления на то, как будет приписана вина за последствия деяния и виновность действующего лица или лиц. Кроме того люди в силу различий представлений о вине и ответственности могут показать обратный результат, пытаясь сохранить самооценку и позитивный образ себя.

Специфика социальных представлений молодежи о наркотиках и наркоманах¹

Бовина И.Б. ², Дворянчиков Н.В., Коноплева И.Н.,

Ковалев М.А., Конкин В.Ю.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Наркотики – это полиморфный объект. Говоря о наркотиках, можно различать, с одной стороны, публичную сферу (тогда в фокусе внимания оказывается здравоохранение и правоохранение, ибо употребление наркотиков так или иначе сопряжено с девиантным поведением, с незаконными действиями), с другой – частную (тогда речь идет о стиле жизни, который связывается с потреблением наркотиков). Само же употребление наркотиков – это социальная практика, которая не существует вне социокультурного контекста, в который включены потребители наркотиков, равно как и те, кто их не потребляет [5]. Теорией, которая позволила бы не только учесть сложность этого объекта, но и ответить на ряд вопросов, касающихся этой социальной практики при разработке профилактических мер, является теория социальных представлений [8].

С точки зрения Ж.-К.Абрика, основателя структурного подхода теории социальных представлений, социальное представление (СП) - «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» [2, р.42-43]. СП - это способ видения того или иного аспекта мира, которое трансформируется в суждение и в действие [6].

СП выполняют следующие функции: 1) защитная - трансформация чего-то неизвестного, пугающего, зловещего - в известное [8]; 2) функция облегчения осуществления внутригрупповых коммуникаций; 3) ориентация поведения индивидов по отношению к объекту представлений и оправдание соответствующих социальных отношений; 4) конструирование и поддержание социальной идентичности. В зависимости от контекста первостепенную роль играет та или иная функция СП [3].

Структура СП включает центральное ядро и периферическую систему. Ядро - это стабильная и устойчивая часть СП, оно определяет структуру всего СП и придает ему смысл. Периферическая система конкретизирует значения ядра, связывает его с той ситуацией, в которой вырабатывается и действует СП. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью [2], что позволяет СП адаптироваться к изменяющемуся контексту, защищая не только ядро, но и все СП от изменений. Выявление структуры СП позволяет говорить об особенностях СП в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№12-06-00719а).

² Авторы выражают благодарность и признательность за помощь в сборе данных сотрудникам Фонда А. Рылькова, а также Санникову Александру Николаевичу, Григорьевой Татьяне Анатольевне (наркологический диспансер, г. Москва), Губо Сергею Юрьевичу (наркологический диспансер, г. Раменское).

различных группах молодежи, имеющих опыт употребления наркотиков и не имеющих такого.

В теоретическом плане анализ такого рода позволяет говорить о динамике СП, обусловленный изменением дистанции по отношению к объекту СП, ибо варьирование дистанции по отношению к объекту СП связано с трансформацией реальности, в которой пребывает индивид [4]. В нашем случае – сравнительный анализ СП в группах с различной дистанцией по отношению к наркотикам позволит говорить о том, как трансформируется понимание того, что такое наркотики и кто такие наркоманы в двух группах молодежи. В прикладном плане такой анализ открывает перспективы формулирования рекомендаций по разработке профилактических программ, учитывая трансформацию риска, происходящую в результате принятия психоактивных веществ [7].

Цель настоящего исследования заключалась в изучении особенностей СП о наркотиках и о наркоманах в молодежной среде. **Объектом** исследования были группы молодежи. Выборку составили представители различных групп молодежи с опытом употребления наркотиков¹ (группа 1) и без опыта употребления (группа 2). В исследовании приняли участие 120 человек (38 женщин и 82 мужчины), в возрасте от 16 до 35 лет ($M=23,70$, $SD=4,30$). $N_{\text{группа 1}} = 49$ человек (28 мужчин и 21 женщина), $N_{\text{группа 2}} = 71$ человек (54 мужчины и 17 женщин). **Предметом** исследования явились особенности СП о наркотиках и о наркоманах.

Исходными **предположениями** были следующие:

1. СП о наркотиках будут структурироваться вокруг разных элементов в двух группах респондентов:

1) в группе 1 СП будет формироваться вокруг понятий, связанных с процессом принятия наркотиков, вокруг понятий, указывающих на позитивные эффекты от принятия наркотиков;

2) в группе 2 СП будет структурироваться вокруг элементов, указывающих на внутривенное употребление наркотиков, на негативные последствия употребления наркотиков.

2. СП о наркоманах будут различаться в двух группах респондентов, однако в обоих случаях они будут формироваться вокруг элементов с негативной коннотацией.

Для проверки сформулированных предположений было предпринято исследование, в основе которого лежал метод анкетирования с использованием методики свободных ассоциаций. Последующий прототипический анализ ассоциаций [10] для каждого объекта позволил выявить и описать структуру СП в двух группах респондентов.

Особенности СП о наркотиках в двух группах респондентов. В число элементов *зоны ядра СП* в группе 1 попадают: «вмазаться²», героин, зависимость, ломка, кокаин. В число элементов *периферической системы, составляющих*

¹ Инъекционных и неинъекционных наркотиков

² Сленг, обозначает «произвести инъекцию»

потенциальную зону изменения, входят: болеутоляющее, друзья, где деньги взять, «замут»¹, кайф, музыка, марихуана. Собственно периферическая система СП образована понятиями: смерть, шприц.

Итак, указания на конкретные виды наркотических средств присутствуют в зоне ядра (героин, кокаин), а также в периферической системе (марихуана). В пользу того, что наркотики в значительной степени ассоциируются с внутривенным использованием, говорят элементы: «вмазаться», героин, ломка (элементы зоны ядра), шприц (элемент периферической системы). В зоне ядра также присутствует указание на последствия употребления наркотиков – зависимость, ломка. Указание на позитивные последствия от употребления наркотиков располагаются в периферической системе.

В группе 2 зона ядра СП образована элементами: зависимость, шприц, болезнь. Потенциальная зона изменений СП включает: героин, больные дети, стоп наркотикам, смерть, вред, убивают. Собственно периферическая система СП объединяет элементы: кокаин, разрушение. Элементы зоны ядра конкретизируются за счет элементов периферии: с одной стороны – это указание на последствия приема наркотиков - болезнь, зависимость (в зоне ядра), больные дети, смерть, вред, убивают, болезни, разрушение (в периферической системе). С другой – указание на внутривенное использование наркотиков: шприц (зона ядра), героин (периферическая система).

Элементы зоны ядра СП о наркотиках в этой группе совпадают с элементами СП о наркомании, выявленных в диссертационном исследовании Е.Б.Березиной [1]. Этот факт позволяет говорить об отождествлении объектов представлений.

Сравнение полученных результатов в двух группах свидетельствует о том, что только один элемент – зависимость – совпадает в двух группах. В группе 1 основные темы, вокруг которых формируется СП, таковы: виды наркотических средств, внутривенное использование наркотиков, а также негативные последствия от употребления наркотиков.

В группе 2 – основные темы: негативные последствия употребления наркотиков, а также внутривенное использование наркотиков. Здесь присутствует понятие из медицинского дискурса – болезнь, но не понятия, связанные с указанием на нарушение закона.

Полученные результаты позволяют частично принять наше предположение о специфике СП о наркотиках в двух группах респондентов.

Особенности СП о наркоманах в двух группах респондентов.

В число элементов зоны ядра СП в группе 1 попадают следующие: «торчки»², жалость, зависимый, я сам, друзья, грязь. В число элементов периферической системы, составляющих потенциальную зону изменения, входят следующие

¹ Сленг, обозначает « процесс добычи наркотиков»

² Смыловой нагрузки этот элемент не несет, ибо он синонимичен самому объекту представления, однако его положение в структуре любопытно, ибо указывает на «коды», используемые представителями группы для внутригрупповых коммуникаций.

элементы: несчастные, больные, слабые. *Собственно периферическая система* СП образована понятиями: ломка, потеряли цель, дураки, худые, психи. Основные темы, вокруг которых структурируются СП о наркоманах - отношение к наркоманам: жалость, грязь (зона ядра), несчастные (периферическая система); последствия употребления наркотиков: зависимый (зона ядра), отождествление с наркоманами: я сам и друзья (зона ядра). Таким образом, наркоманы отождествляют себя с группой наркоманов, но высказывают амбивалентное отношение к этой группе.

В зоне ядра в группе 2 располагаются элементы: слабые, больные, жалость, отбросы общества. *Потенциальная зона изменений СП* образована составляющими: психически больные, болезнь, отвращение, зависимый, смерть, проблемы, сострадание. Наконец, *собственно периферическая система СП* объединяет элементы: глупые, преступники. Важное место в СП занимает понятие медицинского дискурса – больные, а понятие юридического дискурса выполняет в представлении второстепенную роль (о чем свидетельствует положение элемента).

Позиция меньшинства здесь выражается элементами с негативно коннотацией – психически больные, болезнь и отвращение. Эмоция отвращения связана, с одной стороны, с избеганием того объекта, который ее вызывает, с другой – по сути – является указанием на что-то аморальное. С точки зрения П.Розина, отвращение – это та эмоция, которая отвечает за чистоту души и тела [9]. Отсюда, можно говорить, что сам факт ассоциирования объекта СП с такой сильной негативной эмоцией указывает на действия в отношении наркоманов, а также – является способом выражения их с точки зрения «моральности - аморальности». Хотя наркоманы и отождествляются с больными, однако в представлениях отсутствуют элементы, которые указывают на физические симптомы болезни. В большей степени СП образовано элементами, указывающими на отношение к больным. Так, если наркотики стали привычным объектом обыденных представлений, то люди, потребляющие их – вызывают достаточно негативные аффективные реакции.

К основным темам, вокруг которых кристаллизуется СП о наркоманах, относятся: 1) психологические особенности наркоманов – слабые (в зоне ядра), глупые (периферическая система); 2) последствия употребления наркотиков: больные (в зоне ядра), в периферической системе она конкретизируется за счет элементов – психически больные, болезнь, зависимый, смерть; 3) амбивалентное отношение к наркоманам – с одной стороны - жалость и сострадание (в зоне ядра и в периферической системе, соответственно), с другой – отбросы общества и отвращение (в зоне ядра и в периферической системе, соответственно).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в зоне ядра и периферической системе СП в обоих случаях практически отсутствуют указания на внешность наркоманов (например, «синяки под глазами» или «гнилые зубы» - соответственно, 537 тыс. и 308 тыс. упоминаний сочетаний в поисковой системе Yandex.ru, 471 тыс. и 301 тыс. упоминаний, соответственно, в поисковой системе Rambler.ru, 105 тыс. и 32 200 упоминаний, соответственно, в поисковой системе Google.ru). Всего лишь одно понятие присутствует в периферической системе у респондентов в группе 1 -

худые, однако расположение понятия в структуре СП указывает на его второстепенную роль. При проведении контент-анализа всех ответов было показано, что внешность наркомана представлена единичными ответами.

В группе 1 – СП о наркоманах структурируется вокруг элементов, указывающих на амбивалентное отношение к наркоманам, последствия употребления наркотиков и отождествление с наркоманами.

В группе 2 – СП о наркоманах структурируется вокруг элементов, которые указывают на психологические особенности наркоманов, последствия употребления наркотиков, амбивалентное отношение к наркоманам.

Итак, сравнение особенностей социальных представлений в двух группах свидетельствует об их различиях (из совпадающих элементов зоны ядра опять же только один элемент – жалость). Расположение этого элемента в зоне ядра указывает на его важность с точки зрения структуры СП. Для респондентов в группе 1 эта реакция может быть проинтерпретирована как солидарность с наркоманами, ибо сами себя они относят к этой группе. В отношении респондентов из группы 2, жалость может возникать как реакция по отношению к неизлечимому больному. Вместе с этим, дополнительный анализ показывает, что понятие «жалость» присутствует одновременно с понятиями, имеющими крайне негативные коннотации («нелюди», «отвращение», «отбросы общества»). Имеющиеся результаты свидетельствуют о том, что нашу гипотезу об особенностях социальных представлений о наркоманах можно принять частично.

Как указывалось выше, в определенном контексте доминирует та или иная функция социальных представлений. Несложно заметить, что в настоящем исследовании, в случае группы 1 можно усматривать преобладание коммуникативной функции представлений, затем представления выполняют остальные функции, в частности, связанные с поддержанием социальной идентичности, с регуляцией социального поведения и социальных отношений. Это наблюдается в случае обоих объектов СП (наркотики, наркоманы). В группе 2 представления выполняют скорее защитную функцию, а также функцию регуляции социального поведения и социальных отношений.

Любопытен также тот факт, что в исследованиях по представлениям о ВИЧ-инфекции и СПИДе в зоне ядре представлений о ВИЧ-инфекции и о ВИЧ-позитивных и больных достаточно устойчиво оказывается элемент – наркоманы [1]. Однако в данном исследовании в зоне ядра такие элементы отсутствовали. Для группы 1 это могло бы быть ожидаемо, ибо игнорирование болезни – по сути – свидетельствует о защитном действии представлений. В группе 2 – этот факт требует дополнительного рассмотрения, что позволило бы говорить о связи представлений.

Наконец, в структуре СП о наркотиках и о наркоманах в двух группах молодежи отсутствуют понятия, указывающие на девиантное поведение, на незаконные действия. Объекты СП вписаны в сферу здоровья и болезни, о чем свидетельствуют элементы зоны ядра. Учет этого факта, видится, важным для разработки концепции профилактических мер.

Литература

1. Березина Е.Б. Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде. Дис. на соиск. степ. канд. психол. наук. М., 2011.
2. Abric J.-C. A structural approach to social representations// Representations of the social: bridging theoretical traditions/ Eds. by K.Deaux, G.Philogène. Oxford, 2001.
3. Bonnac Y. Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales// La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales/ Sous la dir. de S.Laurens, N.Roussiau. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002.
4. Dany L., Abric J.-C. Distance à l'objet et représentations sociales du cannabis // Revue internationale de psychologie sociale, 2007, vol.20, N3.
5. Dany L, Apostolidis T. L'étude des représentations sociales de la drogue et du cannabis: un enjeu pour la prévention// Santé publique, 2002, vol.14, N4.
6. Flament C. Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. P., 2003.
7. Galand C., Sales-Wullemin E. Intérêts de l'étude des représentations sociales de la drogue pour un dispositif de veille sanitaire// Psychotropes, 2009, vol. 15, N3.
8. Moscovici S. The phenomenon of social representations// Social representations: explorations in social psychology. S.Moscovici/ Ed. By G.Duveen, N. Y, 2000.
9. Rozin P., Haidt J., McCauley J. Disgust// Handbook of emotions/ Eds. by M.Lewis, J.M.Haviland, N.Y., 2000.
10. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation// Bulletin de psychologie, 1992, Tome XLV, N405.

Виктимное поведение женщины в механизме супружеского насилия

Вакулич Т.М.

Киевский национальный университет имени Бориса Гринченка (Киев, Украина)

Лефтеров В.А.

Донецкий юридический институт МВД Украины (Донецк, Украина)

Проблема личности относится к числу наиболее сложных, ключевых проблем общественной науки в целом. Именно поэтому становится понятным, насколько необходим социально-психологический аспект изучения личности и разработка на этой основе рекомендаций по предупреждению становления ее на путь возможной жертвы, а также реабилитационных мер, корректирующих и восстанавливающих личностный потенциал. Формирование виктимного поведения женщин в механизме супружеского насилия имеет достаточно высокий уровень латентности, что в свою очередь обуславливает значительные масштабы данного негативного явления.

Современными исследователями, осуществлен теоретический и эмпирический анализ личностных особенностей женщин - жертв супружеского насилия, изучены содержание и генезис специфического для данной категории синдрома избитой женщины (Battered Woman Syndrom), который является результатом постепенной виктимизации женщины агрессивным партнером (Шинкаренко О.Д., 1999).

В результате обобщения многочисленных теоретико-прикладных исследований выделены неадаптивные поведенческие стратегии женщины, которые закрепляют насильственное поведение партнера: следование традиционным установкам касательно своей роли в семье, не принятие во внимание проявлений жестокости до брака или в других сферах жизнедеятельности, прощение насилия или отсутствие реакции на насилие, возвращение к насильственным отношениям после попытки уйти (Савчук О.М., 2002).

Результаты нашей работы и анализ предшествующих исследований, позволяют говорить о взаимообусловленности индивидуально-психологических особенностей виктимных женщин и механизма супружеского насилия. Среди таких особенностей можно выделить следующие: нарушения аффективной сферы («обнубиляция чувств» - затуманивание, непонимание или искаженное восприятие собственных чувств и переживаний: агрессивные тенденции воспринимаются как проявление заботы; эмпатия и желание искренности - как проявление слабости; коммуникабельность и отношения с другими - как собственная неосторожность; тенденция к поддержке со стороны других - как доказательство собственной ничтожности); нарушения когнитивной сферы (сниженная способность к адекватному оцениванию своего и чужого поведения, окружающей ситуации; нарушение границ Эго – принятия суждений партнера-оскорбителя ассимиляции его мыслей к собственному Я-образу, то есть женщина постепенно принимает все образы обидчика, чем усиливает потерю самоуверенности); нарушения и деформированное самовосприятия, заниженная самооценка (состояние обученной беспомощности – страх постепенно иммобилизуют женщину, она больше не верит в то, что имеет право выбора, и поэтому остается в той же ситуации, перестает реагировать адекватно на внешние стимулы, беспомощность и безнадежность, является одной из основных причин того, почему женщина остается в оскорбительных отношениях).

Особую роль в нарушениях когнитивного и аффективного функционирования личности, способствующих принятию на себя роли жертвы, имеет фактор не только физических, но и психологических травм и эмоциональной отчужденности родителей, особенно отца, в детском опыте избиваемой женщины. Причем решающим для виктимизации является не отдельный инцидент, а накопительный эффект, который создает климат и возможности для последующих оскорблений.

Перспективным направлением исследований в данной сфере является изучение психотерапевтической поддержки женщин подвергшихся насилию в семье, которая учитывает присущие им психологические особенности.

Литература

1. Савчук О.М. Последствия супружеского насилия: индивидуально-психологическая перспектива/ О.М. Савчук // Научные записки.– К., 2002.– Т. 20.– С. 118–125.
2. Шинкаренко О.Д. Насилие в супружеской паре: актуальность, опыт и перспективы исследования / О.Д. Шинкаренко// Вестник Харьковского государственного университета – 1999.– №439. – С.308–311.

Исследование психологических особенностей пожилых людей, подвергшихся виктимизации: предварительные результаты

Горфан Я.Ю.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Предотвращение преступлений, совершаемых в отношении старшего поколения, является актуальной задачей. Настоящее исследование нацелено на выявление виктимогенных особенностей личности пожилых людей.

Методики исследования:

- Краткая шкала оценки психического статуса (Mini-Mental State Examination);
- Авторский опросник исследования социально-демографических данных и наличия опыта виктимизации от психологического и физического насилия, мошенничества, имущественных преступлений, финансовой эксплуатации и пренебрежения;
- Методика Дембо-Рубинштейн (авторская модификация);
- Тест М.Куна «Кто я?» (модификация Т.В.Румянцевой);
- Пятифакторный опросник личности (адаптация А.Б.Хромова);
- Анкета, исследующая отношения к стереотипам старости (Ковалева Н.Г., 2001).

Испытуемые: неработающие мужчины и женщины в возрасте старше 60 лет, постоянно проживающие в Москве (N=174). С целью исключения влияния имеющихся у испытуемых когнитивных нарушений на результаты исследования, при анализе не учитывались данные лиц (N=53), набравших менее 24 баллов по Краткой шкале оценки психического статуса, что свидетельствует о наличии у них старческой деменции различной степени выраженности.

Первичная обработка полученных в ходе исследования данных позволила выделить несколько групп испытуемых: в контрольную группу (N=43) вошли лица, не имеющие опыта виктимизации вообще; в группу №1 (N=53) вошли пожилые люди, испытывающие различные формы психологического насилия; группу №2 (N=26) составили люди, считающие себя жертвами мошенничества; в группу №3 (N=15) вошли люди, пострадавшие от краж и ограблений; в группу №4 (N=15) вошли потерпевшие от финансовой эксплуатации; группу №5 (N=18) составили люди, сообщившие о пренебрежении уходом за ними. Кроме того, шестеро испытуемых пострадали от физического насилия. Нами планируется проведение дополнительного исследования с целью увеличения объема данной группы и включения её в общий анализ результатов.

Предварительные результаты. Сравнение контрольной и экспериментальных групп с использованием критерия Манна-Уитни:

- В группах №1, №2, №4 и №5 более высокие показатели интроверсии, эмоциональной неустойчивости и беспечности, и более низкий уровень мечтательности по Пятифакторному опроснику личности, чем в контрольной группе. Группа №3 имеет значимо отличается от контрольной только более высокой эмоциональной неустойчивостью.

- По методике Дембо-Рубинштейн по шкалам «Жильё» и «Счастье» в группах №№1,2,4,5 выявлены более низкие уровни актуальной самооценки, чем в контрольной группе. У групп №№1,3,4,5 снижена актуальная самооценка по шкале «Финансы». По шкале «Здоровье» самооценка снижена в группах №№1,3,5, а по шкале «Уверенность в себе» - более низкая самооценка отмечается в группах №№1,4,5. Группы №1 и №5 имеют заниженную самооценку по шкале «Способности», а по шкале «Характер» показатели снижены только в группе №5.
- По методике «Кто я?» в группах №№1,2,4,5 отмечается большее количество отрицательных оценок и меньшее количество положительных оценок, чем в контрольной группе.

Таким образом, в настоящий момент можно сделать вывод о том, что имеются существенные различия в психологических чертах пожилых людей, подвергшихся различным типам виктимизации и людей, не имеющих такого опыта. Проведение дополнительного исследования и окончательный анализ результатов позволит сделать выводы о том, какие психологические факторы повышают риск виктимизации пожилых людей от жестокого обращения и иных преступных действий.

Литература

1. Ковалёва Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие//Социс. 2001. №7
Электронная версия: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/07-2001/012Kovaleva.pdf>

Семейное насилие глазами детей: эмпирическое исследование

Гриднева С.В., Ташёва А.И.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Отсутствие современной теоретической основы рассмотрения проблемы насилия в семье с психологической точки зрения не позволяет создать эффективные подходы к профилактике и коррекции проявления насильственных форм выражения агрессии в семье. Особое значение в этих условиях приобретают социально-перцептивные исследования проблемы насилия у детей дошкольного возраста.

Авторами предпринят опрос 479 дошкольников с помощью детского варианта авторской анкеты А.И.Ташёвой на исследование насилия в семье.

Опрос проводился в ДОУ №№ 116, 237, 291, в СПК «Начальная школа – детский сад» «Лукоморье» (г.Ростов-на-Дону) в 2007-2012 годы. Достоверность полученных результатов определялась с помощью многофакторного дисперсионного анализа Фридмана и корреляционного анализа (коэффициент корреляции r^2 при уровне достоверности $p < 0,05$ и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Статистически достоверно показано, в процессе развития у детей формируются два относительно самостоятельных понятийных блока представлений о насилии в семье. Первый возникает на базе абстрактных содержательных характеристик, описывающих насилие в терминах, отстраненных от реального опыта семейных отношений («убийство», «драки бандитов», «изнасилование»), что связано с

усвоением детьми социальных стереотипов и общекультурных представлений о подобном виде поведения.

Второй блок представлений о семейном насилии формируется на основе конкретного опыта семейных отношений и усвоения детьми доступных их непосредственному наблюдению паттернов инструментального использования отдельных элементов поведения насилия, известных детям по абстрактным понятиям из первого блока. Другими словами, через опыт семейных отношений в сознании детей происходит конкретизация общих абстрактных представлений о насилии. Это особенно заметно при сравнении семантического пространства понятия «насилие» в основной и контрольной группах. У детей с опытом жертв домашнего насилия доминирует представление о насилии как рукоприкладстве и моральном подавлении. Дети без опыта насилия чаще воспринимают его как убийство или изнасилование, совершаемые чужими людьми над посторонними для них людьми.

Опыт семейной жизни дает детям и нормативные образцы инструментально-целевого использования актов насилия в различных ситуациях межличностного взаимодействия; развивает у них устойчивость к восприятию и переживанию эмоциональных и физических последствий поведения насилия; задает способы его причинно-следственного обоснования.

Система тоталитарного воспитания, рассматривающая насилие и принуждение в качестве наиболее эффективного средства социализации детей, формирует восприятие насильственных действий как главного источника порядка, стабильности, наиболее действенного способа утверждения нормативного поведения и решения конфликтов.

Осуществление насилия значимым взрослым (родителем, другим родственником) приводит к созданию у ребенка положительного образа насильника и к ценностному оправданию насильственных действий, что может формировать «двойной» стандарт восприятия насилия. По сути, дети-жертвы семейного насилия не воспроизводят нейтрального образа насильника, а исключительный случай негативной генерализации восприятия отца, совершающего насильственные действия по отношению к ребенку, вытесняется из сознания последнего либо ребенок все-таки находит положительные качества папы: «Он добрый, но бывает злой».

Эмпирические данные позволяют утверждать, что дети в результате оперантного научения не просто воспроизводят формальную сторону пережитого опыта жертвы семейного насилия, а усваивают его сущность и инструментально-целевое содержание, что позволяет им осознанно выбирать различные формы осуществления насилия в собственном опыте общения со сверстниками в зависимости от контекста ситуации и целей своего поведения.

Перспективы развития психологического портретирования в рамках теории деятельности

Гриценко А.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Психологическое портретирование – это метод составления комплексной характеристики человека, содержащей описание его внутреннего склада и возможных поступков в определенных значимых обстоятельствах. (Бондаренко С. В., Пашина Т. С., 2006)

Наиболее широкое распространение метод психологического портретирования получил в таких отраслях психологии, как клиническая психология, педагогическая психология, политическая психология, психология управления, юридическая психология.

Стоит обратить особое внимание на возможность построения психологического портрета человека, которого психолог не знает и никогда не видел. На первый взгляд не понятно, зачем ставить такую задачу, куда проще провести психодиагностические тесты, беседы и составить портрет. Однако существует ряд сфер деятельности человека, в которых прямой контакт исследователя с объектом невозможен. Такие как изучение исторической личности, личности политика, или, наконец, преступника скрывшегося с места преступления.

Метод психологического портретирования неизвестного преступника на основании анализа продуктов деятельности и реконструкции процесса деятельности мог бы оказать серьезную помощь следственным органам в поимке преступника и предотвращении его дальнейших криминальных действий.

С сожалением приходится признать, что задача создания подобного метода в России на данный момент решена не на сто процентов. В силу того, что специалистам-психологам редко удается участвовать в расследованиях, как правило, информация о деле к ним попадает, когда преступник уже пойман и от психолога требуется судебно-психиатрическая экспертиза, наработки наших исследователей в области составления портрета неизвестного преступника большей частью основаны на материалах преступлений, которые происходили десятилетия назад еще в СССР (Образцов В. А., Богомолова Н. Н., 2002).

Однако стоит признать, что в США такие методы существуют и активно внедряются в работу следственных органов. Их история изучения данного вопроса насчитывает десятилетия, и базируются на изучении множества дел серийных преступников, определенным образом категоризированных данных по этим делам (Richard N. Kocsis, 2006).

Опыт зарубежных коллег может быть полезен, однако существуют определенные сложности в адаптации разработанных ими методов.

Особый интерес могут представлять критерии описания неизвестного преступника, например такие, как: как возраст и пол, профессиональная сфера, семейные характеристики, привычки, внешний вид.

Кроме того, следует ориентироваться на используемую за рубежом схему анализа преступления.

Однако в силу различий в социальных, демографических, экономических и др. между нашими странами возникает невозможность использования базы данных США.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в основе метода психологического портретирования на Западе лежит поведенческая психология.

Знания о закономерностях развития личности служат отправным пунктом для конструирования и применения психодиагностических методов, а также для интерпретации психодиагностической информации. Диагнозы и прогнозы относительно индивидуальных свойств личности и личности в целом обладают более высокой степенью достоверности, если они строятся на основе определенной теории личности. Таким образом, возникает еще одна проблема в том, чтобы заняться адаптацией западных методик, непосредственно связанная с переосмыслением А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном предмета психологии и введением понятия деятельности, которое шире понятия поведение.

Поэтому нам представляется наиболее целесообразным работать в рамках отечественной психологии. Это особенно важно, потому что исследования отечественных психологов основываются на принципах единства сознания и деятельности, общего строения внешней и внутренней деятельности, взаимосвязи значения и личностного смысла. Именно такая теоретическая база позволит преодолеть проблему, выделенную Н.В. Дворянчиковым и О.А. Логуновой в статье «К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы». Авторы отмечают, что между объективной реальностью события преступления и субъективной реальностью личности преступника нет прямой причинно-следственной связи. Успешность деятельности по психологическому портретированию неизвестного преступника во многом определяется знанием характера опосредованного влияния личностных факторов на формирование мотивации и механизма криминального поведения, что не учитывают существующие методы портретирования.

Литература

1. Бондаренко С. В., Пашина Т. С. Психологическое портретирование личности преступника. Материалы X региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». СевКавГТУ, 2006.
2. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы// Психологическая наука и образование, 2010/.
3. Образцов В. А., Богомолова Н. Н. Криминалистическая психология. Издательства: Юнити-Дана, Закон и право, 2002 г.
4. Ракитянский Н.М. Психологическое портретирование в политической практике. М.: «Интерпресс», 2008.
5. Рубинштейн С.Л. «Основы общей психологии». - М.: Педагогика, 1989. Т. 1

6. Kocsis R. N. Criminal profiling: principles and practice; 2006.

Особенности социальных представлений о сексуальном насилии над детьми

Гутник А.Д.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Сексуальное насилие над детьми – достаточно актуальная проблема в наше время. Сексуальные злоупотребления детьми характеризуются следующими формами:

- откровенным насилием над детьми;
- сексуальной эксплуатацией ребенка;
- понуждением ребенка к совершению действия сексуального характера против желания ребенка;
- добровольный секс с ребенком, находящимся в допубертатном или раннем пубертатном возрасте.

Все вышеперечисленные способы сексуального злоупотребления детьми не только противоречат законодательно охраняемым морально-нравственным нормам социума, но и имеют важное значение для дальнейшего развития психики ребенка, оказывают на него виктимизирующее влияние, а порой и криминализируют данного ребенка.

Гипотезы нашего исследования были следующими:

- у мужчин и у женщин будет четко сформирован образ педофила в виду актуальности данной темы в СМИ;
- мужчины будут отстранять от себя образ педофила;
- женщины будут отождествлять себя с ребенком и, соответственно, с жертвой.

Предметом исследования являлось изучение обыденных представлений о педофилах.

В роли объекта исследования выступали социальные представления о педофилах.

Цель исследования:

- выявить различия в представлении мужчин и женщин о педофилах.

Задачи исследования:

- 1) исследовать социальные представления о педофилах;
- 2) провести сравнительный анализ социальных представлений мужчин и женщин о педофилах.

В исследовании участвовали 50 человек: мужчины и женщины в возрасте от 16 до 25 лет.

Основным методом исследования было избран опрос. Опросник состоял из трех частей. Для выявления представлений о педофиле и жертве использовалась методика свободных ассоциаций. Испытуемых просили назвать по пять ассоциаций с объектами «педофил» и «жертва». Во второй части опросника испытуемым предлагалось заполнить модифицированную методику МиФ (объекты оценивания –

педофил, жертва, мужчина, женщина, ребенок, я сам). Испытуемым также задавался ряд социально-демографических вопросов.

В результате анализа ассоциаций по указанному критерию для каждого объекта была выявлена и описана структура представления по каждой группе испытуемых.

В результате проведенного исследования следует отметить, что объект педофил вызывает сильные эмоциональные реакции, как у мужчин, так и у женщин. У мужчин образ педофила недостаточно сформирован, о чем говорит количество элементов в зоне ядра по предъявленному стимулу. Стоит отметить, что 90% зоны ядра занимают бранные слова.

У женщин же в образе педофила предстает мужчина, одержимый, вызывающий такую эмоциональную реакцию как страх, деяния которого сопровождаются жестокостью. Образ педофила у женщин четкий и сбалансированный.

Опрашиваемые мужчины считают себя более маскулинными, нежели педофилы, последние же, по мнению респондентов, обладают в большинстве своем фемининными характеристиками. Таким образом, работает защитная реакция «Я не педофил», что дополняется отсутствием четкости и достаточной сформированности представлений о педофиле.

Женщины же идентифицируют педофила с мужчиной, приписывая обоим объектам в большей степени маскулинные характеристики, что так же прослеживается и в предъявлении ассоциативного ряда. Следует обратить внимание, что женщины приписывают маскулинные характеристики и себе и ребенку, в то время как жертве – более фемининные. При этом значимых различий между объектами я сама и ребенок обнаружить не удастся.

Криминально-психологическая классификация групповых сексуальных преступлений несовершеннолетних

Дзюман Е.М., Михайлова О.Ю.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Механизмы объединения несовершеннолетних в группу, психология внутригруппового общения и мотивы, побуждающие подростка к вступлению в ту или иную группу, исследовались в течение всего XX века, этой проблематике посвящено много работ и создано множество теорий. Немало исследований посвящено и изучению закономерностей формирования и функционирования асоциальных, делинквентных и криминогенных групп несовершеннолетних. В то же время следует отметить, что в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, большинство работ посвящено либо сексуальному поведению несовершеннолетних, причем преимущественно рассматриваются вопросы, касающиеся насилия в отношении несовершеннолетних, либо групповому девиантному поведению несовершеннолетних.

Традиционно в литературе преступные группы, встречающиеся в современной следственной практике, разделяются на несколько видов (или типов) по уровню организованности, что мало говорит об их психологических характеристиках.

Совершение именно групповых сексуальных преступлений для несовершеннолетних обладает рядом преимуществ, которые и определяют распространенность такого рода преступлений (Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б., 2009). Во-первых, благодаря совместным групповым действиям достигается цель, достижение которой было бы затруднительным в силу того, что несовершеннолетние, по сравнению со взрослыми, не обладают достаточной физической силой и сексуальным опытом, чтобы в одиночку сломить сопротивление жертвы. Во-вторых, социальная поддержка с стороны других членов группы придает несовершеннолетнему смелость в осуществлении сексуальных и агрессивных действий, на которые он не решился бы самостоятельно. В-третьих, присутствие соучастников позволяет несовершеннолетнему продемонстрировать перед ними свою мужественность и сексуальную опытность, что в подростковых группах оказывает положительное влияние на социальную оценку и групповой статус. В-четвёртых, совершение преступления в группе создаёт у подростка иллюзию снижения или отсутствия возможной ответственности за преступление. И, наконец, в-пятых, для некоторых преступников групповая форма удовлетворения потребностей является дополнительным сексуальным стимулятором, а в дальнейшем может становиться и исключительной формой реализации сексуальных потребностей.

Одно из направлений исследований психологических механизмов групповых сексуальных преступлений несовершеннолетних ориентировано на построение типологии таких групп. Следует отметить, что предлагаемые типологии построены на различных основаниях, иногда даже в рамках одной типологии, и в большинстве своем не являются исчерпывающими.

Представляется возможным и наиболее эффективным разделить групповые сексуальные преступления по основному реализуемому в них психологическому смыслу на четыре вида:

1. Совершаемые для удовлетворения сексуальных потребностей, развлечения, разрядки, как вид «отдыха». В данном случае действительной целью таких преступлений является изменение состояния членов группы.

2. Как вид групповых ритуалов (инициации нового члена в группу, подтверждения группового статуса или своей лояльности группе) с целью повышения сплоченности группы или воздействия на отдельных ее членов.

3. Как форма наказания жертвы, месть жертве. В данном случае жертва может «наказываться» как за собственное поведение, так и выступать в качестве большей или меньшей степени деперсонифицированного «символа», который подлежит наказанию.

4. Сексуальные преступления как способ деструктивного психологического воздействия на жертву с целью дальнейшего управления ее поведением и

использования ее в преступных целях (принуждение к занятию проституцией, соучастию в преступной деятельности и т.п.).

Разделяя рассматриваемые групповые преступления несовершеннолетних по основному реализуемому в них психологическому смыслу, разумеется, следует учитывать, что состав и приоритеты преследуемых целей у отдельных участников группы могут и не совпадать. Тем не менее, на наш взгляд, выделение доминирующего психологического смысла групповых сексуальных преступлений несовершеннолетних является конструктивной основой для дальнейшего психологического анализа предыстории преступления и совершившей его группы, механизмов включения и участия отдельных её членов, прогнозов дальнейшего динамики группы, ожидаемых деликтов, последствий для личностного развития каждого из участников сообразно их позициям в группе и ролям в совершённом деликте.

Готовность к риску, рискованное поведение, криминальное действие – проблема соотношения понятий

Жарков Г.В

Владимирский государственный университет (Владимир)

Психология риска – в современной западной психологии достаточно активно развивающееся самостоятельное направление психологической науки. В России же рискология развивается в основном в рамках социологии и культурологии. В юридической психологии анализ случаев нарушения правовой нормы с точки зрения риска практически никогда не проводится, хотя, на наш взгляд, это может значительно индивидуализировать меры воздействия и профилактики, а так же уточнить ответы на многие экспертные вопросы.

Фактически существует две методологические парадигмы исследования риска. Первая понимает риск как определенный путь достижения той или иной осознаваемой выгоды, предполагающий более или менее осознанную (и более или менее успешную) оценку вероятностей наступления желаемого результата. Уголовное законодательство усвоило только этот подход к риску (ст. 41 УК РФ).

Второй подход к риску (сторонниками которого мы являемся) состоит в том, что риск является, прежде всего, реализацией определенной личностной черты – готовности к поиску ощущений, переживаний (М. Цукерман), надситуативной активности (В.А. Петровский).

Таким образом, к рискованным практикам следует относить такие виды поведения и деятельности, которые:

1. с высокой долей вероятности могут привести к травме или смерти (физический риск);
2. или создавать угрозу потери личностью своего социального статуса и места в группе или сообществе (социальный риск);
3. субъект должен знать о негативных последствиях своих действий;

4. при этом, если негативные последствия рискованной практики известны и доступны, то ее позитивный эффект либо субъективен, либо субкультурно мифологизирован (то есть с социально-психологической точки зрения рискованная практика всегда представляет собой некий ритуал, призванный обеспечить сплоченность группы и повысить/утвердить статус субъекта в нем).

Таким образом, мы можем утверждать, что рискованная практика не отвечает таким важнейшим критериям оценки криминального характера действия, как осознанно контролируемого, запланированного и целенаправленного. К тому же, в рискованных практиках мы имеем дело с классическим примером сдвига цели с результата на процесс. Следовательно, в этих практиках мы не можем говорить о нанесении вреда другой личности/группе или их интересам как цели совершаемых действий.

Профилактика негативных последствий рискованных практик также должна иметь свою специфику. Как показали проведенные нами исследования, простое информирование о возможных негативных для здоровья или социального статуса последствиях не приводит личность к отказу от них. Более того, в том случае, когда личность через рискованные практики реализует свою надситуативную активность, предупреждение о возможных санкциях носят прямо провоцирующий характер (особенно ярко это проявилось во время несанкционированных политических акций 2011/2012 годов).

В западной психологии рискованные практики уже на протяжении десятилетия рассматриваются, прежде всего, как ресурс личностного развития, предотвращение же их негативных последствий должно идти не через криминализацию, а через выработку системных мер общественного регулирования, позволяющих личности реализовать свою готовность к риску и надситуативную активность в социально приемлемых формах деятельности.

Психологические особенности и реакции больных, получивших сочетанную и множественную соматическую травму в результате противоправных действий

Захарченко Д.А.

Московский городской психолого-педагогический университет

Дозорцева Е.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Проблема политравм в настоящее время является чрезвычайно острой вследствие своей социальной значимости – как правило, такого рода травмы получают мужчины молодого и среднего возраста, причём в 15-25% случаев повреждения приводят к стойкой утрате трудоспособности. Подобные травмы, а также процесс их лечения являются причиной тяжёлых переживаний у пострадавших (M. Mohta et al., 2003). S. Islam и соавт. (2012) также отмечают важность роли

атрибуции вины за происшедшее у больных с повреждениями лица и специфическое значение данного фактора у тех, кто пострадал в результате нападения. По данным В.А. Соколова (2006), в последние 10-15 лет количество политравм, полученных в результате нападений, резко возросло.

Нами было проведено исследование на базе НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. Всего было исследовано 40 человек. В основную группу (N=20) вошли пациенты мужского пола, получившие травму в результате противоправных действий. Группу сравнения (N=20) составили мужчины, пострадавшие по неосторожности. Пациенты, получившие тяжелые черепно-мозговые травмы или страдающие психическим расстройством, в исследовании участия не принимали.

Для выявления психологических особенностей и реакций больных были применены следующие методы: беседа, анализ медицинской документации, психодиагностические опросные методики (опросник депрессивности Бека, шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросник агрессивности Басса-Перри). Для проверки достоверности различий между полученными количественными показателями в группах использовался U-критерий Манна-Уитни.

Мы предположили, что больных из основной группы отличает более высокий уровень депрессивности, тревожности и агрессивности. Также мы ожидали, что существует связь между психологическим состоянием больных и атрибуцией вины за происшедшее (обвиняющие других людей больные пребывают в менее благополучном состоянии).

Нами не было выявлено различий между показателями депрессивности (в том числе, учитывая тяжесть соматических повреждений, и отдельно по когнитивно-аффективной шкале опросника Бека) и тревожности в двух группах. Однако получены данные, позволяющие утверждать, что показатели агрессивности в основной группе являются значимо более низкими, чем в группе сравнения. При этом результаты в основной группе являются менее сбалансированными.

Исследуя атрибуцию вины, мы разделили больных на три категории: обвиняющие себя, обвиняющие других людей, обвиняющие Бога или обстоятельства. Первые два варианта рассматривались нами как противоположные. Результаты, полученные в основной группе, свидетельствуют, что обвиняющие других людей пациенты чаще демонстрируют депрессивные реакции и являются более агрессивными.

Таким образом, больных, получивших политравму в результате противоправных действий, отличает относительно низкий уровень агрессивности. Вместе с тем в этой категории пациентов более агрессивными и в то же время демонстрирующими более интенсивные депрессивные переживания являются больные, обвиняющие в происшедшем других людей.

Необходимо дальнейшее исследование обозначенной проблематики в целях разработки программ психологической реабилитации больных с политравмой, пострадавших в результате нападения.

Литература

1. Соколов В.А. Множественные и сочетанные травмы. Практическое руководство для врачей-травматологов. – М.: ГОЭТАР, 2006.
2. Islam S., Cole J.L., Walton G.M., Dinan T.G., Hoffman G.R. Does attribution of blame influence psychological outcomes in facial trauma victims? // Journal of Oral Maxillofacial Surgery. – 2012. – №70(3).
3. Mohta M., Sethi A.K., Tyagi A., Mohta A. Psychological care in trauma patients // Injury. – 2003. – №34(1). – 17-25.

Специфика адаптационных алгоритмов инокультурных мигрантов в принимающем сообществе: психолого-правовой аспект

Константинов В.В.

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
(Пенза)

Интенсификация миграционных потоков в регионы Среднего Поволжья обуславливает прогрессивную динамику роста этнических конфликтов в условиях взаимной социально-психологической адаптации мигрантов и доминирующей группы. Принимая во внимание то, что на территории Пензенской области проживают мигранты с различным гражданским статусом – нелегалы, легальные иммигранты, мигранты, уже получившие российское гражданство; выходцы из стран дальнего и ближнего зарубежья; люди с разным уровнем образования и культуры, исследование основных механизмов адаптации и интеграции мигрантов в условиях инокультурной среды, а также факторов, оказывающих влияние на эти процессы приобретает особую актуальность.

В этой связи нами было проведено эмпирическое исследование, в котором рассмотрены алгоритмы адаптационных стратегий и факторы, обуславливающие специфику механизмов межэтнического взаимодействия мигрантов и представителей принимающего сообщества в условиях поликультурности региона. В исследовании приняли участие 260 инокультурных мигранта и 258 русских респондентов (коренные жители). Выборка является репрезентативной и соответствует основным социально-демографическим показателям генеральной совокупности.

Обобщая результаты исследования, мы заключаем, что существуют выраженные различия выбора алгоритмов адаптационных стратегий и уровней воспринимаемой дискриминации инокультурных мигрантов и доминирующей группы. Анализ результатов позволяет говорить о рецептоктности выбираемых респондентами адаптационных моделей. Так на территории Пензенской области, наиболее предпочитаемой стратегией межэтнического взаимодействия, как среди местного населения, так и среди мигрантов является стратегия интеграции, способствующая успешной взаимной социально-психологической адаптации. Однако более половины выборов приходится на стратегии по типу ассимиляции, маргинализации и сепарации, которые согласно классификации Дж. Берри относятся

к негативным адаптационным стратегиям, затрудняющим толерантное межэтническое взаимодействие. Корреляционный анализ данных уровня воспринимаемой дискриминации и адаптационных стратегий показал, что чем выше уровень воспринимаемой дискриминации мигрантов/принимающего населения, тем более выражены стратегии по типу ассимиляции и сепарации. Низкий уровень воспринимаемой дискриминации положительной коррелирует со стратегией интеграции. Важно отметить, что высокий уровень воспринимаемой дискриминации характерен для 57% этнических мигрантов и 53% представителей коренного местного населения. Полученные результаты свидетельствуют о тенденциях мигрантофобии со стороны доминирующей группы, и возникновению установок препятствующих мультикультурализму у выходцев из стран ближнего и дальнего зарубежья. На наш взгляд полученные результаты во многом объясняются не только содержательными психологическими конструктами, но и факторами внешней социальной среды. Так, статистические данные административных и уголовных правонарушений со стороны мигрантов, свидетельствует о том, что в период с 2008 по 2011 гг. наблюдается позитивная динамика сокращения нарушений наряду со снижением миграционного прироста.

Таблица 1. Количественные показатели миграционных потоков, административных правонарушений и уголовных преступлений в период с 2008 по 2011 гг.

годы	Поставлено на миграционный учет всего	административные правонарушения	уголовные преступления
2008	32036	2858	154
2009	32697	2806	147
2010	26645	2449	165
2011	28277	2338	115

Однако, из табличных данных видно, что административные правонарушения ежегодно по-прежнему совершают более двух тысяч мигрантов, уголовные преступления – более 100 представителей ближнего и дальнего зарубежья. Подобные тенденции способствует росту межэтнической напряженности, возникновению этнических конфликтов. Поэтому, одной из приоритетных задач региональной миграционной политики становится разработка комплекса мер по предупреждению, и предотвращению тенденций мигрантофобии, а также разработки адаптационных программ по формированию установок на мультикультурную идеологию. В этой связи особое значение приобретает организация психологического сопровождения адаптационного процесса мигрантов после переезда на новое место жительства.

Социально-психологические факторы, детерминирующие возникновение насилия в семье

Овсянникова Я.А.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Насилие в семье одна из острых проблем современного общества. В настоящее время семейное насилие в той или иной форме имеет тенденцию к увеличению и проявляется в каждой четвертой семье. Заметим, что случаи насилия над ребенком или подростком происходят и в традиционно неблагополучных, и во вполне обеспеченных семьях. Конечно, этой проблеме государственными органами уделяется определенное внимание, но этих мероприятий, как мы видим недостаточно.

Хотелось бы отметить, что существует множество причин и факторов, вызывающих или влияющих на проявления насилия над детьми и подростками в семье. Рассмотрим наиболее распространенные из них:

➤ наличие внешних стрессов. Насилие над детьми и подростками тесно связано с социальным стрессом в семье и обществе. Среди множества проблем, которые могут повысить уровень напряженности и привести к жестокости, следует назвать, финансовые затруднения, безработица, необходимость в долговременной медицинской помощи, неудовлетворительные жилищные условия (Савченко А.П., 2009). А также отсутствие социальной помощи от государства и от общественных организаций (Малкина-Пых И.Г., 2005);

➤ социальная и психологическая декомпенсация в результате внешних воздействий, превышающих пределы личностной устойчивости индивидов, вынуждает некоторых из них искать заместительной компенсации своей неудовлетворенности дома, на работе, в общественной жизни, самоутверждаясь за счет более слабых, неспособных дать отпор и защитить себя (Алексеева И.А., 2005);

➤ насилие может иметь социокультурную природу, быть неотъемлемой частью стереотипных представлений о сущности семейных взаимоотношений, воспринятой с воспитанием;

➤ жестокое обращение с детьми и подростками может быть результатом личного жизненного опыта родителей, которые пережили сами в детстве насилие со стороны взрослых;

➤ личностные характеристики обидчика, например, депрессивность, импульсивность, агрессивность, тревожность, а также индивидуальная психопатизация личности, алкоголизм и наркомания родителей или неадекватные навыки разрешения конфликтов, патологическая ревность и др.

В тоже время определенные характерные черты ребенка, такие как постоянные претензии и жалобы, также могут способствовать жестокости по отношению к нему со стороны родителей (Алексеева И.А., 2005).

Отметим, что ни на один из перечисленных факторов нельзя возложить ответственность за данное явление. И какими бы они ни были, насилие всегда влечет

за собой отрицательные последствия, с которыми жертва чаще всего не в состоянии справиться самостоятельно.

Психологическая помощь жертвам насилия должна осуществляться с учетом возрастного, физического и психического развития ребенка, состояния физического и психического здоровья, вида перенесенного насилия, силы переживания травматического опыта. Стратегии помощи обязательно должны соотноситься с умениями и способностями, связанными с развитием ребенка. Психологическая помощь обязательно должна включать технологии работы с родителями.

Хотелось бы отметить, что профилактика внутрисемейного насилия предполагает, во-первых, точную диагностику причин и факторов семейного насилия специально подготовленными лицами; во-вторых, сочетание принуждения с мерами поддержки и помощи, в том числе материальной и медицинской; в-третьих, участие в такой работе, как правоохранительных органов, так и медицинских учреждений, общественных органов, трудовых коллективов.

Литература

1. Алексеева, И.А. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь / И.А. Алексеева, И.Г. Новосельский. - М.: Генезис, 2005. - 256 с.
2. Малкина-Пых, И.Г. Экстремальные ситуации / Ирина Германовна Малкина – Пых. – М.: Изд-во Экмо, 2005. – 960с.
3. Насилие в отношении детей и подростков: трагедия личности и общества : [издание для педиатров, детских психиатров, психотерапевтов, психологов, социальных работников, педагогов, правозащитников] / А.П. Савченко, А.Ю. Лихачёва, Е.В. Стеньшинская, А.П. Швырёв. – Воронеж, 2009 – 78 с.

Мошенничество. Бесконечный путь совершенствования технологий обмана

Онищенко О.Р.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

Преступный мир осваивает новые пространства и технологии порой более стремительно, чем те, кто противостоит ему. Мошенничество занимает в этом ряду особое положение, ввиду устойчивого роста числа преступлений и материального ущерба, причиненного им. Масштабы данного преступления не всегда оцениваются ввиду его высокой латентности как естественной, так и искусственной. Так, по данным лаборатории изучения латентной преступности, коэффициент латентности мошенничества составляет 7,4 (Иншаков С.М., 2011).

С позиций психологии мошенничество значимо для исследования в разных направлениях: личность преступника (характеристические и иные особенности); личность жертвы (ее виктимность); механизм совершения преступления: методы и приемы воздействия на жертву.

Мошенничество претерпевает некоторые изменения, становясь более сложным, оснащенным современными, в том числе психологическими технологиями. Основные способы, известные последние сотни лет дополняются новыми приемами. Обман

камуфлируется при помощи интерактивного, виртуального общения, когда нет необходимости в непосредственном прямом контакте в системе «мошенник-жертва».

Таким образом, на поверхности оказывается новый по форме, но прежний по содержанию вид скрытого психологического воздействия. Это в первую очередь касается психологического воздействия, применяемого посредством сети Интернет.

Интересным с позиций виктимологии является деятельность некоторых финансовых пирамид, в том числе активно развивающейся сети, тождественной по названию известной пирамиде 90-ых годов. Не будучи признанной преступной в судебном порядке, указанная схема вызывает много вопросов правового характера. Сохранив суть и замысел обогащения одних за счет привлечения других, организаторы изменили приемы воздействия на аудиторию. Главным способом, как донесения информации, так и реализации взаимодействия между участниками стал Интернет. Следует отметить, что данное обстоятельство усиливает воздействие и многократно увеличивает количество участников. Кроме того, данный ресурс дает ученому дополнительные возможности исследования — информационные ресурсы сайтов, видео-материалы с общедоступных видеохостингов, отзывы, форумы, представляется возможным он-лайн интервьюирование участников пирамиды.

При изучении указанных ресурсов в открытом доступе можно выделить методы и способы скрытого психологического воздействия. Так, страницы сайтов камуфлируются за аскетичным оформлением, текстами простыми по содержанию и внешне открытыми. За такой простотой текстов кроется определенный императив, за доступностью — пошаговая инструкция. Деятельность участников пирамиды облекается в форму некоей философии — взаимной помощи, глобального изменения мира и проч. Следует отметить, что глагол - «помогать» достаточно часто встречается в протоколах допроса по делам о мошенничестве — «они обратились ко мне за помощью, и я откликнулся», «я таким образом помогал им решить вопросы с недвижимостью», «он помогал нам» и т.д. Подобная подмена понятий прослеживается и при назывании полученного материального вознаграждения участников, именуемое «выигрышем».

Предложенная схема предполагает размытые границы между позицией жертвы (потерпевшего) и собственно обманывающего (мошенника). Можно предположить биполярность социальных ролей, когда одно и то же лицо, в зависимости от положения в иерархии системы и времени вступления в нее становится то жертвой, то обманывающим. Кроме того, потенцируется игровой мотив, искусственно усиливается азарт участника.

Нерешенным (на уровне беглого исследования) остается вопрос отсутствия научения экономическому поведению у ряда граждан, потерявших материальные средства в одних мошеннических схемах и вновь вступающих в подобное взаимодействие. Речь может идти о подобии «стокгольмского синдрома» при экономических преступлениях.

Таким образом, для профилактики и предупреждения мошеннических посягательств помимо криминологических знаний следует привлекать

психологические исследования, ориентированные на более глубокое изучение взаимодействия между потерпевшим и преступником, способы воздействия на жертву.

Литература

1. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности // Под ред. С.М. Иншакова, М.: ЮНИТИ, 2011, С. 237.

О состоянии нормативно-правового регулирования вопросов защиты субъектов образовательных отношений от насилия

Пимонов В.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Из предпринимаемых шагов в сфере нормативно-правового регулирования вопросов противодействия насилию в отношении субъектов образовательных отношений выделяются два конструктивных: правоприменение и нормотворчество.

Вместе с тем в сфере правоприменения есть существенные недоработки. В частности, не дана качественная и достоверная картина причин насилия в образовательной среде, а потому и не выработан единый государственный подход к решению проблемы противодействия данному явлению. Также остаются нереализованными положения Доктрины информационной безопасности, предусматривающей разработку специальных правовых и организационных механизмов контроля за оборотом информационной продукции, используемой для обучения и воспитания учащихся несовершеннолетних в образовательных учреждениях. Большинство такой продукции, особенно компьютерных программ, не оценивалась специалистами на предмет безопасности ее использования в образовательных учреждениях.

Нормотворческая деятельность в данной сфере часто осуществляется без учета мнения специалистов в области психологии, права и педагогики. При этом на первый план выдвигаются от имени большинства требования усилить репрессии в отношении как учащихся, допустивших насилие в отношении педагогов, так и наоборот – педагогов, совершивших противоправные действия в отношении несовершеннолетних. Репрессивные меры предлагаются как в сфере уголовной политики, так и в части продолжающегося дискурса о ювенальной юстиции. Например, продолжается дискуссия о снижении возрастных порогов уголовной ответственности до 12 лет. Соответствующий законопроект может появиться в Государственной Думе уже в конце 2012 года.

Принимаются новые законы, многие из которых порождают бурные дискуссии в обществе, влекут за собой негативные криминологические, психологические и социальные последствия. Так, без учета мнения психологов, юристов, педагогов и медиков были приняты поправки к статьям 134, 135 УК РФ. Согласно этим поправкам установлена ответственность за половые контакты взрослых с детьми по взаимному согласию, что нивелирует степень общественной опасности таких

преступлений и окончательно дезориентирует и без того крайне хаотичную следственно-судебную практику.

Явно перестарался законодатель, когда защищая детей от насилия установил в ст. 351.1 Трудового Кодекса РФ пожизненный запрет на занятие трудовой деятельностью в сфере образования для лиц когда-либо привлекавшихся к уголовной ответственности. В итоге применения данного закона фактов насилия над детьми не стало меньше, зато были уволены тысячи работников образовательных учреждений, которые много лет назад привлекались к ответственности за незначительные деяния.

Юридическая психология не только может, но и должна оценивать принимаемые нормативно-правовые акты, призванные обеспечить защиту как учащихся так и педагогов от различных форм насилия.

К сожалению, в настоящее время отсутствуют официальные способы обращения субъектов законодательной инициативы к психологам за получением научной экспертизы того или иного законопроекта. Однако это не исключает добровольного участия в обсуждении проектов нормативно-правовых актов по усмотрению самих психологов.

Кроме того, более или менее реальными остаются следующие организационно-правовые меры, в числе которых:

1. в области образовательной политики правильным видится широкое обсуждение проекта закона «Об образовании», подготовленного Минобрнауки РФ, а также законопроектных альтернатив ему с тем, чтобы определить в данном документе, что основная цель образования – не формирование квалифицированного потребителя работника для работодателя, а многостороннее развитие способностей личности;

2. в области противодействия криминальным формам насилия необходимо продолжать работу над созданием и внедрением в практику программ профилактики преступности среди несовершеннолетних, типовой системы оценки риска повторных правонарушений несовершеннолетних с целью унификации подходов к формированию индивидуальных программ реабилитации;

3. в области обеспечения информационной безопасности образовательной среды необходимо продолжать, с привлечением широкого круга специалистов, работу над законопроектом «Об информационной безопасности».

Представления молодежи о причинах развития терроризма¹

Семенова Ф.О., Шмелькова Т.С.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева (Карачаевск)

Террор как способ достижения целей в политической борьбе посредством физического насилия и морально-психологического устрашения известен с момента

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта № 12-16-09009.

зарождения человеческой цивилизации. Однако сегодня терроризм превратился в одну из глобальных проблем современности. Россия оказалась в числе стран, столкнувшихся с наиболее агрессивными его проявлениями.

Современное социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа характеризуется рядом негативных тенденций. Наиболее опасной из них является угроза терроризма, значительный рост которой наблюдается в последние годы. Так, согласно данным Генпрокуратуры РФ, озвученным на координационном совещании руководителей правоохранительных органов СКФО в г. Нальчике, в период с января до середины сентября 2010 года отмечен рост активности террористических группировок, увеличившийся в 4 раза по сравнению со всем 2009 годом. За данный период «...в Северо-Кавказском федеральном округе совершено 246 преступлений террористического характера, 37 диверсионно-террористических актов, что составляет 76 % от общего количества в РФ» (Наука и образование против террора, www.scienceport.ru).

С целью выявления психологических аспектов проблемы наиболее эффективных способов для оказания противодействия терроризму в молодежной среде был проведен анонимный опрос среди студентов 1-3-х курсов Карачаево-Черкесского государственного университета и Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. Всего в исследовании приняли участие 150 студентов. Исследование осуществлялось с помощью авторских опросных листов и метода незаконченных предложений. С целью выявления представлений молодежи о причинах, способствующих вовлечению молодежи в террористические группировки, студентам предлагалось ответить на следующее незаконченное предложение: «Террористами обычно становятся...». Подавляющее большинство опрошенных в качестве основной причины, приводящей к вовлечению молодежи в террористические организации, назвало «психологические причины» – 62,0%. Наибольшую распространенность среди психологических причин занимают - неуравновешенная психика (18%) и подверженность внешнему влиянию, воздействию (22%). Это говорит о том, что с возрастом растет понимание внутренних причин, лежащих в основе террористического поведения. На социальные факторы как причину вовлечения молодежи в террористические организации указало 20% опрошенных студентов, на экономические причины – 6%, религиозные – 4%, а 8% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

В ходе исследования нами были выявлены и предполагаемые мотивы вовлечения в террористические группировки: желание избавиться от неприятных переживаний (отчуждения, фрустрации, обиды, чувства одиночества и т.д.) – 46,0% респондентов; желание самоутвердиться (ощущение собственной значимости, чувство принадлежности важному делу, атмосфера приключений и авантюры и т.д.) – 32,0%; различные психологические причины (повышенная внушаемость и подчиняемость, жажда власти, патологическая потребность в уничтожении жизни и т.д.) – 10,0%; корыстные мотивы – 8,0%; соображения престижности и повышения авторитета среди сверстников – 4,0%. 48,0% молодежи оценивают свой уровень

знаний по проблеме терроризма как «высокий». 38,0% опрошенных указали на средний уровень знаний, а 14,0% – на низкий, что показывает, что большая часть молодежи недостаточно хорошо осознает серьезность данной проблемы.

Резюмируя вышесказанное, нужно отметить, что значительные усилия по противодействию терроризму, особенно в молодежной среде, должны быть направлены на формирование психологической устойчивости молодежи к внешнему психологическому влиянию (воздействию).

Девииантное поведение подростков в ИТ-пространстве

Целиковский С.Б.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Романко О.А.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Технологии мобильной связи и передачи данных являются активно развивающимся направлением в мире современных информационных технологий, меняя образ жизни самого человека. И, прежде всего, это сказывается на подростках и молодежи как наиболее восприимчивой ко всему новому группе населения.

В настоящее время обращает на себя внимание целый ряд тревожных тенденций в поведении подростков и молодежи, связанных с использованием высоких технологий.

Одной из таких тенденций является широкое распространение так называемого «секстинга». Термину «sexting» нет аналога в русском языке. Слово образовано от английских слов sex (секс) и texting (переписываться). Секстинг представляет собой пересылку личных фотографий, сообщений интимного, зачастую непристойного содержания посредством современных средств связи, таких как сотового телефона, электронной почты и социальных интернет сетей, а также графические изображения, видеоклипы, чаты и телевизионные чаты соответствующего содержания.

Впервые термин «секстинг» был упомянут в 2005 году в публикации Британской газеты Sunday Telegraph Magazine, указывая на новую тенденцию среди молодежи, которая охватывает все регионы Интернета и приобретает все новые формы и проявления. Этот феномен набирает популярность во многих странах мира, включая и Россию. С самого момента появления секстинг стал причиной юридических дискуссий и темой психологических и социологических исследований. Одни полагают, что такие действия попадают под категорию «детская порнография», являются одной из причин и/или следствий разложения общества, деградации молодежи и бескультурья, создавая платформу для злоупотребления возможностями ИТ-пространства среди подростков и молодежи, педофилов и шантажистов. Другие считают, что это – вариант сексуальных девиаций по типу эксгибиционизма и/или вуайеризма. Третьи рассматривают секстинг как безобидную «форму самовыражения и знак доверия», которая «даже безопаснее обычных сексуальных игр» (Кон И.С.,

2012), и видят проблему лишь в публичности – невозможно предугадать, к кому попадет откровенное фото и как его используют.

Несмотря на явный интерес к проблеме становления сексуальности подростков, по-прежнему остро ощущается недостаток конкретных исследований, характеризующих особенности сексуального поведения в подростковой субкультуре. Между тем одним из ключевых содержательных напряжений подросткового возраста является конфликт между наступлением половой зрелости и культурными нормами, запрещающими и ограничивающими сексуальное поведение, т.е. нормами, фиксирующими социальную незрелость (Кон И.С., 2001). Возможно, секстинг выступает как один из способов разрешения этого конфликта.

Следует отметить, что мотивация рассылки откровенных фотографий может быть различной, и, в зависимости от этого, по-разному должна оцениваться общественная опасность такого поведения. Таким образом, проблема секстинга требует специального психологического анализа.

В то же время следует обратить внимание на то обстоятельство, что всё чаще тематикой рассылаемых MMS-сообщений и видеозаписей, распространяемых в социальных сетях, становятся различные катастрофы, дорожно-транспортные происшествия. Тревожным симптомом, на наш взгляд, является равнодушие, с которым несовершеннолетние воспринимают такие инциденты и отсутствие дискомфорта, вызванного видом страданий жертв. По мнению Э. Аронсона (1998), стремление помочь другим связано с тремя моментами: определение ситуации как чрезвычайной; принятие персональной ответственности за вмешательство и цена такого вмешательства. Мотивация «операторов», которые являются свидетелями таких происшествий, также требует специального исследования.

Крайними вариантами такого поведения является съемка и выкладывание в социальных сетях фотографий и видео противоправных действий (в том числе и сексуального характера), зачастую совершаемых самими отправителями. Появление шокирующих фотографий и видеозаписей в Интернете становится распространенным и «нормальным» явлением. Авторы не скрывают своих лиц, и порой даже позируют на фоне измученной жертвы. Они не боятся наказания, напротив, ожидают одобрения своих действий со стороны референтных для них молодежных групп. Шоковую реакцию вызывают у них не собственные действия, а негативная реакция Internet-сообщества и широкой общественности, которая расценивается ими как «травля».

Более того. Имеют место случаи, когда самой целью запланированного и совершенного преступления является видеосъемка, которая в дальнейшем распространяется в социальных сетях (как это было, например, недавно в Партизанске Приморского края). Между тем, действия «операторов», которые являются свидетелями, а то и инициаторами таких преступлений, часто не получают даже правовой оценки.

Представляется, что рассмотренные виды девиантного и делинквентного поведения подростков, как реализуемые непосредственно в IT-пространстве, так связанные с возможностью презентации в нём информации о реальных деликтах,

являются весьма тревожным симптомом негативных деформаций правового и морального сознания, и рассматриваемой возрастной группы, и российского социума в целом. В силу широты распространения и повторяемости описанных видов поведенческих отклонений глубокому научному изучению подлежат не столько их частные, субъективные причины, сколько действующие здесь генерализованные факторы социально-психологического и социально-политического порядка.

Классификация грабителей в соответствии с их криминальными мотивами

Цильмак А.Н.

Одесский государственный университет внутренних дел (Одесса, Украина)

Криминальные мотивы грабителей проявляются в их преступных деяниях по отношению к жертве. Для определения основных групп мотивов грабителей для их последующей классификации мы изучили 238 уголовных дел лиц осужденных по статье 186 Уголовно-процессуального Кодекса Украины (2001 года). Благодаря этому мы выяснили, что основными мотивами совершения грабежа были: *зависть* («...у него есть. Почему не может быть у меня?...») - так примерно во время допроса ответило 28% грабителей; *зависимость* («...все грабили, и я грабил...») - 6%; *нужда* («...мне надо было на что-то существовать...») - 14%; *развлечение* («...кто-то выигрывает, а кто-то - проигрывает...») - 7%; *жадность* («...хотелось жить лучше...») - 42%; *нет мотива* («...не могу объяснить, почему я совершил ...») - 3%. Базируясь на проведенном нами исследовании, мы считаем, что среди грабителей следует выделить такие типы:

1) ***Игровой*** - характеризуется повышенной активностью, оптимизмом, повышенным фоном настроения, разнообразием интересов, постоянным стремлением к изменению деятельности, низким самоконтролем, склонностью к риску и авантюрам. Для него грабеж - это своеобразная игра.

2) ***Тщательный*** - характеризуется планомерностью, социальным негативизмом, жадностью, целеустремленностью, прогнозируемостью, сознательной криминальной установкой. Он заранее определяет способ совершения преступления, изучает путь передвижения жертвы, предусматривает путь отступления или отъезда, планирует способы хранения и реализации похищенных ценностей.

3) ***Неустойчивый*** - характеризуется агрессивностью, импульсивностью, склонностью к необоснованному риску, стремлением к доминированию, к легкой наживе и др. Он выбирает слабую жертву для того чтобы она не смогла сопротивляться. Он часто совершает грабежи, соединенные с насилием, причем, - если бьют, то превышает меру необходимой силы (удар ногой по лицу девушки).

4) ***Озлобленный*** - характеризуется цинизмом, дерзостью, злорадством, озлобленностью, социальным негативизмом, ригидностью мышления, жадностью, жестокостью, обидчивостью, злопамятностью, агрессивностью; проявляет постоянную готовность к преступлению. Он завидует тем, кого «судьба пестует» и стремится им отомстить за собственную несовершенною жизнь.

5) **Ситуативно-случайный** – характеризуется не прогнозируемостью действий, склонностью к риску, низким волевым контролем над поведением, бессознательной криминальной установкой, вязкостью мышления и т.д.. Типичным для такого грабежа является так называемый «рывок», когда грабитель неожиданно для потерпевшего или других лиц захватывает имущество (выхватывает из рук сумку, мобильный телефон и т.д.).

6) **Зависимый** - характеризуется покорностью, несамостоятельностью, недостаточной инициативностью, высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, трусостью, ему не хватает волевых качеств. Он при совершении грабежа всегда ориентируется на лидера и безропотно подчиняется ему.

7) **Самоутверждающийся** - характеризуется неудержимым желанием «жить лучше», быть «крутым», «жить на широкую ногу», «иметь все что захочется». Такой тип очень скоро попадает на скамью подсудимых, потому что он не может остановиться, ему все мало, надо все больше и больше.

8) **Обездоленный** - характеризуется стремлением удовлетворить свои физиологические потребности (в пище, теплой одежде). К этой категории следует отнести лиц без определенного места жительства (бродяг, лиц, которые только освободились из мест лишения свободы).

9) **Умственно отсталый** - характеризуется низким уровнем интеллекта и самоконтроля, наивностью, склонностью к слепому подражанию; он не может предвидеть последствия своих поступков и принимать обдуманные решения; действует спонтанно, по сиюминутному желанию завладеть имуществом.

Итак, мотив является субъективной стороной в преступлении, благодаря которому можно классифицировать определенные типы грабителей. Он подлежит выявлению и доказыванию для определения степени общественной опасности деяния, а также социальной опасности личности преступника, квалификации преступления и принятия решения о назначении вида и размера наказания.

Психологический портрет террориста

Чепеленко А.Г.

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»
(Нижевартовск)

На сегодняшний день терроризм является одной из глобальных социальных проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ даёт следующее определение терроризма:

«Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Таким образом, сущностное наполнение такого феномена как терроризм включает в себя и противозаконное насилие, как правило, с применением оружия, и стремление запугать широкие слои населения, и невинные жертвы, а применительно к террористическим актам, выходящим за рамки государственных границ, – международный элемент (Попович А.).

Особую роль играет психологический портрет террориста, поскольку с помощью него можно не только понять мотивы преступного деяния террориста, но и в дальнейшем суметь предотвратить его действия.

Как таковой психологический портрет террориста составляли многие учёные, психологи, психиатры. Общим выводом этих работ служит тот аспект, что в абсолютном большинстве случаев террористы – это молодые люди в возрасте около 20 лет, получившие воспитание в патриархальной и весьма религиозной культуре (Решетников М., 2006).

Общие характерные черты многих террористов – постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощённость собой и незначительное внимание к чувствам других (Тарасова Е.В., 2011).

В их сознании обычно присутствуют устойчивые представления об исторической травме своей нации и мощные эмоциональные связи с последней (Решетников М., 2006).

В детском и подростковом возрасте террористы обнаруживают высокий уровень притязаний, завышенную самооценку, отличаются склонностью к фантазированию, занимают выраженную обвиняющую позицию (Малкина-Пых И.Г., 2009).

В последнее время огромную роль в транслировании образа террориста играет кинематограф. Причиной тому служит его способность наглядно изобразить не только отличительные признаки внешности террориста, но и психологически-мотивационные особенности его поведения.

Дополнительным аспектом кинематографа является его принадлежность к той или иной стране-производителю, поскольку культурно-территориальный аспект влияет на интерпретацию самого образа террориста в фильме.

С целью изучения восприятия студенческой аудиторией (19 человек) образа террориста разной культурно-территориальной принадлежности было проведено исследование, участники которого должны были составить психологический портрет террориста, действующего за границей и на территории РФ. Однако перед этим студентам было предложено посмотреть фильм американского и российского производства для определения влияния общих тезисов фильмов на восприятие респондентами образа террориста.

С помощью данного исследования установлено:

1. Внешние признаки.

Исполнителем террористических действий, как за границей, так и на территории РФ выступает мужчина, принадлежащий к лицам восточной национальности. За исключением возраста (20-35 лет – в России, 25-45 лет – за границей), особых

различий во внешней характеристике террориста разных стран не наблюдается: наличие бороды, смуглая кожа, возможны шрамы; одежда, в свою очередь, не привлекающая внимания.

2. Манера поведения.

Террорист, находящийся на территории РФ, отличается крайней нервозностью поведения, имеет привычку постоянно оглядываться по сторонам. Зарубежный террорист, наоборот, достаточно спокоен и организован. И тому, и другому образу свойственна агрессивность.

3. Мотивация поведения.

За исключением религиозных убеждений террориста и мести за ущемлённое положение своей страны, мнение респондентов и по этому вопросу разделилось: мотивация преступного поведения российского террориста заключается в проблемах детства. Мотивация же зарубежного террориста либо основывается на неприятии обществом, либо коренится в психологических проблемах самой преступной личности.

4. Психическое состояние.

В обоих случаях террорист – это психологически неадекватная личность.

Таким образом результаты исследования показали, что терроризм является актуальной проблемой современного общества. Студенческая аудитория проявляет интерес к данной проблеме, при этом она ориентируется на ту информацию и те образы, которые интерпретирует кинематограф. Студенты, принимавшие участие в исследовании, демонстрируют как сходства, так и различия в психологическом портрете российского и зарубежного террориста, что говорит о влиянии той или иной культурно-территориальной среды на транслирование образа террориста.

Литература

1. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика. Справочник практического психолога. – М.: Изд-во Эксмо, 2009. – 992 с.
2. Тарасова Е.В. Психологические особенности терроризма // Психологическая газета «Мы и Мир» № 02 (174). – 2011.
3. Попович А. Определение понятия терроризм [Электронный ресурс] URL: <http://fmp-gugn.narod.ru/pop3.html>
4. Решетников М. Психологический портрет террориста [Электронный ресурс] / 2012. URL: <http://psyfactor.org/lib/terror12.htm>
5. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Нормативные правовые акты Российской Федерации [Информационный портал] / 2012. URL: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/national_law/printable.php?do4=document&id4=584A B0E1-1E9B-4C68-86DD-74C7AFC71626

Проблема подходов к изучению криминального поведения:

От прошлого к настоящему

Шемякин А.В., Шемякина О.О.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Чтобы понять, куда идти дальше, иногда полезно оглянуться назад и посмотреть на тот путь, который был пройден. Проследив ход научной мысли, ее развитие, можно наметить перспективы развития, выявить белые пятна или тупиковые линии.

При анализе и оценке криминального поведения, ученых всегда волновало, что же первично, что оказывает влияние на формирование подобного поведения, личность или социальное окружение. Рассматривая данный вопрос, существует множество теорий, которые раскрывают различные аспекты криминального поведения. Так одной из популярных теории криминального поведения, которая ставит во главу угла, в первую очередь личность, является Теория рационального выбора, разработанная доктором медицинских наук Уильямом Глассером, который ввел термин “теория выбора”. Данная теория в качестве предположения выдвигает то, что во время принятия решения о совершении преступления преступник абсолютно рационален. В самой теории рационального выбора есть три модели преступного поведения: рациональное действующее лицо, предопределенное действующее лицо и лицо, являющееся жертвой. Многообразие причин, по которым тот или иной человек совершает преступление, может базироваться на многообразии личных потребностей, включая: жадность, месть, нужда, гнев и т.п. Модель рационального действующего лица предлагает, чтобы личность сама выбирает, совершать ли ей преступление или нет. Принимая во внимание данное положение при оценке поведения по модели рационального действующего лица, можно увеличивать наказание за такого рода преступления. Модель предопределенного действующего лица предполагает, что преступники не могут контролировать свои личные побудительные мотивы и свое окружение, таким образом, это склоняет их к совершению преступления. Чтобы решить эту проблему, нужно было бы изменить биологическое, социологическое и психологическое окружение преступника. И, наконец, модель действующего лица-жертвы, предполагает, что преступление является результатом того, что преступник является жертвой неравного общества. Следовательно, преступления можно контролировать путем реформирования законодательства (Burke, 2001).

Теория личности британского психолога Ганса Айзенка предполагает, что «преступное поведение является результатом взаимодействия между определенными условиями окружающей среды и особенностями нервной системы» (Bartol, Bartol, 2005). Айзенк во главу угла ставил генетическую предрасположенность в отношении антисоциального и преступного поведения. Последователи его теории считают, что каждый отдельный преступник имеет уникальную нейрофизиологическую модель, которая при сочетании с определенным окружением, неотвратимо ведет к преступности (Bartol, Bartol, 2005). Важно отметить, что Айзенк не утверждал, что

преступниками рождаются, скорее комбинация факторов окружающей среды, нейробиологических и личностных факторов являются причиной совершения различных преступлений, ну а те разные люди оказались более склонны к специфическим видам преступной деятельности.

Современные сторонники теории не придерживаются мнения, что единый физический или биологический атрибут объясняет все преступления. Скорее, каждый преступник имеет уникальный набор характеристик, объясняющих поведение.

Биокриминологии полагают, что преступники имеют генетическую предрасположенность. Они придерживаются того, что организму необходимо стабильное количество минералов и химических продуктов, необходимых для нормального функционирования мозга и роста. Ими было сделано предположение что химический и минеральный дисбаланс ведет к когнитивному дефициту и нарушениям в восприятии при обучении эти факторы, в свою очередь, связаны с антисоциальным поведением (Schechter, 2003).

Теория социальной дезорганизации: сосредоточена на городских условиях, которые влияют на уровень преступности. Область дезорганизации является областью, в которой учреждения социального контроля, такие как семья, торговые предприятия и школы. Показатели социальной дезорганизации включают в себя высокий уровень безработицы и уровень отчислений из школы из-за неуспеваемости, ухудшенные жилищных условий, низкие уровни дохода и большое количество семей с одним родителем. Жители этих неблагополучных в социальном плане районов ощущают, могут переживать отчаяние, и как результат, начинает активно развиваться антисоциальное поведение.

Теория напряжения: согласно этой теории преступление – это функция конфликта между целями людей и средствами, которыми они могут пользоваться для достижения своих целей. Теоретики, придерживающиеся данной теории спорят то, что хотя социальные и экономические цели являются общими для людей всех экономических слоев, способность достигать данных целей зависит от класса, члены более низкого класса часто не способны достичь символов успеха используя традиционные, социально приемлемые средства. Поэтому граждане более низких в социальном плане слоев могут, как принять условия, в которых они находятся, и жить социально ответственно, либо же они могут выбрать альтернативное средство достижения успеха, такие как воровство или насилие.

Теория культурных отклонений: объединяет в себе элементы теории напряжения и теории социальной дезорганизации. Данная теория утверждает, что формируется уникальная культура низшего класса. Преступное поведение является выражением согласия с ценностями и традициями субкультуры низшего класса, а не восстанием против традиционного общества.

Теория социального процесса полагает, что преступность является функцией индивидуальной социализации, и взаимодействий, которые есть между людьми и организациями, учреждениями, и процессами общества. Возможно, самым распространенным подходом к теории социального процесса является теория

обучения. Первым с этой идеей экспериментировал влиятельный психолог двадцатого века Альберт Бандура. Его наблюдения начинались с животных и показали, что для эффективного обучения им не обязательно переживать определенные события в своем окружении (Barlow, Durand, 2006). Если речь пойдет о преступности, человек может научиться быть агрессивным, наблюдая, как агрессивно ведут себя другие.

Есть два других подхода к теории социального процесса. Теория социального контроля – это когда чье-либо поведение регулируется посредством близких взаимосвязей учреждений и физических лиц. Второй – теория социальной реакции.

Теоретики, которые поддерживают теорию социального конфликта, полагают, что лицо, группа лиц, или организация, имеют полномочия и способность осуществлять влияние и контроль над другими (Farrington, Chertok, 1993). Они определяют преступление как “политическую концепцию, разработанную для защиты полномочий и положения высших слоев общества за счет низших. Идея состоит в том, что каждое общество создает свой собственный тип и уровень преступности. У них свой собственный способ решения проблемы преступности, и таким образом, они получают тот уровень преступности, который заслужили. Другими словами, для контроля и снижения уровня преступности, общество должно изменить социальные условия, которые способствуют росту преступности.

Вместе, каждая из этих теорий имеет соответствующую исследовательскую ценность и открывает различные аспекты общей проблемы криминального поведения. И хотя во многих представленных теориях есть различия, все они позволяют сделать вывод. Рассматривая криминальное поведение нельзя придерживаться только с одной точки зрения, утверждая, что определяющими являются личностные характеристики или влияние социального окружения, это ведет одностороннему взгляду на проблему и не позволяет взглянуть на нее полностью, необходим комплексный подход при рассмотрении криминального поведения.

Литература

1. Barlow, D. H., Durand, V. M. Essentials of abnormal psychology. California: Thomas Wadsworth.2006
2. Bartol, A. M., Bartol C. A. Criminal behavior: A psychosocial approach. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2005.
3. Burke R. H. An introduction to criminological theory// Criminal justice review,377-381, 2001.
4. Farrington K., Chertok E. Social conflict theories of the family. In P.G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz (Eds.), Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach New York: Plenum., 1993, pp. 357-381.
5. Schechter H. Serial Killers. USA: Random House Publishing, 2003.

Просоциальное и антисоциальное в Я-концепции подростков с девиантным поведением

Ясная В.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Подростковый возраст - время становления Я-концепции и кризиса идентичности. У подростков с девиантным поведением кризис идентичности протекает особенно остро, что, на наш взгляд, является одной из причин девиаций в поведении. Установки относительно собственного Я определяют поведение подростка, в частности, в ситуациях выбора между асоциальным и социально одобряемым действием. Одной из задач психологической работы с девиантными подростками мы видим формирование устойчивой социально направленной идентичности.

В исследовании мы опирались на концепцию возможных Я Х.Маркус (Markus, 1986) и подход Э.Эриксона и его последователей Дж.Марсиа (Marcia, 1993) и В.Р.Орестовой (Орестова, 2001). Мы рассматривали Я-концепцию и идентичность как представления человека о своем актуальном и возможных Я, в том числе о своих качествах, целях и желаниях. В понятие Я-концепции мы включили и отраженную самооценку (представления человека о том, как его воспринимают другие).

На основании анализа литературы, наблюдений и бесед с подростками и педагогами мы предположили, что Я-концепция девиантных подростков диффузна, противоречива и имеет существенный асоциальный компонент.

Для исследования Я-концепции и ее временных аспектов (представлений о себе в прошлом и будущем) мы использовали авторский набор незаконченных предложений, разработанный на основе методики В.Орестовой (Орестова, 2001) и теории «возможных Я» Х.Маркус (Marcus, 1986). Для исследования самооценки использовался Опросник самоуважения Розенберга (Розенберг, 1965) и аналоговые шкалы: подростку предлагалось оценить свои качества (внешние, интеллектуальные, социальная успешность и отраженная самооценка), отметив на вертикальной линии актуальный и желаемый уровень качества.

Основную выборку (подростки с девиантным поведением) составили ученики специальных школ для детей с девиантным поведением (СОШ №11 «Шанс» закрытого типа и СОШ №3) и ученики общеобразовательной школы, чье поведение было охарактеризовано как отклоняющееся по ряду признаков. Объем выборки: N=103, 72 мальчика, 31 девочка, от 13 до 17 лет. Контрольную группу составили ученики московских общеобразовательных школ (N=40, 24 мальчика, 16 девочек от 14 до 17 лет) и нескольких школ, где производится отбор учеников по принципу высокой учебной мотивации и хороших академических способностей (N=45, 22 мальчика, 23 девочки от 13 до 17 лет).

В результате исследования выявились следующие особенности идентичности девиантных подростков. Представления о себе в прошлом, настоящем и будущем (временная идентичность) были менее реалистичны, осознанны и

дифференцированы, чем в контрольной группе. Самооценка подростков с девиантным поведением была в среднем выше, менее адекватна и реалистична, чем в контрольной группе. У девиантных подростков значимо чаще отсутствовала разница между актуальным и идеальным Я. Вероятно, самооценка подростков с девиантным поведением строится по компенсаторному принципу.

Кроме того, у девиантных подростков отмечалось значительное несоответствие между актуальным Я и поведением: они приписывают себе положительные качества, игнорируя факты собственного отрицательного поведения. Представления о себе в будущем (возможные Я) у девиантных подростков отличались значительной неустойчивостью и противоречивостью: подростки указывают в качестве высоко вероятных то просоциальные, то асоциальные Я. Асоциальные возможные Я рассматриваются как высоко вероятные. В контрольной группе асоциальные возможные Я практически не встречались. В целом, асоциальные маркеры относятся, как правило, к нежелательным и пугающим возможным Я, а просоциальные – к желаемым. При этом практически у всех обследованных подростков с девиантным поведением отмечалось стремление к социально одобряемым целям и путям развития и способность правильно классифицировать возможные Я, действия и цели как просоциальные или асоциальные. В группе девиантных подростков количество нереалистичных возможных Я было значительно выше, чем в контрольной.

Литература

1. Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в подростковом и юношеском возрасте. Дисс.... канд.психол.наук. - М., 2001.
2. Marcia J.E. Ego Identity: a handbook for psychosocial research. - New York: Springer-Verlag, 1993.
3. Markus H., Nurius P. Possible selves //American Psychologist, 1986, Vol. 41. P. 954-969.

Факторы риска психологической дезадаптации персонала, осуществляющего принудительное лечение

Анисимова Т.Г.

«Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Петелина А.С.

ФГБУ ФГУ «Орловская ПБСТИН Росздрава» (Орел)

Частным проявлением социально-психологической адаптации является адаптация профессиональная. Характеризуя процесс адаптации, используют понятия нормальной и патологической адаптации. Патологическая адаптация – это такой социально-психологический процесс, который полностью или частично осуществляется с помощью патологических особенностей характера личности, входящих в состав невротических и психотических синдромов.

Нарушение социально-психологической адаптации у специалистов, осуществляющих принудительное лечение, мы рассматриваем как психологическое состояние, возникающее у здоровых людей в эмоционально напряженной ситуации профессионального общения и характеризующееся совокупностью эмоциональных, когнитивных, поведенческих и психофизиологических симптомов.

На материале интервьюирования 75 сотрудников психиатрических стационаров, осуществляющих принудительное лечение, с помощью специально разработанных анкет, оригинальной репертуарной решетки «Профессиональные качества», личностного опросника СМИЛ и теста Люшера нами было выявлено следующее. Первоначальными проявлениями нарушения профессиональной адаптации является ощущение неудовлетворённости собой, внутренняя напряжённость, чувство душевного дискомфорта и неуверенности в себе. По мере повторения неблагоприятных ситуаций подобные психические состояния могут закрепиться и перейти в устойчивые качества личности. При этом важные для данной профессии качества личности постепенно вытесняются и становятся слабо выраженными. Происходит устойчивое искажение конфигурации всего личностного профиля. Указанные психические образования личности проявляются не только в профессиональной деятельности, но и при общении, обуславливая тем самым типичные способы поведения.

В случае адаптации к деформированным нормам, традициям и специфике профессиональной деятельности формируется соответствующий эталон поведения. Привычки и навыки этого эталона постепенно становятся внутренними установками, ценностями человека, составным компонентом его профессионального мировоззрения, внутренними личностными образованиями.

Профессионально важными качествами, определяющими успешность всех специалистов судебно-психиатрического профиля, являются нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность и коммуникативные способности. Параметры социально-психологической дезадаптации являются аналогами симптомов «эмоционального выгорания»: самонеприятие соответствует негативной Я-концепции; неприятие других - негативному отношению к пациентам; ощущение эмоционального дискомфорта - сниженному настроению и связанными с ним апатией, чувствами бессмысленности и безнадежности; неспособность к преобразованию условий - скудости диапазона рабочих действий; экстернальность и чрезмерная ведомость – чувству неуверенности в своем профессиональном мастерстве.

В качестве основных психологических причин возникновения дезадаптации следует назвать чувствительность, эмпатичность, повышенную тревожность, агрессивность, низкую самооценку, недостаточный уровень саморегуляции, эмоциональную сензитивность.

С показателями дезадаптации коррелируют низкая эмоциональная устойчивость, робость, подозрительность, склонность к чувству вины, импульсивность, фрустрированность. Противоположные полюса этих черт, а также внутренний локус контроля, сердечность, доброта, практичность, гибкость, социабельность, экстраверсия, и независимость - могут играть защитную роль при хроническом психоэмоциональном стрессе.

У конформных, зависимых, не умеющих отстаивать свою точку зрения, не верящих в себя, осторожных и доброжелательных специалистов, как правило, выявляются тревожно-депрессивные компоненты дезадаптации. К проявлениям психосоматических и психовегетативных нарушений более всего склонны люди подозрительные, недоверчивые, ревнивые, не терпящие конкуренции, эгоцентричные, скептически относящиеся к альтруистическим мотивам поведения окружающих.

Таким образом, ведущую роль в возникновении и развитии состояния профессиональной социально-психологической дезадаптации играет личностный фактор, который представляет собой совокупность индивидуально-личностных характеристик.

Конфликтологический анализ в практике судебно-психологической экспертизы по гражданским делам

Бондаренко Н.В.

Бюро судебных экспертиз МЮ ПМР (Тирасполь)

Первые публикации, раскрывающие общие методологические основы психологического экспертного исследования в гражданском процессе появились более 15 лет назад. Однако этот вид экспертиз внедряется в практику довольно робко, сталкиваясь с рядом проблем – недостаточностью разработки теории и методологии судебно-психологической экспертизы и ее конкретных методик применительно к

различным задачам, решаемым в рамках гражданского процесса, неподготовленностью судей, отсутствием специализированных учреждений (бюро, лабораторий), проводящих такого рода судебные экспертизы (Сахнова Т.В., 1997).

При судебном разрешении споров о праве на воспитание детей почти всегда возникает потребность в использовании специальных психологических знаний. Это обусловлено тем, что брачно-семейное законодательство содержит социально-оценочные нормы, в которых ключевыми являются психологические элементы. Одним из таких является понятие конфликта, в частности семейного конфликта, приведшего к судебному разбирательству.

Ряд исследователей (Сафуанов Ф.С., Сахнова Т.В.) выделяют отдельный вид экспертизы – психологический анализ семейной ситуации (семейного конфликта). Для реализации задач данного вида экспертиз мы в своей практике используем методику конфликтологического анализа, базирующуюся на модификации схемы анализа конфликта, предложенной А.Я. Анцуповым (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 1999). Методика конфликтологического анализа включает в себя следующие разделы и понятия, оценку которым должен дать эксперт-психолог:

1) причины возникновения конфликта между супругами (объективные, социально-психологические, личностные), где чаще всего присутствует комплекс объективно-субъективных проявлений;

2) структура конфликта, включающая в себя:

- участников конфликта, их ролевые характеристики («муж-жена», «мать-ребенок», «невестка-свекровь» и пр.) и социально-демографические данные;

- предмет конфликта (явная проблема, основное противоречие, из-за которого супруги вступают в противоборство, очень часто оказывающееся далеким от интересов ребенка);

- условия, в которых находятся и действуют участники конфликта, т.е. микро- и макросреда, в которой возник конфликт;

- мотивы сторон и их поведение в конфликте, включая стратегии (приспособление, избегание, компромисс, соперничество, сотрудничество) и тактические действия;

- особенности восприятия конфликтной ситуации сторонами, т.е. каждым супругом в отдельности (очень часто конфликтная ситуация характеризуется значительной степенью искаженности и неопределенности);

3) динамика конфликта, где определяются временные границы конфликта (начало и окончание), а также его периоды и этапы:

- латентный период (возникновение объективной проблемной ситуации, ее осознание, попытки решить проблему неконфликтными способами, предконфликтная ситуация),

- открытый период (инцидент, эскалация, сбалансированное противодействие и завершение конфликта),

- постконфликтный период (при экспертном исследовании, как правило, не анализируется, т.к. судебное разбирательство вообще и экспертиза в частности проводятся в «открытом периоде», то есть, собственно, в разгар конфликта).

Проведение анализа семейного конфликта по такого рода схеме может помочь суду более полно оценить семейную ситуацию, понять личностные мотивы вступивших в спор супругов, оценить возможные последствия тех или иных их действий.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М., 1999.
2. Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. – М., 2011.
3. Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. – М., 1997.

Новые инструменты в зарубежной практике - структурированное измерение протективных факторов риска насилия

Булыгина В.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет,
ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Знания о факторах риска и об оценке риска агрессивного поведения значительно увеличились за последние два десятилетия, а структурированная оценка риска стала важным аспектом в повседневной судебно-психиатрической практике. Хотя оценка риска с помощью актуарных инструментов является простой и экономичной по времени процедурой, существует важный недостаток такого подхода – его ограниченная полезность в лечебных учреждениях, где целью является уменьшение риска насилия.

Идентификация факторов, сдерживающих агрессивное поведение, считается основной проблемой, которую необходимо решить в ближайшем будущем, поскольку в противном случае это может привести к пессимизму среди терапевтов, стигматизации преступников и, в конечном счете, к неоправданно длительному содержанию под стражей судебно-психиатрических пациентов.

Следует отметить, что концепция сдерживающих факторов неоднозначна. Некоторые авторы интерпретируют сдерживающие факторы исключительно как отсутствие факторов риска (Costa F.M., Turbin M.S., 1999) или как противоположный полюс переменной риска (Webster C.D., 2002). Другие предполагают, что наличие сдерживающих факторов не коррелирует с факторами риска (Farrington D.P., Loeber R., 2000).

Вивьен де Вогель и Мишель Фриза Роб из клиники Ван дер Хавен и Корин де Руитер из Университета Маастрихта в 2004 г. выпустили исследовательскую версию

инструмента измерения протективных факторов риска насилия - SAPROF. В 2006 году они провели пилотное исследование с SAPROF-RV в голландских судебно-психиатрических учреждениях. В настоящее время SAPROF переведен на английский, немецкий, норвежский, французский, итальянский, испанский и русский языки.

SAPROF не является психологическим тестом, а является контрольным списком для использования в структурированной манере. Он может быть использован экспертами в области психического здоровья, обученными оценке риска и работающими в пенитенциарной системе, стационарных и амбулаторных (судебно) психиатрических учреждениях, службах пробации.

Инструмент включает в себя 17 пунктов. Внутренние пункты относятся к индивидуальным характеристикам, имеющим протективный эффект против будущего насильственного поведения. Они включают как исторические, так и динамические индивидуальные характеристики: интеллект, эмпатию, совладание, самоконтроль. *Мотивационные пункты* относятся к протективным факторам, проистекающим из мотивации быть позитивным членом общества. Эти пункты включают: работу, досуговую активность, финансовый менеджмент, мотивацию на лечение, отношение к властям, цели жизни, медикаментозное лечение. *Экстернальные пункты* относятся к благотворным (доброжелательным) факторам окружающей среды, оказывающим человеку поддержку извне - как добровольную, так и навязанную. Они включают: социальную сеть, интимные взаимоотношения, профессиональный уход, жизненные обстоятельства и внешний контроль.

Пункты кодируются по трехбалльной шкале, основанной на степени выраженности сдерживающего фактора. SAPROF предлагает возможность указать, какие проективные факторы необходимы для предотвращения насильственного поведения пациентов. При определении этих критических пунктов делается разделение между тем протективным эффектом, который присутствует всегда, и тем, который может появиться после вмешательства. Для эмпирического исследования авторы рекомендуют описывать результаты SAPROF отдельно для мужчин и для женщин.

SAPROF может применяться в тех случаях, когда необходима оценка риска: например, в судебном процессе, при проведении судебно-психиатрической экспертизы, при необходимости принятия решения о продлении или прекращении принудительного лечения.

Литература

1. de Vogel V., de Ruiter C., Bouman Y., de Vries Robbé M. SAPROF. Guidelines for the assessment of protective factors for violence risk. Utrecht, The Netherlands: Forum Educatief. - 2009.
2. Costa F.M., Turbin M.S. Transition into adolescent problem drinking: The role of psychosocial risk and protective factors. Journal of Studies on Alcohol. – 1999. – V.60. – P. 480-490.

3. Webster C.D., Müller-Isberner R. Violence risk assessment: Using structured clinical guidelines professionally. International Journal of Forensic Mental Health. -2002. –V.1. – P.43-51.
4. Farrington D.P., Loeber R. Epidemiology of juvenile violence. Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. -2000. –V.9. – P.733-748.

**Унифицированная программа тематических усовершенствований
по вопросам судебно-психиатрической профилактики
(в рамках специальности судебно-психиатрическая экспертиза)**

Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

В систему судебно-психиатрической профилактики входит назначение, осуществление и отмена принудительных мер медицинского характера.

В деятельности лечебных учреждений, проводящих стационарное принудительное лечение (ПЛ), все большее место отводится социальной поддержке, психосоциальной терапии и психосоциальной реабилитации содержащихся в них по определению суда пациентов. Это обусловлено спецификой контингента лиц, направляемых на принудительное лечение, ежегодный показатель возврата которых на ПЛ составляет в среднем около 30% по стране. Проведенные исследования показывают, что данный показатель может быть значительно снижен в тех учреждениях, где большое внимание уделяется реализации программ медико-социальной реабилитации, что предусматривает проведение дифференцированной фармакотерапии, психотерапии, психосоциальной терапии, психосоциальной реабилитации.

Полипрофессиональный подход к лечению психических расстройств с участием специалистов различного профиля в настоящее время является одной из основных тенденций развития психиатрических служб в стране. Бригадный метод соответствует многофакторной природе психических расстройств и позволяет использовать не только клинические, но также психологические и социальные вмешательства с учетом личностных особенностей пациента. Это требует организации в психиатрических учреждениях взаимодействия врача-психиатра, врача-психотерапевта, клинического психолога, психиатрической медицинской сестры, специалиста по социальной работе, социального работника и других специалистов, штатные должности которых предусмотрены приказом Минздравмедпрома России от 13.02.1995 № 27 «О штатных нормативах учреждений, оказывающих психиатрическую помощь».

Психокоррекционная и социальная работа в психиатрических учреждениях здравоохранения и в учреждениях уголовно-исполнительной системы составляют основу полипрофессиональной деятельности, охватывающей различные сферы психиатрической помощи и социальной защиты.

Базовая подготовка клинических психологов и специалистов по социальной работе осуществляется в ВУЗах страны на более чем 200 факультетах психологии и на 150 факультетах социальной работы. Однако без специальной послевузовской подготовки выпускники этих факультетов не получают достаточных знаний специфики и навыков работы с психически больными, проходящими принудительное лечение.

Предлагаемая программа предназначена для врачей-психиатров, врачей-психотерапевтов, психиатрических медицинских сестер, выпускников факультетов клинической психологии и социальной работы медицинских и иных ВУЗов, прошедших базовую преддипломную подготовку в официально установленном объеме, а также для лиц, получивших среднее специальное образование по специальности «социальная работа».

Варианты продолжительности обучения:

А) Цикл тематического усовершенствования продолжительностью 1 месяц (144 учебных часа).

Б) Цикл тематического усовершенствования продолжительностью 0,5 месяца (72 учебных часа).

Циклы тематического усовершенствования включают 7 модулей.

1. Организационные и методологические основы судебно - психиатрической профилактики.
2. Бригадное ведение пациентов.
3. Оценка риска насилия. Принципы оценки риска насилия со стороны психически больных, совершивших ООД. Факторы риска совершения повторных ООД и внутрибольничной агрессии. Инструменты оценки риска агрессивного поведения. Прогнозирование, технология и методы предупреждения конфликтов; способы, методы и средства разрешения конфликтов.
4. Формы работы психолога и психотерапевта при проведении принудительного лечения.
5. Социальная работа при проведении принудительного лечения.
6. Работа с семьями и родственниками пациентов при проведении принудительного лечения.
7. Работа с персоналом психиатрических учреждений при проведении принудительного лечения.

Программа осуществляется специалистами в области судебно-психиатрической профилактики. Концепция программы основывается на интерактивном подходе к преподаванию, проведению тренингов и ролевых игр. Также в данной Унифицированной программе значительное место уделено характеристике роли клинического психолога, специалиста по социальной работе, социального работника и их работе в судебно-психиатрической профилактической деятельности внебольничных психиатрических учреждений.

Изменения поведения судей (на примере литовского судопроизводства)

Валицкас Г., Ванайгайте К.

Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Юстицкис В.

Университет Миколаса Ромяриса (Вильнюс, Литва)

Как показывают результаты многочисленных исследований, процедурная справедливость связана с разными аспектами правомерного поведения людей: повиновением законам и послушанием требованиям должностных лиц, поддержкой, которую люди оказывают учреждениям и должностным лицам правопорядка, характером оценок судей, судов и всей системы юстиции. Поведение судей, соответствующее требованиям процедурной справедливости, способствует формированию чувства справедливости, удовлетворению судебным процессом, положительной оценке работы судьи, доверию к судам и т.п. Результаты нашего более раннего исследования показали, что реальное поведение судей достаточно сильно отклоняется от требований процедурной справедливости; в настоящем исследовании мы стремились оценить, меняются ли особенности поведения судей.

Методы исследования. Для оценки важнейших аспектов судебного разбирательства использовалась созданная нами методика наблюдения за поведением судьи. На основе изучения уголовно-процессуального закона был составлен список так называемых «критериальных ситуаций», возникающих в ходе рассмотрения уголовных дел, в которых судья имеет возможность, не нарушая уголовно-процессуального закона, вести себя в соответствии или вопреки требованиям процедурной справедливости (всего нами было выделено 77 критериальных ситуаций). Данные о том, какие возможности поступить в соответствии с требованиями процедурной справедливости использовал судья, обобщались в специальные шкалы (информирования, активного участия, этичности, тенденциозности, апелляции, состязательности, контроля понимания прав и эмпатии). Методике наблюдения были обучены 7 студентов, докторантов и преподавателей кафедры общей психологии Вильнюсского университета, которые наблюдали 57 судебных заседаний трех различных судов г. Вильнюса.

Основные результаты исследования. Как показывают полученные данные, за последние годы в поведении судей произошли положительные изменения – в настоящее время оно больше соответствует требованиям процедурной справедливости. Например, при сравнении 2011 г. с 2004 г., установлено статистически значимое ($p \leq 0,05$) улучшение показателей следующих шкал процедурной справедливости: 1) тенденциозности (показатели уменьшились с 62,5 % до 53,5 %); 2) активного участия (показатели увеличились с 42,1 % до 52,3 %); 3) информирования (показатели увеличились с 28,1 % до 49,2%); 4) апелляции (показатели увеличились с 16,7% до 48,2 %); 5) состязательности (показатели увеличились с 49,1 % до 70,7 %). Изменения показателей других трёх шкал процедурной справедливости были статистически незначимы (показатели шкалы

этичности поведения несколько увеличились, а показатели шкал контроля понимания прав и эмпатии – уменьшились).

По нашему мнению, на тенденцию к увеличению соответствия поведения судей требованиям процедурной справедливости могли оказать влияние следующие факторы: 1) реакция руководства судов и судей на результаты исследования процедурной справедливости; 2) широкое представление результатов этих исследований общественности страны; 3) включение занятий, посвященных теме процедурной справедливости в программы повышения квалификации судей; 4) ведение аудиозаписи судебных заседаний, начавшееся с 2010 года, что заставляет судей больше контролировать свои действия; 5) реакция судей на давление общественности, в частности, недоверие людей к судам (возможно, стараясь вызвать большее доверие у людей, судьи больше придерживаются требований процедурной справедливости).

Вместе с этим необходимо отметить, что установленная тенденция к увеличению соответствия поведения судей требованиям процедурной справедливости всё ещё остается недостаточной, так как в настоящее время существует довольно большой разрыв между зафиксированным и желательным поведением судей.

Особенности восприятия справедливости поведения должностных лиц правоохранительных органов жертвами преступлений

Валицкас Г., Воропай К.

Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Столкновение с системой правопорядка является нелегким испытанием для жертвы любого преступления (поскольку при обращении в правоохранительные органы жертва преступления обычно находится под воздействием последствий первичной виктимизации, не имеет достаточно знаний о процессе следствия и судебного разбирательства и т.п.). Поэтому взаимодействие потерпевших с системой правопорядка нередко бывает связано с переживанием вторичной виктимизации. Один из важных факторов вторичной виктимизации – чувство несправедливости, которое может возникнуть у жертвы в ходе расследования преступления и при рассмотрении дела в суде. Важно отметить, что чувство несправедливости связано с различными негативными последствиями, которые могут усугубить неблагоприятное психологическое состояние потерпевшего.

Целью нашего исследования стала оценка одного из потенциальных источников вторичной виктимизации – несправедливости поведения должностных лиц правоохранительных органов. В исследовании приняли участие 70 жертв преступлений (32 женщины и 38 мужчин). Оценка процедурной справедливости осуществлялась при помощи специально подготовленной методики интервьюирования, охватывающей оба этапа разбирательства – следствие и судебный процесс. Опрос испытуемых проводился индивидуально (использовались элементы

когнитивного интервью, среднее время интервьюирования – 1,5 часа) или письменно (в этом случае испытуемые заполняли анкету).

Результаты исследования показали, что поведение следователей оценивается пострадавшими чаще как справедливое, чем несправедливое ($p \leq 0,05$). Несмотря на это, поведение следователей при допросе жертв преступлений довольно часто не соответствовало требованиям процедурной справедливости: в 42,9 % случаев жертвы не были уведомлены о порядке дачи показаний, в 65,7 % – не были ознакомлены со своими правами. Кроме того, во время допросов следователи часто вели себя с потерпевшими формально (например, в 69,9 % случаев права, в 63,5 % – обязанности, в 42,0 % – ответственность за дачу ложных показаний были объяснены потерпевшим формально; в 43,5 % случаев следователи не пытались убедиться, поняли ли потерпевшие свои права и обязанности).

Также было установлено, что жертвы преступления оценивали поведение следователей как более справедливое тогда, когда они объясняли порядок ($p \leq 0,05$) и цель дачи показаний ($p \leq 0,05$), интересовались, есть ли у потерпевших вопросы либо ходатайства ($p \leq 0,01$), вели себя непредвзято ($p \leq 0,05$), не демонстрировали предубеждений по поводу преступления ($p \leq 0,05$), объяснили потерпевшим хотя бы одно право ($p \leq 0,01$) и вели себя в соответствии с этическими нормами ($p \leq 0,01$).

Поведение судей (по сравнению с поведением следователей) жертвы преступлений оценили как более справедливое ($p \leq 0,01$). Однако не все судьи придерживались требований процедурной справедливости: в 45,7 % случаев потерпевшие не могли повлиять на ход судебного разбирательства, 31,4% пострадавших испытали давление судьи во время процесса, 32,9 % жертв отметили, что их мнение и аргументы не были приняты во внимание. Во время судебного процесса судьи также довольно формально объясняли права потерпевших (в 80,0 % случаев) и налагаемую на них ответственность за дачу ложных показаний (в 50,8 % случаев). Кроме того, было установлено, что поведение судей воспринималось жертвами преступления как более справедливое в тех случаях, когда судьи при взаимодействии с потерпевшими вели себя соответственно этическим нормам ($p \leq 0,01$), знакомили потерпевших хотя бы с одним правом ($p \leq 0,05$), а также вели себя непредвзято ($p \leq 0,001$).

В связи с тем, что поведение должностных лиц правоохранительных органов довольно часто не соответствует требованиям процедурной справедливости, а их действия воспринимаются как формальные, остается немалая вероятность того, что при взаимодействии с системой правопорядка жертвы преступления могут пострадать от вторичной виктимизации.

Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений

Васкэ Е.В.

ФГК ОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского (Национальный исследовательский университет)» (Нижний Новгород)

Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений, как правило, включает в себя составление психологического портрета неизвестного преступника и выполнение экспертных заключений. При этом, особую сложность представляет именно психологическое портретирование, несмотря на то, что в последнее время в психологической и криминалистической литературе появилось значительное количество публикаций, посвященных методике построения розыскного профиля (психологического портрета) неизвестного преступника. Как показывает практика, в регионах России поисковый профиль не получил еще должного распространения, вследствие ряда причин: нехватки специалистов данной области знаний (профессиональных профилеров); отсутствия у практических работников правоохранительных органов навыков применения полученного психологического портрета; некоторого скептицизма в отношении эффективности использования «портрета» в оперативно-розыскной и следственной деятельности, в связи с имеющимся негативным опытом привлечения к составлению розыскного профиля неквалифицированных специалистов.

В этой связи, первоначальный «рабочий» портрет, положенный в основу оперативно-розыскных и следственных мероприятий, составляется, как правило, следователем (оперативным работником) и представляет собой весьма расплывчатую модель действий преступника, не раскрывающую его индивидуальных характеристик, необходимых для поиска и выявления виновного лица.

Однако, даже при привлечении психолога к составлению поискового портрета, информационная база, предоставленная в его распоряжение, нередко бывает недостаточной, вследствие как объективных причин (не готовы экспертные заключения, нет свидетелей преступления и т.д.), так и субъективных факторов, связанных с уровнем профессионализма юриста, производящего и фиксирующего отдельные следственные действия. В связи с вышесказанным, исходя из существующих на настоящий период реалий, считаем целесообразным включение психолога как специалиста (консультанта) на всех этапах расследования серийных сексуальных преступлений.

1 этап – консультативная деятельность психолога по объединению в серию эпизодов преступления (сопоставление имеющихся в уголовном деле фактических данных с получением наиболее значимой и исчерпывающей оперативной информации непосредственно от работников правоохранительных органов, ведущих расследование; выезд на место происшествия; участие в допросах потерпевших, свидетелей, заподозренных).

2 этап – составление психологического портрета неизвестного преступника (психологический анализ способа совершения преступления; виктимологический портрет жертвы; ретроспективный анализ действий преступника в предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях; выявление мотивации преступного действия; реконструкция событий происшедшего и механизма содеянного).

3 этап - консультативная деятельность психолога по выработке стратегий поиска и задержания преступника на основе психологического прогноза его действий после содеянного (участие психолога в межведомственных оперативных совещаниях; консультативная помощь психолога оперативным сотрудникам, ведущим наблюдение и следственным работникам, производящим отдельные следственные действия).

4 этап – выполнение экспертного заключения в отношении обвиняемого в рамках проведения судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Литература

1. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления: Чикатило и др. – М., 1993.
2. Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: Дисс. канд. психол. наук. М., 1997.
3. Ахмедшин Р. Л. Методика построения «психологического портрета» преступника в зарубежной криминалистической науке. Иркутск, 2000.
4. Богомолова С. Н., Образцов В. Л. Серийные убийства на сексуальной почве как объект психолого-криминалистического изучения (анализ зарубежного опыта). – М., 2001.
5. Васька Е.В., Молодцова А.А. Использование метода психологического портретирования при раскрытии серийных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // Проблемы юридической науки в исследованиях сотрудников прокуратуры Нижегородской области. Сборник научных трудов. – Вып. 4. – Нижний Новгород, 2005. - С.102-112.
6. Конышева Л. П. Психологическое портретирование – к вопросу о методологии // Следственная практика. – Вып. 4 (161). – М., 2003. – С.153-167.
7. Логунова О. А., Дворянчиков Н. В. К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы // Психологическая наука и образование PSYEDU.RU. №1. 2011. С.21-24.
8. Михайлова О. Ю. Применение психологических познаний в расследовании серийных сексуальных преступлений // Следственная практика. – Вып. 4 (161). – М., 2003. – С.306-313.
9. Образцов В. Л. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. Учебное и практическое пособие. – М., 2003.
10. Протасевич А. А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998.

11. Сафуанов Ф. С., Назарова Е. А. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника // Психология и право. 2011. №3.

Судебно-психологическая экспертиза морального вреда (опыт проведения СПЭ по делам о компенсации морального вреда в результате ЧС в п. Пугачево Республики Удмуртия)

Дьячкова И.С., Пчельников Ю.М.

Некоммерческое Партнерство «Межрегиональный центр практической психологии и экспертизы «Развитие» (Ижевск)

Несмотря на то, что институт компенсации морального вреда существует в российском законодательстве более пятнадцати лет, практика привлечения экспертов-психологов и назначения судебно-психологической экспертизы для определения наличия/отсутствия нравственных страданий, глубины и степени их выраженности в нашем регионе невелика. Как правило, в гражданском процессе по делам о компенсации морального вреда участники судебных разбирательств обращают свое внимание на доказывание факта причинения физических страданий путем назначения судебно-медицинской экспертизы. Тот факт, что понятие страдания входит в категориальный аппарат психологии, незаслуженным образом игнорируется.

Аналогичная практика была изначально использована и участниками судебных разбирательств в Малопургинском районном суде УР по многочисленным делам о компенсации морального вреда, причиненного в результате чрезвычайной ситуации, произошедшей в ночь со 02 на 03 июня 2011 года на складах войсковой части 86696 с. Пугачево (взрывы на военных складах боеприпасов).

По ходатайству истцов судом были назначены судебно-медицинские экспертизы. При этом наряду со стандартными вопросами (о наличии/отсутствии у истца каких-либо заболеваний, установления причинно-следственной связи возникновения заболевания с исследуемыми событиями, их степени тяжести) перед экспертами были поставлены вопросы, разрешение которых не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов. Например, имелись вопросы о наличии/отсутствии у истца каких-либо изменений эмоциональной, личностной сферы после событий, происшедших в ночь со 02 на 03 июня 2011 года п. Пугачево, о наличии/отсутствии индивидуально-психологических особенностей, которые могли увеличить глубину и длительность субъективного переживания исследуемых событий, а также о том, какова степень, глубина и длительность изменений психической деятельности. Также ставились вопросы о стрессовом состоянии истца, о психотравмирующем характере событий чрезвычайной ситуации. Тем самым очевидной явилась необходимость проведения комплексных экспертиз с использованием специальных психологических знаний и привлечением к участию в разрешении экспертных вопросов экспертов-психологов.

Психологами нашей организации было проведено 12 экспертных исследований в рамках комплексных медико-психологических экспертиз по искам о компенсации морального вреда в результате ЧС в п. Пугачево УР. Нами были использованы методы психологического анализа материалов гражданского дела и медицинской документации, ретроспективный анализ состояния подэкспертного в исследуемых событиях, направленная беседа, наблюдение, экспериментально-психологическое исследование.

При разрешении экспертных вопросов использовался пакет диагностических инструментов, наиболее оправдавший себя при решении экспертных задач в рамках данного вида экспертизы. Указанный пакет включал в себя индивидуально-типологический опросник Собчик Л.Н. (ИТО), Методику многостороннего исследования личности (ММИЛ – Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В.), Стратегии совладающего поведения (ССП - R.Lazarus), опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90, Дерогатис, 1974, адаптация теста - в НИИ им. В.М. Бехтерева, С-Петербург), тест Люшера, тест Розенцвейга. Также в зависимости от индивидуальных особенностей личности и состояния истцов (подэкспертных) использовался ряд других диагностических методов.

Алгоритм судебно-психологического исследования по установлению факта причинения морального вреда включал в себя следующие этапы:

- анализ анамнестической, биографической, характеризующей информации гражданского дела, субъективного отчета, экспериментальных данных с целью ретроспективного анализа личности подэкспертного до исследуемых обстоятельств, с анализом сведений о качестве адаптации обследуемого во всех значимых областях - социальной, межличностной, семейной, профессиональной адаптации, соматического (психосоматического) функционирования;

- психологический анализ ситуации причинения нравственных страданий, обстоятельств, при которых подэкспертному были причинены эти страдания, с психологической верификацией состояния, возникшего непосредственно вслед за травмирующими обстоятельствами, с анализом обстоятельств, которые имели субъективно повышенную травмирующую нагрузку; психологической оценкой наличия (отсутствия) причинной связи между страданиями истца и действиями ответчика;

- анализ динамики изменений состояния, произошедших с момента причинения нравственных страданий, с оценкой актуального состояния, включавшей качественно-количественный анализ экспериментальных показателей, субъективных оценок, свидетельских показаний, медицинской документации, содержащих сведения о динамике изменений, степени выраженности, глубине, объеме произошедших у подэкспертного изменений (уровень изменения личностного реагирования, определение сфер жизнедеятельности, в которых произошли изменения, характер и глубина нарушения социальной адаптации, наличие\отсутствие обострения или появления ранее не зафиксированных психических или соматических расстройств);

- интегральный анализ полученных сведений с психологической оценкой прогноза последствий и обратимости наступивших изменений.

Основой для оценки степени и тяжести страданий являлась классификация А.Н. Калининой (Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда, М., 2006), как наиболее простой и отвечающий требованиям практической психологии инструмент оценки степени психического вреда. Однако данная классификация была нами несколько видоизменена и расширена, с включением в отдельный диагностический класс аффективных состояний различной интенсивности, ограниченных во времени и не имевших существенных последствий. На наш взгляд, подобное расширение классификации дополняет, но принципиально не меняет характеристик, взятых Калининой А.Н. (глубина и длительность изменений психической деятельности) за основу оценки. Кроме того, нами были дифференцированы временные параметры при определении степени вреда - с включением периода от шести месяцев до одного года, поскольку само по себе установление фактов, ставших причиной последующих психологических изменений, не устраняет трудностей, связанных с определением непосредственной причины психотравмирующих воздействий. Эти трудности связаны с тем, что одно и то же психологическое следствие может быть вызвано несколькими однотипными причинами, которые могут действовать либо совокупно, либо порознь. В свою очередь при определенной констелляции внутренних и внешних условий совокупно действующие причины могут либо усиливать одна другую, либо ослаблять или же нейтрализовать друг друга.

В связи с этим основная проблема, с которой столкнулись авторы при проведении данного вида работы - это отсутствие четких теоретических обоснований степени морального вреда. Несмотря на появление в последние годы публикаций (Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. 2006; Южанинова А.Л. и др.), тем не менее, отсутствие теоретических работ и практических рекомендаций по определению психологических критериев степени морального вреда остается проблемой, сдерживающей использование возможностей судебно-психологической экспертизы (а равно и комплексных медико-психологической, психолого-психиатрической экспертиз) в делах об определении морального вреда.

Трансформация восприятия телесности и рискованных сексуальных действий в обыденной психологии современной российской провинции

Жарков Г.В., Карасев В.А.

Владимирский государственный университет (Владимир)

В последние годы в российском обществе ведется широкая дискуссия о границах приемлемого (и, соответственно, криминального) сексуального поведения, в том числе, в контексте феномена сексуальных действий в отношении несовершеннолетних (педофилии). Проведенные нами исследования показали, что содержание этой дискуссии во многом связано с гендерно неравновесной

интерпретацией мужской и женской телесности и формой ее реализации. В силу резкого усиления криминализации сексуальных действий в современном российском праве такая неравновесная интерпретация может приводить к серьезным ошибкам - как при проведении экспертизы соответствующих деяний, так и при вынесении судебных решений в области уголовного и гражданского права.

Наше исследование было проведено в провинциальных городах Центральной России (Владимир и Муром) методом ретроспективного полуформализованного интервью. В общей сложности группа испытуемых насчитывала 181 человека ($n = 97$ М и $n = 84$ Ж). Особую подгруппу составили выпускники местных вузов психологических специальностей ($n = 33$ Ж). В эту подгруппу первоначально вошло лишь трое мужчин, что соответствует уровню феминизации данной профессии в российской провинции. Анализ результатов, полученных в подгруппе психологов, не дал значимых различий в сравнении с результатами, полученными в основной выборке - то есть, в своих экспертных заключениях испытуемые-психологи оказались готовы исходить не из научного, а из обыденного психологического дискурса.

Выводы исследования:

1. Именно мужское тело рассматривается всеми членами семьи как источник, эталон сексуальности и, одновременно, как сексуальная угроза;
2. Одни и те же действия мужчин и женщин воспринимаются членами семьи противоположного пола различно - соответствующие действия мужчин (обнажение - как в домашних условиях, так и публичное; купание обнаженным в присутствии несовершеннолетних детей обоего пола; купание детей в ванной/бане; гигиенические процедуры в отношении детей и т.д.) оцениваются женщинами как сексуальные значимо чаще, чем соответствующие действия женщин. Показательно, что при этом, по ретроспективным воспоминаниям как юношей, так и девушек, подобные действия матерей и старших родственниц значимо чаще расценивались ими как сексуальные, в том числе, травмирующие;
3. Происходит сексуализация мужского тела и десексуализация женского - как на уровне самовосприятия, так и на уровне восприятия лиц своего и противоположного пола. Статистически значимая часть опрошенных проводит четкое разделение «прошлого» восприятия и «сегодняшнего». В частности, это касается восприятия обнаженной груди и касания/дотрагивания до сосков;
4. Особенно остро стоит проблема восприятия телесности как сексуальности в семьях, относящихся к криминальной субкультуре, которая, с одной стороны, предельно расширяет сексуальную коннотацию любых проявлений телесности, а с другой - жестко стигматизирует отдельные сексуальные проявления и при этом прямо поощряет рискованные (в том числе, определенно уголовно наказуемые) проявления мужской сексуальности. То есть, криминальная субкультура создает предпосылки для формирования первой группы риска.
5. Второй группой риска в отношении рискованного сексуального поведения являются семьи с различными вариантами «приходящих отцов» (от

маятниковых мигрантов до «гостевых семей»). Для этих семей характерно формирование стратегий телесной/сексуальной конкуренции между различными членами семьи, в том числе по линии отец/сын, мать/дочь. Это во многих случаях приводит как к виктимным действиям, так и к восприятию действий мужчины как сексуальных, в том числе, с последующим уголовным преследованием.

Указанные тенденции требуют тщательного осмысления полученных результатов с точки зрения юридической психологии и экспертологии в следующих направлениях:

1. Выработка единых, более жестких критериев экспертной оценки тех или иных действий как сексуальных.
2. Обязательное назначение психологической экспертизы как для потерпевших, так и для членов семьи, проживающих совместно с ними.
3. Обязательное назначение комиссионных экспертиз с привлечением экспертов разного пола.

Учет субъективных оценок пациентов в профилактике повторных ООД психически больных

Кабанова Т.Н.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Постановка проблемы. Большое значение в предотвращении повторных ООД после принудительного лечения (ПЛ) традиционно придается преемственности между стационарным и амбулаторным звеньями психиатрической помощи. Необходима последовательная, начиная с психиатрической больницы специального типа, и взаимосвязанная работа по подготовке больного к жизни в экстрamuraльных условиях. Кроме того, лица, обеспеченные после первичного деликта и проведенного принудительного лечения регулярным и дифференцированным наблюдением диспансера, вовлеченные в комплексные реабилитационные программы, значительно реже совершают повторные ООД.

Существенный фактор при составлении реабилитационных программ и во время их реализации – ясные и реалистичные цели, которые ставит перед собой медицинский персонал, формулируя их совместно с пациентом (Булыгина В.Г. и др., 2012).

В связи с этим важным для успешного проведения восстановительного лечения и судебно-психиатрической профилактики является выявление факторов, определяющих не только мотивацию совершения противоправного деяния, но и его мотивировки, выделение особенностей восприятия спектра новых проблем, а также оценка субъективной удовлетворенности лечением.

Материал и методы исследования. В группу обследуемых вошли 68 пациентов мужского пола в возрасте от 19 до 63 лет, находящиеся на принудительном лечении в

Московской ПБ №5 и Орловской ПБСТИН. 50% обследованных был выставлен диагноз «органическое психическое расстройство» (ОПР) (F 06.22F) и 50% - «шизофрения» (F 20).

Все больные были обследованы с помощью оригинальной методики *Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре* (Булыгина В.Г, Кабанова Т.Н 2011 г.). Данная методика предназначена для определения субъективных оценок больных, находящихся на ПЛ, и их установок в отношении лечения. Методика состоит из следующих блоков: отношение к лечению, отношение к пребыванию в стационаре, отношения с врачом и персоналом, отношения доверия между врачом и пациентом, отношения с другими пациентами, атрибуция изменений клинического состояния и причин нарушений режима, агрессивных поступков.

Результаты исследования. Лиц, которые были госпитализированы более трех раз в недобровольном порядке, отличали конфликтные отношения как со средним медицинским персоналом (требовательность к удовлетворению всех своих желаний), так и с лечащим врачом (дискредитация его личностных качеств и восприятие как злого человека). При этом больные отмечали, что их одолевают страхи из-за осуждения со стороны окружающих, а лечение воспринималось позитивно только в одном аспекте – как возможность по его окончании скорее увидеть своих детей.

Дискриминантный анализ выявил значимые переменные для отнесения испытуемых в группу больных, совершивших правонарушения более 3 раз. Среди них преобладали лица с диагнозом «органическое психическое расстройство», при этом последние признавали наличие у себя психического заболевания. Конфликтные отношения с лечащим врачом они объясняли тем, что врач – плохой специалист, неприязненно относится к больному, считает его психически здоровым. Также больные приписывали врачу отрицательные качества, были крайне субъективны в своих оценках («он не нравится мне внешне»). Одновременно они отмечали комплаентность со средним медицинским персоналом. Проявления агрессии проявлялись в вербальной форме по отношению к другим больным и физической – по отношению к предметам обстановки.

Среди значимых субъективных переменных, позволяющих отнести больных, впервые направленных на ПЛ и не имеющих криминального анамнеза, были выявлены аутохтонные колебания настроения, позитивное отношение к лечению в целом при недоверии к среднему медицинскому персоналу, наличие страхов в отношении ухудшения состояния и невозможности работать. Среди таких лиц значимо преобладали больные шизофренией, которые в наименьшей степени были склонны к реализации в агрессивных поступках отрицательного аффекта.

Таким образом, использованные в данном исследовании новые методические средства продемонстрировали свою информативную ценность для выделения проблем, которые артикулируются самими больными. Именно эти проблемы должны обсуждаться врачом и психологом совместно с больными и быть мишенями в лечебно-реабилитационных мероприятиях, направленных на профилактику повторных ООД.

Литература

1. Психокоррекционные мероприятия в практике принудительного лечения/ Руководство для врачей/ под ред. В.Г. Булыгиной. М., 2012. – 350 с.

Использование герменевтических приемов при диагностике суицидального поведения

Калашникова А.С.

Московский городской психолого-педагогический университет,
ФНБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

В настоящее время Россия сохраняет за собой одно из лидирующих мест в мире по количеству самоубийств и покушений на самоубийство, в связи с чем продолжает быть актуальным исследование аутоагрессивных тенденций, и, в частности, психологических и социальных механизмов законченных суицидов и суицидальных попыток, не окончившихся смертью. Большинство авторов, занимающихся разработкой данной проблемы, рассматривают суицидальное поведение как взаимодействие личностных и средовых факторов и различают истинные суициды, парасуициды и несчастные случаи (Амбрумова, Ковалев, Тихоненко, 1980; Амбрумова, Калашникова, 1998; Амбрумова, 1996; Войцех, 2007), причем внутренние и внешние формы аутоагрессивного поведения подчинены общим закономерностям строения человеческой предметной деятельности (Леонтьев, 1983). Согласно А.Н. Леонтьеву, выделяются отдельные деятельности по критерию побуждающих их мотивов; действия, которые подчиняются сознательным целям; и операции, вытекающие из условий достижения конкретных целей. Так целью истинных самоубийств является лишение себя жизни, в то время как парасуицидальная попытка нацелена на достижение желаемых субъектом изменений и не направлена на достижение конечного результата – смерти. Как показали ранее проведенные исследования (Калашникова, 2009), экстраполяция данных, полученных при исследовании личностных особенностей суицидентов в совокупности с изучением ситуаций микросоциального конфликта на примере лиц, выживших после совершения аутоагрессивной попытки, на весь контингент лиц, совершивших суициды, является в должной мере необоснованной, т.к. психологические механизмы законченного суицида и парасуицида качественно различаются. Таким образом, методы исследования предсуицидальной и суицидальной ситуаций должны варьироваться в зависимости от того, с каким случаем имеет дело исследователь.

В настоящее время лица, выжившие после совершения суицида, либо попадают в общесоматический стационар и, как правило, их тяжелое физическое состояние не позволяет проводить с ними должного комплекса психологических исследований, а лишь ограничивается краткой диагностикой и беседой с психотерапевтом накануне выписки, либо физический ущерб невелик и эти лица вовсе выпадают из поля зрения медиков, психологов и социальных служб. Принудительное лечение и помещение в

специализированный стационар производится только в случае наличия у суицидента выраженного психического расстройства, ставшего причиной произошедшего. Диагностические процедуры в указанных выше случаях заключаются в том, чтобы проверить, насколько сохраняются актуальными суицидальные мысли и побуждения. Для этого используются такие тесты как «СР-45», «Сл-19», «ФСР-26» (Гишинский, Юнацкевич, 1999), а также методы исследования суицидальной и противосуицидальной мотивации у лиц с суицидальными тенденциями (Вагин, 2001). В случаях завершённых суицидов чаще всего используется метод анализа предсмертных записок – «психологическая аутопсия» (Шнейдман, 2001). Определение истинности или демонстративности аутоагрессивных намерений и актуальности суицидальных мыслей также играет не меньшую роль в рамках принудительного лечения лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, и лиц без психической патологии, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Другое направление работы – это определение особенностей психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством, при производстве посмертной экспертизы в рамках уголовного процесса. В данном случае центральным методом исследования выступает психологический ретроспективный анализ материалов уголовного дела, являющийся разновидностью герменевтического подхода. В отличие от традиционного подхода, согласно которому под герменевтикой понимается искусство и теория толкования письменных источников, в психолингвистике понятие текста трактуется в более широком плане и подразумевает не только фиксированный текст, но и определенные события, обладающие сложной смысловой и знаковой структурой (Сафуанов, 2009). На наш взгляд данный метод мог бы успешно дополнить, а в ряде случаев в целях экономии времени и средств заменить, существующую в общесоматических стационарах процедуру диагностики суицидальных намерений лиц, совершивших суицидальные попытки, как успешные, так и незавершённые. Так в случаях исследования психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством, без возбуждения уголовного дела, целесообразно наряду с изучением предсмертных записок использовать описанную ниже схему анализа, которая существенно может обогатить теоретические представления о психологических механизмах истинных суицидов. Текстом в этом случае выступает не только само предсмертное письмо, но и любые продукты творчества суицидента, созданные в предшествующий смерти период – рисунки, поделки, мимоходные записи, рассказы, стихи и пр. Вместе с тем психолингвистическому и психосемантическому анализу могут подвергаться высказывания родственников и знакомых погибшего лица. В первую очередь, необходимо четкое уяснение фабулы произошедшего и выделение смысловых опорных точек – а) особенности психического развития суицидента; б) его устойчивые индивидуально-психологические особенности; в) его психическое (эмоциональное) состояние в период, предшествующий суициду; г) его структура отражения и осознания внешнего конфликта и регуляции своего поведения в нем; д) развитие ситуации и определение динамики изменения характера взаимодействия личности суицидента и ситуации. Во-

вторых, психолог выделяет то, что непосредственно в источнике не представлено или допускает неоднозначное толкование – «лакуны». В дальнейшем работа с лакунами происходит путем компенсации информационных пропусков, возможной в двух вариантах – обобщении и интерпретации. Прием обобщения имеющихся данных также может быть двух типов. Обобщение первого порядка решает задачу выявления инвариантных черт личности при анализе показаний различных свидетелей, или конкретных проявлений психической деятельности через анализ разнообразных источников информации, описывающих одни и те же обстоятельства сходным образом. Обобщение второго порядка происходит через воссоздание полной картины описанных событий, путем выделения инвариантных структур через сопоставительный анализ данных. Например, если подавляющее большинство свидетелей указывает на одни и те же индивидуально-психологические особенности, то психолог делает вывод об их устойчивости в контексте понимания личности в целом. Интерпретация индивидуально-психологических особенностей и психического состояния через описанные в источниках информации конкретные поступки суицидента и его взаимоотношения с окружающими происходит путем реконструирования искомым психических явлений по косвенным, непрямым данным на основе специальных познаний психолога. На завершающем этапе происходит создание целостной непротиворечивой модели личностных свойств суицидента, его ценностных ориентаций, особенностей мотивационно-потребностной сферы, особенностей переживания им конфликта, мотива и повода его поступка и пр. Данный алгоритм также может быть применен в случаях работы с выжившими лицами после совершения ими суицидальных попыток, при этом под текстом также будут пониматься высказывания самого суицидента.

Таким образом, предложенный алгоритм работы с анализом психического состояния лица, совершившего суицид или суицидальную попытку, на наш взгляд, может успешно применяться не только в экспертологии, но в русле практической психологии и психотерапии.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – №4.
2. Амбрумова А.Г., Калашникова О.Э. Клинико-психологическое исследование самоубийств // Социальная и клиническая психиатрия. – 1998. – №4.
3. Амбрумова А.Г., Ковалев В.В., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М.: Изд-во Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980.
4. Вагин Ю.Р. Авитальная активность. – Пермь: Изд-во ПРИПИТ, – 2001.
5. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. – М.: Миклош, 2007.
6. Гишинский Я.И., Юнацкевич П.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. Учебное пособие. - СПб., 1999.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность//Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983, Т.2.

8. Калашникова А.С. Ингибиторы ауто- и гетероагрессии // Современная психология: актуальные проблемы и тенденции развития: Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2009 [Адрес ресурса в сети интернет: <http://www.lomonosov-msu.ru/2009/>]
9. Сафуанов Ф.С. Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие/Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – 3-ое изд. – М.: Генезис, 2009.
10. Шнейдман Э.С. Душа самоубийцы. – М., 2001.

О диагностике информационного состояния субъекта в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа (ПФИ)

Комиссарова Я.В.

Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина (Москва)

История метода «детекции лжи» с применением полиграфа не оставляет сомнений относительно значимости его психолого-психофизиологической составляющей. С большей или меньшей степенью детализации, ПФИ рассматривается в литературе в качестве многоэтапной процедуры, где основной материал для анализа полиграфолог получает в ходе тестирования на полиграфе. С помощью полиграфа осуществляется регистрация динамики психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности (дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и др.) в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков, в совокупности образующих полиграмму.

Описывая таким образом суть тестирования на полиграфе, важно помнить, что в ходе ПФИ состояние обследуемого непрерывно меняется под действием множества объективных и субъективных факторов, независимо от того, ложные или правдивые сведения по делу он сообщает. Регистрируя с помощью полиграфа внешние признаки изменения психофизиологического состояния организма, полиграфолог априори не может быть уверен в том, что всякий раз, предъявляя стимул, имеет дело с реакцией именно на него. Поэтому в свое время А.Р. Лурия писал не о причинно-следственной связи, а о корреляционной зависимости «скрытых» и одновременно доступных для непосредственного наблюдения процессах, протекающих в организме человека (Психология эмоций, 1984).

В свою очередь, отсутствие корреляции не означает, что между двумя величинами нет никакой связи, и тем более не может свидетельствовать о том, что событие, характеризуемое набором исследуемых признаков, не имело места в действительности. Мнение о том, что отсутствие реакций в ходе ПФИ есть «неоспоримый результат» и «доказательство невиновности» подозреваемого часто

высказывают те из теоретиков и практикующих специалистов-полиграфологов, кто увлекся «теорией целенаправленного тестирования памяти» Ю.И. Холодного, который писал, что полиграфолог констатирует «наличие или отсутствие в памяти тех или иных обстоятельств события» (Холодный Ю.И., 2009). Неудивительно, что его последователь И.В. Нестеренко, в одном из составленных им по уголовному делу заключений эксперта, оценивая ответы подэкспертного на вопросы тестов как «истинные» или «ложные», пришел к выводам относительно того, что тот делал или не делал в отношении малолетней – предполагаемой жертвы насилия со стороны подэкспертного (заключения данного полиграфолога автору публикации неоднократно приходилось рецензировать в порядке ст. 80 УПК РФ).

Вопрос о корректности такого рода заключений эксперта заслуживает отдельного обсуждения, здесь же следует подчеркнуть - отсутствие выраженных устойчивых психофизиологических реакций на стимулы, связанные с событием, послужившим поводом для производства ПФИ, не может служить основанием для вывода об отсутствии в памяти обследуемого лица образов, сформировавшихся в связи с указанным событием. Хотя в психологии и различают «доступность» и «присутствие» следов в памяти, однако в ходе тестирования с применением полиграфа невозможно установить – был ли след «окончательно потерян», либо «не был найден признак события» (соответственно, не был сформирован надлежащий стимул), который позволил бы «извлечь» информацию из памяти обследуемого (Баддли А., Айзенк М., Андерсон М., 2011).

Специфика проведения ПФИ в целях проверки достоверности сообщаемых человеком сведений заключается в том, что для получения соответствующих выводов непосредственно показания прибора не используются, поскольку отражают лишь состояние и динамику физиологических процессов человека и не содержат никакой другой информации, которая могла бы прямо указывать на достоверность (недостоверность) утверждений субъекта (Сошников А.П., Пеленицын А.Б., 2009). Применение полиграфа в целях «детекции лжи» в обязательном порядке требует создания и соблюдения целого ряда особых, довольно сложных методических условий, благодаря которым появляется возможность определенной логической интерпретации зарегистрированных данных. Изложенное означает, что в процессе ПФИ мы имеем типичную ситуацию диагностики не по прямым, а по косвенным признакам, построенную на методах психологии и психофизиологии.

Литература

1. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память / Пер. с англ. Под ред. Т.Н. Резниковой. Спб.: Питер, 2011. С. 270.
2. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 231.
3. Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М.: Эксмо, 2009. С. 139.

4. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 62.

Особенности восприятия и когнитивной сферы при бредовых расстройствах

Кузнецов И.В.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Цель настоящего исследования - выявление взаимосвязи когнитивных стилей с содержанием бредовых образований и роли фантазирования в их формировании. Актуальность разработки данной проблемы обусловлена потребностью экспертной практики.

В качестве методов исследования использовались: Тематический апперцептивный тест, тест Чернильных пятен Роршаха, тест психодиагностики творческих способностей Торренса. Было исследовано 33 испытуемых, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу в Центре в период 2010-2012 гг. У всех подэкспертных врачами-психиатрами были диагностированы различные виды бредовых расстройств. Испытуемые были разделены на 3 группы: с интерпретативным бредом - 9 человек, с чувственным бредом - 13, с образным бредом - 11.

Результаты исследования. У всех обследованных лиц с различными видами бредовых расстройств была выявлена выраженная полнезависимость в анализе информации, трансформируемой в дальнейшем в психопатологические переживания. В ходе работы с проективными методиками восприятие всех групп испытуемых с **бредом** отличалось фрагментарностью, фиксацией на деталях изображений, наличием склонности к смешению фигуры и фона, построению и интерпретации целостного образа исходя лишь из оценки небольшой части изображения. При этом у испытуемых с **интерпретативным и чувственным бредом** указанные особенности сочетались с привнесением субъективных переживаний в виде настороженности, ощущения враждебности со стороны окружающих и чувства тревоги, а также склонностью к фиксации на деталях, что нарушало возможность целостной оценки материала и способствовало ложному узнаванию изображений.

У лиц с **интерпретативным бредом** отмечались обедненность, суженность восприятия с трудностями переключения и субъективной интерпретацией информации с привлечением значимого опыта и дальнейшим формированием идеаторных построений, что сочеталось с повышенным уровнем рефлексии и контроля над продукцией собственной мыслительной деятельности.

У испытуемых с **чувственным бредом** выявлялась склонность к чрезмерной и при этом импульсивной фабулизации изображений с созданием развернутого, аффективно насыщенного сюжета с множеством нюансов и дополнительных деталей, сменой мест событий и персонажей при отсутствии существенной реальной опоры в предъявленных изображениях.

Больные с **образным бредом** отличались беглостью предъявления различных вариантов интерпретаций стимульного материала в работе с проективными методиками; относительной оригинальностью образов, их новизной и разработанностью, с выделением множества деталей и при этом фабулизацией с одновременной визуализацией, вживанием в собственную интерпретацию, трудностями дифференциации придуманного и реального.

При анализе когнитивных контроллеров было выявлено, что для больных с **чувственным бредом** характерен узкий диапазон эквивалентности понятийного аппарата в рамках когнитивного стиля, в то время как у лиц с **бредом воображения** он, напротив, широкий. Для лиц с **интерпретативным бредом** характерен рефлексивный когнитивный стиль, тогда как у больных с чувственным бредом, наоборот, отмечался импульсивный стиль. Испытуемые с **образным бредом** обнаруживают низкий уровень толерантности к нереалистическому опыту, тогда как лица с **интерпретативным бредом**, напротив, высоко толерантны и крайне категоричны в своих оценках. Уровень творческого потенциала у всех испытуемых низкий или невысокий, несмотря на яркость, разработанность и расширенность фабул психопатологических переживаний.

Выводы: механизмы бредообразования зависят от особенностей восприятия и когнитивных стилей как контроллеров познания окружающей действительности. Полученные результаты позволят повысить эффективность дифференциальной диагностики.

Психологические особенности анализа видеоматериалов в рамках судебно-психологической экспертизы

Лисовцева В.М

Саратовская государственная академия права (Саратов)

Петрова Л.Г

Прокуратура Саратовской области,

Саратовская государственная академия права (Саратов)

Сущность судебной экспертизы состоит в анализе сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов и различных документов (вещественных доказательств) в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела.

В процессе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства используются видеозаписи (видео- и аудио-ряд в виде текста, изображения, музыкального сопровождения), которые нуждаются в содержательном анализе и юридической оценке для достижения большей полноты и объективности при раскрытии преступлений.

Содержательный анализ видеоматериалов требует специальных психологических знаний. Если идеи автора (оратора, публикатора) «выражены прямо, незавуалированно, дать оценку содержанию материала правоприменитель может

самостоятельно». (Под ред. Ситковской, 2011). Но если автор свои воззрения выражает скрытно, исподволь, с помощью уловок – тогда требуется консультация судебного психолога или назначение экспертизы.

Основной целью судебно-психологической экспертизы видеоматериалов является психологическая оценка спорного материала (в данном случае, аудиовизуальной продукции, в качестве которой может выступать телепрограмма, кинофильм или его часть, отрывок из него, видеосъемка публичного выступления, интервью); оценка его возможной направленности, ложности высказываний; влияния (воздействия) на реципиента (аудиторию); формирования мнения на основе создаваемого контекста; материалов порнографического характера.

Под понятием «контекст» мы понимаем: а) окружение, в котором находится текст и б) то новое смысловое поле, которое реципиент в процессе восприятия создал (или получил готовое) благодаря собственной системе понятий. Для адекватного восприятия смысла текста нужна совместимость генетической семантической модели, сложившейся у реципиента, и семантической модели, содержащейся в тексте.

Таким образом, контекст характеризуется отношениями между тезаурусами отправителя (автора) информации и получателя (реципиента, аудитории).

Объектом психологического исследования могут выступать различного рода сообщения СМИ (телепрограмма, кинофильм или его часть, отрывок из него, видеосъемка публичного выступления, интервью), видеоматериалы следственных действий (проверки показаний на месте преступления, допроса, очной ставки) и т.д. Судебно-психологическое экспертное исследование видеоматериалов в рамках уголовного процесса возможно, например, при оценке ложности показаний допрашиваемого лица; при оценке действий, направленных на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма; оценке наличия стороннего влияния на лицо, дающее показания (социально-психологическая экспертиза технологий психологического воздействия на личность). В гражданском процессе аналогичное исследование видеоматериалов используется при защите чести и достоинства лица, затронутых публично, при анализе детско-родительских отношений в ситуации развода родителей.

Таким образом, предметом психологической экспертизы является исследование смысловой направленности представленного материала, его контекста как системообразующего фактора восприятия смысла (конгруэнтность вербальных и невербальных элементов, совмещение визуального и звукового ряда, появление качественно нового вида контекста информации). Контекст может существенно изменять характер информации, которая в него попадает.

В качестве приемов воздействия в видеоматериалах могут выступать как сам текст (произносимый, написанный, фоновый) так и сопровождающий его музыкальный ряд и/или видеоряд.

Так, в рамках судебно-психологической экспертизы нами проводилось исследование материалов видеозаписи программы «Общественное мнение» от 20.10.2007г. канала ТНТ.

...В монологе автора программы используется словосочетание «национальный вопрос»: дважды в контексте противопоставления и один раз - в контексте «деньги, валюта». Монолог сопровождается визуальным рядом, где показаны студенты – граждане России и Сомали, демонстрируются различия в условиях их жизни в общежитиях; диалогом героев мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», в котором акцентируется превосходство денег над иными ценностями (например, родственными, национальными и иными приоритетами). Интервью студентов и сотрудника университета звучат на фоне видеоколлажей (ректор, здания общежитий снаружи и внутри, сомалийские студенты) и отрывка текста из песни в исполнении Агутина Л. «... ты не бойся, он хороший, хоть на нас и непохожий. Непохожий на тебя, не похожий на меня, просто так, прохожий, парень чернокожий...».

Таким образом, превращение «национального вопроса» в вопрос финансовый стало возможным благодаря ассоциациям, вызванным отрывками из мультфильма и песней в исполнении Л.Агутина.

Результатом влияния видеоматериала может стать изменение направленности убеждений реципиента, его личностной позиции и др., что является отражением релевантности контекста целям общения. Релевантным является контекст, в котором информация, содержащаяся в тексте, находит адекватное отражение в тезаурусе читателя.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что аудио- и видеоряд можно рассматривать как единое целое.

Видеоматериал – совокупный «продукт». Его составляющие - текст, визуальный ряд, звуковой ряд - находятся в определенной связи, могут менять в этой структуре свое доминирующее (определяющее наибольшее влияние на контекст) положение. Видеоматериал это сообщение, смысл которого закодирован. Видео- и аудиоряд дают возможность манипуляции содержанием сообщения и выступать в качестве приемов коммуникативного воздействия. Вычленение подобных способов воздействия на восприятие и сознание аудитории является существенно важным для специального анализа представленных на экспертизу материалов (Ситковская О.Д., 2011).

Так, при исследовании видеозаписи фильма «Вечный жид» на предмет возбуждения ненависти или вражды были выделены способы воздействия на восприятие и сознание аудитории. К ним, в первую очередь, относился закадровый словесный комментарий. Для усиления воздействия на аудиторию авторами фильма использовались документальные съемки жизни еврейского гетто в Польше, портретные и жанровые съемки обитателей гетто, кадры из художественного фильма об истории династии Ротшильдов, кинохроники из жизни аристократического общества. Для лучшего восприятия статистических и других данных приводятся диаграммы, карты мира. Таким образом, психологическое воздействие существенно расширяется за счет параллельного применения вербальной и невербальной информации. Воспринимающий не только сравнивает имеющийся у

него внутренний образ с демонстрируемым, но и под влиянием демонстрируемого образа формирует у себя новый, желаемый для авторов фильма.

Данные приемы коммуникативного воздействия, используемые авторами фильма, позволили манипулировать сознанием и формированием личного или общественного мнения: поскольку приемы, носящие иллюстративный характер, приобретают характер манипуляции.

Практика показывает, что репрезентация мира в форме образа зависит от многих психических составляющих, в том числе, от мотивационно-потребностной сферы реципиента, его эмоционального состояния. Кодирование, категоризация исходного содержания в знаковой и символической форме ведут к обогащению его совокупным социальным опытом, к упорядочению исходного содержания, его организации в формах, выработанных общественной практикой.

В заключение хочется отметить, что воздействие видеоматериалов на аудиторию усиливается за счет увеличения каналов восприятия, влияющих на базовые личностные установки, взгляды и убеждения, эмоционального отношения личности и формирование нового внутреннего представления. Аудио- и видеоряд позволяют манипулировать формированием внутреннего образа и эмоциональным отношением к содержанию сообщения, усиливают влияние текста за счет расширения смыслового поля реципиента.

К сожалению, на сегодняшний день не сформированы критерии определения степени влияния видеоматериалов и технологии его оценки на формирование личностных (субъективных) смыслов трактовки информации, что затрудняет проведение судебно- психологических экспертиз видеоматериалов.

Литература

1. Юридическая психология. Учебник. /Под ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011.

Факторы рецидива сексуальных правонарушений (зарубежный подход)

Макурин А.А.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

История изучения факторов, увеличивающих риск повторных сексуальных правонарушений, в зарубежной практике насчитывает более 50 лет. Следует отметить, что подход зарубежных коллег к классификации факторов риска сексуального рецидива отличается от отечественной парадигмы. Исследования последних десятилетий выявили следующие группы факторов.

Криминологические: количество предшествующих правонарушений; наличие предшествующих половых правонарушений, в меньшей степени - разнообразие сексуальных преступлений; наличие эксгибиционистских эпизодов в анамнезе; повторность изнасилования; раннее начало сексуальных нападений; выбор незнакомых жертв (уровни повторных осуждений для лиц, ранее совершивших 2

преступления, оказались в 15 раз выше по сравнению с лицами, у которых в истории было лишь 1 преступление) (Phillpotts G. и др., 1979). Также сюда вошли сексуальные злоупотребления в отношении детей вне собственной семьи (внутри собственной семьи риск ниже) (Stone J. и др., 2000) и совершение преступления против детей обоего пола - как в препубертате, так и по его достижении.

Демографические: молодой возраст, отсутствие брака.

Клинические: употребление алкоголя и наркотиков; импульсные и антиобщественные тенденции; сексуальные фантазии и девиантное сексуальное возбуждение; повышенные уровни сексуальных obsessions; расстройства личности – особенно, антисоциальное (Kemshall H., 2001), а кроме того -наличие психоза в анамнезе (Hanson R. и др., 1998). Ряд авторов считает, что факт присутствия психического расстройства вовсе не указывает на совершение повторных преступлений в будущем, а сексуальные преступления могут быть сверх меры представлены в системе уголовного правосудия в связи с тем, что наличие психического расстройства повышает вероятность быть пойманным (West D., 1996).

Психологические: импульсивность; степень и характер гнева; когнитивные искажения, которые могут приводить к изнасилованию (Malamuth N. и др., 2000); враждебное отношение к женщинам (Hanson K., и др., 2000); импульсивность и преувеличенное чувство маскулинности (Crowell N. и др., 1996); отсутствие сочувствия к жертвам; нарушения регуляции поведения, низкий социальный интеллект; ненормальная эмоциональная конгруэнтность (Beckett R. и др., 1994).

Отдельно выделяют *факторы отношений:* сильные патриархальные отношения, эмоционально неблагоприятная семейная среда, физическое и сексуальное насилие в детстве, опыт наблюдения семейного насилия в детстве. *Общественные факторы:* малообеспеченность, отсутствие возможностей для трудоустройства, отсутствие институциональной поддержки со стороны полиции и судебной системы, допустимость сексуального насилия в обществе, слабые санкции сообщества, доступ к потенциальным жертвам.

Социальные факторы: социальные нормы, поддерживающие мужское превосходство и сексуальные права; высокий уровень терпимости к преступности и другим формам насилия. (Jewkes R. и др., 1999).

Литература

1. Beckett R., Beech A. и др. Community Based Treatment for Sex Offenders: An Evaluation of Seven Treatment Programmes. London. - 1994.
2. Crowell N., Burgess A. Understanding violence against women. Washington, National Academy Press. - 1996.
3. Drieschner K, Lange A. A review of cognitive factors in the etiology of rape: theories, empirical studies and implications. Clinical Psychology Review, 1999, 19:57–77.
4. Hanson K., Harris A. Where should we intervene? Dynamic predictors of sexual offense recidivism/ Criminal Justice and Behavior. -2000. –V. 27. – P. 6-35.
5. Hanson R., Bussièrc M. Predicting relapse: A meta-analysis of sexual offender recidivism studies/ J. of Consulting and Clinical Studies. -1998. - V. 66. - P. 348–62.

6. Jewkes R, Abrahams N. The epidemiology of rape and sexual coercion in South Africa: an overview *Social Science and Medicine*, London. -1999.
7. Kemshall H. Risk Assessment and Management of Known Sexual and Violent Offenders: A Review of Current Issues, *Police Research Series Paper*. – 2001.
8. Malamuth N., Addison T. Pornography and sexual aggression: are there reliable effects and how can we understand them?/ *Annual Review of Sex Research*. – 2000. –V.11. – P.26–91.
9. Phillpotts G., Lancucki L. Previous Convictions, Sentence and Reconvictions: A Statistical Study of a Sample of 5,000 Offenders Convicted in January 1971. *Home Office Research Study*. N. 53. - 1979.
10. Stone J. и др. *Faulk's Basic Forensic Psychiatry*. Oxford: Blackwell Science. – 2000. – P. 211-236.
11. West D. *Sexual molesters. In: Dangerous People*. London: Blackstone Press. - 1996.

Психологические факторы внутрибольничной агрессии во время принудительного лечения у психически больных женщин

Макурина А.П.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

К критериям оценки качества организации принудительного лечения (ПЛ) в условиях психиатрического стационара традиционно относится число побегов и число нападений больных на окружающих (персонал и других пациентов).

Следует отметить, что за 5-летний период (2006-2010 гг.) произошло значительное (в 2,3 раза) снижение показателя числа побегов пациентов, находящихся на ПЛ в психиатрическом стационаре (в 2010 г. он составлял 1,07 на 1000 больных). Вместе с тем отмечается рост (4,8%) числа нападений больных на окружающих лиц (в 2010 г. – 9,14 случая на 1000 больных) (Макушкина О. А., Казаковцев Б. А., 2012).

Причины и факторы, способствующие совершению больными повторных преступлений в период принудительного лечения, на сегодня изучены недостаточно. Вместе с тем наблюдения за повседневной жизнью внутри отделений свидетельствуют о том, что опасное поведение больных обусловлено не только упущениями диагностического и терапевтического плана, но и отсутствием надлежащего надзора и недооценкой мер безопасности (Воронин В. С., Булыгина В. Г., 2007).

Анализ мировой уголовной статистики свидетельствует о быстрых темпах роста женской преступности, которая наряду с чертами, общими для всей преступности, характеризуется определенной спецификой, что с учетом последних мировых тенденций позволяет выделить и рассматривать эту категорию преступлений в качестве относительно самостоятельного элемента (Качаева М. А., Русина В. В., 2010).

Большую часть агрессивных поступков, совершаемых лицами с психическими расстройствами в период их нахождения в стационаре, можно объяснить психологическими мотивами, когда психические нарушения оказывают лишь неспецифический растормаживающий эффект.

Как показывают многолетние исследования, проведенные специалистами ГНЦ им. В. П. Сербского, в структуре увеличивающегося числа агрессивных правонарушений против личности, совершенных женщинами, растет удельный вес лиц, обнаруживающих личностную патологию. Анализ криминального поведения пациенток с расстройствами с точки зрения его мотивации свидетельствует о том, что ведущую роль в формировании мотивов правонарушения играют микросоциальные факторы (Харитоновна Н. К., Васянина В. И., 2004).

Исследования, проведенные в стационарах, осуществляющих ПЛ, позволили выделить комплекс психологических факторов внутрибольничной агрессии психически больных женщин (Кузнецов Д.А., Булыгина В.Г., 2012). В него входят: коммуникативные расстройства; проблемы управления гневом; низкие показатели уступчивости; нехватка личной/социальной поддержки; пережитый недавно стресс, особенно, потеря или угроза потери; подозрительность; снижение морально-этических установок; нравственная деградация; убежденность в наличии права на безнаказанность; агрессивность в общении; внутренняя конфликтность самоотношения; низкий уровень эмпатии; низкий интеллект; когнитивная недостаточность (снижение уровня обобщения, трудности оперирования переносными смыслами); конкретность и субъективизм в ассоциативной сфере; инертность мышления; обусловленность мотивационных расстройств аффективными нарушениями.

Литература

1. Булыгина В.Г., Кузнецов Д.А. Учет гендерной специфики криминального поведения в судебно-психиатрической профилактике/ Электронный журнал Психологическая наука и образование. М., 2012. №2.
2. Воронин В. С., Булыгина В. Г. Клинико-психологические подходы к оценке риска внутрибольничной агрессии // Проблемы профилактики общественно опасных действий психически больных (сборник научных трудов). М., Троицкое, 2007.
3. Качаева М. А., Русина В. В.. Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами// Российский психиатрический журнал, № 6, 2010.
4. Макушкина О. А., Казаковцев Б.А. Мониторинг эффективности профилактики общественно опасных действий психически больных на этапе принудительного лечения//Судебная психиатрия. Актуальные проблемы/Под ред. Профессора В. В. Вандыша. – М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. – Вып. 9. – 244 с.
5. Харитоновна Н. К., Васянина В. И. Криминальная агрессия и личностная патология у женщин// Российский психиатрический журнал, № 1, 2004.

К проблеме атипичного течения аффекта у лиц, не страдающих психическим расстройством

Морозова М.В., Савина О.Ф.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

В последние годы при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз на предмет определения эмоционального состояния обвиняемого в момент совершения правонарушения стали отмечаться случаи, не подпадающие под принятые критерии аффекта ни по феноменологии, ни по характеру, ни по длительности течения и спектру эмоциональных переживаний. Тем не менее, такие состояния по выраженности нарушений саморегуляции могут подразумевать возможность применения привилегированных уголовных норм (ст. ст. 107, 113 УК РФ).

Наряду с традиционно относимыми к юридической категории «аффект» психологическими экспертными понятиями - физиологический и кумулятивный аффект, аффект на патологической почве (атипичный) и на фоне простого алкогольного опьянения – в экспертной практике встречается еще одна группа состояний, которую по извинительности эмоций также можно отнести к данной категории. Условно ее можно обозначить как атипичные аффекты у лиц, не страдающих психическими расстройствами.

Выделяемые состояния по формированию эмоционального напряжения сходны с кумулятивными аффектами, они также возникают на фоне длительной стрессовой ситуации. У подэкспертных данной группы она, как правило, носит волнообразный характер, где периоды обострения психотравмирующих переживаний чередуются с нивелированием неблагоприятных факторов при невозможности разрешить имеющуюся проблему. Неопределенность ситуации, обусловленная этим трудность выбора конструктивной стратегии поведения, выраженная неустойчивость эмоционального фона с его практически полярными колебаниями приводят к постепенному истощению личностных ресурсов и появлению ощущения безвыходности. В связи с этим эмоциональное напряжение, накопленное к моменту правонарушения, хотя и не столь выражено и ярко по спектру эмоций, становится устойчивой характеристикой и сопровождается снижением энергетического потенциала. Обычно при этом вся аффективная сфера сосредоточена на психотравмирующих переживаниях, а усилия направлены на сохранение привычного социального функционирования и бытового стереотипа.

Вновь актуализировавшиеся психотравмирующие факторы и переживания, в том числе и по внутренним механизмам, приводят к слому личностного уровня реагирования с агрессивными действиями в отношении «обидчика». При этом типичного для состояния аффекта взрыва у данного контингента не происходит, поскольку для этого нет достаточного потенциала, активности и внутренних ресурсов. Момент деликта носит пролонгированный, ундулирующий характер с

возможностью перемещения и смены орудий, что внешне может восприниматься как достаточно сложно организованная деятельность. В субъективном плане при этом отмечаются суженность сознания и восприятия, зачастую более выраженные, чем при типичном аффекте, и захватывающие события до и после момента правонарушения. Аффективной разрядки как таковой нередко не происходит, а ощущения астении могут фиксироваться до и в ходе реализации агрессивных действий, в то время как после содеянного признаки физического и психического истощения проявляются отсроченно, сменяясь при этом периодами мобилизации в ответ на внешние воздействия и требования ситуации.

Несмотря на такую картину течения эмоциональных реакций, нарушения произвольной саморегуляции столь же выражены, как при типичном аффекте: редуцируются звенья планирования, выбора цели и средств, оценки, контроля и прогноза; все это в совокупности свидетельствует о «насильственности» совершаемых действий по отношению к собственной личности, об отсутствии свободы воли и сознания.

Таким образом, считаем целесообразным относить к категории аффекта рассмотренную группу состояний с атипичными реакциями и агрессивными действиями, которые возникают у лиц, не страдающих психическими расстройствами, в ответ на очередное психотравмирующее воздействие при истощении личностных ресурсов.

Комплексный характер экспертной психологической оценки состояния лиц, совершивших ДТП

Мялкин В.А.

Адвокатская фирма «Защита» Адвокатской палаты Ярославской области (Ярославль)

Практика экспертиз по оценке индивидуально-психологических особенностей лиц, совершивших ДТП, показывает, что традиционно при их проведении делается уклон на психофизиологические особенности личности подэкспертного.

К этой сфере, безусловно, относятся оценки характеристики психических процессов: восприятия и внимания, объема памяти и скорости реакции выбора, детерминированный темпераментом тип реакции на стресс, индивидуальные пороги чувствительности и прочее. Не менее важными признаются и оценки особенностей состояний, которые также в значительной мере определяются наследуемыми особенностями личности. Наконец, составляющая третьей части оценки представлена вопросами, касающимися индивидуально-психологических особенностей личности - прежде всего, характерологических (которые, безусловно, имеют устойчивые, вне ситуационные особенности, предполагающие возможность достаточно объективного экспертного оценивания).

Однако при полном анализе ситуации ДТП представляются важными и другие личностные особенности, которые как раз и составляют поле дискуссий при

обсуждении возможности применения статей, квалифицирующих «преступления по неосторожности» или «невиновному причинению вреда».

В первом случае законодатель прямо указывает на «легкомыслие», «небрежность», «самонадеянность» или «предусмотрительность», «внимательность (как личностную характеристику)».

Во втором случае законодатель указывает на ситуацию, когда лицо, объективно участвующее в противоправных действиях, «не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия), либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий...».

Таким образом, практически любая судебно-психологическая экспертиза, связанная с оценкой личностных особенностей участника ДТП, должна включать в себя развернутую оценку личностных особенностей.

В мировой психологической практике (в последнее время, после проведения культурной адаптации, и в нашей стране тоже) авторитетным методом многофакторной оценки личности признан опросник NEO-PI-R, созданный как операционализация «Пятифакторной модели личности» или, как ее часто называют, «Большой Пятерки» (Big Five).

Объединенные в целостную систему, 5 основных шкал и 30 субшкал NEO-PI-R позволяют достаточно широко описать личность взрослого человека, объединяя в своем описании многие особенности личности, указанные выше и представляющие несомненный интерес при экспертном оценивании.

Нейротизм (N) – включает субшкалы: «Тревожность», «Враждебность», «Депрессия», «Рефлексия», «Импульсивность», «Ранимость». Сущностью шкалы «Нейротизм» является общая тенденция испытывать негативные аффективные состояния, такие как страх, грусть, раздражение, гнев, чувство вины и отвращение.

Экстраверсия (E) – включает субшкалы: «Сердечность», «Общительность», «Настойчивость», «Активность», «Поиск возбуждений», «Позитивные эмоции». В дополнение к данной характеристике можно отметить, что экстраверты любят людей и предпочитают большие группы и собрания, они также напористы, активны, энергичны, оптимистичны и любят поговорить.

Открытость Опыту (O) – включает субшкалы: «Фантазия», «Эстетика», «Чувства», «Действия», «Идеи», «Ценности». Элементы открытости опыту - такие, как активное воображение, эстетическая чувствительность, внимание к чувствам других, предпочтение разнообразия, гибкость ума и независимость в суждениях и оценках - часто играют существенную роль как в теоретических, так и в практических аспектах психодиагностики личности.

Сотрудничество (A) – включает субшкалы: «Доверие», «Честность», «Альтруизм», «Уступчивость», «Скромность», «Чуткость». Отметим, что чрезмерное стремление к сотрудничеству все же не всегда бывает положительным качеством. Например, когда от человека требуется проявить готовность отстаивать свои собственные интересы или интересы кого-то другого, стремление к сотрудничеству может оказаться совершенно нежелательным качеством.

Добросовестность (С) – включает субшкалы: «Компетентность», «Организованность», «Послушность долгу», «Стремление к достижениям», «Самодисциплина», «Обдумывание поступков». Самоконтроль, помимо контроля за эмоциональными реакциями, может также соотноситься и с более активными процессами планирования, организации и выполнения деятельности и отдельных ее заданий, а присутствующие здесь индивидуальные различия являются основой параметра «Добросовестность».

Занимающий сравнительного немного времени, опросник, по нашему мнению, может быть существенным дополнением к уже опробованным методикам, оценивающим психологические особенности участника ДТП.

О некоторых вопросах назначения судебно-психологической экспертизы в уголовном судопроизводстве

Полянская В.А.

Юридический институт Иркутского государственного университета (Иркутск)

Расширение сферы применения специальных познаний для расследования и разрешения уголовных дел проистекает из активно формирующейся в настоящее время состязательности уголовного процесса. Невозможно привести ни одного уголовного дела первой инстанции, по которому не проводилась какая-либо экспертиза (Шумилина Н.Ю., 2011). В связи с этим сегодня отмечается интенсивный процесс привлечения психологов в уголовное судопроизводство - в качестве экспертов и специалистов, усиливается внимание судебно-следственных органов к достижениям психологической науки.

Очевидно, что предмет ряда судебно-психологических экспертиз в настоящее время носит до сих пор спорный и дискуссионный характер, при этом правоприменительная практика нуждается в более расширенном диапазоне видов судебно-психологической экспертизы и неумолима в своих запросах. Приходится констатировать, что научные изыскания в области судебно-психологических исследований не успевают за ними.

По результатам пилотажного опроса следователей и судей по вопросам привлечения знаний из области психологии, было установлено, что органы правоприменения устойчиво нуждаются в таких новых видах экспертиз, как: экспертиза при отказе от прежних показаний; экспертиза, определяющая конкретную мотивацию правонарушения; экспертиза психологических воздействий; экспертиза по установлению иерархии преступной группы; экспертиза деятельности террористических групп, псевдорелигиозных сект и психокультов и др.

При этом юридические последствия таких экспертиз, по мнению юристов, совсем необязательно должны носить прямое квалифицирующее значение. Практические работники правоохранительных и судебных органов высказывают мнение о том, что выводы судебно-психологической экспертизы играют важную роль в формировании их внутреннего убеждения.

Такие запрашиваемые судебными-следственными органами предметные виды судебно-психологической экспертизы, безусловно, требуют своей дальнейшей методологической разработки. В государственных судебно-экспертных учреждениях такие экспертизы, чаще всего, не проводятся, поэтому, встречаясь с мотивированным отказом, судебные-следственные органы обращаются к частнопрактикующим экспертам.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволяет производить экспертизы не только в государственном экспертном учреждении, но также и вне его. Следователь вправе пригласить для производства экспертизы любое сведущее лицо. Экспертизы могут проводить сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов, а также другие известные специалисты в различных отраслях знаний.

Обращаясь к негосударственному эксперту, следователь самостоятельно устанавливает его компетентность, изучая документы, подтверждающие его квалификацию, стаж и опыт работы. В этой связи хотелось бы заметить, что деятельность ряда экспертов не лицензируется, и поэтому фактически проверить компетентность эксперта только по наличию у него документов об образовании бывает чрезвычайно сложно. Проблема подготовки частнопрактикующих экспертов не нашла сегодня законодательного закрепления и на практике остается актуальным вопрос лицензирования их деятельности.

Применительно к этому вопросу в Республике Казахстан сложилась более удачная правоприменительная практика. Так, в ст. 243 УПК РК говорится, что производство судебной экспертизы может быть поручено сотрудникам органов судебной экспертизы; лицам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии; и в разовом порядке иным лицам в соответствии с требованиями закона (УПК РК).

Интересен в этой связи также опыт Чешской Республики - с точки зрения выбора эксперта из числа лиц, удовлетворяющих условиям их назначения. Условиями являются следующие: наличие чешского гражданства, требуемых знаний и профессионального опыта; наличие личных качеств, создающих предпосылки надлежащего осуществления экспертной деятельности; наличие согласия претендента на назначение экспертизы. Экспертом может быть назначен также человек, который сам об этом ходатайствует (Белоглавок А., Хотова Р., 2011).

Для сообщества судебных экспертов-психологов вышеперечисленные тенденции не являются новыми, при этом имеются вполне веские аргументы, которые этически и даже юридически позволяют не отвечать на подобные запросы. Однако хотелось бы напомнить об исторических фактах в развитии первых судебно-психологических экспертиз, когда правоприменительная практика, задавшись актуальной целью, чаще всего, находила своих единомышленников.

Литература

1. Шумилина Н.Ю. Судебная практика Иркутского областного суда по вопросам назначения и производства экспертизы на стадии рассмотрения уголовных дел в суде // Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве: Научно-практическое пособие. М.: РАП, 2011. С. 143.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 № 206-І // [Электронный ресурс] : www.pavlodar.com/zakon/?dok=00147&ogl=all (01.02.2012).
3. Белоглавок Александр И., Хотова Рената. Эксперты в международных условиях (в гражданских и уголовных судебных процессах, арбитражных и инвестиционных разбирательствах) / Александр И.Белоглавок, Рената Хотова : К.: Таксон, 2011. С. 32.

Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей

Потлачук Н.В.

Санкт-Петербургский филиал национального исследовательского университета
Высшей школы экономики (Санкт-Петербург)

Цитате Никонова Бориса Павловича: суд «как бы чувствует, что эти дела совсем не к лицу ему и не ко двору. Суд, привыкший иметь дело с формальными засвидетельствованиями прав и с отношениями чисто вещественного характера, путается и приходит в смущение, когда перед ним предстает семейная жизнь с ее горестями и требованиями, совершенно далекими от какого-либо юридического формализма. Суд действует в таких делах с неловкостью и неуверенностью близорукого человека» сто лет, но актуальность проблемы не стала меньше. Согласно статистике, приведенной Управлением анализа и обобщения судебной практики Верховного Суда РФ, ежегодно количество судебных споров о воспитании детей увеличивается с геометрической прогрессией (в среднем на 50% в год).

В связи с этим возникает много вопросов, на которые нет однозначного ответа, в частности, вопрос о понимании квалификации специалистов, имеющих возможность высказывать свое мнение, как в рамках судебной экспертизы, так и в рамках консультаций специалистов.

В судебной практике дела, связанных со спорами о воспитании детей, считаются наиболее сложными, так как зачастую нет сомнения в способности того или иного родителя должным образом осуществлять это свое право, поскольку независимо от того, с кем из родителей будет проживать ребенок, оно принадлежит им обоим.

Для оказания комплексной помощи семье и защиты интересов ребенка недостаточно одних только юридических знаний.

В качестве примера можно рассмотреть статью 65 СК РФ. Только лишь в одной этой статье упомянут ряд понятий (привязанности ребенка, индивидуальные

особенности родителей, их нравственные качества, стили воспитания и т.д.), для оценки которых требуется глубокое психологическое исследование. Поэтому экспертными задачами, решаемыми КСППЭ, являются:

- оценка особенностей психического состояния ребенка;
- диагностика индивидуально-психологических особенностей ребенка, особенностей и уровня его психического развития;
- диагностика отношения ребенка к каждому из родителей, а также к другим членам семьи;
- диагностика способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений с учетом его возраста,
- диагностика особенностей конфликтной ситуации в семье,
- выявление характера отношения ребенка к каждому из родителей;
- диагностика индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей,
- выявление особенностей их отношения к ребенку, родительской позиции, стиля воспитания (выявление патологизирующего стиля воспитания);
- диагностика характера взаимоотношений ребенка с каждым из родителей;
- прогностическая диагностика особенностей психического развития ребенка в ситуации его воспитания каждым из родителей (Сафуанов Ф.С. и др., 2011)

Ответы на эти вопросы могут быть решены с помощью судебной психологической экспертизы. В связи с этим вопрос о квалификации специалистов, принимающих участие в исследовании, становится актуальным. При анализе экспертных задач становится очевидным, что производстве психологической экспертизы необходимо участие, как минимум, таких специалистов, как клинический, детский и семейный психолог с опытом работы в судебной психологии. А в некоторых случаях целесообразно назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

На сегодняшний день, согласно ГПК РФ и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» суд может назначить экспертизу любому специалисту, имеющему высшее профессиональное образование и опыт работы по специальности. Однако здесь возникает ряд вопросов.

Во-первых, суды при назначении такой экспертизы зачастую называют ее психолого-педагогической (или комплексной психолого-педагогической экспертизой), что вносит сумбур в определении специальности эксперта. Такая формулировка в законе и в определении суда позволяет заниматься экспертной деятельностью не только психологам любой специализации, невзирая на то, имеют ли они какое-нибудь отношение к судебной экспертизе или нет, но и школьным педагогам. При этом педагоги, выполняющую такую экспертизу, стараются использовать психологические методы и методики, но не являясь специалистами в данной деятельности, делают это непрофессионально, совершая грубые ошибки.

Во-вторых, в негосударственных экспертных организациях очень часто возникает проблема при подборе психологов-экспертов. Главное (и чаще всего, единственное) требование, предъявляемое к кандидату – наличие высшего

психологического образования. Мне приходилось читать заключения, написанные психологами, занимающимися психоаналитической практикой, психотерапевтов, психологов из других отраслей психологии (политической и т.д.). Эта работа не выдерживает никакой критики. Большинство данных специалистов не знакомы с судебной психологией и существующим алгоритмом судебного психологического исследования (Коченов М.М., 2010), обеспечивающим комплексный подход к оценке индивидуально-психологических особенностей отдельных субъектов брачно-семейных отношений, их психического состояния и возрастного психологического развития. В связи с этим данные специалисты оказываются не в курсе того, что данный алгоритм предполагает использование определенных методов и методик, таких, как, например, психологический анализ материалов дела, анамнестический метод, применение только психологических методик, которые позволяют проводить «исследования объективно, на строго научной и практической основе», а также в своих исследованиях «основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

Часто в заключениях специалистов, не являющихся судебными психологами, можно увидеть следующие ошибки: полностью отсутствует психологический анализ материалов дела, анализ биографии подэкспертных, используются методики, научность которых вызывает сомнение. Недавно читала заключение, написанное доктором философских (!) наук, где в качестве основного метода используется компьютерная методика некоего Ануашвили, которая по фотографии человека позволяет определить его характер и состояние. Иногда психодиагностическое исследование не включает в себя применение всех необходимых методов: например, основывается на одной только кратковременной беседе с использованием только проективных методик, или же исследуется только одна сторона спора. В таких случаях возникает высокая степень риска получения субъективных выводов, не отвечающих требованиям всесторонности и полноты диагностического исследования и представляющих собой оценочные субъективные суждения, выходящие за рамки компетентности обычного психологического исследования.

Литература

1. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. - М.: Генезис, 2010. – 352 с.
2. Сафуанов Ф.С. Харитонов Н.К. Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. - М.: Генезис, 2011. – 192 с.

Типичные ошибки, совершаемые при производстве судебно-психологических экспертиз материалов экстремистской направленности

Ратинова Н.А.

Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации (Москва)

В настоящее время в связи с увеличением числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности отмечается рост запросов правоприменительных органов к специалистам-психологам о проведении исследований материалов СМИ, публичных выступлений, различной печатной, аудио и видеопродукции для оценки их смыслового содержания, выявления в них высказываний и побуждений к действию, направленных против отдельных религиозных, этнических, социальных групп или их представителей.

Подобные материалы (и возбуждаемые по факту их обнаружения проверки и уголовные дела) являются, как правило, весьма идеологизированными, а зачастую и политизированными. Они вызывают большой общественный резонанс, затрагивают значимые духовные ценности, религиозную, этническую и социальную идентичность людей, не оставляя равнодушными лиц, участвующих в уголовном разбирательстве, в том числе и экспертов.

Как отмечают правозащитные организации, «антиэкстремистское законодательство» в последнее время стало использоваться не только для борьбы с криминальной ксенофобией, но и как инструмент подавления инакомыслия и воздействия на политических оппонентов. Нередко на экспертов оказывается существенное психологическое давление как со стороны единомышленников подозреваемых, так и со стороны лиц, проводящих следствие и заинтересованных в «правильных» выводах.

Такого рода исследования в большом числе случаев проводятся вне экспертных учреждений и поручаются психологам, не имеющим специальных познаний в области юридической психологии, не знакомых со спецификой экспертной работы, не имеющих представлений о правовой регламентации экспертной деятельности. В результате представляемые правоприменителям заключения по спорным материалам зачастую не выдерживают критики ни по содержанию, ни по научной обоснованности проведенных исследований и выводов, ни по качеству оформления акта экспертизы. К числу наиболее распространенных ошибок, совершаемых экспертами, относятся следующие:

– выход за пределы профессиональной компетенции. Сюда, в частности, относятся попытки психологов устанавливать наличие в анализируемом материале «призывов к действию». Категория «призыв» относится не к сфере психологии, а к понятийному аппарату лингвистики, алгоритмы ее оценки подробно и детально разработаны в данной науке;

– вторжение на «правовое поле» в виде попыток установить наличие умысла, юридических мотивов, ответить на вопрос, представляющий собой кальку с

формулировки соответствующей статьи закона, дать юридическую квалификацию деянию. Все это является прерогативой юристов, осуществляющих проверку, расследование или судебное разбирательство по делу;

– проведение вместо анализа предоставленного правоохранителями материала социально-психологических опросов и экспериментов, направленных на исследование его «воздействующего потенциала», способности вызвать у воспринимающей аудитории вражду и ненависть. Постановка подобных «острых» социально-психологических опытов не только противоречит методологическим принципам производства судебно-психологических экспертиз и профессиональной этике, но и является по форме уголовно наказуемым деянием – публичным распространением ксенофобской идеологии и лозунгов;

– подмена исследования конкретного материала общенаучными рассуждениями о природе экстремизма, специфике негативных этнокультурных стереотипов, влиянии СМИ на общественное сознание;

– политическая и идеологическая ангажированность экспертов, занимаемая им позиция «охранителя» культурных традиций или религиозных ценностей. Сюда относится наличие в тексте заключения эмоционально окрашенных оценочных суждений, морализаторства.

Заключения с подобными ошибками дискредитируют не только экспертную деятельность и самих специалистов, но и профессиональное сообщество психологов в глазах общественности. Впоследствии такие тексты зачастую расходятся по сети Интернет в качестве профессиональных курьезов.

Психологическая характеристика вменяемости и невменяемости

Ситковская О.Д.

Академия Генеральной прокуратуры РФ (Москва)

В УК 1996 г. впервые дана вводная статья (ст. 19), которая содержит условия признания лица субъектом уголовной ответственности. Предпосылки или условия уголовной ответственности (вменяемость и возраст) имеют психологическую основу, противодействующую объявлению субъектами преступлений лиц, которые не обладают должной способностью к избирательному поведению в уголовно релевантных ситуациях.

Вменяемость – способность осознавать характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Имеется в виду такое психическое состояние, которое создает возможность волевого управления поведением применительно к конкретным уголовно значимым ситуациям. Содержательная характеристика вменяемости как сквозного признака субъекта преступления не требует традиционного сочетания психологического и так называемого медицинского критерия. Конечно, способность к осознанному управляемому поведению имеет объективную основу в виде соответствующего уровня психического здоровья. Но для констатации наличия или отсутствия субъекта преступления необходимо и

достаточно установление именно самой способности к осознанно-волевому поведению и ее реализации в конкретной ситуации. Психическое здоровье - не единственный фактор, влияющий на наличие этой способности в конкретном случае. Не менее важны некоторые эмоциональные состояния, личностные особенности, их соотношение с ситуацией. Именно поэтому содержание понятия вменяемости ограничивается только психологическим критерием, в свою очередь имеющим интеллектуальный, волевой, эмоциональный аспекты.

Понятие невменяемости является производным от понятия вменяемости. Интеллектуальный и волевой элементы невменяемости раскрываются от обратного по отношению к вменяемости - соответственно как неспособность, невозможность осознавать фактический характер либо общественную опасность своих действий и невозможность руководить ими.

Привычная дихотомия вменяемость-невменяемость, если в основу ее содержательной характеристики закладываются два обязательно взаимодействующих критерия (в том числе, медицинский), не охватывает всего круга случаев, когда материалы дела ставят под сомнение презумпцию уголовного закона о способности (как правило) субъекта нести виновную ответственность. Имеются в виду случаи, когда при отсутствии медицинского (психиатрического) критерия невменяемости в точном его смысле решающее влияние на поведение имеет:

- отставание несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, а являющееся следствием неправильного воспитания, педагогической запущенности и пр.;
- отсутствие способности к осознанно-волевому поведению из-за несоответствия индивидуально-психологических возможностей требованиям, предъявляемым экстремальной ситуацией;
- отсутствие избирательности осознаваемого поведения из-за интенсивного принуждения извне;
- утрата этой способности из-за временных функциональных состояний и нервно-психических перегрузок и др.

Психологический анализ понятий вменяемости-невменяемости с опорой на базовое понятие вменяемости позволил выделить ряд ситуаций, когда снижение или отсутствие избирательности поведения не связано с психическим расстройством, то есть, медицинским критерием невменяемости. Это нашло выражение в ряде новых норм УК 1996 г. Речь идет о ч. 3 ст. 20 УК (возрастная невменяемость); ст. 28 УК (невиновное причинение вреда); ст. 40 УК (физическое или психическое принуждение) и др.

Использование психологии в разработке правовых дефиниций призвано обеспечить:

- справедливость уголовно-правового реагирования на преступления через психологически адекватную дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности;

- психологически обоснованные предпосылки превентивного воздействия уголовного закона и практики его применения;
- правильное применение соответствующих положений закона для формирования стабильной следственной, судебной, прокурорской, экспертной практики.

Вывоз ребенка с места постоянного проживания одним из родителей в ситуации острого семейного конфликта

Соколова Л.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В настоящее время огромное распространение в гражданском судопроизводстве приобрели дела, затрагивающие вопросы определения места жительства ребенка с одним из родителей после расторжения их брака и порядок общения и участия в воспитании ребенка отдельно проживающим родителем. В ходе судебных процессов бывшие супруги выясняют отношения всеми возможными способами, не осознавая или игнорируя последствия, которые влечет за собой вовлечение детей в супружеский конфликт. Также некоторые родители прибегают к довольно жестким методам решения проблемы - в частности, к «похищению» своих детей.

На данный момент проблема вывоза детей является юридически неразрешимой по ряду причин:

1. Вывоз ребенка может свободно осуществляться родителями, формально состоящими в браке, поскольку никаких препятствий для этого не существует (письменных соглашений второго родителя на поездки не требуется).
2. Наказание за вывоз детей, место жительства которых определено судом, обозначено в законодательстве наложением административного штрафа или арестом на срок до пяти суток.
3. В случае, когда родитель длительное время отсутствовал в жизни ребенка и не принимал участия в воспитании, он все равно имеет все возможности реализовывать свои права.

Однако учесть в законодательных актах все жизненные ситуации и условия, в которых оказываются дети и родители после распада семьи, невозможно. В силу этого одни и те же правовые нормы приходится применять к самому разнообразному спектру ситуаций, иногда кардинально отличающихся друг от друга. Поэтому крайне важно рассматривать каждую спорную ситуацию индивидуально, и не ужесточать наказания, а заниматься профилактикой вывоза детей с постоянного места жительства и чинения препятствий в общении с отдельно проживающим родителем.

При рассмотрении практики гражданских дел можно выделить несколько распространенных причин вывоза детей законными представителями.

1. Страх отдельно проживающего родителя потерять возможность контактировать с ребенком в дальнейшем.

2. Сведение личных счетов между родителями, где ведущим является желание отомстить.

3. Принципиальность родителей, когда сверхзначимостью обладают взгляды родителя на то, с кем ребенок проживать **не** будет. Здесь можно выделить две подгруппы ситуаций:

- родитель, вывозящий ребенка, имеет мнение о дальнейшем месте его проживания исходя из одних только национальных традиций,
- один из родителей категорически не желает предоставлять второму возможность проживать и общаться с ребенком исходя из одних только личных интересов.

При анализе всех трех групп случаев выявляется общая закономерность: происходит *овеществление* ребенка, в результате чего он становится *предметом* спора, а решающими являются не его реальные интересы, а принципы, побуждения и мотивы родителей.

Поскольку юридически предотвратить вывоз и удержание ребенка законным представителем невозможно, необходима индивидуальная работа с каждой родительской парой. Такая профилактическая работа должна быть комплексной и многокомпонентной.

Наиболее значимыми видятся следующие направления деятельности:

- Информирование родителей о психологических процессах, происходящих у детей в ситуации развода, при смене места жительства, при вовлечении в родительский конфликт.
- Помощь в формировании у родителей субъект-субъектных отношений с ребенком (в виде конкретизации эмоциональных и поведенческих реакций делимого ребенка, понимания причинно-следственных связей между имеющимся конфликтом и психологическим состоянием ребенка).
- Смещение акцентов и переориентация значимости смешиваемых ролей: родительской и супружеской.
- Выявление общих ценностей, значимости общего ребенка, его психологического здоровья и самочувствия, возможности для благоприятного дальнейшего развития.
- Помощь в оценке родителями собственных сил и возможностей в осуществлении воспитательных функций. Формирование реальных представлений о потребностях и возможностях общего ребенка.
- Помощь в совместной выработке общих подходов родителей к воспитанию, договоренностей о взаимопомощи, раздела сфер ответственности.
- Помощь в выработке оптимального порядка общения с ребенком для отдельно проживающего родителя, с учетом реальных возможностей и потребностей сторон.

В результате профилактической работы должна существенно снизиться острота конфликта между родителями, что приведет к утрате необходимости вывоза и удержания ребенка и существенному снижению количества таких случаев.

Осуществить столь объемную работу в пределах какой-либо одной конкретной службы в настоящее время не представляется возможным. Наиболее значимым с этой точки зрения видится привлечение следующих ресурсов:

- Органы опеки и попечительства;
- Службы медиации;
- Психологические службы;
- Специалисты в области семейного права;

Реализовать концепцию совместной работы всех этих служб возможно двумя способами:

- а) в рамках функционирования единой семейной службы, работающей с семейными конфликтами и содержащей в себе большинство перечисленных выше специалистов;
- б) в рамках межструктурного взаимодействия, в ходе которого ряд структур и организаций реализуют общую модель совместной работы в соответствии с единым планом действий.

Обе описанные модели работы имеют свои особенности, однако любая из них окажется намного эффективнее ныне существующего подхода, в котором структуры и организации, вовлеченные в защиту прав ребенка, разобщены, а профилактики похищения детей родителями практически не осуществляется.

Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников

Стволыгин К.В.

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
(Минск, Республика Беларусь)

Узаконение в Российской Федерации и других странах СНГ альтернативной гражданской службы актуализирует проблему установления подлинности пацифистских убеждений призывников, поскольку неизбежно возникают спорные случаи, связанные с вынесением суждений о наличии или отсутствии у них искренних убеждений, несовместимых с несением военной службы (Стволыгин К.В., 2010).

В качестве ключевой проблемы проведения психологической экспертизы пацифистских убеждений выделим проблему доказательности суждений о наличии у призывников убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и выбор альтернативной гражданской службы. Если детализировать данную проблему, то в качестве основных ее составляющих можно отметить: дифференциацию убеждений призывников и выделение тех убеждений, которые дают право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной; установление подлинности пацифистских убеждений; возможности использования специальных психологических знаний, методов и методик.

Для того, чтобы доказательно судить о наличии или отсутствии у человека тех или иных убеждений, необходимо выделить их критерии. Условно разделим критерии на внешние и внутренние.

Внешние критерии представляют собой реальные действия человека. Именно как реальные действия они в большинстве случаев могут быть объективно зафиксированы и оценены. В этом состоит особая привлекательность внешних критериев – особенно, с точки зрения юриспруденции. Очевидным является и то, что реальные действия человека коррелируют с его убеждениями. В силу этого и делаются попытки использовать в качестве критериев такие реальные действия человека, как: вступление в различные организации, его образ жизни и характер деятельности. Тем не менее, данные критерии в каждый конкретный момент далеко не всегда зеркально отражают убеждения человека, в том числе и пацифистские, а значит и не позволяют доказательно судить об их характере.

В качестве внутренних критериев убеждений могут рассматриваться представления, знания, ценностные ориентации, ставшие мотивами поведения человека. В принципе, данные критерии конкретны и могут быть объективно оценены. Однако и здесь вполне возможно возникновение спорных ситуаций. Так на повестку дня встает сложный вопрос – переросли ли эти знания, представления и ценностные ориентации в убеждения. Поиск ответа на этот вопрос неизбежно приведет к уже указанной необходимости выявления и оценки внешних критериев.

Наряду с выделением убеждений, дающих право на освобождение от военной службы и прохождение службы альтернативной, установления их подлинности, не менее сложной представляется и задача применения в этих целях специальных психологических знаний, методов и методик. Для такого рода исследований чаще всего используются методы, базирующиеся на самоотчетах призывников (опрос, беседа, тестирование). Результаты, получаемые с помощью этих методов, уже по определению скорее субъективны, чем объективны.

Таким образом, вынесение доказательных суждений о наличии или отсутствии у призывника искренних убеждений, несовместимых с несением военной службы, и связанная с этим проблема психологической экспертизы убеждений представляется крайне сложной, требующей глубокой и всесторонней научной проработки.

Литература

1. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы/ В.В. Нагаев. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. - 211 с
2. Стволыгин, К.В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи / К.В. Стволыгин. – Мн.: РИВШ, 2010. - 248 с.
3. Угринович, Д.М. Психология религии/ Д.М. Угринович - М.: Политиздат, 1986. - 352 с.
4. Brock, P. Freedom from war: Nonsectarian Pacifism 1814-1914/ P. Brock. – Toronto: University of Toronto Press. 1991. – 436 p.

К вопросу о социально-психологических аспектах судебно-психологической экспертизы показаний свидетелей (потерпевших)

Урываев В.А.

Ярославская государственная медицинская академия (Ярославль)

Вопрос об экспертной оценке показаний свидетелей (потерпевших) является традиционным для судебной психологии. Вместе с тем, практика проведения подобного рода экспертиз иногда страдает из-за одностороннего подхода, связанно с исторически сложившимся доминированием «медико-психологического» (дадим такое условное название) подхода в постановке проблем. Мы имеем в виду стандартную постановку вопроса о возможности свидетеля (потерпевшего) в полной мере понимать значение происходящего и давать об этом показания. Отвечая на этот вопрос, эксперты (опять-таки невольно), «идя на поводу» у следователей или суда, пропускают не менее важный вопрос о причинах изменения показаний по ходу следствия.

Как правило, причины изменений показаний свидетелей (потерпевших) по ходу следствия носят выраженный социально-психологический характер. Изменения могут быть связаны с отношениями в группе сверстников, в семье, в микросоциальном окружении, под влиянием широкого социального контекста, наконец, с самими техниками сбора информации в ходе следствия и в суде.

Для экспертной практики можно порекомендовать в обязательном порядке проведение специальной оценки применительно к вопросу «изменялись или не изменялись показания свидетелей (потерпевших) в своих существенных особенностях в ходе предварительного следствия и что могло иметь определяющее влияние на подобный установленный экспертом (следствием) факт». В случае, если этот вопрос не сформулирован при назначении экспертизы, всегда остается право экспертной инициативы, поскольку сами представители правоприменительных органов, обращаясь к эксперту, не осознают в полной мере значение вопроса об оценке социально-психологического аспекта.

В практике работы нам пришлось столкнуться с таким актуальным для социальной психологии феноменом, как стигматизация. Примером из обыденной жизни может служить крик «Держи вора!», раздающийся на шумной улице, после которого личность, на которую указывает кричащий, в глазах случайных прохожих сразу же (априори) становится «предполагаемым вором». В одном из экспертных случаев (свидетельницей с диагностированными в рамках КСППЭ чертами истероидности) было брошено слово «Маньяк!», после чего все показания (даже у лиц, не включенных непосредственно в ситуацию) описывали произошедшее как «нападение маньяка»: «маньяк совершал то-то и то-то», «побежали задерживать маньяка», «маньяк выглядел так-то». В обществе, «затерроризированном» СМИ сообщениями о «маньяках» все это может иметь в высшей степени драматические последствия. Примечательно, что восстановить однажды стигматизированные показания (данные непосредственного восприятия элементов ситуации) оказывается

либо невозможным, либо это требует специальных усилий со стороны психолога-эксперта (подчеркнем, что это возможно лишь при рефлексии необходимости формулировки подобного вопроса/вопросов).

Феномен стигматизации мы использовали только как пример, в то время как к социально-психологическим феноменам можно отнести и анализ показаний в группе потерпевших («взаимовлияние» показаний по ходу следственных мероприятий), и атмосферу, сложившуюся в определенном районе (регионе) в отношении к определенному виду преступлений, и культурный внутрисемейный уровень понимания проблем (плюс отношения старший-младший) и многое другое.

Таким образом, воссоздание существенных социально-психологических особенностей происшедшего в момент совершения преступления (а также в происшедшего в процессе расследования), проводимое на основе материалов дела и бесед с потерпевшими (свидетелями) в ходе экспертизы, может значительно повысить надежность получаемых выводов. При этом важно подчеркнуть, что сама по себе способность свидетеля (потерпевшего) воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать о них показания может быть вполне удовлетворительной.

Медицинская профилактика общественно опасных действий психически больных, находящихся на принудительном лечении

Устьянина Ж.Г.

Кемеровская областная клиническая психиатрическая больница (Кемерово)

Правильная организация и эффективность принудительного лечения имеют важное общественное и государственное значение, поскольку предполагают не только лечение психически больных, но и ограждение общества от их опасных действий (Г.В. Морозов, В.П. Котов, М.М. Мальцева, А. Р. Мохонько и др. 2006). В системе предупреждения общественно опасных действий психически больных ведущее место принадлежит принудительному лечению, а организация лечебно-реабилитационной работы в этих условиях требует такого же комплексного, системного подхода (Котов В.П., Мальцева М.М, 2001; Усов Г.М. 2008; Булыгина В.Г., 2012). Значимой в теоретическом и практическом плане остается проблема повторности общественно опасных действий, совершаемых больными (Белоусова М.Л., 2002; Котов В.П., Мальцева М.М, 2005; Hartwell S.W., 2004). В связи с этим разработка научно обоснованных инструментов оценки проводимых лечебно-реабилитационных мероприятий, а также уточнение критериев назначения, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера являются не менее актуальными с позиций комплексного подхода к предупреждению общественной опасности психически больных.

Цель: оценка эффективности проводимых мероприятий по профилактике повторных ООД в отделении принудительного лечения Кемеровской областной клинической психиатрической больницы.

Материалы и методы. Были обследовано 130 пациентов (мужчин), проходивших стационарное принудительное лечение. Больные были распределены по 2 группам: участвующие в реабилитационных программах и не участвующие в них. В возрастном отношении наибольший удельный вес составлял 30-40 лет – 83 человека (63,84%). По нозологическому составу группы были представлены следующим образом: шизофрения - 72 человека (55,3%); органическое психическое расстройство — 32 человека (24,6%); умственная отсталость - 13 человек (10%); эпилепсия - 13 человек (10%). При исследовании был выявлен невысокий социальный статус и уровень социальной адаптации среди всех обследуемых. Все обследуемые имели 2 группу инвалидности по психическому заболеванию. Более половины всех правонарушений составили убийства — 88 человек (67,69%), затем следовали нанесение телесных повреждений - 23 человека (17,69%), имущественные преступления - 12 человек (9,24%); правонарушения сексуального характера – 7 человек (5,38%).

Из 130 обследуемых пациентов коррекционная работа проводилась с 65 пациентами (50%). На этапе интенсивной реабилитационной работы при незначительных изменениях личности – психопатоподобном дисгармонично-личностном уровне дефицитарных расстройств - целесообразно было применение одного из психотерапевтических методов, таких, как психодрама, группы встреч.

Полученные результаты и их обсуждение. Анализ работы с больными, участвующими в психореабилитационной программе, выявил, что в течение уже 2-3 месяцев отмечалось снижение агрессивных тенденций в поведении. Больные активнее включались в трудовые процессы внутри отделения, помогали медицинскому персоналу, соблюдали режим в отделении. Результаты однофакторного анализа показали, что в группе больных, не участвующих в психореабилитационной программе, было больше лиц, имевших проблемные отношения в отделении.

Заключение. Следует отметить, что группа, участвовавшая в психотерапии, служила для больных постоянным источником поддержки. При умелом руководстве практически не наблюдалось «эффекта зараженности», при этом все участники с готовностью обсуждали свои проблемы. У пациентов сохранялся постоянный контакт с реальностью, поддерживались социальные связи. Также в случае рецидива болезни или при возникновении какой-либо иной трудности больной всегда имеет возможность вернуться к занятиям в группе.

Приведение только поведенческих критериев динамики, обусловленной, в том числе и психотерапевтической работой с больными, подтверждает целесообразность и практическую значимость ее внедрения в практику работы отделений, осуществляющих принудительное лечение. В самом общем виде эффективность работы групп представляется как повышение компетентности ее участников в общении, регуляция процессов межличностного восприятия, профилактика обострений и госпитализаций, социальная реабилитация с последующей интеграцией больных в сообщество.

Литература

1. Березанцев А. Ю. Меры медицинского характера и вторичная профилактика ООД. Лекции. Цикл усовершенствования для психиатров – экспертов. Май 2006г.
2. Гурович И. Я., Шмуклер А. Б. Практикум по психосоциальному лечению и психосоциальной реабилитации психически больных. М., 2004г.
3. Мальцева М. М., Котов В.П. «Опасные действия психически больных», М., 1995г., с. 225
4. Руководство для врачей/ под ред. В.Г. Булыгиной. Психокоррекционные мероприятия в практике принудительного лечения.- М., 2012.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» МЗ РФ. -350 с.
5. Orley J. Et al. Quality of life and mental illness // Brit. J. Psychiat.-2005. – Vol. 172.-P. 289-293

Психологические и поведенческие критерии успешности реабилитационных мероприятий

Устьянина Ж.Г.

Кемеровская областная клиническая психиатрическая больница (Кемерово)

Новотоцкая-Власова Е.В.

Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева (Москва)

Исследования по оценке эффективности принудительного лечения (ПЛ) представляют собой одну из актуальных задач в области профилактики общественной опасности. В целях повышения эффективности клинической практики и соблюдения морально-этических норм требуются доказательства положительных результатов реабилитационных вмешательств (Абдраязкова А.М., Булыгина В.Г., 2011, 2012).

В представленном ниже исследовании в качестве успеха реабилитационных мероприятий рассматривались улучшение социального функционирования, появление осознания болезни и редукция психопатологической симптоматики, снижение уровня агрессии.

Было обследовано 130 пациентов (мужчин), проходивших стационарное лечение в условиях Кемеровской областной клинической психиатрической больницы (ГУЗ КОКПБ г. Кемерово). 60 пациентов находились на принудительном лечении (ПЛ) и участвовали в терапевтических занятиях; 40 человек находилось в том же отделении на ПЛ, но не принимали участие в занятиях. 30 психически больных, не совершавших ООД и находящихся в Кемеровской ОКПБ в мужском отделении были выбраны в качестве контрольной группы.

Результаты проведенного исследования выявили следующие особенности исследуемых групп больных по ряду маркеров.

Психологические шкалы агрессии. Максимальное уменьшение общего индекса агрессии было выявлено в группе лиц, находящихся на ПЛ и участвующих в психотерапии. Однако межгрупповая динамика и внутригрупповая динамика отдельных структурных составляющих измеряемого психологического конструкта

агрессии была различной. Так, показатели «обида» увеличились во всех группах, хотя у лиц, проходящих психотерапию, отрицательная динамика была минимальной. Напомним, что создатели методики составляли диагностический инструмент исходя из понимания переменной «обида», как зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия. Однозначной интерпретации полученного феномена нет. Поэтому вопрос о том, вызван ли данный психологический феномен явлениями стигматизации или другими клинко-социальными факторами, остается открытым.

Максимальная положительная динамика (снижение значений показателей агрессии) отмечалась в данной группе по переменным «вербальная агрессия», «раздражительность» и «негативизм», что означает снижение готовности данной группы больных к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении и появление большей толерантности в отношении установленных правил поведения. Увеличение чувства вины также отмечалось только в группе больных, проходящих психотерапию, что отражает возможное появление у них убеждения в том, что они поступают зло, и связанных с этим угрызений совести. Сочетание способности к совладанию в стрессовых ситуациях (копинг) с чувством вины является общепризнанным фактором, снижающим вероятность риска насилия.

Поведение в отделении. В группе больных, не занимающихся психореабилитацией, было больше лиц, имеющих проблемные отношения в отделении. Конфликтные отношения и постоянные нарушения режима также значительно чаще отмечались среди больных, находящихся на принудительном лечении, но не участвующих психотерапевтических группах.

У лиц с отрицательной и невыраженной динамикой психологических показателей агрессии были несистематические нарушения режима в отделении, которые проявлялись в агрессии по отношению к другим больным, а для группы с отрицательной динамикой они дополнительно приобретали форму отрицательного лидерства. У лиц с положительной динамикой агрессия по отношению к другим больным оказалась почти в два раза меньше ожидаемой величины.

Таким образом, анализ поведенческих и психологических критериев динамики, обусловленной, в том числе, и психотерапевтической работой с больными, подтверждает целесообразность и практическую значимость ее внедрения именно в практику работы отделений, осуществляющих принудительное лечение.

Литература

1. Абдразякова А.М., Булыгина В.Г. Методы оценки эффективности психокоррекционных и тренинговых программ во время принудительного лечения психически больных. – М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития, 2011. -23 с.
2. Булыгина В.Г., Воронин В.С., Каганович Ю.Т. и др. Психокоррекционные мероприятия в практике принудительного лечения психически больных: Руководство для врачей/ Под ред. В.Г. Булыгиной - М.: ФБГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, 2012.- 350 с.

К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы

Шипшин С.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

При расследовании преступлений одной из главных задач следствия является получение достоверной информации об обстоятельствах совершения преступления от непосредственных участников криминального события – подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелей.

Судебно-психологическая экспертиза.

Рассмотрим возможности СПЭ сквозь призму решения проблемы оценки следствием «надежности» юридически значимой информации и ее носителя. Здесь выделяется три типа экспертных задач: 1) установление способности подэкспертного правильно (адекватно) воспринимать юридически значимую информацию об отдельных фактах (событиях, действиях и т.д.), т.е. речь идет о восприятии внешней стороны событий; 2) установление способности подэкспертного правильно (адекватно) воспринимать внутреннее содержание событий или действий, т.е. способности осмысливать и понимать их; 3) установление влияния условий восприятия на способность правильно (адекватно) воспринимать юридически значимую информацию.

К задачам второго типа относится установление способности подэкспертного (с учетом уровня психического развития, особенностей речевого развития, индивидуально-психологических особенностей) давать *правильные*, т.е. адекватные, показания (М.М. Коченов, 1977, 2000, 2010; Ф.С. Сафуанов, 1998; О.Д. Ситковская, Л.П. Конышева, 2000; М.В. Морозова, 2004). Решение указанных задач предполагает, наряду с другими объектами, исследование памяти подэкспертного, поскольку способность давать правильные показания не в последнюю очередь зависит от способности и возможности не только воспринять юридически значимую ситуацию, но также сохранить ее в памяти и возможности ее воспроизвести.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что, образно говоря, СПЭ позволяет установить «психологические условия», «психологическую основу» получения, хранения и последующего воспроизведения юридически значимой информации (особенности психических процессов, психического (эмоционального) состояния в исследуемый период, индивидуально-психологические особенности с учетом влияния на них особенностей юридически значимой ситуации).

Судебная психофизиологическая экспертиза (с использованием полиграфа).

До настоящего времени в сообществе полиграфологов, занимающихся производством СПфЭ, нет единства в представлениях о предмете и объекте данной экспертизы, поэтому можно говорить о наличии двух основных конкурирующих подходов к данной проблеме.

Согласно первому подходу, объектом СПфЭ является память человека - как материальный носитель информации о событиях прошлого. При этом наблюдаемые в ходе тестирования на полиграфе (ТнП) физиологические реакции не являются объектом экспертного исследования, а представляют собой средство визуализации процесса диагностики памяти, а также служат для контроля психической активности подэкспертного, в частности, для определения адекватности подэкспертного ситуации ТнП. Предметом же является наличие (или отсутствие) в памяти конкретного человека («индивидуально-определенного объекта») идеальных следов событий прошлого, представляющих интерес для следствия и суда (Ю.И. Холодный, 2009; Ю.К. Орлов, 2009; А.Ю. Николаев, 2011; Р.С. Иванов, 2009 и др.).

Согласно второму подходу, объектом экспертного исследования (видовым) являются физиологические проявления протекания психических процессов, связанные с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии. Понятие предмета экспертизы при этом не дается (Я.В. Комиссарова, 2008).

Представляется, что оба подхода не лишены недостатков. Если говорить о первом (Ю.И. Холодный, 2009; Ю.К. Орлов, 2009; А.Ю. Николаев, 2011; Р.С. Иванов, 2009 и др.), то налицо явная недооценка физиологических реакций, рассмотрение их только в качестве средства визуализации процесса диагностики памяти, а также контроля психической активности подэкспертного. Физиологические реакции (а именно их устойчивость, качество) в данном случае являются собственно *диагностическими признаками*, свидетельствующими о наличии/отсутствии диагностируемого объекта в памяти подэкспертного. Что касается второго подхода (Я.В. Комиссарова, 2008), то изучение физиологических проявлений протекания психических процессов (восприятия, сохранения и воспроизведения) не является самоцелью, теряет смысл вне связи с поиском юридически значимой информации в памяти подэкспертного.

С чем же мы имеем дело, когда получаем от участника события информацию о том или ином событии? При извлечении информации из памяти мы оперируем с образами представлений о конкретном событии, в которых в обобщенном виде отражается целостная картина события (одновременно симультанно и сукцессивно), в них мы одновременно присутствуем в прошлом и смотрим со стороны в настоящем. В образах представлений о пережитом событии отражается наш жизненный опыт, наше отношение к произошедшему - как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Такая многоуровневая представленность в психике информации о событии, участником которого мы являлись, приводит к тому, что любое обращение к ней (посредством зрительного или семантического стимула, прямо или косвенно связанного с событием, использованного неосторожно или целенаправленно) по ассоциации приводит к актуализации целостной картины события, что проявляется в реакциях на психофизиологическом, психологическом и поведенческом уровнях. Следует отметить, что в данном случае речь идет о представлениях памяти.

В тех случаях, когда мы даем информацию о событиях, которые в действительности нами не были пережиты, замещаем реальные события, участниками которых являлись, т.е. конструируем «иную реальность», мы имеем дело с представлениями иного рода – представлениями воображения. Какой бы внешне достоверной не казалась сконструированная картина событий, она не будет адекватно представлена на эмоциональном уровне, в эмоциональной памяти своего «создателя» - он будет оперировать рациональными представлениями о том, что он мог бы испытывать, чувствовать, переживать в сконструированной реальности, но не тем, что зафиксировано в его эмоциональной памяти.

Наличие в памяти и сознании двух «реальностей» - действительной и «иной, сконструированной» порождает внутренний конфликт, который усиливается тем, что человеку необходимо постоянно контролировать свои реакции и поведение, чтобы «иная, сконструированная реальность» воспринималась адресатом достоверной (Л.Б. Филонов, 1979). Отражением такого конфликта является высокий уровень психической напряженности, возрастающий в тех случаях, когда зрительный или семантический стимул (диагностирующий объект) обращается к скрываемой и охраняемой субъектом «действительной реальности». Это проявляется на различных уровнях (физиологическом, психофизиологическом, психологическом) и может быть зафиксировано инструментальными методами (в частности, с помощью полиграфа). Таким образом, о наличии скрываемой информации мы узнаем опосредованно – через изменение психического состояния подэкспертного.

Комплексная психолого-психофизиологическая экспертиза.

Предметом этого вида экспертизы являются признаки наличия юридически значимой информации в памяти процессуального лица (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого). Объектом выступают особенности познавательной деятельности, обеспечивающие восприятие, сохранение и последующее воспроизведение юридически значимой информации.

Задачами при проведении комплексной психолого-психофизиологической экспертизы является следующее:

- а) исследование особенностей познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления) с целью установления потенциальной способности подэкспертного адекватно воспринимать, сохранять, воспроизводить и давать адекватную (правильную) информацию о событиях и явлениях объективной реальности;
- б) диагностика индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, способных повлиять на восприятие, сохранение, воспроизведение и дачу адекватной (правильной) информации об интересующих следствие (суд) событиях;
- в) диагностика психического (эмоционального) состояния подэкспертного в момент восприятия юридически значимой информации и влияния этого состояния на ее восприятие, понимание и сохранение в памяти;
- г) выявление у подэкспертного признаков наличия охраняемой (скрываемой) лично значимой информации об интересующих следствие событиях в поведении (на вербальном и невербальном уровнях) и в эмоциональном состоянии);

д) выявление у подэкспертного признаков наличия охраняемой (скрываемой) лично значимой информации об интересующих следствие событиях на уровне психофизиологических и физиологических реакций.

Первые четыре задачи («а» – «г») относятся к компетенции эксперта-психолога, пятая задача («д») – к компетенции эксперта-полиграфолога. При этом первая, четвертая и пятая задачи предполагают также совместную оценку полученных результатов.

Заключение.

Комплексная психолого-психофизиологическая экспертиза не подменяет собой однородные психологическую и психофизиологическую экспертизы, однако при расследовании наиболее сложных преступлений объединение возможностей психологии, психофизиологии и полиграфологии может привести к новому качеству доказательственного значения заключения экспертов по сравнению с заключениями однородных экспертиз.

Психологические факторы внутрибольничной агрессии

Шульга А.Г.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Случаи внутрибольничной агрессии пациентов в психиатрических стационарах не могут объясняться за счет действия лишь одного фактора, в качестве которого чаще всего рассматривается психопатология пациента.

Внутрибольничная агрессия является результатом действия различных биологических, генетических, социологических и психологических факторов. Агрессивное поведение зачастую связано с особенностями взаимодействия между персоналом/родственниками/больными и пациентом, а также со средовыми и организационными факторами, такими, как структурная организация отделения/клиники и микроклимат (атмосфера) в них. Ситуации внутрибольничной агрессии можно рассматривать в качестве продукта взаимодействия между несколькими переменными. Эти переменные включают в себя: а) характеристики пациента (психопатологию, пол, возраст); б) компоненты окружения (размер и наполненность больничных отделений, общее окружение); в) факторы взаимодействия (аверсивная стимуляция или провокация); д) переменные, связанные с персоналом (установки и уровень профессиональной подготовки в сфере управления агрессией) (Букреев Н.В., 2010).

Цель нашего исследования состояла в выделении психологических факторов внутрибольничной агрессии в стационарах, осуществляющих принудительное лечение лиц совершивших ООД. Объектом исследования выступили лица, находящиеся на принудительном лечении, предметом - психологические особенности лиц, нарушающих режим ПЛ.

В экспериментальную группу вошли 120 лиц мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет. Среди них присутствовало: 53% больных шизофренией, 37% лиц с органическими психическими расстройствами и 10% с другими психическими расстройствами. Правонарушения, совершенные больными, представляли собой следующее: 6% - правонарушения и преступления связанные с наркотиками; 13% - сексуальные правонарушения; 15% - корыстные преступления без применения насилия (кража); 21% - корыстные преступления с применением насилия; 22% - агрессивные преступления против личности; 23% - убийства. Также было отмечено, что 41% испытуемых проявлял физическую агрессию в отношении других пациентов отделения; 34% испытуемых проявляли вербальную агрессию в отношении других пациентов отделения; 28% испытуемых проявляли вербальную агрессию в отношении персонала.

Статистическая обработка полученных клинических данных включала в себя корреляционный анализ Пирсона и статистический анализ по критерию Манна-Уитни.

При отнесении больных в группу демонстрировавших физическую агрессию в отношении других пациентов в стационаре статистически значимый вклад внесли следующие переменные: низкая тревожность; возбудимый тип личности. При отнесении больных в группу демонстрировавших вербальную агрессию в отношении персонала статистически значимый вклад внесли следующие переменные: астеничный тип личности (астеничность), высокий уровень эмоциональной возбудимости. Такие переменные как побег и суицидальные попытки в стационаре были взаимосвязаны с (переменной) отсутствием экзогении.

Больных, не нарушавших режим, на уровне статистической значимости отличает высокий процент хронических соматических расстройств. Среди них преобладают лица, страдающие шизофренией, а также те, кто совершил тяжкие преступления против личности (убийства). У больных, демонстрировавших негативное лидерство, обнаруживается связь с переменной эпилептоидность.

Таким образом, можно отметить, что в обследованной нами группе больных, так или иначе нарушавших режим стационарного лечения, выявились такие значимые психологические факторы нарушения режима в отделении, как: низкая тревожность; возбудимый и астеничный тип личности. Ситуации внутрибольничной агрессии (а также управление ими) можно рассматривать как продукт взаимодействия между несколькими переменными.

В дальнейшем нами планируется продолжение исследования по данной теме: с использованием методик, изучающих копинги, проявления враждебности и агрессивности (опросник Басса-Дарки, тест COPE, шкала BIS-BAS), а также Пятифакторный опросник, включающий в себя такие шкалы, как нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, согласие и добросовестность.

Литература

1. Букреев Н.В., Абдраязкова А.М., Шульга А.Г. Факторы внутрибольничной агрессии в психиатрических стационарах, осуществляющих принудительное

лечение// Сборник Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М., 2010. С. 57-58.

Возможности двусторонней судебно-психологической экспертизы

Южанинова А.Л.

ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Термин «двусторонняя экспертиза» был введен М.М. Коченовым и обозначал одновременное проведение судебно-психологической экспертизы (СПЭ) как в отношении потерпевших, так и в отношении обвиняемых по делам об изнасиловании. Цель такого подхода состоит в раскрытии механизмов межличностного взаимодействия между фигурантами дела в юридически значимой ситуации (Ситковская, Коченов, 2000). Особенно это важно применительно к случаям, когда потерпевшая считает себя изнасилованной, а обвиняемый отрицает факт полового контакта вообще. Очная ставка в таких случаях бывает неэффективна. Результативней является проведение двусторонней СПЭ (Южанинова, 2000).

Двусторонний экспертный подход возможен в рамках не только уголовных, но и гражданских дел. При этом СПЭ проводится в отношении как истца, так и ответчика.

Так, нами совместно с Н.П. Хайдуковым проводилась СПЭ по делу о признании договора дарения квартиры недействительным. Истице Г. на момент дарения было 78 лет. Незадолго до этого она перенесла инсульт. В возражении на исковое заявление ответчик М. указал, что Г. сама настаивала на дарении квартиры в знак благодарности за то, что он ухаживал за ней.

По показаниям свидетеля, однажды Г. пришла к М. домой, «Г. с бумагой подошла к М., протянула ее, сказала: “Все ваше”, прижала бумагу к груди М., сказала: “Ваше, подарить”». На вопрос суда, что это была за бумага, свидетель ответил: «Документ был один. Это было завещание». На языке жестов ее намерение прочитывается как стремление завещать квартиру, в то время как значение произнесенных слов указывает на желание ее подарить. М. принял во внимание буквальное значение сказанного ею. Для Г. же значение ее поступка содержалось в характере совершаемого действия.

При обследовании ответчика М. было установлено, что наиболее вероятной является его активная, властная позиция при взаимодействии с окружающими. Его действия в отношении Г. были оценены экспертами как манипуляторские, так как он воспользовался неспособностью Г. однозначно выражать свои мысли, усмотрел в ее словах и действиях то, что отвечало его интересам.

Другим примером может служить СПЭ, проведенная нами совместно с Н.П. Хайдуковым и Л.Г. Петровой по гражданскому делу о защите чести и достоинства. Первоначально анализировался текст спорной статьи «Покровск – шоу в городском суде, или Почем нынче честь и совесть?». В ней была дана резко негативная характеристика Щ., матери погибшего 18-летнего юноши: была поставлена под

сомнение искренность ее переживаний в отношении смерти сына, дана отрицательная оценка ей как матери, высказано предположение о ее психической ненормальности.

Психодиагностическое обследование Щ. показало, что уровень ее интеллектуального развития – средний, в структуре поведенческих стратегий ведущими являются ориентация на социально приемлемые нормы поведения. Ярко выражен комплекс материнства. Ей не свойственны грубость, цинизм, лицемерие, склонность к выгоде и наживе. Психодиагностическое исследование автора статьи показало, что в ситуации конфликта с Щ. проявилась проекция его неосознаваемых собственных враждебных импульсов на материнскую фигуру. Неправда в описании личности Щ. была обусловлена особенностями личности журналиста, не осознаваемыми и не контролируемым им самим.

Как видим, двусторонний экспертный подход позволяет более точно раскрыть психологические механизмы межличностного взаимодействия людей в юридически значимых ситуациях.

Литература

1. Ситковская О.Д., Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза по делам об изнасиловании // Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2000.С. 99-108.
2. Южанинова А.Л. Двусторонняя судебно-психологическая экспертиза в делах о сексуальном насилии // Следователь сегодня: Материалы научно-практической конференции (8 декабря 1999 г.). Саратов: СГАП, 2000. С. 48-49.

Периодизация процесса правовой социализации

Андрианов М.С.

Академия Генеральной прокуратуры РФ (Москва)

Процесс усвоения правовых норм, стандартов правового поведения и вхождения в правовую культуру начинается в раннем возрасте и протекает последовательно согласно известным жизненным циклам. Правовую социализацию человека вполне уместно соотнести с этапами возрастных, личностных изменений и выделить восемь ключевых периодов: младенчество; раннее детство; игровой возраст; школьный возраст; отрочество и юность; молодость; зрелость; зрелый возраст. В основу такой периодизации положена концепция развития личности Э.Эриксона, усовершенствованная в отечественной психологии, в частности, И.С. Коном. Очевидно, что на каждом из указанных этапов происходят ключевые для правовой социализации события и явления. Например, уже у младенца в результате родительской любви и заботы формируется бессознательное чувство «базового доверия» к внешнему миру как непротиворечивому, предсказуемому. При неблагоприятных условиях может возникнуть чувство «базового недоверия», тревожность, что может проявляться у взрослого в форме замкнутости, ухода в себя, недоверия социальному окружению, непринятия его правил и норм.

Но особенно значимы для правовой психологии, безусловно, третий и четвертый этапы правовой социализации. Так, в период игрового возраста формируется чувство инициативы, желания что-то сделать. Если оно блокируется, возникает чувство вины. В этом возрасте особое значение имеют общение и групповая ролевая игра, развивающая воображение и фантазию. Закладывается чувство справедливости, понимаемой как соответствие правилу. В дошкольный период при посредстве взрослых ребенок осваивает некоторые социальные роли, начинает осознавать их различия: например, отличие ролей президента страны или полицейского от ролей отца и матери в рамках семьи; приобретает первые сведения о правах и обязанностях. Начинается формирование нравственных ценностей, моральных норм и, таким образом, закладываются основы правового и гражданского самосознания, социально-правовой идентификации. Иногда, учитывая семейные обстоятельства и особенности воспитания, этот процесс начинается чуть позже, уже на следующем этапе, когда появляется новый агент правовой социализации – учителя. Младший школьник осваивает новые правила своего поведения, обучается следовать требованиям не только родителей, но и других значимых взрослых, а также умению жить в коллективе и соотносить свое поведение с поведением других. В этот период закладывается отношение к труду, формируются способность добиваться поставленной цели, включая овладение разными средствами ее достижения и

представление об оценке другими степени допустимости используемых средств, а также чувство собственной эффективности, компетентности и предприимчивости. В отрицательном варианте, в случае неэффективности в решении каких-либо задач и из осознания своей некомпетентности, появляется чувство неполноценности, а в некоторых случаях чувство маргинальности. Если этот комплекс не будет преодолен, а возникающий на его основе личностный кризис не разрешен социально приемлемыми способами и средствами, в дальнейшем это может стать основой девиантного поведения. В этот же период в сознании ребенка закрепляется отношение к средствам массовой коммуникации, в первую очередь – к телевидению, как источнику социальных, в том числе и правовых, знаний. А в новых социальных реалиях появляется и совершенно новый, особый агент социализации – Интернет. Можно сказать, что человек в этот период уже вступает в правовые отношения. И именно ему сегодня должно уделяться особое внимание в контексте проблем правового просвещения и воспитания. Необходимо отметить, что формы становления личности и правовой социализации могут значительно отличаться как у отдельных людей, так и разных социальных групп. Это зависит и от традиции семейных взаимоотношений, и от воздействия культуры данного общества, и от происходящих в общественной жизни изменений.

Современные общественные процессы и ювенальная юридическая психология

Дозорцева Е.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет,
ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Социальная ситуация, в которой находятся современные российские дети и подростки, сложна и неоднозначна. Последние годы характеризуются демографическим спадом, уменьшением абсолютного количества детского населения. Высок уровень социального напряжения, связанного с экономическим и социальным неравенством, коррупцией, трудностями получения качественного образования, отсутствием «социальных лифтов», миграционными процессами. На этом фоне в настоящее время происходят значительные изменения политики по отношению к детям, создающие новый контекст деятельности для специалистов в области ювенальной юридической психологии и ставящие перед ними новые задачи. Интересы детей (под детьми в соответствии с международными документами понимаются дети и подростки до 18-летнего возраста) становятся одним из главных приоритетов законодателя. Об этом свидетельствует принятая недавно на федеральном уровне «Национальная стратегия действий в интересах детей в 2012 – 2017 годах». Документ постулирует, что первостепенным в интересах ребенка является воспитание в семье. Тем самым подчеркивается целостность семьи, что снимает неверную постановку вопроса о конкуренции интересов и прав ребенка и его родителей.

«Национальная стратегия» задает ряд направлений действий, обладающих особой актуальностью для ювенальной юридической психологии. К ним, в частности, относится создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия, в рамках которых психолог может выполнять ряд важных профессиональных функций. Помимо этого основополагающего документа важными для психологической работы с детьми и подростками в юридическом контексте являются постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 1.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», определяющее новые ориентиры деятельности судов по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Большое значение имеют нормативные документы ФСИН, согласно которым пенитенциарные учреждения преобразуются в реабилитационные центры, а также некоторые другие законодательные нововведения.

К актуальным задачам ювенальной юридической психологии, с нашей точки зрения, относятся анализ и концептуальное осмысление с психологических позиций существующей социальной и юридической ситуации, в которой находятся дети и их семьи в России. Не меньшее значение имеет изучение зарубежного опыта, проведение сравнительного анализа, как его позитивных результатов, так и недостатков. На основе синтеза этой информации должны быть разработаны новые программы деятельности психолога в юридически значимом контексте с целью развития и преобразования сложившихся условий, оптимизации положения ребенка и его семьи. Одна из возможностей такой развивающей работы заключается в участии детских юридических психологов в самом процессе правового нормотворчества, касающегося детей, выработке рекомендаций относительно формулировок положений законов и нормативных документов с учетом существующих реалий и психологических закономерностей развития, особенностей психологии ребенка, накопленного мирового опыта, а также правосознания, социальных установок, традиций, менталитета общества.

Острые общественные дискуссии относительно нововведений в области образования, воспитания детей, помощи детям в критических ситуациях, разворачивающиеся в СМИ и сети Интернет, показывают высокий эмоциональный заряд интереса людей к проблематике, имеющей непосредственное отношение к их повседневной жизни и жизни их детей. Не всегда эти дискуссии ведутся корректно, часто проявляется склонность к крайним суждениям. Нередко участники вкладывают разный смысл в используемые термины, трактовку одних и тех же явлений. Разделение общества на «либералов», «западников» и «консерваторов», «традиционалистов», о котором много говорится в последнее время, находит свое отражение в различных позициях по поводу проблем, имеющих непосредственное отношение к ювенальной юридической психологии. В их число входят вопросы защиты прав детей, семейного насилия, ответственности родителей за воспитание детей, возможностей вмешательства общества в семейную жизнь, возраста уголовной ответственности несовершеннолетних и мерах наказания за совершение ими

правонарушений, формах правосудия по отношению к несовершеннолетним и т.п. Противоречия во взглядах относительно названных проблем представляются еще более острыми, если учесть многонациональный состав российского общества с его разнообразием народных и религиозных традиций и укладов.

Несмотря ни на что, публичное обсуждение правил и правовых норм, касающихся детей, способов их реализации, включая психологическую составляющую, необходимо. В России действуют международные правовые нормы, направленные на защиту интересов детей, и российское национальное законодательство соответствует их положениям. Вместе с тем прямое заимствование зарубежных концепций, подходов, технологий психологической работы с детьми и их семьями в юридическом контексте без адаптации к существующим в стране условиям, без учета культуральных условий, современных социальных тенденций, правосознания общества, вряд ли может быть успешным. В связи с этим развитие нормативной базы и практики психологической работы с детьми и их семьями в юридически значимых ситуациях следует понимать как процесс взаимодействия специалистов со всеми заинтересованными сторонами, включая как собственное профессиональное сообщество, заинтересованные ведомства и учреждения, так и широкую общественность. При этом важно не только прислушиваться к общественному мнению, но и активно формировать его. Специалисты в области ювенальной юридической психологии должны уметь взаимодействовать со СМИ, профессионально и в то же время доступно для широкой публики рассказывать о существующих проблемах, путях их решения, разъяснять смысл понятий и новых подходов, демонстрировать их эффективность и преимущества. В этом случае возможно принятие правовых и технологических инициатив и новшеств, их укоренение и развитие на отечественной почве.

Психологические аспекты развития правосознания: от детства к зрелости

Есикова Т.В.

Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург)

Психологическая наука и практика подтверждают важность формирования правового сознания, являющегося необходимым компонентом правовой культуры личности, начиная с детского возраста. В период перехода от дошкольного возраста к младшему школьному пробуждается устойчивый интерес к вопросам мировоззрения, морали и этики, которые являются психологической базой развития правового сознания. Именно в этом возрасте в процессе обучения и воспитания создаются условия для усвоения каждым ребенком основных прав и обязанностей, которые необходимы для структурирования правомерного поведения в жизнедеятельности.

В нашем исследовании на основе теоретического анализа литературы выявлена параллель между первыми правовыми представлениями людей древнего мира и представлениями в детском и подростковом возрасте.

Правовые обычаи в древнем мире сдерживали и подавляли потребности, противоречащие развитию социума и его сохранению. Право в древнем мире и средневековье способствовало обучению и воспитанию подрастающего поколения. Соблюдение правовых предписаний и закона поддерживалось в основном в страхе наказания. На основании анализа литературы по истории развития права мы выявили этапы развития правовых представлений.

Первый этап развития правовых представлений знаменует собой зарождение права. В первобытном обществе отмечаются нерасчлененные представления о праве и страх наказания, что также наблюдается и у дошкольников. Затем в первобытном обществе оформляется примитивная система права, а дошкольному возрасту на данном этапе соответствуют первые представления о законе, административных правонарушениях (правилах дорожного движения) и преступлениях (кражах, нанесении вреда здоровью и пр.).

На следующем этапе развития представлений о праве появляется письменная кодификация права в раннеклассовых государствах. Этот этап соответствует этапу развития правовых представлений у младших школьников, когда закрепляются понятия о правах человека и представления сущности преступления. Правовое воспитание осуществляется на первом и втором этапах на основе сказок, мифов, искусства.

В средневековом обществе у человека происходит слияние правовых, нравственных и религиозных представлений. Гражданин осваивает права и обязанности человека в обществе, что соответствует изучению и присвоению правовых понятий в начале подросткового возраста в современном мире.

Развитие права в Новое время происходит «из принципа нравственности» во взаимосвязи права и морали, на данном этапе описывается стратегия индивидуального поведения. Данные учения мы соотносим с позициями самовоспитания, саморазвития, самоконтроля в подростковом возрасте (от 12 до 15 лет).

XIX-XXI вв. право провозглашается средством самореализации личности в гражданском обществе, что соотносится в настоящее время с осознанием правовой действительности государства в юношеском возрасте и формированием правовой концепции «Я».

В современном мире проблема развития правосознания представляет важнейшую область психологии, так как оно оказывает влияние на восприятие права, перевод нормативных предписаний в социальное поведение. Развитие правосознания происходит в процессе формулирования суждений о правовых нормах, как о социальной ценности.

Правосознание личности предполагает наличие правовых знаний и юридической информации на доступном для ребенка и подростка уровне. Информированность была и остается одним из основополагающих каналов формирования правовой личности; готовность действовать, руководствуясь правовыми знаниями и убеждениями, то есть поступать правомерно – в соответствии

с законом: использовать свои права, исполнять обязанности, соблюдать запреты, а также уметь отстаивать свои права в случае их нарушения.

Развитие правосознания происходит в процессе формулирования суждений о правовых нормах, как о социальной ценности. Позитивное правовое мышление в действии развивает правовую культуру личности. Преобразование личностью своих способностей и социальных качеств на основе правового опыта – ее важная составная часть.

Ребенок получает правовые знания, на основе которых у него возникает определенное образное понимание правовой действительности, усваиваются нормы, развивается правовое сознание и модели правопослушного поведения. Необходимо сформировать у ребенка представления о самом себе, о его правах и обязанностях, причем не только сообщать доступные для дошкольного и младшего школьного возраста правовые знания, но и формировать оценочное отношение к правовой действительности, которая непосредственно является частью детской жизнедеятельности и отражается в мировоззренческих взглядах ребенка.

Уровень развитости правового сознания проявляется в избирательном отношении к информации, поступающей из источников массовой информации и в стихийном процессе социализации, а также в умении ее ранжировать в процессе самостоятельного присвоения знаний.

Анализ исследований дает возможность установить, что правовое сознание старших дошкольников и младших школьников является сложным процессом: он включает не только сообщение детям знаний, но и формирование эмоционально-оценочного отношения к социальным фактам и событиям, а затем применение этих знаний в практической деятельности.

К вопросу о структуре психологических последствий жестокого обращения с несовершеннолетними

Луковцева З.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Жестокое обращение представляет собой умышленное причинение физического или психического вреда со стороны взрослых, несущих ответственность за несовершеннолетнего (родителей, опекунов, педагогов). В структуре жестокого обращения можно выделить насилие и пренебрежение основными нуждами несовершеннолетнего, удовлетворение которых не может быть обеспечено им самим и является обязанностью взрослых. Различные виды насилия и пренебрежение основными нуждами могут быть представлены в разных сочетаниях и пропорциях.

Жестокое обращение относится к категории психических травм. По тяжести и устойчивости последствий оно сопоставимо с заложничеством, попаданием в плен во время боевых действий, изнасилованием. Степень изученности воздействия данного явления на разные сферы психического развития несовершеннолетних различна. Интеллектуальные последствия жестокого обращения описаны менее подробно по

сравнению с эмоционально-личностными, недостаточно освещено влияние отдельных составляющих этого явления.

Многие авторы рассматривают психологические последствия жестокого обращения в идентификационном аспекте, описывая преимущественно яркие характерные особенности пострадавших. Структурируя последствия жестокого обращения, можно выделить три группы симптомов.

Первая группа – это явления преходящей дезадаптации в эмоционально-волевой, личностной, когнитивной и/или поведенческой сфере, имеющие весьма незначительную возрастную специфичность. Примерами могут служить повышенная тревожность, подавленность, замкнутость.

Особенности остальных последствий определяются онтогенетическим контекстом травматизации. Опыт переживания жестокого обращения не вырван из контекста взросления; в известном смысле он определяет процесс онтогенеза и сам, в свою очередь, определяется им. Соответственно, жестокое обращение чревато и нарушениями психического развития, которые представляют собой **вторую группу** последствий. Среди них мы выделим задержку психического развития (ЗПР), ярко проявляющуюся уже в начальной школе, и дисгармоничное психическое развитие, обнаруживающее себя в подростковый период.

Наконец, **третья группа** последствий жестокого обращения представлена возрастными симптомами, которые отражают реакцию на опасное средовое воздействие, типичную для определенного периода психического развития. Дифференцируя четыре уровня нервно-психического реагирования на различные вредности, мы отмечаем, что специфика возрастных симптомов определяется уровнем зрелости психики на момент травматизации (Лебединский В.В., 2003). У младенцев и детей раннего возраста, испытывающих жестокое обращение, нарушаются простейшие жизненные функции – терморегуляция, питание, сон, иммунитет, мышечный тонус, общий уровень активности, что соответствует сомато-вегетативному уровню реагирования. Среди дошкольных возрастных симптомов преобладают расторможенность, заикание, тики, патологические привычки (кусание ногтей, сосание пальца, выдергивание собственных волос и т.п.), и здесь мы имеем дело с симптоматикой психомоторного уровня. Младшие школьники, чье развитие перешло на аффективный уровень, проявляют эмоциональную неустойчивость, возбудимость, агрессивность, упрямство; иногда у них появляются страхи, тревожно-депрессивные состояния. Жестокое обращение с подростками (эмоционально-идеаторный уровень реагирования) затрагивает еще более сложно организованные слои психики, негативно сказываясь на формировании волевой саморегуляции, системы жизненных ценностей, самосознания, мировоззрения. При наличии нескольких детей в семье жестокое обращение неизбежно затронет их всех, но его эмоционально-психологические последствия будут своеобразными у каждого ребенка в зависимости от возраста.

Идентификация случаев жестокого обращения предъявляет высокие требования к компетентности педагогов и психологов. Успешность выявления

соответствующих фактов и своевременность оказания помощи пострадавшим во многом определяется целостностью, системностью и полнотой представлений специалистов о жестоком обращении.

Семейное насилие над детьми дошкольного возраста как психолого-педагогическая проблема

Максимова И.В.

Государственное бюджетное образовательное учреждение детский сад
комбинированного вида № 919 (Москва)

В статье описывается диагностическая, коррекционная, развивающая, профилактическая работа с детьми, родителями, педагогами, в рамках детского сада по предупреждению и профилактики насилия над детьми дошкольного возраста в семье.

Насилие над детьми со стороны родителей, к сожалению, в последнее время стало неотъемлемой чертой современной семьи. И это не обязательно неблагополучная семья, например, где родители злоупотребляют спиртными на-питками. Часто это семья с хорошим материальным достатком, благоустроен-ным жильем, но в семье происходит насилие в отношении ребенка.

Домашнее насилие - осознанное поведение человека, с помощью кото-рого он добивается абсолютного повиновения и контроля над детьми. В будущем модель поведения родителей, станет стандартом поведения ребенка. Например, если его родители применяли физическое наказание, то став взрослым, он тоже будет использовать ремень в своей семье. По данным научных исследований специалистов насилие в той или иной форме наблюдается в каждой четвертой семье. Что касается детей – жертв насилия в семье, то они находятся в правовой зависимости от тех, кто совершает в отношении них насильственные действия. Их истязателями, как правило, являются родители, по закону обязанные представлять и защищать их права и законные интересы. Насилие со стороны близкого человека, в котором ребенок всегда пытается найти опору и поддержку, наносит большой психологический и физический ущерб. В этом случае нарушается основной принцип семьи - безопасное существование любого ее члена. Выделяют четыре основные формы насилия в отношении детей: психологическое, пренебрежение основными потребностями ребенка, физическое, сексуальное.

Психологическое и физическое насилие тесно связано между собой. Насильственное воздействие на психику влечет за собой нарушение функций различных органов и организма в целом; физическое насилие, как правило, влечёт за собой и психическую травму.

Любое насилие воздействует непосредственно на психику и способно вызвать психическую травму, причинив тем самым серьёзный вред здоровью личности, в особенности, детей.

Однако, по мнению ученых, в том числе и психолога (Алексеевой Л.С., 2000) в развитии ребенка есть периоды, наиболее часто провоцирующие насилие со стороны родителей. Такими периодами ученые считают дошкольный и подростковый период. Именно в эти периоды своего развития дети провоцируют насилие физическое, психологическое, эмоциональное отвержение. Период первой социализации, первой организации в дошкольные учреждения, когда дети впервые остаются надолго без мамы, приводит к преобладанию в эмоциональных переживаниях страха, тревоги, гнева. Дети становятся менее адаптивными к новым условиям, вызывая у незрелых, педагогически безграмотных родителей неприятие, агрессию, провоцируя насилие.

Целью диагностического направления в ДОУ является выявление особенностей семейного воспитания в тех семьях, в которых совершается любого рода насилие, нарушаются права детей дошкольного возраста.

В начале учебного года, по отзывам воспитателей, из всех детей выделяются те, у кого есть различного рода проблемы в адаптации. Такие как: трудности в обучении, неорганизованность, агрессия, неуравновешенность, неуверенность в себе, трудности во взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми, воровство и т.п. Далее, психологом, применяется метод наблюдения за поведением детей во время занятий, игр, на прогулке. Формируется группа «риска» детей, с которыми проводится психодиагностические методики по оценке уровня дезадаптированности и эмоционального состояния ребенка. Тесты «Диагностика межличностных отношений в группе»; рисуночные тесты для детей: «Нарисуй свою семью»; «Несуществующее животное»; «Нарисуй семью несуществующего животного»; анкетирование детей и родителей и т.д.

Влияние семейно-родительских отношений на психическое и физическое развитие ребенка огромно.

Для профилактики семейного насилия в нашем детском саду проводится профилактическая, коррекционная, информационная, развивающая работа с родителями и педагогами по следующим направлениям:

1. Установление доверительных отношений с родителями. Для нас имеет большое значение формирование доверительных отношений специалистов с родителями, для выявления причин нарушений в поведении ребенка.

2. Информационная помощь родителям и педагогам.

А) Групповые консультации – на родительских собраниях. Проводятся консультации, беседы, рекомендации, буклеты по темам: «Адаптация детей раннего дошкольного возраста к ДОУ»; «Влияние семьи на развитие ребенка»; «Возрастные особенности детей дошкольного возраста». Показ презентаций по темам: «Психолог в детском саду»; «Поощрение и наказание, как метод воспитания в семье»; «Психологические особенности первоклассников в адаптационный период», «Готовность к школьному обучению».

Б) Подгрупповые консультации – ведение семейного клуба «Вместе» в ДОУ для оптимизации детско-родительских отношений. Такие встречи проводятся в формах семинара и тренинга с целью обсуждения проблем, выражения чувств, снятия

напряжения, обмена опытом, знакомства с разными точками зрения, для повышения собственной компетентности у родителей, оказания помощи родителям по формированию устойчивых взглядов на воспитание, отношение в семье, разрешение конфликтов.

В) Индивидуальные консультации психолога с родителями и педагогами, 2 раза в неделю по 1,5 часа по направлениям:

«Психологические проблемы детей дошкольного возраста. Причины их возникновения, пути предупреждения и коррекции. Как помочь ребенку?»;

«Как правильно построить общение с ребенком, и улучшить взаимопонимание в семье не только с детьми, но и с взрослыми между собой».

3. Профилактика и снятие эмоционального напряжения у родителей и педагогов. Профилактика «эмоционального выгорания» педагогов, исключение разрушительных способов самоутверждения на дошкольниках. Тренинги, релаксация.

4. Психологическая помощь детям дошкольного возраста в ДОУ специалистами: педагогом-психологом; логопедами; воспитателями; педагогами заключается в следующих направлениях. С детьми проводится игровая, развивающая деятельность (групповая, подгрупповая, индивидуальная) на снятие тревожности, страхов, агрессии у детей дошкольного возраста. Сказка-терапия; арт-терапия, театральная деятельность.

Перечень игр с детьми:

"Обзывалки" (Кряжева Н.Л., 1997); "Два барана" (Кряжева Н.Л., 1997). Цель: снять вербальную агрессию, помочь детям выплеснуть гнев в приемлемой форме.

"Попроси игрушку" — вербальный вариант (Карпова Е.В., Лютова Е.К., 1999). Цель: обучить детей эффективным способам общения.

"Говори!" (Лютова Е.К., Моница Г.Б., 2000). Цель: развитие умения контролировать импульсивные действия.

Литература

1. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000.
2. Кряжева Н.Л. Развитие эмоционального мира детей. Ярославль, 1997.
3. Лютова Е.К., Моница Г.Б. Шпаргалка для взрослых: Психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми. М., 2000.

Проявления экстремизма среди подростков

(по материалам экспертных психолого-лингвистических исследований)

Маланцева О.Д.

ГУП «Центр информационно-аналитических технологий» (Москва)

Проблема экстремизма среди молодежи может быть проанализирована на материале психолого-лингвистических исследований и экспертиз по делам о противодействии экстремистской деятельности. Объектами подобных исследований

являются речевые действия и действия, выраженные художественными способами (фотоизображения, рисунки, коллажи и т.д.). При подготовке настоящих тезисов были проанализированы т.н. экстремистские материалы, поступившие на исследование в ГУП «Центр информационно-аналитических технологий» с января по июнь 2012 года.

Было проанализировано 200 исследований и экспертиз. 9 из них инициированы по делам, участниками которых были подростки (около 4,5 % всех поступивших материалов за указанный период). Объектами исследования по этим делам являлись следующие материалы:

-размещенные в сети Интернет (фото, аудио, видео, изображения, сообщения и др.): на сайте vkontakte.ru, на форуме mail.ru;

-размещенные на фасаде жилых помещений, на здании школы (надписи, изображения);

-полученные в ходе массовых публичных мероприятий (по материалам пикета против Расула Мирзаева, «Русского марша»).

Во всех представленных материалах были выявлены специальные психологические и лингвистические признаки, значимые для правовой квалификации экстремизма.

В результате анализа было установлено, что авторы исследуемых материалов чаще всего идентифицируют себя с русскими, славянами, а своими врагами представляют тех, кто является для них чужими (кавказцы, приезжие). Основной группой лиц, в отношении которых была проявлена вражда, - кавказцы, в том числе дагестанцы.

Наибольшее количество исследуемых материалов было размещено в сети Интернет. Большая часть из них содержала специальные психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды (розни, ненависти) и признаки пропаганды фашизма, нацизма, а именно: враждебность к приезжим, одобрение идеологии фашизма, побуждение к совершению насилия в отношении приезжих. В рамках психолого-лингвистических исследований надписей и рисунков были установлены признаки возбуждения вражды в отношении нерусских и кавказцев. Стоит отметить, что возможность установить «экстремистские» признаки в рамках исследования подобных материалов (надписи, изображения) возможно только при наличии дополнительных материалов дела: допросов, протоколов осмотра и т.д. Наиболее опасными в отношении совершения экстремистских правонарушений являются публичные массовые мероприятия, участие в которых враждебно настроенных подростков может сопровождаться не только их речевыми действиями, но и физическими с проявлением насилия (как, например, события после пикета против Расула Мирзаева).

Таким образом, с целью профилактики и предотвращения экстремистского поведения подростков необходимо обратить внимание на следующее:

- возможности доступа несовершеннолетних к определенной информации в сети Интернет, которая может оказать негативное воздействие на психическое развитие подростка (а именно: пропаганда насилия, фашизма и т.д.);
- организацию досуга подростков во внеучебное время;
- правила проведения массовых публичных мероприятий, связанных с конфликтными событиями в обществе, в которых могут участвовать подростки.

Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних, отбывающих наказание

Назарова Н.Г., Ошевский Д.С.

Московский городской психолого-педагогический университет,
ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России,
ГБУ ГЦ «Дети улиц» (Москва)

При работе с подростками, совершившими агрессивные противоправные деяния, за рубежом эффективно используются методы структурированной оценки риска соответствующего поведения. Велика потребность в таких инструментах и в отечественной практике. Однако для использования необходима их адаптация к российским условиям. Подобная работа была проведена нами в отношении методики «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) (Hoge, R. D., Andrews D. A., 2002). Показано, что ОРВ позволяет дифференцированно подходить к оценке риска противоправных действий у различных категорий несовершеннолетних правонарушителей. (Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А., 2011). Вместе с тем закономерности для подростков, отбывающих наказание за совершенные агрессивные деликты, остаются недостаточно изученными.

Цель исследования – выявление психологических факторов риска агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных.

Материалы и методы. Обследовались несовершеннолетние мужского пола (N=15), отбывающие наказание в Можайской воспитательной колонии за совершенные агрессивные правонарушения. В качестве группы сравнения выступили подростки (N=15), состоящие на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) и находящиеся на социальном сопровождении в отделениях ГБУ ГЦ «Дети Улиц» г. Москвы. Выборки были уравнены по возрасту (средний возраст испытуемых основной группы - $15,8 \pm 1,1$ лет, у обследуемых группы сравнения - $15,6 \pm 1,3$ лет). **Методика** исследования, ОРВ, состоит из восьми разделов, описывающих различные аспекты риска совершения подростками повторных правонарушений.

Результаты исследования. Сравнительный анализ выявил достоверные различия ($p < 0,01$) по всем без исключения интегративным шкалам («Совершенные ранее правонарушения»; «Негативные семейные обстоятельства»; «Проблемы в образовании и трудовой занятости»; «Проблемы взаимоотношения со сверстниками»;

«Злоупотребление психоактивными веществами»; «Непродуктивное проведение досуга»; «Негативные социальные установки и ориентации»; «Поведенческие и характерологические проблемы»). В истории жизни осужденных подростков можно проследить *большее* количество попыток проведения с ними воспитательных и коррекционных мероприятий, которые, однако, оказались не эффективными. Практически все они до вынесения судебного решения попадали в поле зрения правоохранительных органов. В основном эти несовершеннолетние воспитывались в условиях диссоциального окружения, где преобладали непоследовательные модели воспитания, в том числе, связанные с агрессией и насилием. В подавляющем большинстве осужденные подростки к моменту привлечения к уголовной ответственности испытывали трудности в обучении. Данные обстоятельства усугублялись постоянными конфликтами с педагогическим коллективом и одноклассниками. Общение таких подростков осуществлялось в основном в группах диссоциальных сверстников, где легко усваивались криминальные установки. У осужденных подростков достоверно чаще ($p < 0,01$) наблюдались характерологические и поведенческие проблемы. Структурный анализ шкал, входящих в данный обобщенный фактор, показал, что для осужденных подростков характерна повышенная агрессивность, низкий порог фрустрации, невысокая переносимость неудач, неустойчивая самооценка серьезные трудности волевого контроля. У них в большей степени наблюдались проблемы с употреблением психоактивных веществ. Почти в половине случаев агрессивные правонарушения совершались подростками в состоянии алкогольного опьянения.

Заключение. Стандартизированный метод оценки риска может быть продуктивно использован для выявления факторов риска агрессивного противоправного поведения и ресурсных сторон личности несовершеннолетнего и применяться для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с данным контингентом.

Сопровождение психологом несовершеннолетних – жертв сексуального насилия Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

В последнее время тема сексуальных преступлений против несовершеннолетних является остро актуальной. По праву такие преступления привлекают всеобщий интерес и вызывают жаркие споры не только в профессиональной среде, но и среди простых граждан. Однако зачастую в этих спорах забывают о самих потерпевших. Даже если преступник уже пойман и последует справедливое наказание, для потерпевших эта происшествие нельзя считать законченным. Они дают показания, иногда по 2-3 раза, выезжают вместе со следственной группой на место преступления, участвуют в опознаниях и очных

ставках, присутствуют в залах суда. Все это не может не оставить след на состоянии ребенка, приводит к так называемой «вторичной травматизации».

В США и Западной Европе, где разработкой проблемы сексуальных преступлений против детей стали заниматься еще в 60-е годы, разработаны системы комплексного психологического сопровождения потерпевших на различных этапах следственных и судебных действий. Сюда входит не только оказание психотерапевтической помощи, но и, например, участие в допросах несовершеннолетних потерпевших. В нашей стране особенности допроса несовершеннолетних регламентируются ст.191 УПК. В части 1 этой статьи говорится, что допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего и свидетеля в возрасте от 14 до 18 лет проводятся с участием педагога. При этом зачастую функция педагога в такой ситуации сводится к простому наблюдению за процессом. Планированием допроса, подбором и постановкой вопросов занимается следователь, который не всегда имеет достаточные знания детской психологии, обладает навыками общения с детьми и ставит перед собой задачу минимизировать травматизацию ребенка. В дальнейшем, на протяжении судебно-следственных действий несовершеннолетнего потерпевшего сопровождает законный представитель, который чаще всего оказывается ближайшим родственником, для которого ситуация правонарушения также была травматичной и который не всегда может оказать необходимую поддержку. Помощь психолога оказывается только тем потерпевшим, которые сами ее запрашивают, чаще всего это психолог или психотерапевт практикующий частным образом, либо школьный психолог, которые также не всегда имеют достаточные навыки работы с такими специализированными проблемами. Именно поэтому необходима выработка единой модели работы психолога с несовершеннолетними потерпевшими на протяжении всех судебно-следственных действий.

Рост насильственных преступлений направленных против детей с одной стороны, ограниченность в инструментах следственных органов, с другой, создают ситуации, когда к работе с несовершеннолетним потерпевшим на этапе доследственной проверки все чаще стали привлекаться психологи. Но юридически такая деятельность психолога ничем не подкрепляется. Если психолог выступает как эксперт, то это возможно только после возбуждения уголовного дела, если психолог привлечен в качестве специалиста, то он не может обследовать живое лицо, а должен работать только с документами и предметами (ст.ст. 57, 58 УПК РФ). Игнорирование этих норм уголовно-процессуального права ведет к нарушению закона и прав граждан.

Таким образом, создание программ и установление принципов работы психологов с несовершеннолетними потерпевшими аналогичных программ уже существующим за рубежом, но адаптированным к российскому законодательству и менталитету, приведет не только к активизации работы с преступлениями против половой неприкосновенности, но и оптимизирует работу с самими потерпевшими, а главное - сделает ее для них менее психотравмирующей.

Проблемы психического здоровья у подростков-правонарушителей: возможности скрининга

Палий А.Д.

Московский городской психолого-педагогический университет

Дозорцева Е.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет,

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

В настоящее время в России особое внимание уделяется личности несовершеннолетнего правонарушителя, поэтому большое значение приобретает составление программ коррекции, реабилитации и профилактики. При этом возникает необходимость в своевременной и точной оценке психического состояния подростка-правонарушителя. Скрининговая оценка психического состояния подростка-правонарушителя может оказаться важной составной частью подобных программ. Большое значение приобретает составление комплексных программ коррекции, реабилитации, применения воспитательных и медико-психологических мер, охватывающих все проблемные сферы подростка.

Для выявления признаков психического неблагополучия у подростков-правонарушителей могут быть использованы специальные методики скрининговой оценки психического здоровья, позволяющие быстро получить ориентировочные сведения относительно психического состояния подростков и выделить группу риска, которая впоследствии может быть обследована более детально с помощью клинических и клинико-психологических методов. В настоящее время для использования в российских условиях адаптируется Массачусетский скрининговый инструмент (MAYSI-2), разработанный в 2000 г. в США Т.Grisso и R.Barnum (русский перевод Е.Г.Дозорцевой). Методика представляет собой опросник, заполняемый самим подростком в течение 15 минут. С помощью MAYSI-II можно выявить такие основные параметры психического состояния подростка, как гневливость, раздражительность, депрессивное состояние, тревожность, соматические жалобы, опыт психической травмы, склонность к злоупотреблению алкоголем и наркотиками, суицидальные тенденции (Т. Grisso, R. Barnum, 2006).

Настоящее исследование проводится в рамках адаптации русскоязычного варианта скрининговой методики MAYSI-2 в России. В задачи исследования, помимо получения данных с помощью этого инструмента, входит проведение исследований с помощью ряда методик, направленных на выявление депрессии, тревожности, склонности к отклоняющемуся поведению; это необходимо для проверки характера корреляционных связей между соответствующими показателями и определения валидности некоторых шкал инструмента скрининга.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что возможности шкалы «Тревога и депрессия» опросника MAYSI-2 по выявлению соответствующих феноменов в целом подтверждаются. Необходимо продолжение работ по адаптации и

валидации методики MAYSI-2, что должно включать в себя сопоставление результатов, полученных при ее применении, с показателями схожих шкал других апробированных методик.

Сравнительный анализ результатов, полученных нами, и данных выборочного обследования подростков-правонарушителей в других странах (США, Нидерланды), показывает, что в российской выборке показатели наличия суицидальных идей и опыта психотравмирующих ситуаций значительно выше, чем у зарубежных испытуемых. Следует также отметить, что границы групп риска в разных странах и этнокультуральных группах могут отличаться, в связи с чем требуется их уточнение в рамках международных исследований с учетом культуральных особенностей, а также разработка критериев выделения групп риска для российской популяции с углубленным изучением культурального аспекта.

Литература

1. Дозорцева Е.Г, Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Терёхина С.А., Сыроквашина К.В. Клинико-психологическая скрининговая оценка отклонений в психическом развитии у подростков-правонарушителей: Аналитический обзор – М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010.
2. Grisso T. Massachusetts youth screening instrument, Version 2: MAYSI-2: user's manual and technical report / Thomas Grisso and Richard Barnum. – Rev.ed. Sarasota, Florida, 2006.

Семейные факторы, предопределяющие развитие агрессивного поведения личности

Романовская И.В.

Международный гуманитарный университет, Экономико-правовой институт
(Симферополь)

Семья может одновременно демонстрировать модели агрессивного поведения и обеспечивать его подкрепление. Именно в лоне семьи ребенок проходит первичную социализацию. На примере взаимоотношений между членами семьи он учится взаимодействовать с другими людьми, обучается поведению и формам отношений, которые сохранятся у него в подростковом периоде и в зрелые годы. Реакции родителей на неправильное поведение ребенка, характер отношений между родителями и детьми, уровень семейной гармонии или дисгармонии, характер отношений с братьями или сестрами – вот факторы, которые могут предопределять агрессивное поведение ребенка в семье и за ее пределами, а так же влиять на его отношения с окружающими в зрелые годы. Агрессивные дети, как правило, вырастают в семьях, где дистанция между детьми и родителями огромна, где мало интересуются развитием детей, где не хватает тепла и ласки, где в качестве дисциплинарных воздействий вместо заботы и терпеливого объяснения предпочитают силовые методы, особенно физические наказания. Прежде чем обратиться к семейным взаимоотношениям, следует отметить, что такая

характеристика семьи, как «полная или неполная», представляется связанной с агрессивностью детей. Статистика показывает, что несовершеннолетние преступники зачастую происходят из неполных семей и семей, где царит атмосфера беспорядка и безмолвия, где безразличие к чувствам других часто идет рука об руку с физической жестокостью и недостаточной поддержкой в жизни ребенка. За 6 месяцев 2012 года в Украине зарегистрировано 8786 преступлений, совершенных несовершеннолетними. В них принимали участие 6425 подростков, 2700 из них – ученики средних общеобразовательных школ, 70% из неполных семей или воспитанники детских домов и интернатов (данные официального сайта МВД Украины). Если у детей плохие отношения с одним или обоими родителями, если не интересуются их проблемами, то они, возможно, могут оказаться втянутыми в преступную деятельность. В трудах известных зарубежных психологов, в частности Штайнметца (Steinmetz, 1977) сделаны выводы о том, что для людей, совершивших заказные политические убийства (или покушения), характерно происхождение из распавшихся семей. Женщины, на которых их собственные матери обращали не так много внимания, склонны применять карательные меры воспитания и срывать гнев на своих детях. Тревожный ребенок избегает мер воспитания, несговорчив, сопротивляется контролю. Такие дети проявляют физическую агрессию, импульсивны, для них характерны эмоциональные вспышки.

Рассмотрим другую сторону семейных взаимоотношений – отношения между братьями и сестрами. Изучая последствия родительского вмешательства в драки между детьми в семье, было обнаружено, что дети проявляют больше физической или вербальной агрессии против единственного брата или сестры, чем против всех остальных детей, с которыми они общаются. Очевидно, эти взаимоотношения лежат в основе приобретения опыта агрессивного поведения. Братья и сестры агрессивных детей более склонны отвечать на нападение контратакой, чем братья и сестры обычных детей – что повышает вероятность продолжения и эскалации силового противостояния.

Другой аспект семейных взаимоотношений – это характер семейного руководства. В общем, выявлено, что жестокие наказания связаны с относительно высоким уровнем агрессивности у детей. Непоследовательные наказания у ребенка ассоциируются с агрессией. Родители, которые грозят наказать, но не осуществляют свои угрозы на практике, по сути дела учат ребенка игнорировать их самих. Стиль общения, который основан на силе, превратит ребенка в отверженного в среде сверстников и отстающего в школе. Дети из семей, не обучающих уступчивости, агрессивны и вспыльчивы. От них отворачиваются родители, приятели, да и у ребенка складывается весьма негативный образ самого себя.

Литература

1. Бэрн Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 1997. – 450 с.

Ювенальная юстиция сквозь призму ценностей

Суфиянова Я.Р.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Испытывая «шок от настоящего», человек стремится выработать в себе и принять такие ценности, жизненные ориентиры, которые позволили бы ему найти свое место в различных системах взаимодействия и самоопределиться. В таких условиях особенно трудно приходится молодому поколению с его еще не устоявшимся нравственным опытом, мировоззрением, подвижной системой ценностей. Обостряется противоречие между формирующейся личностью и новым обществом (Федосова И.В., 2009).

Основными причинами внедрения ювенальной юстиции явились ослабление устоев семьи, снижение ответственности родителей за воспитание и образование детей, увеличение числа родителей жестоко обращающихся с детьми и не выполняющих свои обязанности по заботе о детях и их воспитании, снижение воспитательных функций школы и т.д.

Чтобы выяснить, как относятся к этим экспериментам на территории города Нижевартовска и какие ценностные предпочтения у тех, кто поддерживает данные перемены, было проведено исследование среди студентов специальности психология и педагогика. На первом этапе молодым людям предстояло пройти анкетирование:

1. Как бы Вы оценили в России существующую систему защиты прав ребенка, его интересов и наказания за нарушения?
 - А. Положительно.
 - Б. Отрицательно.
 - В. Неоднозначно.
 - Г. Затрудняюсь.
2. Как Вы относитесь к идее внедрения ювенальной юстиции в России?
 - А. Положительно, считаю, что это будет эффективно, будет способствовать профилактике детской преступности, соблюдению прав ребенка.
 - Б. Нейтрально, так как не имею точного представления о понятии, преимуществах и недостатках данной системы.
 - В. Отрицательно, на сегодняшний день Россия не готова использовать систему ювенальной юстиции, основанную на зарубежном опыте.
3. Что, на Ваш взгляд, будет способствовать снижению детской и подростковой преступности, уменьшению количества детей с девиантным поведением?
 1. Повышение правовой грамотности школьников.
 2. Создание условий занятости детей и подростков в свободное время.
 3. Повышение ответственности семьи за воспитание детей (просвещение).
 4. Повышение компетентности сотрудников правоохранительных органов.
 5. Повышение уровня воспитательной работы в образовательных учреждениях.
 6. Повышение экономической стабильности в стране.
 7. Повышение правовой грамотности родителей.

8. Ужесточение законов, касающихся ответственности родителей за правонарушения детей.

На первый вопрос респонденты ответили следующим образом: вариант «А» выбрало 10% молодых людей, «Б» - 35%, «В» - 25% и «Г» - 30% всех опрошенных, что говорит о негативном отношении к ювенальной юстиции. Ответы на следующий вопрос распределились так: «А» - 5%, «Б» - 40%, «В» - 55%. При выполнении последнего вопроса анкеты большинство респондентов отметили повышение ответственности семьи за воспитание детей – 80%, создание условий занятости детей и подростков – 75% и повышение уровня воспитательной работы – 70%. Наименьшее внимание, по мнению студентов, следует уделять повышению компетентности сотрудников правоохранительных органов – 20%.

На втором этапе исследования молодым людям были предложены списки терминальных и инструментальных ценностей, где им предстояло проранжировать их от самого важного, к наименее ценному – методика Рокича.

При обработке результатов были соотнесены два этапа исследования и, как оказалось, молодые люди, которые положительно оценили систему российского законодательства, но отрицательно относятся к внедрению ювенальной юстиции, на первые места в списке терминальных ценностей поставили физическое и психическое здоровье и счастливую семейную жизнь. А среди инструментальных предпочтений выбрали воспитанность и аккуратность.

Студенты, высказывающиеся отрицательно о существующем законодательстве, но поддерживающие ювенальную юстицию, напротив, в десятку важнейших ценностей выбирают жизненную мудрость и наличие верных друзей.

Респонденты, негативно настроенные и к российской системе защиты прав и к нововведениям, отмечают активную жизненную позицию, интересную работу, а на последние места в рейтинге ценностей ставят исполнительность, самоконтроль и непримиримость к недостаткам в себе и других.

И, наконец, студенты, высказавшие нейтральную точку зрения, выбрали следующие ценности: любовь – молодые люди относят на первое место, а красоту природы и искусства и счастье других – на последние места в рейтинге.

Литература

1. Федосова И.В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы, 2009. №2. С. 75-92.

Рекомендации по коррекции неадекватных правовых представлений у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии

Сучкова Е.Л.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (Вологда)

Негативное отношение к праву, правоохранительным органам и их деятельности является существенным препятствием для адекватной оценки

несовершеннолетними осужденными собственного правового поведения. Проведенное нами исследование по изучению правовых установок несовершеннолетних осужденных с помощью методики психологического рисунка показало, что несовершеннолетние осуждённые испытывают отрицательные чувства по отношению к закону, который, по их мнению, осуществляет прежде всего карательно-репрессивную функцию. Тема наказания, присутствующая в рисунках, позволяет говорить о том, что несовершеннолетние осуждённые воспринимают понесённое наказание как тяжёлое и несправедливое (Сучкова Е.Л., 2009).

Воспитанниками признается наличие справедливых законов, однако порядок их реализации вызывает негативную реакцию. На вопрос о том, почему часть людей выбирает противоправное поведение, более половины опрошенных несовершеннолетних осужденных ответили, что это происходит из-за «неприятия официальной правовой системы». По отношению к оценке справедливости деятельности правоохранительных органов несовершеннолетние осужденные не занимают строго определенной и четко выраженной позиции. Справедливость решений указанных правовых институтов, по их мнению, зависит от таких субъективных факторов, как личность сотрудников правоохранительных органов. Результаты, полученные в ходе проведения фокус-групп позволяют говорить о высоком уровне критичности несовершеннолетних осужденных к таким отрицательным явлениям современного общества, как недейственность правовых институтов, неравенство жизненных шансов в зависимости от уровня материальной обеспеченности. Как крайне несправедливыми осужденные воспринимают факты коррумпированности судов, отмечают излишнюю строгость наказания в отношении людей с низким социальным статусом (Сучкова Е.Л., 2011).

В связи с вышеизложенным, следует проводить с воспитанниками занятия, в которых освещаются вопросы о мерах и усилиях государства для изменения представлений о праве как о институте принуждения правящей элиты по отношению к низшим слоям общества. Для этого может быть использован подбор специальной литературы, документальных и художественных фильмов, телевизионных передач, направленных на повышение правовой культуры.

При осуществлении психологической коррекции неадекватных правовых представлений у несовершеннолетних осужденных необходимо исходить из того, что основной причиной совершения преступления конкретным человеком является недостаточная социализированность личности, т.е. непонимание норм и правил социальной жизни, неумение ориентироваться в системе социальных связей, неадекватная оценка собственного потенциала и, как следствие конфликтный характер взаимоотношений с обществом.

Для работы по психологической коррекции правовых представлений осужденных мы предлагаем психологам учреждения использовать форму групповой коррекции правовых представлений осужденных, которая может осуществляться в виде социально-психологического тренинга. В тренинговую программу по коррекции

правовых представлений осужденных мы предлагаем включить занятия с элементами поведенческого тренинга (тренинга умений).

В качестве материалов для проведения занятий по обучению адаптивным формам поведения можно использовать сделанные осужденными описания обстоятельств совершения ими преступлений. Анализ содержания ситуаций позволит несовершеннолетним осужденным «увидеть» со стороны то, каким способом лица, совершившие преступления, пытаются приуменьшить свою вину, представить себя в более выгодном свете, изобразить жертвой обстоятельств, исполнителем чужой воли или лицом, действия которого вызваны несправедливыми поступками других людей. Демонстрация в ходе обсуждения искаженного представления о криминальной ситуации и роли действующих в ней лиц поможет воспитанникам отрефлексировать собственное поведение в правовой сфере.

Литература

1. Сучкова Е.Л. Методики психологического изучения правовых представлений и установок осужденных. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 105 с.
2. Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: Методические рекомендации для психологов уголовно-исполнительной системы. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 155 с.

Психологические аспекты понятия «интересы ребенка»

Терехина С.А.

Московский городской психолого-педагогический университет,
ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

С изменением семейного законодательства в нашей стране несовершеннолетние приобрели новый статус, в соответствии с которым они выступают как самостоятельные субъекты семейного права. В качестве приоритетного принципа при решении различных вопросов, связанных с обеспечением прав несовершеннолетних, выступает соблюдение интересов детей. Исходя из этого любые решения, принимаемые по судебным делам, тем или иным образом затрагивающим права и интересы детей, должны оцениваться на предмет того, отвечают ли они интересам ребенка или нет. В настоящее время в правовых дисциплинах ведется активная работа по изучению теоретических и практических аспектов понятия «интересы детей», а также возможных механизмах реализации данного принципа в судебной практике. В то же время психологическим аспектам данной проблемы в рамках юридической психологии не уделяется должного внимания.

Определяя психологическую составляющую семейно-правового понятия «интересы ребенка», необходимо отличать ее от категории «интерес» в психологической науке, поскольку она выступает как «специфическая форма проявления познавательной потребности». Несколько ближе по смыслу к «интересам

ребенка» находится категория «потребности», которая фиксирует «состояние недостаточности чего-либо» или «нужду в чем-то». Вместе с тем оба эти понятия отражают некоторые психологические феномены, характеризующие внутренний мир ребенка. В юридическом контексте «интересы ребенка» подразумевают скорее внешние по отношению к самому ребенку обстоятельства его жизни, которые выступают в качестве условий, в которых протекает его психическое и личностное развитие. Таким образом, сами «интересы», не являясь психологическими по своей природе, опосредованно могут оказывать существенное влияние на процесс развития ребенка. Алгоритм принятия судебного решения по гражданским делам в отношении детей должен включать в качестве обязательного звена сравнение различных обстоятельств, связанных с альтернативными вариантами, с точки зрения либо их благоприятствования дальнейшему развитию ребенка, либо минимизации вреда, наносимого ребенку в случае их реализации. В связи с этим суду важно опираться на сравнительную психологическую оценку возможных траекторий психического развития ребенка. В рамках данного подхода особую актуальность приобретает проблема прогнозирования процесса психического развития, которая в современной психологии развития является дискуссионной.

При рассмотрении интересов ребенка в контексте юридической психологии необходимо учитывать их динамичный характер. Содержательное наполнение интересов ребенка зависит от множества разнообразных факторов, в частности от его возраста. Для каждого возрастного периода в психологии принято выделять так называемые задачи развития, которые ребенку необходимо решить на данном этапе. Помимо возрастных особенностей нужно учитывать и его специфические индивидуальные характеристики, поскольку они также могут предъявлять определенные требования как к социальному окружению ребенка, так и методам его воспитания и обучения. В то же время ситуация осложняется тем, что на современном этапе развития общества и научных знаний меняются сами представления о детском развитии, его периодизации, критериях оценки и соответствующих нормативах. Также необходимо отметить, что разработка общепризнанной типологии форм и вариантов в рамках нормативного развития детей и подростков еще далека от своего завершения. В связи с этим задачи, стоящие перед специалистами в сфере защиты детства, являются весьма сложными и многогранными. Для их успешного решения необходимо объединение усилий специалистов различных специальностей, скорейшее внедрение научных разработок в практику судопроизводства в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Социально-психологическая концепция восстановления нарушенных коммуникаций у подростков-правонарушителей: основные положения

Тигунцева Г.Н.

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет» (Иркутск)

Социально-психологическая концепция восстановления нарушенных коммуникаций у подростков, склонных к правонарушениям, содержит два базовых положения, отражающие связь девиантного поведения с нарушениями в коммуникациях, а также характеристику условий и способов их восстановления.

Составляющие первого положения и их характеристика:

1) первичные девиации в подростковом возрасте и их связь с нарушениями в коммуникациях. Исходным, наиболее значимым, положением концепции является представление о том, что первичные девиации у подростков проявляются в нарушенных (разрушенных) коммуникациях. Нарушения в коммуникациях рассматриваются важнейшим показателем и признаком девиантности в подростковом возрасте;

2) характеристика нарушенных коммуникаций. Нарушения в коммуникациях связаны с невыполнением общепринятых социальных норм в конкретном социуме. Нормы – это правила, предписания, традиции, законы. Следствием нарушенных коммуникаций между субъектами является дестабилизация основ социальной жизни, оказывающая деструктивное влияние на развитие личности;

3) роль педагогического взаимодействия в возникновении нарушений в коммуникациях в подростковом возрасте. Важнейшим источником возникновения нарушений в коммуникациях в подростковом возрасте определяется некомпетентное педагогическое взаимодействие с подростком. Это связано с доминированием традиционно стереотипных и неэффективных способов общения с девиантными подростками. Как следствие, большинство педагогов имеют существенные затруднения в установлении контакта с подростками, склонными к правонарушениям. Это снижает роль педагогического влияния на личность подростка.

4) подростки-правонарушители как носители нарушенных (разрушенных) коммуникаций. Для девиантных подростков характерны негативные и социально неодобряемые качества (отчужденность, ригидность, агрессивность и др.) Механизмы образования качеств заключаются в следующем. Неадекватное педагогическое обращение с подростком вызывает с его стороны позиции противостояния. Создается ситуация неприемлемости и неприятия друг друга субъектами диады. Конфронтация и противодействие формируют у подростка состояния, переходящие в устойчивые сочетания негативных и социально неодобряемых качеств, влияющих на возникновение нарушений в коммуникациях. Результатом является отказ подростка от доверительных отношений с педагогом.

Составляющие второго положения и их характеристика:

1) необходимость восстановления нарушенных коммуникаций посредством коммуникации. Приоритетным рассматривается коммуникативное решение проблемы

восстановления разрушенных (нарушенных) коммуникаций (то, что разрушено в коммуникациях, должно быть восстановлено также с помощью коммуникации). Это определяет поиск коммуникативных способов, предполагающих постепенную «перестройку» нарушенного характера коммуникаций и достижения их восстановления;

2) характеристика нормальных коммуникаций. Нормальные коммуникации связаны с выполнением общепринятых социальных норм. Для нормальных индивидов свойственны стремления к обоюдному согласию, эмоционально-теплым взаимоотношениям, к сближению (т. е. к конвергентности).

3) возможности применения контакта для восстановления нарушенных коммуникаций. С целью восстановления нарушений в коммуникациях предлагается использование контакта как коммуникативного способа. Контакт понимается как «переживание близости на основе общности, он ассоциируется с набором точек соприкосновения, согласованностью сторон, стремящихся к сокращению психической дистанции». Контакт способствует реализации конвергентных тенденций, возникающих у субъектов коммуникаций. Поэтому контакт обуславливает возникновение социально значимых и одобряемых качеств, создающих доверие.

4) использование педагогом технологии установления контакта с целью восстановления нарушенных коммуникаций у подростков-правонарушителей. Педагог рассматривается инициатором и организатором процесса установления контакта, приводящего к созданию доверия с подростком. Поскольку ведущая роль в управлении процессом восстановления нарушенных коммуникаций у подростков принадлежит педагогу, то необходимо его обучение технологии установления контакта. Теоретико-методической базой разработки технологии явилась методика контактного взаимодействия (Л.Б. Филонов, 1982). Технология установления контакта – специфический, алгоритмично выстроенный процесс, отражающий последовательные и постепенные позитивные изменения в характере коммуникаций между педагогом и подростком-правонарушителем и завершающийся созданием доверительных отношений.

Выводы. Создание на основе контакта пространства доверия способствует восстановлению нарушенных коммуникаций между педагогами и подростками-правонарушителями. Доверие, как гарант оптимального характера коммуникаций, обуславливает повышение роли педагогического влияния на девиантную личность. Это, в свою очередь, рассматривается фактором предупреждения правонарушений в подростковой среде.

Литература

1. Дозорцева, Е. Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением / Е. Г. Дозорцева. – М. : ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2004. – 352 с.
2. Тигунцева, Г. Н. Психология установления контакта педагога с подростком-правонарушителем : монография / Г. Н. Тигунцева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 176 с.

3. Филонов, Л. Б. Психологические аспекты установления контактов между людьми: Методика контактного взаимодействия / Л. Б. Филонов. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 80 с.

Экспертные проблемы применения ч. 3 ст. 20 УК РФ в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния

Федонкина А.А.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Актуальность проблемы применения ч. 3 ст. 20 УК РФ в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, обусловлена тем, что подростки нередко совершают правонарушения вследствие зависимости от мнения референтной группы, слабой развитости мотивов и смыслов, игрового характера интересов, то есть в силу особенностей, отражающих недостаточное развитие личностной сферы. В таких случаях перед следственными органами, судом нередко возникает вопрос о наличии у подростка отставания в психическом развитии и о том, какое влияние оно оказало на способность несовершеннолетнего к произвольной регуляции собственного поведения. То есть, возможно ли применение в отношении несовершеннолетнего ч. 3 ст. 20 УК РФ, которая гласит: «Если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения правонарушения не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». Если у следствия возникают подобные сомнения, то подростку целесообразно назначать комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ).

Психологическим эквивалентом отставания в психическом развитии является личностная незрелость. Соответственно, вопрос о наличии такого отставания, а также о степени его влияния на способность подростка к произвольной регуляции собственной деятельности относится к компетенции психолога. Однако на первом этапе экспертизы психиатр должен выявить наличие либо отсутствие у подростка психического расстройства.

Как показывает практика, у большинства несовершеннолетних, направленных на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу психиатры диагностируют психические расстройства. К примеру, за 2011 год в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского у 88.8% из освидетельствованных на КСППЭ подростков были выявлены психические расстройства, из них 46.8% – органического генеза. При этом 44.4% несовершеннолетних были признаны способными в период совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, из них 33.3% – без ограничений. За последние несколько лет отставание в психическом развитии, не связанное с

психическим расстройством, которое повлияло на способность несовершеннолетнего к произвольной регуляции собственной деятельности, в ГНЦССП им. В.П. Сербского было выявлено лишь у одного несовершеннолетнего. Однако признаки личностной незрелости эксперты-психологи отмечают у большого количества подростков (примерно у 35% подростков, проходивших стационарную КСППЭ). В связи с этим остаётся открытым вопрос, какой должна быть степень выраженности личностной незрелости, для того, чтобы психолог мог констатировать у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии. Немаловажной является проблема дифференциальной диагностики естественной возрастной личностной незрелости у психически здорового подростка с такими нозологическими формами, как инфантилизм и инфантильное расстройство личности. Проявления личностной незрелости у психически здорового подростка менее выражены, чем при инфантилизме, не всегда отчётливо проявляются в высказываниях и действиях несовершеннолетнего.

Вопрос о том, всегда ли психическое расстройство исключает возможность констатации отставания в психическом развитии, является также значимым. Если во всех случаях при наличии у подростка психического расстройства его психическое развитие качественным образом отличается от нормального, соответственно, личностную незрелость несовершеннолетнего стоит рассматривать в рамках психического расстройства. Тем не менее, в некоторых случаях психиатрами ставятся диагнозы в рамках рубрики F 91 МКБ-10 – «Расстройства поведения», которые характеризуются стойким диссоциальным, агрессивным поведением. В данном случае прямая связь личностной незрелости с психическим расстройством неоднозначна, так как наличие такого диагноза может говорить преимущественно о неблагоприятной внешней среде воспитания.

Феномен личностной незрелости в настоящее время недостаточно подробно изучен. Для того чтобы решить вопросы, важные для диагностики при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы и для последующей реабилитации подростков, необходимо многостороннее исследование данного феномена.

Образ матери и риск совершения правонарушения у несовершеннолетних

Шипшина О.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Специалистами выделяется достаточно большое число факторов риска, влияющих на возможность совершения несовершеннолетним противоправного деяния в будущем. Одним из наиболее важных факторов риска является семейная ситуация, в которой находится несовершеннолетний. Особенное значение в формировании личности ребенка является фигура матери. Исследования показывают, что проблемные дети часто воспитываются одной матерью, что в значительной мере

влияет на социальное положение семьи, ее стабильность и благополучие (Ганишина И.С., Ушатиков А.И., 2006; Блэкборн Р., 2004; Бартол К., 2004; Hoge R.D., Guerra N.G., Vohrer P., 2008). В связи с этим оценка отношений ребенка с матерью приобретает еще большее значение для определения риска совершения несовершеннолетним правонарушения по следующим причинам, особенно учитывая, что многие подростки, в том числе до 65 процентов правонарушителей, воспитываются в неполных семьях либо в ситуации, когда отец недостаточно участвует в воспитании (это относится как к правонарушителям, так и законопослушным подросткам).

Одной из главных причин совершения детьми серьезных и опасных правонарушений является недостаток родительского контроля. Недостаток общения детей с родителями и неприятие со стороны родителей также являются маркером делинквентного поведения в будущем. Очевидно, что матери, воспитывающие детей самостоятельно, даже если у них отсутствуют проблемы родительских установок, навыков, эмоциональных отношений, нередко будут испытывать затруднения в контроле за детьми. В то же время, учитывая внешнюю схожесть семейных ситуаций делинквентных и законопослушных подростков, должна существовать качественная разница, обуславливаемая не столько социальными факторами, сколько собственно отношениями с матерью, их внутренним содержанием.

При проведении настоящего исследования нас интересовало, каким образом сами несовершеннолетние оценивают своих матерей, и существуют ли значимые различия в представлениях о своих матерях между законопослушными несовершеннолетними и теми несовершеннолетними, кто совершил правонарушение.

Была использована методика «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горькавая, Е.Е. Ромицына, 1995) для оценки сыновьями своих матерей.

В исследовании приняло участие 56 несовершеннолетних, совершивших правонарушение, отбывающих наказание в Азовской воспитательной колонии, и 50 законопослушных несовершеннолетних. Средний возраст группы несовершеннолетних правонарушителей – 17 лет, законопослушных несовершеннолетних – 16 лет. Почти три четверти обследованных в колонии несовершеннолетних совершили тяжкие насильственные правонарушения.

Для группы законопослушных несовершеннолетних нами были получены средние результаты по всем шкалам, что указывает на гармоничное отношение матерей к своим детям. При сравнении данных результатов с группой несовершеннолетних правонарушителей было установлено, что по трем шкалам (директивности, автономности, непоследовательности) из пяти результаты практически совпадают с «законопослушной» группой. Различные результаты были получены по шкалам позитивного интереса и враждебности. В отличие от группы законопослушных подростков, у группы несовершеннолетних правонарушителей наблюдались низкие показатели по шкале позитивного интереса. Данный результат указывает на отсутствие позитивного интереса со стороны матери, который заключается в построении отношений, основанных на взаимном уважении,

поддержке, построении адекватных эмоциональных контактов, дружеского общения. Несовершеннолетние не ощущают поддержки матери, не принимают ее мнение и не склонны соглашаться с ней, могут считать мать подозрительной, властной, не воспринимают ее способ общения как дружеский, между ними отсутствует нормальный эмоциональный контакт, не чувствуют уверенности матери в правильности линии своего воспитательного воздействия. Высокие результаты по шкале враждебности свидетельствуют об агрессивности и чрезмерной строгости в межличностных отношениях, неприятии ребенка, эмоциональной холодности. По мнению несовершеннолетних, мать ориентируется на себя, ребенок воспринимается ею как соперник, которого необходимо подавить. В то же время при враждебном отношении матери к сыну может наблюдаться ярко выраженная подозрительность, склонность к чрезмерной критике в адрес его и окружающих. Наряду с этим, главным образом, на вербальном уровне, демонстрируется позитивная активность и ответственность за судьбу сына.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. Семейные отношения, отношения с матерью у законопослушных подростков характеризуются достаточной гармоничностью. Отношения матерей с подростками, совершившими правонарушение, напротив, характеризуются дисгармоничностью, проявляющейся, в первую очередь, в неуверенности родителя в правильности своего воспитания, при подозрительности, стремлении к властности, нарушении эмоциональных контактов, агрессивности, властности, самоуверенности. Исходя из этого, можно заключить, что нарушение отношений с матерью является одним из факторов, связанных с правонарушающим поведением несовершеннолетних. Полученные результаты указывают на необходимость диагностики характера взаимоотношений между несовершеннолетним правонарушителем и его родителями, прежде всего матерью. Это наиболее важно на стадии ранней профилактики отклоняющегося поведения ребенка. Не менее важна эта задача при проведении судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего правонарушителя, когда ставится вопрос об определении степени риска совершения им в будущем противоправного действия. Диагностика взаимоотношений с матерью значима и при разработке программ профилактики рецидива повторного правонарушения.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Ценностно-смысловая сфера осужденных в условиях ресоциализации

Виноградова С.Н.

Самарская гуманитарная академия (Самара)

В современной психологической науке значительно усилился интерес к одной из составляющей личности - ценностно-смысловой сфере. В отечественной психологии она исследуется многими авторами и рассматривается как функциональная система, формирующая смыслы, ценности и цели жизнедеятельности человека, регулирующая способы их достижения (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Е.А. Березина, А.В. Капцов, Ю.М. Кузнецова, А.Н. Леонтьев, Н.И. Непомнящая, Б. Ольшанский, С.Л. Рубинштейн, А.В. Серый, М.С. Яницкий). Ценностно-смысловую сферу личности составляют два существенных компонента – «ценностные ориентации» и «система личностных смыслов», которые являются неотделимым системно-культурным образованием.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы идея ресоциализации осужденных становится ведущей. Целью функционирования данной системы является не только изолирование опасных граждан от общества, но и их исправление, в результате которого они могли бы вести нормоправный образ жизни и разделять присущие законопослушным гражданам ценности. Особое место отводится поиску и внедрению новых индивидуальных форм работы с осужденными с учетом их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик. Значимость ценностно-смысловой сферы личности в анализе и прогнозировании поведения осужденного как в период отбывания наказания, так и после освобождения, проблема ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы является недостаточно изученным вопросом пенитенциарной психологии. В арсенале методов психологов исправительных учреждений существует проблема недостаточной разработанности инструментария, его узкая направленность, не позволяющая диагностировать ценностно-смысловую сферу как единую систему. Существующие исследования ограничиваются тестами Д.А. Леонтьева (СЖО), М. Рокича «Ценностные ориентации». При этом, как показывает практика, процедура ранжирования ценностей вызывает у многих исследуемых определенные затруднения.

На базе исправительной колонии строгого режима Самарской области было проведено пилотажное исследование. Респондентами являлись мужчины в возрасте от 20 до 57 лет, отбывающие наказание по разным статьям УК в количестве 28 чел. Диагностический инструментарий: тест «Смысложизненные ориентации» (Дж. Крамбо, Л. Махолик, адаптация Д.А. Леонтьева); шкала экзистенции А. Ленгле,

акмеологический тест личностных ценностей (А.В. Капцов), который имеет интервальную шкалу, высокую валидность и надежность, дифференцированный подход к диагностике структуры ценностей, наличие шкалы достоверности позволяет дать полную диагностику всех параметров личностных ценностей в исследовании.

Исследование показало, что большинство осужденных имеют искажения в представлении о своем жизненном пути, нежелание переосмыслить прошлое и проектировании будущей жизни, нести ответственность перед самим собой, что тесно связано с проблемами развития и содержания их экзистенциальной сферы. Низкие показатели по шкале экзистенциальной исполненности свидетельствует о неспособности конструктивно обходиться с самим собой, с миром, быть самим собой, несмотря на особенности психодинамики и жизненных обстоятельств. Наиболее значимые ценности: духовного удовлетворения, креативности, достижений и менее значимые личностные ценности традиции и жизнедеятельности. Мы считаем, что проблема ценностно-смысловой сферы осужденных в период ресоциализации в силу своей актуальности и недостаточной изученности нуждается в дальнейшей разработке.

Психолого-педагогические компетенции в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях реформирования

Дубровская Т. В.

ФКОУ ДПО СМУЦ ГУФСИН России по Новосибирской области (Новосибирск)

В современных условиях модернизации уголовно-исполнительной системы, содержание учебного материала профессиональной подготовки необходимо реализовывать на основе компетентного подхода, который является одним из доминирующих во всей системе отечественного и зарубежного образования. На основе изучения приказов ФСИН, регламентирующих образовательный содержательный минимум для всех уровней обучения сотрудников в учебных центрах, а также современных исследований содержания профессиональной подготовки сотрудников УИС нами выделено пять групп основных компетенций: нормативно-правовая, психолого-педагогическая, специальная, физическая и информационная компетенции, причем значимость каждой компетенции определяется её порядковым номером в данном перечне. Наиболее значимыми в период реформирования УИС являются изменения психолого-педагогической компетенции, которые мы рассмотрим более подробно.

Психолого-педагогические компетенции включают владение знаниями, умениями, навыками и опытом психолого-педагогического воздействия на осужденных, знание и практическое применение основных психолого-педагогических средств и методов исправления осужденных в условиях колонии, а также учет социальных факторов исправления и работу с ними.

Базовыми для формирования психолого-педагогической компетенции являются (в соответствии с профессиографическим подходом Н.В. Кузьминой): гностические,

коммуникативные, конструктивные, организационные способности и умения сотрудников.

Несмотря на то, что формированию данных компетенций должно уделяться внимание на всех этапах подготовки сотрудников, специфика их усвоения заключается в изменении приоритетного статуса в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сотрудникам в зависимости от уровня их подготовленности.

Коммуникативные навыки настолько важны, что их отсутствие или нежелание их приобретать является противопоказанием к профессиональной деятельности. В соответствии с вышесказанным коммуникативные качества должны быть сформированы уже на этапе начальной подготовки. Также на этапе начальной подготовки в большей мере должны формироваться основные знания (гностический компонент) о сущности психических явлений и их роли в профессиональной деятельности, знания основ педитенциарной педагогики и психологии, основ культуры и профессиональной этики сотрудника УИС в различных служебных ситуациях, представления о требованиях к личности сотрудника УИС.

Конструктивная деятельность по проектированию воспитательного процесса, подготовка планов, разработка методик, анализ, выбор воспитательной тактики и стратегии, адаптация методов воспитательного воздействия – основные умения, особое внимание формированию которых целесообразно уделять на этапе профессиональной переподготовки. Умение анализировать большой объем разнообразной информации, определять ее важность, осуществлять мысленное моделирование и прогнозирование различных ситуаций поведения осужденных, умение принимать быстрые решения в непредсказуемых условиях – все это делает необходимым формирование интеллектуальных, аналитических, прогностических способностей у сотрудников.

Организаторские, управленческие умения и навыки являются самыми важными на этапе повышения квалификации. Воспитательное воздействие на осужденных предполагает умение организовать их на совместную деятельность (спортивную, трудовую, культурную, образовательную), осуществить ее, управлять ею. Сотрудник УИС должен сочетать быстрые реакции на новые обстоятельства, быстрое действие с уравновешенностью и эмоциональной устойчивостью, самообладанием в конфликтных ситуациях.

Диагностика социальной апперцепции у лиц, отбывающих наказание

Жумагалиева М.Ю.

ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

При изучении проблемы генеза противоправного поведения не вызывает сомнения важность учета функционирования регуляторных способностей субъекта (Ross T., Fontao M. I., 2006; Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н., 2010). Для составления

коррекционных мероприятий в отношении лиц, отбывающих наказание, необходимо оценивать особенности когнитивных подпроцессов, связанных с социальной апперцепцией правонарушителей, объединяющих когнитивную и аффективную стороны регуляторного процесса. Под социальной апперцепцией подразумевается способность к адекватному восприятию и интерпретации субъектом контекста ситуации, продуцированию альтернатив ее исхода и выбору наиболее адекватного варианта ее разрешения, а также способность к распознаванию эмоционального контекста ситуации.

С целью изучения социальной апперцепции лиц, отбывающих наказание, была разработана проективная Методика изучения социальной апперцепции (Булыгина В.Г., Жумагалиева М.Ю., 2011). Методика состоит из 22 ситуаций, изображенных художником в виде картинок. 8 ситуаций были отнесены к социально-бытовому контексту; 7 – к криминальному; 7 – к контексту, связанному с болезнью. Участники ситуации намеренно были изображены без прорисовки лиц, чтобы усилить неопределенность стимульного материала. Последнее по мнению авторов будет способствовать опоре на личностные смыслы при трактовке ситуации испытуемым. Процедура исследования заключалась в последовательном предъявлении картинок испытуемому. По каждой из них он должен ответить на следующие вопросы: 1. Что изображено на картинке, что происходит (опишите ситуацию)?; 2. Как вам кажется, что будет происходить дальше, какие могут быть варианты развития событий?; 3. Как бы вы поступили на месте одного из участников ситуации (выберите любого)?; 4. Какие эмоции испытывают участники ситуации?

В исследовании приняли участие 26 испытуемых с нормосообразным поведением и 15 испытуемых, отбывающих уголовное наказание в колонии особого режима ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Мордовия, совершивших как имущественные преступления совершили - 73% испытуемых, так и преступления против личности – 27%.

Анализ данных, полученных при помощи методики Стилы саморегуляции поведения (Моросанова В.И., 2004) выявил, что у лиц, совершивших ООД, в меньшей степени развита способность к осознанной произвольной саморегуляции поведения. В частности - способность к построению модели значимых условий деятельности, то есть к восприятию информации о параметрах ситуации, в которой будет осуществляться деятельность, а именно, о необходимых для ее осуществления условиях, и о тех ресурсах, которыми располагает субъект.

Использование методики изучения социальной апперцепции показало, что для лиц с противоправным поведением характерны следующие нарушения когнитивных подпроцессов, относящихся к моделированию, а именно: интерпретация ситуационного контекста с опорой на субъективные критерии, продуцирование меньшего количества альтернатив развития ситуации с наличием неадекватных ситуационному контексту и агрессивных вариантов. При этом они склонны предлагать от своего имени неконструктивные варианты разрешения ситуации.

Литература

1. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические подходы к проблеме саморегуляции и их прикладное значение для решения вопросов судебно-экспертной практики (ст. 22 УК РФ): Аналитический обзор. – М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. – 38 с.
2. Ross T, Fontao M. I. Forensic Psychotherapy, University Hospital Ulm, Germany [Sexual Offender Treatment, Volume 1 (2006), Issue 2].

Чувство вины как фактор риска совершения повторных правонарушений осужденных условно

Зеленина М.М.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Понятие вины широко обсуждается в научной литературе, главным образом, актуально расхождение понимания данного термина в юридических и психологических дисциплинах.

В уголовном праве понятие вины определяется как субъективная сторона преступления, под которой понимается психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им деянию и его последствиям (УК РФ, 2007). Вина определяется как действие (или бездействие) и отсутствие предвидения его общественно опасных последствий (УК РФ, 2007).

Таким образом, вина как субъективная сторона преступления сводится к: мотивации, умыслу, желанию наступления последствий деяния или недостаточное предвидение таких последствий. Виновность и невиновность человека, устанавливается согласно тому, является ли он причиной или источником содеянного (Еникеев М.И., 2003; Ильин Е.П., 2009).

По сопоставлению Ильина Е.П.: «В юриспруденции вина соотносится с предшествующим проступку периодом. Она рассматривается как отношение, которое предшествует и сопровождает совершение противоправного деяния. Отношение же человека к уже совершенному негативному деянию и его последствиям (раскаяние, сожаление), что является предметом изучения психологии, в понятие вины не входит, а может быть учтено лишь как смягчающее вину обстоятельство. Психологическое понимание вины сводится к переживанию недовольства собой, связанного с обнаружением человеком несогласования между собственным поведением и принятыми моральными нормами.» (Ильин Е.П., 2009).

Рассматривая чувство вины, как фактор риска совершения повторных правонарушений, нас, главным образом, интересует можно ли установить связь между определённым уровнем переживания этого чувства, касательно предыдущего правонарушения, и дальнейшего совершения или не совершения аналогичного общественно опасного деяния, в период условного осуждения. Решение данного вопроса необходимо в контексте проблемы выбора направления наиболее эффективных психокоррекционных программ для осужденных условно.

Тема вины в отечественной и зарубежной научной психологической литературе раскрыта достаточно широко и популярно, хотя при этом мнения авторов и подходы к толкованию этого понятия разнятся.

Рассмотрим некоторые подходы к описанию понятия вины. В концепции Д. Ангера вина это двукомпонентная эмоция. Первый компонент — вербальнооценочная реакция человека, раскаяние, в основе которых лежит негативное отношение к самому себе. «Признание своей провинности («неправильного» поступка), неправоты или предательства своих убеждений порождает второй компонент — вегетативновисцеральную реакцию с целой гаммой мучительных и довольно стойких переживаний, преследующих человека: угрызения совести, сожаление о совершенном, неловкость (стыд) перед тем, кого обидел, страх потерять дорогого человека и печаль по этому поводу. Правда, возможно и раскаяние без эмоциональной реакции, чисто формальное, внешнее, неискреннее, вошедшее в привычку, или как рассудочный вывод» (Ильин Е.П., 2009).

И.А. Белик рассматривает вину как четырехкомпонентное образование: 1) эмоциональный компонент (угнетенность, подавленность), сожаление и раскаяние; 2) когнитивный компонент, который включает осознание и анализ поступка, осознание несоответствия «реального» и «идеального»; 3) мотивационный компонент: желание исправить или изменить сложившуюся ситуацию или поведение; 4) психосоматический компонент, связанный с неприятными физическими ощущениями (головная боль, тяжесть в животе и т. д.) (Белик И.А., 2003).

З. Фрейд рассматривал вину как нравственную разновидность тревоги, как «тревогу совести» (Ильин Е.П., 2009; Лейблин В.М., 2010).

Касательно западной психологии, Ильин Е.П. отмечает в их толкованиях тесную связь вины со страхом и некоторые авторы вообще отождествляет вину со страхом перед наказанием. Такая позиция авторов объясняется тем, что они придерживаются представлений о генезисе вины с позиции теории научения, где наказание является основным фактором. Ильин пишет: « что авторы, придающие большое значение внешнему наказанию и отождествляющие вину и страх, допускают ошибку. Страх перед наказанием имеется и у преступников, но все ли они испытывают вину за содеянное? Дело не во внешнем наказании и не в страхе, а в том, что переживание вины, угрызение совести само по себе является наказанием для человека. Поэтому более правильным представляется мнение тех ученых, которые считают вину самостоятельным феноменом, помогающим снижать тревогу и избегать серьезных психических расстройств. С этих позиций вина играет положительную роль.

Вина выполняет три функции: 1) выступает в качестве морального регулятора для поддержания норм просоциального поведения; 2) участвует в формировании самооотношения и 3) способствует профилактике психических расстройств.» (Ильин Е.П., 2009). Однако успешное осуществление этих функций возможно только в том случае, если уровень переживания вины будет у человека не слишком большим, но и не слишком малым, то есть оптимальным (И. А. Белик, 2006). Иногда чувство вины

бывает необоснованным и преувеличенным, нанося человеку вред: вызывает хроническую усталость, или, как крайний вариант, может привести к самоубийству. «В норме переживание вины повышает готовность человека идти на уступки. С другой стороны, как отмечают Б. Маэр, переживание вины может заставить человека желать наказания.» (Ильин Е.П., 2009).

Рассматривая вину как фактор риска совершения повторного правонарушения, можно отметить, что наиболее неблагоприятным будет факт полного отсутствия внутренних переживаний осужденного условно.

Согласно теоретическому обзору данного вопроса можно заключить, что чувство вины оказывает значимое влияние на построение дальнейшего поведения. В зависимости от глубины и уровня переживаний этот «фактор» может спровоцировать как позитивное, так негативное поведение. Таким образом, переживание чувства вины заслуживает должного внимания со стороны психологов работающих в Уголовно Исполнительных Инспекциях. Кроме того немало важным фактом, является, то, что на формирование чувства вины оказывают влияние некоторые другие чувства. Отмечается наличие таких чувств, как стыд и страх, которые могут переживаться в совокупности с виной (Изард К. 2008; Ильин Е.П., 2009). Хотя, по мнению Ильина, точка зрения касемо родства понятий вины и страха наказания, чересчур бихевиоральна, она всё же может быть актуальной, если мы рассматриваем категорию лиц, осужденных условно, которые имеют опасность получить более строгое наказание и отбывать реальный срок лишения свободы, при нарушении режима и совершении повторных правонарушений. Подходить к вопросу диагностики и коррекционной работы с переживанием чувства вины осужденного условно, нужно в комплексе с другими актуальными переживаниями, в том числе, такими как, страх наказания, стыд перед общественным осуждением, повышенная тревожность и др.

Литература

1. Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: Автореф. ...дис.канд. наук. — СПб., 2006.
2. Еникеев М.И. Юридическая психология. - М.: Норма, 2003. — 256 с.
3. Изард К. Психология эмоций.- СПб.: Питер, 2008.- 464 с.
4. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений –Спб:Питер,2009.- 573 с.
5. Лейблин В.М. Словарь справочник по психоанализу. – М.: АСТ, 2010.-956 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: ГроссМедиа, 2007. -176 с.

Изучение факторов риска готовности осужденных женщин к ресоциализации

Ильин А.В.

Управление федеральной службы исполнения наказаний по Владимирской области
(Владимир)

Актуальность данной проблемы связана с тем, что женская криминальная активность в настоящее время все больше возрастает и не может не вызывать опасений. Наряду с чертами, общими для всей преступности, выделяются отдельные черты, свойственные только женской. Поэтому работа по подготовке к освобождению и ресоциализации должна планироваться с учетом этой специфики.

В качестве исследования аспектов готовности осужденной женщины к освобождению мы обратились к опыту Тюремной службы Великобритании, а в частности к практике системной оценки правонарушителя. Одним из элементов этой практики является использование анкетной методики СисОП (Система Оценки Правонарушителя), разработанная совместно Тюремной Службой и Службой Пробации Великобритании.

На этой основе был разработан наш вариант экспертной диагностической анкеты «Социально-психологическая экспертиза готовности к освобождению из мест лишения свободы». Данная анкета предоставляет комплексный анализ личности осужденного, с учетом его социальных и психологических проблем, особенностей его личности. В содержании «Социально-психологической экспертизы готовности к освобождению из мест лишения свободы» представлены компоненты, позволяющие оценить:

- риск повторного осуждения и факторы, относящиеся к противоправному поведению (идентификация дела, информация по противоправному поведению, анализ правонарушения, оценка факторов, связанных с противоправным поведением, состояние здоровья и пр.);
- риск причинения серьезного вреда себе и другим людям, риск побега и укрытия от правосудия;
- способность к жизни в условиях заключения;
- необходимый уровень надзора и характер отбывания наказания (схематичный план совместимый с социальным портретом правонарушителя, начальный план и план пересмотра условия надзора, включая перевод и окончание и пр.);
- проблемы, характерные для осужденных.

Итоги исследования включаются в специальную расчетную таблицу, позволяющую оценить риск повторных преступлений.

Особого внимания требуют те сферы, значения которых отклоняются от границ нормы. Таким образом, мы получаем факторы, которые в работе по подготовке к освобождению можно отнести к ресурсам и те, которые могут стать причиной повторного преступления и требуют особого внимания в процессе этой работы.

Проблемные факторы, выделенные в ходе исследования можно подразделить на два уровня по степени риска повторного преступления: факторы незначительного риска и факторы повышенного риска.

К факторам незначительного риска были отнесены следующие:

1. *Образование, специальность, возможность трудоустройства.*

Большинство женщин до заключения имели определённую квалификацию – 65% и были трудоустроены – 83%. Однако только 38% из них имели сильную мотивацию к работе, считали наличие работы преимуществом и гордились тем, что зарабатывали себе на жизнь. Остальные 62% женщин пассивно или активно высказываются о нежелании трудиться.

Обращает на себя внимание трудовая биография женщин до осуждения. Только 33 % женщин указали, что имели постоянную работу, не увольнялась с работы добровольно, не имея гарантированной возможности устроиться на другую работу. Остальные 67 % осуждённых либо никогда не работали, либо имели периоды нестабильной занятости, регулярно увольнялась или переходили на другую работу без особых причин.

2. *Материальный доход и планирование бюджета.* Примерно половина женщин имела затруднительное финансовое положение – 53%. В частности 9% из них имели слабую перспективу уплаты долгов, их доходы не могли покрыть основных потребностей, 61% женщин имели источник дохода, удовлетворяющий только ежедневные нужды и мало сбережений для покрытия непредвиденных расходов. Оставшаяся часть - 30% осуждённых имели источник регулярных доходов, достаточный для удовлетворения различных потребностей и перекрытия непредвиденных финансовых трудностей.

31% осуждённых не имели никаких долгов, с которыми они не могли бы справиться, были осторожны в принятии на себя финансовых обязательств и жили по средствам. Остальные же тратили все свои деньги сразу, как только получили, на несущественные вещи, попадали в долги в результате неправильного планирования бюджета (37%) или же из-за плохого планирования, перерасходов попадали в финансовые трудности, могли иметь какие-то сбережения, но не иметь планов на случай непредвиденных расходов (32%).

3. *Особенности мировоззрения.* В основном женщины не ассоциируют себя с уголовной субкультурой (68%) и демонстрируют позитивное отношение к персоналу исправительного учреждения (80%). Более половины осуждённых понимают мотивы совершенного преступления (56%), признают свою вину (53%) и настроены, прекратить заниматься преступной деятельностью (55%). Но при этом выявлена часть женщин (12%), проявляющих дискриминационные взгляды по отношению к группам меньшинств, другим расам и национальностям. Такое положение дел в свете последних тенденций нарастания ксенофобии в современном обществе может привести к усилению национальной вражды.

4. *Эмоциональное благополучие.* Как и в предыдущем случае, в рамках этого фактора мы наблюдаем относительное благополучие. Большинство осуждённых

умеют справляться со своими жизненными трудностями (70%) и у них нет текущих психологических проблем (68%). Женщины активно взаимодействуют с другими осужденными на всех уровнях, имеют друзей, равно как приятелей и знакомых – 56%.

Но вместе с тем, выявляются истораживающие тенденции: 18% женщин за время отбывания наказания испытали на себе психотравмирующее событие и не обращались за помощью, имеются женщины, которые являются социально изолированными (7%) или испытывают серьезные трудности в установлении отношений (29%).

Факторы повышенного риска включают в себя влияние криминальной субкультуры и когнитивно-поведенческие особенности осужденных женщин.

Проработка проблем, связанных с этими факторами должна стать основной частью в работе по подготовке к освобождению.

**О необходимости внесения изменений и дополнений в некоторые
нормативно-правовые акты, касающиеся деятельности
пенитенциарных психологов уголовно-исполнительной системы России**

Кокурин А.В., Кокурина И.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России строит концепцию своего развития, опираясь на европейские стандарты в области прав человека, международные обязательства Российской Федерации, а также отечественное уголовно-исполнительное законодательство.

Изменения, происшедшие в уголовно-исполнительной политике России в последние годы делают неизбежной корректировку норм уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Так, в УИК РФ есть целая глава (15), регламентирующая воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы (ст. 109-119). П.2 ст.9 уголовно-исполнительного кодекса (Исправление осужденных и его основные средства) относит воспитательную работу к основным средствам исправления осужденных.

К сожалению, регламентация психологической работы с осужденными ограничивается на сегодняшний день лишь ч. 61 ст. 12 УИК РФ.

Тем не менее, назрела необходимость, во-первых, закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве психологическую работу (наряду с социальной и уже имеющейся воспитательной работой) в качестве основного средства исправления осужденных (п.2. ст.9 УИК), во-вторых, внести соответствующие изменения в ст.ст. 56 и 180 УИК, в-третьих, исключить п. 61 ст. 12 УИК, а вместо него дополнить уголовно-исполнительный кодекс главой, посвященной психологической работе с осужденными к лишению свободы.

После внесенных изменений соответствующие нормы УИК РФ могут иметь следующий вид (здесь и далее предлагаемые изменения выделены курсивом):

Статья 9. Исправление осужденных и его основные средства

п. 2. Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), *психологическая, социальная*, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Статья 12. Основные права осужденных, п. 6¹ – исключить

Статья 56. Социальная, психологическая и воспитательная работа с осужденными к ограничению свободы

п.1. С осужденными к ограничению свободы администрацией исправительного центра, а также администрацией организации, в которой работают осужденные, проводится *социальная, психологическая и воспитательная* работа.

п.2. Активное участие осужденных в проводимых мероприятиях *социального, психологического и воспитательного* характера поощряется и учитывается при определении степени их исправления.

Статья 180. Обязанности администрации учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных

п.2. С осужденными проводится *социальная, психологическая и воспитательная* работа, разъясняются их права и обязанности.

Глава ... Психологическая работа с осужденными к лишению свободы

ст. ... Цели и задачи психологической работы с осужденными к лишению свободы

1. Целями психологической работы с осужденными к лишению свободы являются: формирование положительной мотивации к процессу исправления, совершенствование саморегуляции, повышение стрессоустойчивости и расширение ресурсов личности осужденных, выработка жизненно важных умений, устранение или снижение проявлений дезадаптивного поведения, расширение социальных связей и позитивного социального опыта личности осужденных, повышение уровня социально-психологической адаптации.

2. Задачами психологической работы с осужденными к лишению свободы являются: исследование психологических проблем осужденных, улучшение их субъективного самочувствия и укрепление психического здоровья; коррекция механизмов и способов межличностного взаимодействия осужденных для создания основы эффективного и гармоничного их общения в местах лишения свободы; коррекция и профилактика нарушений в эмоциональной сфере, а также содействие процессам личностного развития и реализации творческого потенциала осужденных.

ст. ... Основные направления, формы и методы психологической работы с осужденными в местах лишения свободы

1. Основными направлениями психологической работы с осужденными является их психодиагностическое обследование, психологическое просвещение и психологическое консультирование.

2. Психодиагностическое обследование осужденного – это описание и выяснение сущности индивидуально-психологических особенностей личности осужденного с

целью оценки его актуального состояния, прогноза дальнейшего развития и разработки рекомендаций, определяемых задачами психодиагностического обследования.

3. Психологическое просвещение осужденных – это мероприятия, направленные на повышение уровня психологической компетенции осужденных, оказание им помощи в адаптации к условиям содержания, преодолении конфликтов, нормализации психического состояния и нейтрализации отрицательных установок личности.

4. Психологическое консультирование осуществляется в индивидуальном и групповом формате. Психологическое консультирование осужденного – это актуализация у осужденного психологических состояний, свойств и качеств, обеспечивающих возможности выхода из трудной жизненной ситуации посредством специально организованного процесса общения.

5. Участие осужденных в мероприятиях по оказанию им психологической помощи осуществляется только с их добровольного согласия, за исключением случаев, когда такой отказ может представлять угрозу жизни и здоровью другим осужденным.

6. Порядок оказания осужденным психологической помощи устанавливается законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами Министерства юстиции, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, и Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Внесение вышеуказанных изменений и дополнений в уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации поможет оптимизировать процесс психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Эмоциональные состояния сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах служебной деятельности: основные результаты исследования

Красник В.С.

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» (Челябинск)

Исследование было направлено на изучение особенностей эмоциональных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы. Получены следующие результаты:

1. Состояние тревожности. Молодые сотрудники (стаж службы в пенитенциарном учреждении до трех лет) проявляют более высокий уровень тревожности. По мере увеличения стажа службы, наблюдается снижение тревожного реагирования. Сотрудники со стажем службы от 1 до 3-х лет, находящиеся на стадии профессиональной адаптации, демонстрируют повышенные уровни как ситуативной, ($p = 0,003$), так и личностной тревожности. ($p = 0,001$). Это подтверждено данными, полученными по методике Спилбергера - Ханина.

Методика MAS показала понижение уровня тревожности в зависимости от стажа служебной деятельности. ($p = 0,003$). В процентном соотношении это выглядит

следующим образом: из числа обследованных сотрудников со стажем 7 лет и более, только 18% имеют высокий уровень тревожности. Соответственно от 3 до 7 лет – 51%, до 3-х лет – 67%.

Шестнадцатифакторный личностный опросник Р.Б.Кеттела (шкала: О) - степень тревожности. В процентном соотношении количество обследованных с высоким уровнем тревожности выглядит следующим образом: 7 и более лет – 18,3%, от 3 до 7 лет – 34,7%, до трех лет служебной деятельности – 62% ($p = 0,015$).

Методика «Самооценка психических состояний» Г.Айзенка подтвердила выявленную тенденцию (высокий уровень тревожности молодых сотрудников: $p = 0,002$).

2. Фрустрация. Если уровень тревожности сотрудника от года к году е идет на уменьшение, то уровень фрустрации с увеличением стажа службы в УИС растет. Методика самооценки психических состояний позволила определить нарастание состояния фрустрации в зависимости от отработанных лет в учреждении ($p = 0,005$).

Результаты, полученные в ходе обследования с помощью опросника Р.Б. Кеттела также свидетельствуют об увеличении уровня фрустрации. Исследование фрустрации по шкале Q4 – фрустрированность – нефрустрированность, в процентном соотношении выглядит следующим образом: стаж 7 и более лет – 68,7%, от 3 до 7 лет – 41%, до трех лет служебной деятельности – 18% ($p = 0,013$).

3. Агрессия. Результаты исследования показали повышение уровня агрессии сотрудников в зависимости от стажа службы (личностный опросник агрессии Басса – Перри) ($p = 0,014$).

В данной методике рассматривались три шкалы: ФА (физическая агрессия): стаж от 7 лет и более - 71%, от 3 до 7 лет – 62%, до трех лет служебной деятельности – 25%; Вр (враждебность): от 7 лет и более - 61%, от 3 до 7 лет – 47%, до трех лет служебной деятельности – 28%; Гн (гнев): от 7 лет и более - 28%, от 3 до 7 лет – 22%, до трех лет служебной деятельности – 11%. Аналогичные тенденции выявлены по методикам: СПС Г.Айзенка ($p = 0,023$), шестнадцатифакторному опроснику Р.Б.Кеттела по шкале I - харрия (суровость – жестокость) – пресмия (мягкосердечность, сентиментальность) ($p = 0,010$).

4. Ригидность. Повышение уровня ригидности сотрудников УИС происходит по мере увеличения стажа службы, что проявляется в постепенном ослаблении умения приспосабливаться к изменяющимся условиям среды и способности адекватно реагировать на эти изменения (методике СПС Г.Айзенка по шкале ригидность. ($p = 0,009$).

Особенности семейной идентичности осужденных женщин, имеющих детей в доме ребёнка исправительного учреждения

Лукьянченко Н.В. Новикова Е.А.

Сибирский государственный технологический университет (Красноярск)

Актуальность вопросов действенной ресоциализации и социальной адаптации в постпенитенциарный период для осужденных женщин, имеющих детей в Доме ребёнка Исправительного учреждения, стоит особенно остро. При решении этих проблем, на наш взгляд, следует опираться на тот бесспорный факт, что в самой природе человека заложены механизмы своего рода посредничества между личностью и обществом, основанные на групповой принадлежности и устойчивой групповой идентичности. Важнейшее значение для устойчивого социального существования человека имеет семейная идентичность.

Семейная идентичность понимается нами как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, содержательном (когнитивном) и эмоционально-оценочном аспектах. Она обеспечивает механизмы регуляции позиционирования и самопроявления индивидов в качестве членов семьи и одновременно может рассматриваться как важнейшая составляющая психологического основания позиционирования человека в социуме и его жизнедеятельности.

В контексте целей разработки стратегий и технологии ресоциализации в отношении столь специфического контингента осужденных, как женщины, родившие ребёнка в период отбывания наказания, мы провели исследование особенностей их семейной идентичности. В исследовании приняли участие 40 респонденток.

Выявлены следующие особенности. Расширение идентифицируемого состава семьи как по вертикали (несколько поколений), так и по горизонтали (включение множества сиблинговых связей). Нарушение поколенной последовательности за счёт нивелирования значимости себя как представителя семейного поколения в последовательном процессе семейного воспроизводства.

Пространство эмоциональной значимости членов семьи для респонденток разделено по гендерному признаку (мужчины-женщины), а не по признаку «моя семейная линия – линия супруга», характерному для нормативных женских выборов. Роль связующего звена собственной семейной линии и линии супруга для женщин играет не супруг, а его мать.

«Женское пространство» характеризуется эмоциональной активированностью, насыщенностью, своего рода «интересностью» (в смыслах эмоциональной интриги), имеет опорную значимость (семья для меня имеет значение, поскольку в ней есть женщины) и в эмоциональном плане играет компенсаторную роль, искупающую любовью и эмоциональными связями недостаток активной субъектности.

Мужской состав семьи ассоциируется с большей независимостью и эмоциональной пассивностью. Но при этом, чем более позитивно относится женщина

к мужской составляющей семьи, тем более продуктивно её отношение к собственному ребёнку и более выражена ориентация на личную самореализацию.

Родительское отношение характеризуется высокой выраженностью показателей инфантилизации, симбиотичности и авторитарной гиперсоциализации. Обращает внимание различие в тенденциях отношения к детям разного пола. Эмоциональная значимость дочери характеризуется позитивным акцентом встроенности в перспективную линию надежды на позитивное будущее, в то время как отношение к сыну связано с неопределённостью, неуверенностью.

Эмоциональная значимость семьи определяется отнюдь не её положительными характеристиками. Находящиеся в заключении женщины «душой радеют» за семьи не вполне благополучные. Такие семьи требуют большей эмоциональной включённости и в определённой мере принесения ребёнка на заклятие семейного неблагополучия.

Семья воспринимается как позитивная с точки зрения морально-нравственных характеристик и при этом неудачливая, социально жертвенная. Восприятие себя, как члена семьи характеризуется с одной стороны позитивностью эмоциональной составляющей, с другой – амбивалентностью, полярностью позиции в дихотомии – независимость-зависимость; приписыванием себе негативных с точки зрения социальных стереотипов характеристик, снятием от ответственности за собственных детей.

Психологические аспекты изучения личности осужденного

Малеева М.В., Тонконог И.С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Шуйский государственный педагогический университет» (Шуя)

В пенитенциарной психологии СССР в 1960-х гг. категория «личность» была недостаточно теоретически разработанной. Психологи придерживались структурного подхода к пониманию личности, и личность понималась как биосоциальное существо. В 1980-90-е годы активное развитие получили идеи ценностно-нормативного подхода к изучению личности преступника, разработанного А.Р. Ратиновым, а также эмпирический подход, основанный на использовании многостороннего изучения личности (16-PF и ММРП), акцентуаций характера у осужденных. Сегодня все более актуализируется разработка психодиагностических средств, используемых одновременно для диагноза и последующей коррекционной работы с осужденными, в том числе с лицами, имеющими психические аномалии. В связи с тем, что среди осужденных возросла доля лиц, имеющих длительные и пожизненные сроки наказания, причем обладающих аддиктивными зависимостями (наркомания, алкоголизм и др.), и ВИЧ-инфицированных, актуализируется необходимость проведения со стороны пенитенциарных психологов соответствующих сравнительных и психологических исследований (Аминов И.И., 2007).

По нашему мнению, личность осужденного можно рассматривать как интегральное качество человека, который выбрал и совершил те или иные преступные действия для удовлетворения своих потребностей вследствие присущих ему индивидуально-психологических особенностей, социальных установок и был приговорен судом к отбыванию наказания в виде лишения свободы.

Оно включает в себя взаимосвязанный комплекс различных признаков, таких как: социально-демографические, уголовно-правовые, пенитенциарные, социально-психологические, которые прямо или косвенно обуславливают преступное поведение индивида, характеризуют его общественную опасность, а также могут способствовать объяснению причин его совершения.

Сотрудники психологической службы осуществляют изучение личности осужденных и оказывают им психологическую помощь. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется с их согласия.

В практике психологов пенитенциарных учреждений широко применяются программы изучения личности, разработанные К.К. Платоновым, И.П. Башкатовым, В.Ф. Пирожковым, В.Г. Деевым, Л.А. Высотиной, В.Д. Луганским и другими. В их рамках для диагностики личности и среды осужденных используются: методы наблюдения и эксперимента, беседы и анализ личного дела, контент-анализ документов, биографический метод, анализ продуктов деятельности, метод независимых характеристик, тесты (Дебольский М.Г., 2003).

В рамках активно развивающейся в УИС России психологической службы использование методов изучения личности и среды осужденных осуществляется в нескольких направлениях: а) составление психологических характеристик (портретов) осужденных; б) прогноз поведения отдельных (группы) осужденных; в) для психокоррекции поведения осужденных (группы); г) разработка рекомендаций по индивидуализации исправительных воздействий (Дебольский М.Г., 2003).

Таким образом, личность осужденного – ключевая область пенитенциарно-психологических исследований.

Литература

1. Аминов И.И. Юридическая психология. М., 2007.
2. Дебольский М.Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы// Энциклопедия юридической психологии/Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. – М.: Юнити – Дана, 2003.

К проблеме формирования инновационной среды в уголовно-исполнительной системе

Суслов Ю. Е.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых (Владимир)

Уголовно-исполнительная система (УИС) в настоящий момент претерпевает серьезные преобразования. Завершен первый этап реформирования согласно «Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года», впереди второй не менее сложный этап.

Нововведения, предусмотренные в Концепции, носят инновационный характер. Под инновацией мы понимаем реализованную, осуществленную на практике идею, продукт, который оптимизирует, улучшает качество деятельности и может быть представлен в форме явления, процесса, непосредственно самой деятельности.

Характеризуя специфику проводимых реформ, необходимо отметить, что пенитенциарная система - сложная система с жесткой иерархией, и в данном случае реализуемые преобразования имеют вектор движения «сверху вниз». Такое направление «движения» инноваций в системе предполагает ряд сложностей в их реализации. К ним можно отнести проблему формирования инновационной среды в уголовно-исполнительной системе.

Инновационная среда – реальный жизненный фон, потенциально готовый к переменам и нуждающийся в нововведениях, или же территория, сообщество, где целенаправленно происходит управляемые человеком качественные изменения. Таким образом, сама система должна быть готова к изменениям.

Оценить психологическую готовность к инновациям можно по уровню продуктивности профессиональной деятельности. Проблемой продуктивной деятельности занимались отечественные и зарубежные психологи. А.А. Реан под продуктивностью понимал плодотворную и результативную деятельность, отражающую степень достижений в различных областях. Факторы, обеспечивающие продуктивность деятельности можно разделить на три группы: объективные, субъективные и объективно-субъективные.

В уголовно-исполнительной системе успешность профессиональной деятельности как показывают исследования, зависит от системы эмоционально-волевого, интеллектуального компонентов, качества межличностного взаимодействия, мотивов достижения.

Индивидуально-типологические детерминанты включают индивидуально-типологические характеристики, скоростные характеристики активности; регуляторные детерминанты интегрируют особенности волевой сферы личности, эмоциональные особенности, типы эмоционального реагирования, особенности саморегуляции деятельности.

Продуктивность в свою очередь можно разделить на уровни. Уровни продуктивности деятельности могут определяться по критериям успешности,

активности в достижении профессиональной зрелости, по показателям развития важнейших способностей.

К условиям эффективного формирования инновационной деятельности относятся: обеспечение высокого уровня мотивации, ориентированной на инновационную деятельность; наличие вариативного компонента, реализуемого посредством проектно-созидательных программ; интенсивность инновационного процесса, с опорой на личностно-ориентированный и социокультурный подходы.

Инновации, в своей реализации, могут сталкиваться с инновационным сопротивлением, представленным в форме барьеров. Барьеры выполняют охранительную функцию, обеспечивая деятельность в период внедрения новшеств. Однако барьеры препятствуют развитию системы.

Перспективным представляется проведение исследований, направленных на изучение особенностей инноваций в пенитенциарной среде, специфики и факторов возникновения психологических барьеров инновациям, психологической готовности к инновациям. Необходима новая система критериев оценки деятельности сотрудников, объективно показывающая уровень продуктивности деятельности.

Разработка данных направлений будет способствовать более успешной реализации нововведений в пенитенциарной системе.

Помощь психолога в процессе адаптации несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы

Фёдоров А.Ф.

ГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (Владимир)

Адаптация несовершеннолетних осужденных является актуальной и одновременно одной из сложнейших проблем работы психолога, так как она представляет собой не только состояние человека, но и процесс, в течение которого осужденный приобретает равновесие и устойчивость к влиянию и воздействию окружающей среды, в которую попал для отбывания наказания. В процессе адаптации несовершеннолетний осужденный выступает объектом воздействия «новой» среды и активным субъектом, осознающим влияние этой среды. Но порой, особенно в переломные периоды, как жизнедеятельности человека, так и в периоды радикальных экономических и социальных реформ, возникает несоответствие потребностей несовершеннолетних осужденных требованиям окружающей среды. Результатом такого несоответствия является возникновение состояния личностной тревоги. Именно наличие или отсутствие тревоги определяет уровень адаптивности или дезадаптивности осужденного.

На сегодняшний день не существует единой теории, способной дать всеобъемлющее представление о психическом развитии подростка. Трудновоспитуемость подростка в критические периоды в свое время послужила отправной точкой их эмпирического изучения. Наблюдается строптивость, падение

работоспособности, возрастание количества конфликтов с окружающими. Внутренняя жизнь осужденного в это время связана с мучительными переживаниями.

Отмечено, что во время нахождения подростка в местах лишения свободы, совершается скорее разрушительная, нежели созидательная работа. Подросток не столько приобретает, сколько теряет из приобретенного прежде. Одновременно в критические периоды наблюдаются и конструктивные процессы.

Наилучшим способом для подростка является смягчение вредных последствий сильных отрицательных эмоций. Психолог может помочь в выходе таких эмоций, посоветовав через двигательные реакции снять нервное напряжение, которое при этом будет «отводиться» по мышечным каналам. Оказывая разного рода помощь осужденному, психолог старается не допускать отрицательных эмоций при попадании подростка в места отбывания наказания. Исследуя влияние различных типов поведения на течение процесса адаптации в местах лишения свободы, можно сделать вывод, что основным фактором положительного противодействия такому роду стресса – это поисковая активность. В известной мере необходимость поисковой активности осужденными осознаются. Таким осужденным можно посоветовать: «не замыкаться в себе», «заняться каким-либо делом», «подумать о близких». Неисчерпаемым источником поисковой активности является потребность в познании и познавательная активность (включая самопознание). Между тем адаптация в условиях лишения свободы невозможна с помощью какого-то единственного и незаменимого метода – необходимо их взаимодействие. Ситуация тревоги или конфликта часто присутствует у подростков, находящихся в изоляции, она требует от осужденного моделей поведения, которые он не может осуществить, исходя из личных принципов или социально-одобряемых норм. Замещение – механизм психологической защиты, в ходе которого происходит перенос действия осужденного на приемлемое поведение. За счет такого переноса происходит разрядка напряжения осужденного, попавшего в места заключения. Итак, психолог помогает осужденному включить механизм замещения, который оказывается эффективным тогда, когда замещающая реакция, хотя бы отчасти, разрешает проблемы адаптации. Накопившаяся неудача подростка не может быть выражена прямыми действиями. В качестве разрядки осужденный может осуществить несколько резких агрессивных действий, помогающих ему частично снять отрицательные эмоции.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Основные характеристики и динамика параметров невербального и вербального поведения при сообщении истинной и ложной информации в различных экспериментальных ситуациях

Асланбекова Э.Н.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Эффективность коммуникации между людьми зависит во многом от того, насколько хорошо ее участники отличают ложную информацию от правдивой. Умение отличить ложную информацию от правдивой, особенно важно для специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает общение с людьми и контроль за их действиями, - сотрудников правоохранительных органов, управленцев, судей, работников таможенной службы. Эти умения нужны и сотрудникам спецслужб, одна из основных функций которых связана с необходимостью различения правды и лжи в своей профессиональной деятельности.

Как в социальной практике, так и в научных исследованиях, наблюдается все более возрастающий интерес к проблеме различных способов диагностики истинности-ложности сообщений. При этом, однако, отмечается неэффективность существующих методов детекции лжи, связанных с трудоемкостью процедуры и необходимостью использования технических средств. Кроме того полученные в экспериментах данные носят зачастую противоречивый характер (Наварро Д., 2009).

В связи с этим актуальной является проблема поиска надежных, быстрых и экономичных способов борьбы с преступностью (Романова Н.М., 2008). Кроме того, необходимо использовать научные познания в практике следственной деятельности (например, в ситуации проведения следственных действий).

В научной литературе по психологии представлены результаты исследований различных невербальных и вербальных признаков лжи. В качестве основополагающих для написания данной работы были использованы исследования отечественных и зарубежных авторов – В.А. Лабунской, А.Меграбян, О. Фрая, П. Экмана, С.Б. Уолтерса, В.П. Белянина, Э.Л. Носенко, Е.И. Горошко и др. Данные этих исследований показали возможность изучения невербального и вербального поведения человека при произнесении лжи (Уолтерс С.Б., 2010)

При этом наиболее исследованной является проблема выявления особенностей невербального и вербального поведения человека при произнесении ложной информации. Однако наименее изученной является проблема выявления особенностей невербального и вербального поведения человека в ситуации стресса при произнесении ложной информации, а также их сравнительный анализ с особенностями невербального и вербального поведения человека при произнесении

лжи в отсутствии стресс-фактора.

Указанные выше факторы привели к постановке проблемы исследования. Мы считаем, что имеются некоторые признаки невербального и вербального поведения человека, параметры которых могут достоверно отличаться в ситуациях произнесения человеком правдивой и ложной информации.

Цель исследования: сравнительный анализ параметров невербального и вербального поведения (динамика и основные характеристики) испытуемых при произнесении ими правдивой и ложной информации в экспериментальных ситуациях (нейтральная ситуация и ситуация с наличием дополнительного стресс-фактора).

В качестве диагностируемого параметра на основе изучения научной литературы по диагностике лжи были выбраны определенные признаки невербального (движения ног, движения рук, движения головы, движения корпусом) и вербального поведения человека (количество глаголов, количество прилагательных, скорость речи) в экспериментальных ситуациях (нейтральная ситуация и ситуация с наличием дополнительного стресс-фактора), связанные с необходимостью сообщения ложной и истинной информации. Выделяя такие вербальные признаки, мы опирались на исследования Э.Л. Носенко, Е.И. Горошко, В.П. Беянина. Выделяя такие невербальные признаки мы опирались на исследования С.Б. Уолтерса, П. Экмана, В.А. Лабунской, Дж. Наварро.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- Выявить параметры вербального и невербального поведения человека, идентифицирующие правдивую и ложную информацию.
- Определить диагностически значимые параметры вербального и невербального поведения при произнесении лжи в различающихся экспериментальных ситуациях (нейтральная ситуация и ситуация с наличием дополнительного стресс-фактора).
- Выявить сходства и различия в параметрах невербального и вербального поведения человека при произнесении лжи в различающихся экспериментальных ситуациях (нейтральная ситуация и ситуация с наличием дополнительного стресс-фактора).
- Проследить динамику параметров вербального и невербального поведения при произнесении правды и лжи в различающихся экспериментальных ситуациях (нейтральная ситуация и ситуация с наличием дополнительного стресс-фактора).

Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы следующие методы: эксперимент; наблюдение; статистические методы (парный Т – критерий Вилкоксона; линейная корреляция Пирсона)

Методологическая основа исследования: в данной работе используются положения системного и деятельностного подходов в изучении невербального и вербального поведения. В рамках последнего подхода невербальная коммуникация рассматривается как непосредственный канал передачи информации: физиологически невербальный канал передачи информации может существовать автономно от вербального. Такого подхода придерживаются западные психологи (Г. Келман, Э.

Валенстайн, П. Экман, Р. Харрисон) (Экман П., 2010).

Полученные результаты исследования могут быть использованы в рамках диагностики лжи в структурах правоохранительных систем (оперативно-розыскная и следственная деятельность).

Представленные в работе результаты экспериментального исследования позволяют выявить некоторые достоверные различия параметров невербального и вербального поведения человека при сообщении ложной и истинной информации в разных экспериментальных ситуациях.

Согласно данным исследования, параметрами, идентифицирующими ложь, являются такие параметры вербального и невербального поведения как: количество глаголов (КГ), количество прилагательных (КП), движения левой ноги (ДЛН), движения правой ноги (ДПН).

Параметрами, идентифицирующими ложь в ситуации с наличием дополнительного стресс-фактора, являются такие параметры невербального и вербального поведения как: движения корпусом (ДК), движения головой (ДГ), движения правой ноги (ДПН), движения левой ноги (ДЛН), движения правой руки (ДПР), движения левой руки (ДЛР), количество глаголов (КГ).

Были выявлены различие и сходство параметров невербального и вербального поведения человека в экспериментальных ситуациях, связанных с произнесением лжи.

Отличия, заключается в том, что при произнесении лжи в ситуации с наличием дополнительного стресс-фактора интенсивность признаков невербального поведения: движения левой руки (ДЛР), движения левой ноги (ДЛН), движения правой ноги (ДПН) значимо возрастает, а также внутренняя структура параметров дополняется показателем движения корпусом (ДК).

Сходство, заключается в том, что и при произнесении лжи в обычной ситуации и при произнесении лжи в ситуации с наличием дополнительного стресс-фактора, внутренняя структура параметров невербального поведения показывает значимость таких параметров, как движения левой руки (ДЛР), движения правой руки (ДПР).

Вербальные параметры поведения: скорость речи (СР), количество глаголов (КГ), количество прилагательных (КП) – не являются диагностически значимыми при различении ситуации произнесения лжи в нейтральной ситуации и ситуации произнесения лжи в условиях действия дополнительного стресс-фактора.

Данные параметры невербального и вербального поведения требуют дальнейшего изучения с целью выделения факторов, проявляющихся при сообщении лжи в стрессовой ситуации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы исследования и поиском иных индикаторов невербальных и вербальных проявлений человека в ситуации произнесения им ложной информации в разных ситуациях.

Литература

1. Диагностика лжности сообщения по параметрам невербального поведения

- человека/ Н.М. Романова, Д.А. Усанов, М.А. Самохина и др. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2008.
2. Наварро Д., Карлинс М. Я вижу, о чем вы думаете/ Д. Наварро, М. Карлинс; пер. с англ. О. Г. Белошеев. Минск: «Попурри», 2009.
 3. Уолтерс С.Б. Правда про ложь/ С.Б. Уолтерс; (пер. с англ. Т. Новиковой). М.: Эксмо, 2010.

К типологическим предикторам формирования толерантности в современной России

Базылевич Т.Ф., Дубинин А. С.

Московский государственный университет технологий и управления,
Международный славянский институт,
Институт психологии РАН (Москва)

Значение и практическое использование данных психологической науки в юридической практике в значительной степени определяется степенью проработки ее субъектоцентрированных проблем. Внешние причины воздействуют на поведение и психику через призму внутренних условий субъекта психической деятельности, где системообразующую роль играют типологические синдромы индивидуальности, которая всегда целостна (Базылевич Т.Ф., 1998, 2011). Разработанные психотехнологии необходимы для оценки латентных переменных (обобщены в монографии «Дифференциальная психофизиология и психология: ключевые идеи», 2012), которые кардинальны для юридической психологии.

Представленное лонгитюдное исследование выполнено методом «срезов» в плане валидизации теории целостной индивидуальности. Эмпирическая часть работы включает соотнесение с помощью ранговой корреляции Спирмена – с одной стороны – структуры целостной индивидуальности (по валидизированному в дифференциальной психофизиологии методу ОСЦИ, дающему отображение психогенетики в психэкологии человека) и – с другой стороны – оценок толерантности (методикой субъективного шкалирования).

В обследовании 1994 года приняло участие 265 лиц при депривации профессиональной деятельности, в работе 2011 года – 47 испытуемых – студентов психологического факультета ВУЗа.

Приведем и обсудим стандартные для изученных срезов корреляции выраженности толерантности и характеристик ОСЦИ.

Обследование 1994 года зафиксировало многочисленные (но тождественные по смыслу) статистические связи сопоставляемых вариантов. Приведем пример такой зависимости ($0,05 < p < 0,001$).

Вопрос: Мне трудно найти общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, чем у меня. Отмечены его отрицательные статистические связи со следующими шкалами ОСЦИ:

- шкала 1 (интегральный индекс целостной индивидуальности);

- шкала 4 (импульсивность);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Интерпретация синдрома: люди, которые с трудом находят общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, менее выносливы к общению, менее импульсивны и имеют меньшие значения интегрального индекса гармоничности индивидуальности (это признаки высокоактивированного, высокочувствительного, но функционально истощаемого типа целостной индивидуальности).

Таким образом, налицо было существование ранее неизученного аспекта толерантности, зависящего от симптомов целостной индивидуальности. При этом в 90-х годах четко фиксировалась дисгармоничность индивидуальности как предиктор интолерантности.

Кардинальным образом изменились результаты обследования 2011 года. Здесь в континуальности сферы «Структура индивидуальности – толерантность личности» зафиксирован комплекс особых соотношений, имеющих одинаковую интерпретацию. Например,

Вопрос : Протестные митинги нужно запретить, потому что они расшатывают устои государства. Выделена корреляция этого симптома толерантности и нижеприведенных признаков ОСЦИ:

- задание написать на доске длинную фразу, внимательно следя за каллиграфией, было бы мне неприятно ($k = 0,301^*$, $p < 0,005$);
- я всегда беру билет в общественном транспорте ($k = -0,502^{***}$, $p < 0,0005$);
- я чувствовал бы себя несчастным человеком, если бы на длительное время был лишен общения с людьми ($k = -0,31^*$, $p < 0,05$).

Интерпретация данных зависимостей показывает, что высокоактивированный, высокочувствительный, функционально неустойчивый тип целостной индивидуальности с желанием подстраиваться под социальные стереотипы, сегодня имеет большую вероятность фиксации интолерантности.

Получаемые факты важны в контексте проводимой в России на государственном уровне социопсихологической поддержки развития человека.

**Роль человеческого фактора в работе отделов, осуществляющих
регистрационную, экзаменационную деятельность, технический надзор
Государственной инспекции безопасности дорожного движения**

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России (Орел)

В настоящее время осуществление профессиональной деятельности сотрудниками органов внутренних дел происходит в условиях реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации. В связи с этим возрастает роль человеческого фактора и управленческой компетентности, во многом определяющих моральный настрой сотрудников и вероятность достижения качественных

результатов труда.

Нами проведен опрос 43 начальников (заместителей) отделов (отделений), осуществляющих регистрационную, экзаменационную деятельность, технический надзор ГИБДД территориальных органов МВД России на районном уровне, повышавших квалификацию в мае 2012 года в Орловском юридическом институте МВД России. Используются методика «Формулирование модульных стратегий организации» (В.М. Снетков, 2001) и опросник Блейка-Моутон «Оценка стиля деятельности руководителя».

В соответствии с полученными результатами в качестве доминирующих проблем опрошенными названы неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе, недостаточная управленческая компетентность, вмешательство в рабочий процесс иных физических и юридических лиц, отсутствие достаточных по площади помещений и нерациональный режим работы.

Опираясь на модульно-функциональную модель организации (В.М. Снетков, 2001), стоит отметить, что указанные проблемы являются разноплановыми, но взаимообусловленными.

Наиболее существенным выступает социально-психологический модуль, включающий неблагоприятную социально-психологическую атмосферу в коллективе и недостаточную управленческую компетентность, которые неразрывно связаны друг с другом, поскольку психологический климат в коллективе находится в прямой зависимости от адекватности и грамотности стиля и методов руководства.

Одновременно с этим важны проблемы, представленные в функционально-коммуникативном модуле и отражающие межличностные коммуникации, обусловленные особенностями взаимоотношений сотрудников с внешней средой. По мнению опрошенных проблемы указанного характера связаны как с объективными причинами (недостаточным материально-техническим обеспечением деятельности, нехваткой времени и большим объемом работы), так и причинами субъективного характера. Среди вторых называются некоторые личностные особенности сотрудников (неумение быть беспристрастными, переживание состояния психической напряженности, недостаточная профессиональная компетентность, неумение грамотно и понятно излагать свои мысли) и психологические характеристики граждан (агрессивность, неадекватное поведение в отношении сотрудников, обостренное в последние годы, непонимание содержания осуществляемой сотрудником деятельности, недобросовестность и недостаточное воспитание).

Не менее значимым является управленческий модуль, предусматривающий рациональный режим работы. По мнению респондентов, нерациональность графика работы обусловлена, прежде всего, сокращением кадров и штатной численности подразделений и, как следствие, высоким уровнем загруженности (в том числе бумажной работой), выполнением не свойственных подразделению функций (задач сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД).

Результаты самооценки стиля деятельности опрошенных руководителей показали, что подавляющее их большинство ориентируется на задачу, а не на

персонал и придерживается стиля, занимающего промежуточное положение между авторитарным и производственно-командным управлением.

С одной стороны, данный стиль является приемлемым в обстоятельствах, при которых требуется максимальная мобилизация психологических (интеллектуальных, личностных) сил при недостатке временных и материально-технических ресурсов. С другой стороны, длительно и постоянно проявляющийся такой стиль способен нежелательным образом влиять на моральное состояние сотрудников, приводить к деперсонализации и «эмоциональному выгоранию».

Учитывая результаты проведенного исследования, следует сделать вывод не только о целесообразности улучшения условий трудовой деятельности рассматриваемой категории сотрудников, но и о необходимости повышения управленческой компетентности руководителей, формирования способности использовать современные психологические технологии в работе с личным составом.

Литература

1. Практикум по психологии профессиональной деятельности и менеджмента: Учебное пособие, 2-е изд. / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001.

Влияние показателей жизнестойкости и копинг-стратегий на последствия экстремальных ситуаций

Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Ситуации, предъявляющие к людям требования, которые превышают их обычный адаптивный потенциал, описываются в разных терминах: жизненные трудности, критические ситуации, негативные жизненные события, стрессовые жизненные события, травматические события, нежелательные события, жизненные кризисы, экономическая депривация, бедствия, катастрофы (Муздыбаев К., 1998). Это всегда либо вызов, либо угроза жизнедеятельности человека, либо невозможные потери, каждая из этих ситуаций ограничивает активность человека, предъявляет ему требования, зачастую превышающие его способности, моральные и материальные ресурсы. Экстремальные ситуации понимаются немного более узко – под ними, в основном, понимают те ситуации, которые содержат риск для жизни и здоровья человека, имеющие катастрофический характер или характер бедствия. В любом случае, это инциденты, происшествия, нарушающие нормальное течение жизни и являющиеся причиной физической или психологической боли.

Данное исследование посвящено психологическим эффектам экстремальных ситуаций. Среди обследованных: 20 сотрудников правоохранительных органов, чья работа связана с прогнозируемым риском (социогенно-техногенным) и чей уровень психологической готовности к экстремальным ситуациям должен быть выше обычного и 20 гражданских лиц, сталкивавшихся в своей жизни с такими экстремальными ситуациями, как автомобильная авария (не находясь за рулем). Это

тип ситуаций, которые нельзя предсказать, к которым нельзя подготовиться и которые воспринимаются, как находящиеся вне контроля человека, и являются результатом «злой воли» или неосторожности другого человека (социогенно-техногенные экстремальные ситуации).

Предмет исследования – последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Были выдвинуты следующие гипотезы – 1) экстремальные ситуации оказывают разнонаправленное влияние на личность человека (приводя как к развитию посттравматических дезадаптивных состояний, так и к личностному росту); 2) экстремальные ситуации имеют различные психологические последствия для сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Объектом исследования стали особенности психических последствий экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Цель исследования – исследовать психические последствия экстремальных ситуаций.

Методы исследования:

- методика копинг-стратегий Карвер Шеер COPE в адаптации Гордеевой Т.О.;
- шкала оценки влияния травматического события (Impact of Event Seale-R) в адаптации Тарабриной Н.В., 1992, 1996;
- тест жизнестойкости Сальваторе Мадди в адаптации Леонтьева Д.А. Рассказовой Е.И.;
- опросник посттравматического роста (ПТрост) (Calhoun, Tedeschi, 2006) в адаптации Магомед-Эминова М.Ш.

В соответствии с целью и гипотезой исследования в работе решались следующие задачи:

- 1) сравнить выраженность психологического эффекта экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц и выявить общие различия;
- 2) проанализировать негативные и позитивные психологические последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц и взаимосвязь между ними.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы статистической обработки данных:

- 1) анализ достоверности различий;
- 2) корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона, факторного анализа и t-критерия Стьюдента.

Исследование было построено по принципу ex-post-facto дизайна.

Анализ результатов интерпретируется в соответствии с используемым методом математико-статистического анализа данных. Последовательно рассматриваются результаты анализа достоверности различий, корреляционного и факторного анализа.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Не все экстремальные ситуации способствуют посттравматическому личностному росту. Внезапные, неожиданные экстремальные ситуации, в которых

виновны другие люди, снижают показатели личностного роста. Возможно, поэтому такого рода экстремальные ситуации, согласно имеющимся в литературе данным, имеют наиболее тяжелые последствия для личности, в т.ч. чаще возникает ПТСР.

2. У сотрудников правоохранительных органов значимо более выражен посттравматический личностный рост в результате экстремальных ситуаций, то есть, они более успешно извлекают позитивный опыт и «переваривают» травматический опыт экстремальных ситуаций. Экстремальные ситуации улучшают их отношение к людям, повышается сила личности в результате воздействия экстремальных ситуаций.

3. У сотрудников существенно выше жизнестойкость личности, такие ее показатели, как вовлеченность и уверенность в подконтрольности значимых событий жизни и сильнее выражен посттравматический личностный рост. Травматический опыт выступает для них как «психологический тренажер» в большей степени, чем для гражданских лиц.

4. Стратегии совладания, в основном, способствуют позитивным личностным изменениям в результате экстремальной ситуации, их использование во многом связано с жизнестойкостью личности.

5. Показатели ПТСР не связаны с жизнестойкостью личности и посттравматическим личностным ростом. Что касается посттравматического личностного роста, это может быть доказательством того, что эти две линии реакции на экстремальную ситуацию независимы друг от друга.

В целом выдвинутые гипотезы можно считать доказанными. Воздействие экстремальных ситуаций опосредуется не только жизнестойкостью личности, но и используемыми для их преодоления копинг-стратегиями.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. М., 2004.

К вопросу о психологии преодоления кризисов переговорной деятельности в практике органов внутренних дел

Вахнина В.В.

Академия управления МВД России (Москва)

Несмотря на большую практическую значимость, проблема профилактики преодоления кризисов переговорной деятельности в ситуациях захвата заложников разработана явно недостаточно.

Профилактика и преодоление кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел предусматривает изучение особенностей кризисов переговорной деятельности в различных криминальных ситуациях,

использование новых моделей переговоров, новых адаптационных возможностей, формирование переговорной компетентности (подготовленности) и готовности сотрудников ОВД, что обеспечит эффективное использование методов позитивного разрешения кризисных ситуаций.

Криминальные ситуации нами понимаются как ситуации, связанные с применением норм статей уголовного кодекса Российской Федерации, в которых ведутся переговоры с преступниками: захват заложников (ст. 206 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ) и незаконное лишение свободы людей (ст. 127 УК РФ); терроризм (ст. 205 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ); угон воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); бандитизм (ст. 209 УК РФ); невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем (ст. 208 УК РФ) и в других ситуациях.

Криминальные ситуации являются кризисными по своей сути, проявляются в остро конфликтном противостоянии сторон, вызванном сознательными и планируемыми (захват заложников в политических целях) или спонтанными (захват случайного заложника преследуемым преступником) действиями криминальных элементов или (значительно реже) спровоцированном непрофессиональными действиями сотрудников органов внутренних дел. Переговорная деятельность выступает одним из путей оптимального выхода из ситуации.

Кризис переговорной деятельности в криминальных ситуациях – это «кризис кризиса», когда все или одна из сторон переговорного процесса субъективно не видят приемлемого выхода из ситуации или рассматривают насильственные действия как единственный выход. Кризис может характеризоваться усилением конфликтных действий, в том числе связанных с демонстрацией силы. Предметом кризиса являются определенные противоречия: идеологические, религиозные, национальные интересы, социальные, материальные. Кризисная ситуация характеризуется внезапностью, неожиданностью, быстротой развития событий, их непредсказуемостью и плохой управляемостью.

Таким образом кризис – это резкое, внезапное ухудшение отношений сторон; резкое изменение; поворотный момент; крутой перелом; тяжелое переходное состояние, характеризующееся недостаточностью имеющихся возможностей для поддержания взаимодействия сторон на оптимальном уровне. Кризис – это крайнее обострение противоречий, тупиковое состояние в переговорной деятельности, объективное явление в переговорной деятельности. Кризис возникает при невозможности преодоления различных препятствий и проблем, формировании неадекватной оценки событий на основе предыдущего жизненного опыта и

индивидуально-личностных особенностей. Выделяются кризисы собственно психологические, связанные с личностными изменениями, а также кризисы, источниками которых являются внешние стимулы – экстремальные ситуации (захват заложников, похищение людей). Кризис детерминирует двойная мотивация: внешние причины, не зависящие от человека и внутренние причины. Кризисы могут быть инициированы как внутренними переменными (рефлексия, актуализация потребности в самореализации, дифференциация Я-концепции) так и внешними, связанными с резким изменением социальной ситуации, трансформацией статусного места, потерей близких людей. В процессе кризиса происходит присвоение, интериоризация жизненных событий, нейтральные первоначально объекты (предметы, люди, ситуации) становятся значимыми, приобретают личностный смысл. Благодаря мотивирующей составляющей вырабатывается индивидуальное отношение к данному объекту, т.е. особую значимость приобретает рефлексивная составляющая.

В основе кризиса может быть: объективно неразрешимый конфликт позиций и интересов (в этом случае переговорная деятельность теряет смысл); конфликт позиций и интересов, который субъективно воспринимается одной из сторон или обеими сторонами как неразрешимый, но имеет объективные предпосылки для разрешения (в этом случае переговорная деятельность может быть продолжена и способна привести к преодолению кризиса); эмоционально-психологическое состояние одной из сторон (как правило – представителей криминала), которое выступает негативной доминантой, приведшей к кризису переговоров (в этом случае психологическая составляющая в управлении кризисной ситуацией начинает играть доминирующую роль, и могут представиться возможности для коррекции ситуации психологическими средствами и дальнейшего продолжения переговорной деятельности); непрофессиональные или несогласованные действия отдельных правоохранительных структур (например, необоснованное демонстративное выдвижение специальных подразделений на исходные для штурма позиции в ходе переговоров), провоцирующие кризис переговоров.

Изучение кризисных ситуаций в переговорной деятельности способствует выделению отдельной области задач исследования, отражающих специфику кризиса – кризисного урегулирования (кризисного управления). Кризисное урегулирование – это действия двух сторон, пытающихся реализовать свои несовместимые с другой стороной цели: получить преимущество, предотвратить или ускорить столкновение, т.е. реализовать собственные цели при наличии ограничения.

Антикризисное управление является способом ведения конкурентной борьбы, управления кризисами, «переломными» ситуациями; технологией создания переломных ситуаций, удержания контроля над ними и, на выходе, достижением результата. Управление в кризисных ситуациях включает комплекс мероприятий, способствующих выводу из кризиса, либо используемых в условиях уже наступившего кризиса, которые реализуются двумя основными механизмами: обеспечением готовности к неблагоприятным событиям и реализацией комплекса мер, направленных на снижение последствий уже наступившей кризисной ситуации.

Необходимы научно обоснованные рекомендации по профилактике и преодолению кризиса переговорного процесса в криминальных ситуациях на основе рефлексивного управления ходом переговоров с помощью различных приемов психологического воздействия.

О коммуникативной компетентности следователя

Вертягина Е.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Коммуникативная компетентность следователя проявляется в его умении определять цели коммуникации, оценивать ситуацию профессионального общения, устанавливать и поддерживать психологический контакт с участниками общения, учитывать намерения и способы коммуникации партнера (партнеров), выбирать адекватные стратегии коммуникации, быть готовым к осмысленному изменению собственного поведения.

Нами был проведен анкетный опрос 30 работников следствия в возрасте от 22 до 30 лет со стажем работы в должности следователя до 1 года. Вопросы анкеты касались социально-психологических особенностей производства допроса как основного следственного действия, определяющего не только результативность работы следователя, но и его коммуникативную компетентность. Молодые следователи считают, что вполне уверенно проводят допрос: процессом общения с подследственным всегда доволен каждый пятый следователь, скорее довольны – 80% респондентов. План допроса продумывают в зависимости от ситуации и характера предстоящего допроса более половины опрошенных, всегда готовят план допроса около 40% следователей. По мнению большинства респондентов, в ходе допроса им удается установить психологический контакт с допрашиваемым, разрешать конфликтные ситуации, определять отношение допрашиваемого к следователю и к задаваемым вопросам, изменять свое поведение и план допроса в зависимости от складывающейся ситуации, достигать цели профессионального общения. Но каждый второй молодой следователь испытывает трудности при необходимости оказать психологическое воздействие на допрашиваемого, использовать неречевые источники воздействия на допрашиваемого. Если цель допроса не достигнута, причины следует искать в эмоциональном состоянии допрашиваемого (указали 45% респондентов); в плохой подготовке к беседе, собственном эмоциональном состоянии, в отсутствии навыков визуальной диагностики (отметил каждый третий). Более половины молодых следователей испытывают трудности при определении психического состояния допрашиваемого.

Представим результаты другого опроса следователей, проведенного нами совместно со студентом 5 курса Института прокуратуры РФ ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» В.В. Цыбруком. Цель

исследования – изучить мнение работников правоохраны относительно необходимости применения методов психовоздействия в профессиональной деятельности следователя. В данном опросе приняли участие 18 работников следственного органа в возрасте от 21 года до 50 лет со стажем работы от 1 года до 30 лет. Все следователи, имеющие стаж работы более 5 лет, указали, что ознакомлены с существующими методами психовоздействия: убеждением, принуждением, внушением и др. Затруднения возникли только у специалистов, работающих в должности следователя менее 5 лет. Большинство респондентов считают допустимым использование различных приемов психологического воздействия в своей профессиональной деятельности. Так наиболее эффективным в работе следователя признан метод принуждения, но чаще всего в профессиональном общении применяется метод убеждения. Каждый пятый опрошенный уверен, что применение психовоздействия необходимо только в случаях оказания открытого противодействия со стороны оппонента.

Для повышения коммуникативной компетентности следователей и успешной профессиональной адаптации молодых специалистов целесообразно в системе служебной подготовки больше внимания уделять формированию психологической готовности к следственной работе. Следует рекомендовать на основе специальных учебных программ обучать работников следствия тактике профессионального общения и приемам аудиовизуальной психодиагностики партнера по общению, практически отрабатывать конкретные приемы психовоздействия на подследственного.

Техника MAPS в изучении лиц с деструктивным поведением

Горбатов С.В., Шелонина Т.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

В настоящее время существует множество психологических методов, с помощью которых исследуются психологические особенности личности. Вместе с тем, используемые в психодиагностике методы, как правило, отражают лишь осознаваемый, доступный вербализации пласт отношений. Недостатком данных методик является то, что респонденты, в большей степени понимая ценность ответов, могут давать ответы на вопросы с учетом требований ситуаций опроса, ожиданий, т.е. искажать сообщаемые о себе сведения. Использование психометрических средств (тестов) создает атмосферу испытаний, что в консультативной практике может вызывать у клиента дополнительное напряжение и порождать недоверие к консультанту.

Этих недостатков лишены проективные методики. Являясь тонким и эффективным диагностическим инструментом, проективные методики охватывают широкий спектр состояний и свойств изучаемой личности. Они позволяют раскрыть уникальный, субъективный мир испытуемого, обнаружить его неосознаваемые установки, влечения, мотивы и механизмы психологической защиты.

Одна из таких методик – «Make A Picture Story test» (MAPS) «Составь картину-историю» была создана Э. Шнейдманом как вариация диагностических, принципов заложенных в ТАТ «Тематический Апперцепционный Тест» Г. Мюррея. Конструктивно MAPS отличается от ТАТ, прежде всего разделением фигур и фонов, что позволяет испытуемому по своему выбору создать историю на фоне предлагаемой картинке до того, как он предоставит свой рассказ (Shneidman E.S., 1988).

Методика MAPS обладает универсальной техникой и с ее помощью можно охватить достаточно широкий диапазон психологических явлений.

Мы использовали методику Э. Шнейдмана, наряду с другими средствами психологической диагностики в исследованиях лиц характеризовавшихся деструктивным поведением. Основными направлениями изучения стали: сфера отношений личности к другим, самому себе, к культурным и материальным объектам окружающего мира; потребностно-мотивационная сфера и некоторые другие личностные характеристики.

Использование методики MAPS в наших исследованиях лиц, совершивших умышленное убийство, позволило выявить искажения у них в сфере межличностных отношений. Они проявляют враждебность, конфликтность, замкнутость и отчужденность в отношении других людей. При развитии межличностного конфликта у героев их рассказов отмечается потеря диалогичности. Темы физической агрессии взаимосвязаны с темами, отражающими переживание персонажами страха и вины. Такие испытуемые оказываются пессимистичными в оценке будущего (исходы) на фоне отсутствия по этому поводу переживаний и бедности чувств.

При изучении лиц с аддиктивным поведением (героиновые наркоманы), методика MAPS позволила обнаружить у этих испытуемых сочетание враждебности по отношению к окружающим с пренебрежительным отношением к общественным нормам и правилам, неуверенностью в себе, импульсивностью и эгоцентричностью. Главные герои их рассказов испытывали трудности в осуществлении межличностных контактов, вступали в конфликт с лицами из близкого социального окружения одновременно проявляя замкнутость и отчужденность. У наркозависимых наиболее часто встречающимися темами в их рассказах являются: убийство, преступление, суицид, негативное отношение к себе, отсутствие будущего, любви, дружбы и семьи.

Методика, созданная Э. Шнейдманом имеет большой диагностический потенциал, наш практический опыт показывает, что MAPS может с успехом использоваться в рамках судебно-психологической экспертизы, в том числе как в уголовном процессе, например при исследовании личности несовершеннолетнего, так и в гражданском, например, по делам о компенсации морального вреда.

Литература

1. Shneidman E.S. Manual for the Make A Picture Story (MAPS). N.Y., 1988. P. 92

Анализ мотивации здорового образа жизни курсантов вуза МВД России

Дубнякова А.И.

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург)

Важнейшей социальной задачей государства традиционно считается охрана здоровья студентов. Реформирование Министерства внутренних дел, введение нового образовательного стандарта (ФГОС-3) требует от будущего полицейского не только соответствующей квалификации, высокого образовательного и культурного уровня, но и крепкого здоровья, хорошей физической и функциональной подготовленности, высоких моральных и волевых качеств.

По нашему мнению ключевую роль в формировании здоровья играет здоровый образ жизни. Соответственно, целесообразно проводить разнообразные исследования, которые позволят выявить закономерности этого процесса, в том числе его мотивацию. При этом специальных исследований мотивации здорового образа жизни явно недостаточно, а для разработки программ формирования мотивации сохранения и укрепления здоровья необходимо изучение ее факторов и закономерностей.

Наше исследование было направлено на определение специфики мотивации здорового образа жизни курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России. Исследование проводилось на базе факультета подготовки оперативных работников Санкт-Петербургского университета МВД России в феврале 2012 года (n=95).

Батарея психодиагностических методик включала: анкету «Мотивация здорового образа жизни» В.А. Соломонова; 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттела (форма С); FPI – Фрайбургский личностный опросник (Й. Фаренберг, Х. Зелг, Р. Гампел); шкалы «Реактивной тревожности» и «Личностной тревожности», разработанные Ч.Д. Спилбергером; опросник САМОАЛ; методику «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири; опросник УСК; методику изучения ценностных ориентаций М. Рокича. Нами получены результаты, позволившие сформулировать ряд выводов.

Изучение отношения курсантов к здоровью и здоровому образу жизни выявило противоречие между их желанием сохранить здоровье в процессе обучения и недостаточно разработанными педагогическими условиями формирования здорового образа жизни в образовательном процессе вуза, что обуславливает необходимость подробного изучения структуры и динамики мотивации здорового образа жизни и возможностей ее коррекции психолого-педагогическими средствами.

Приоритетными мотивами здорового образа жизни курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России являются следующие мотивы:

- «быть уверенным в себе, свободным от внутренних противоречий»,
- «устойчивость к физическим нагрузкам»,
- «развивать познавательные процессы (восприятие и ощущение, внимание, память, мышление)».

Доминирование представленных мотивов, по нашему мнению, может быть

обусловлено особенностями обучения в вузе МВД России, где особое значение придается физической подготовленности, служебно-боевой готовности, а также высоким, в свете реформирования системы МВД России, требованиям к профессии полицейского.

Психологическими детерминантами мотивов здорового образа жизни выступают характерологические особенности и показатели тревожности. Мотивы здорового образа жизни взаимосвязаны с показателями самоконтроля, самоактуализации личности и ее ценностными ориентациями, а также обуславливают поведенческие особенности курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России.

О перспективах применения компетентностного подхода при расстановке кадров в подразделениях органов внутренних дел

Душкин А.С.

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург)

Одной из актуальных задач государства является создание целостной системы государственной службы Российской Федерации (Федеральная Программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 - 2013 годы)» посредством создания системы управления государственной службой и формирования высококвалифицированного кадрового состава государственной службы, обеспечивающего эффективность государственного управления, развитие гражданского общества и инновационной экономики.

В соответствии с частью 1 статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служба в органах внутренних дел – федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации.

Создание современной и эффективной правоохранительной системы в России, формирование нового правоохранительного института – полиции, обусловили повышение требований к личности и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. С учетом этого современная концепция прохождения службы в органах внутренних дел предполагает замещение должностей на основе механизма отбора, комплектования, расстановки кадров в соответствии с принципами объективности, состязательности и антикоррупционности. Модернизация правовых, организационных, психолого-педагогических основ прохождения службы в органах внутренних дел акцентировала внимание на индивидуализации процесса профессионального психологического отбора, расстановки кадров, профессионального обучения, подготовки и сопровождения прохождения службы в органах внутренних дел.

Расстановка кадров в органах внутренних дел – это формирование активно действующих служебных коллективов в рамках органа внутренних дел, его структурных подразделений или временных групп. Чтобы расстановка кадров была рациональной, необходимо учитывать соответствие профессиональной квалификации сотрудников, их профессионально-деловых и психологических качеств содержанию и специфике служебной деятельности, конкретным задачам или условиям. Расстановка кадров должна проводиться с учетом складывающихся криминогенной и кадровой ситуаций, на основе и в рамках действующего законодательства, регулирующего вопросы прохождения службы и работы с кадрами в органах внутренних дел (Кикоть В.Я., 2008).

В связи с реформированием системы МВД России в высшей степени актуальным представляется методическое обеспечение работы при расстановке кадров с учетом специфики функционирования и деятельности различных подразделений и служб органов внутренних дел на основе компетентностного подхода.

Компетентностный подход, является основным для формирования высококвалифицированного кадрового состава и кадрового резерва, а также для осуществления управленческих процессов в подразделениях органов внутренних дел (мониторинг качества кадрового состава, укомплектование подразделений полиции; организация обучения и повышения квалификации сотрудников; проведение аттестаций и квалификационных экзаменов, работа с кадровым резервом и т.д.).

Данный подход предполагает наличие способности у сотрудников полиции решать задачи подразделения органа внутренних дел на основе знаний, опыта, мотивации и ценностных ориентаций.

Содержание профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел во многом можно отразить через понятие компетенции. Определение четких требований к профессиональной деятельности с учетом конкретной должности через компетенции, позволит использовать их в качестве оснований для систем подбора, оценки, обучения и развития личного состава.

Обратимся к понятию компетенций. Р. Бояцис, один из основателей концепции компетенций, писал в своей книге, что «компетенция – основная характеристика личности, которая лежит в основе эффективного или превосходного выполнения работы» (Бояцис Р., 2008).

Л.М. Спенсер и С.М. Спенсер в своих исследованиях расширили понятие компетенции и определили его как «базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнению в работе или в других ситуациях» (Спенсер Л.М., 2005). Базовое качество означает, что компетенция является очень глубоко лежащей и устойчивой частью человеческой личности и может предопределять поведение человека во множестве ситуаций и рабочих задач. Причинное отношение означает, что компетенция предопределяет или вызывает определенное поведение и исполнение. На основе критериев – значит, что компетенция действительно прогнозирует хорошее

или плохое исполнение, которое измеряется при помощи конкретного критерия, или стандарта (Спенсер Л.М., 2005).

С. Уиддет и С. Холлифорд, давая определение компетенций, характеризуют их в терминах проявляемого поведения: «Компетенции – это поведенческие модели, которые демонстрируют люди, эффективно выполняя рабочие задачи в организационном контексте» (Уиддет С., 2008). В данном определении компетенций, речь идет о характеристиках, определяющих эффективность деятельности в конкретной организации, на конкретном уровне.

Рассмотренные подходы не исчерпывают возможные интерпретации понятия «компетенции», но единым для всех являются три фактора:

- во-первых, авторы едины в том, что компетенции – это характеристики личности;
- во-вторых, это характеристики, необходимые для эффективного выполнения работы;
- в-третьих, они реализуются в определенных направлениях профессиональной деятельности.

На основе психологического анализа служебной деятельности сотрудников полиции можно выделить некоторые особенности, составляющие сущность компетентностного подхода в управлении подразделением органа внутренних дел.

Во-первых, компетентностный подход сочетает в себе интеллектуальную, ценностную составляющие служебной деятельности.

Во-вторых, в идеологии компетентностного подхода заложена концептуальная основа специфики содержания этой деятельности, формируемая «от результата, стандарта на выходе».

В-третьих, компетентностный подход в управлении обладает интегративной природой, поскольку включает в себя группы однородных или схожих умений и знаний, относящихся к разнообразной служебной деятельности в рамках органа внутренних дел.

Центральным вопросом компетентностного подхода к профессиональной деятельности сотрудников ОВД становится разработка компетентностных моделей, ориентированных на конкретные функции служебной деятельности сотрудника в зависимости от его должностной категории.

Модели профессиональных компетентностей, разработанные с учетом профессиональных обязанностей сотрудника полиции, соответствуют возможностям специалиста, который ее выполняет. Тем самым компетентностная модель является важным управленческим инструментом органа внутренних дел.

Разработанные компетентностные модели так же могут применяться:

- в управленческих процессах органа внутренних дел (мониторинг качества кадрового состава; формализация служебной деятельности в должностных регламентах и иных документах; определение показателей результативности служебной деятельности; разработка системы мотивации сотрудников полиции и др.);

- в процессах работы с личным составом органа внутренних дел (подбор, оценка, обучение, аттестация, ротация сотрудников, занимающих определенные должности; работа с кадровым резервом; формирование индивидуальных планов развития сотрудников полиции и др.);
- в процессах реализации программ и проектов органа внутренних дел.

Таким образом, исследования в области профессиональных компетенций представляют собой перспективное направление в юридической психологии, а методическое обеспечение данного направления психопрактики могут успешно использоваться для оценки и прогноза эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Бояцис Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы. М.: НИРРО, 2008.
2. Основы организации воспитательной работы с личным составом в органах внутренних дел. Учебное пособие / Под общ. ред. В.Я. Кикотя. М.: ЦОКР МВД России, 2008.
3. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. М.: НИРРО, 2005.
4. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям : Пер. с англ. Н. Друговойко, 3-е издание. М.: Издательство ГИППО, 2008.
5. Указ Президента РФ от 10 марта 2009 года № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» (с изменениями от 12 января 2010 г.).
6. Указ Президента РФ № 1468 от 24 декабря 2009 года «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».
7. Приказ МВД России от 11 февраля 2010 года № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».
8. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».
9. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Роль самоэффективности в развитии профессионального самосознания юристов

Дыса Е.В.

Днепропетровский государственный университет внутренних дел
(Днепропетровск, Украина)

В современных научных работах, посвященных развитию профессионального самосознания личности, уделяется активное внимание изучению феномена самоэффективности, необходимого для организации успешной деятельности и для

достижения высоких результатов в работе. С точки зрения ученых, самоэффективность может возникать в условиях включения индивида в активную деятельность. Для ощущения самоэффективности необходимо испытать себя в выполнении предложенных заданий, почувствовать себя в деле.

Понятие самоэффективности, введенное в научную психологию А. Бандурой (1977), означает уверенность человека в собственной конкретно обозначенной компетентности, в своих способностях организовывать и выполнять работу, необходимую для определенных достижений в той или иной деятельности. Альберт Бандура не только ввел это понятие в научную терминологию, но и раскрыл его суть и роль в личностном развитии каждого человека. По его мнению, «чем выше ожидания эффективности или мастерства, тем более активными становятся усилия» (А. Бандура, 2000).

Проблема самоэффективности за тридцать лет ее разработки завоевала значительную популярность среди зарубежных психологов, о чем свидетельствует постоянно возрастающее количество работ в этом направлении, которые доказывают ее прямое влияние на решения, действия и переживания человека (А. Бандура, 1993; Л. Хьелл, Д. Зиглер; Дж. Капрара, Д. Сервон). В отечественной психологии также начинается процесс теоретического осмысления этого феномена и его эмпирическое исследование (М.И. Гайдар, В.Г. Ромек, М.В. Чистова, Т.М. Маланьина, Т.О. Гордеева, О.А. Шепелева и др.). Современные немецкие психологи М. Ерусалем, Р. Шварцер и русский психолог В. Ромек уточнили и расширили понятие самоэффективности, внесли весомый вклад в разработку методики ее исследования.

Самоэффективность является продуктом сложного процесса самоубеждения, который возникает на основе когнитивной обработки различных источников информации о собственной эффективности, среди которых основными являются: непосредственный опыт, опосредованный опыт, общественное мнение, физическое и эмоциональное состояние (А.А. Шатохин, 2004).

Особенно важным представляется изучение процесса развития и формирования самоэффективности в период профессионального обучения, поскольку именно представление о собственной компетентности, а не сами по себе умения, личностные качества и способности, выступает необходимым мотивационным условием, которое детерминирует поведение человека и определяет степень настойчивости при освоении, а дальше и при выполнении конкретных профессиональных действий.

Большое значение имеет самоэффективность для развития профессионального самосознания субъектов юридической деятельности, поскольку вера в собственную эффективность облегчает адаптацию к новым требованиям современного общества, способствует раскрытию способностей и возможностей будущих юристов, повышает настойчивость, активность, помогает преодолевать трудности в правоохранительной деятельности и достигать поставленных целей.

Таким образом, самоэффективность является важным компонентом профессионального самосознания юристов. Она проявляется в чувстве собственной компетентности, возможности успешного выполнения поставленных перед человеком

профессиональных задач, быстрой ориентации в нестандартных ситуациях. Для формирования психологической готовности к юридической деятельности самоэффективность необходимо развивать в период обучения на старших курсах юридических факультетов и проводить ее диагностику.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
2. Гайдар М.И. Развитие личностной самоэффективности студентов-психологов на этапе вузовского обучения: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. психол. наук: спец. 19.00.07 / М.И.Гайдар. Воронеж, 2008.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. Учебное пособие. М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2006.
4. Шатохин А.А. Профессиональное самоопределение как составляющая профессиональной идентификации // Актуальные проблемы современной науки. № 3, 2004. С. 71-87.

Совершенствование профессионально-психологического отбора в период реформирования системы МВД России

Ичитовкина Е.Г.

Медико-санитарная часть Министерства внутренних дел (Киров)

Злоказова М.В.

Кировская государственная медицинская академия (Киров)

Соловьев А.Г.

Институт ментальной медицины Северного государственного медицинского университета (Архангельск)

Острая потребность общества в коренном улучшении эффективности работы сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) России диктует необходимость совершенствования профессионального психологического отбора, основной задачей которого является установление соответствия личностных качеств и особенностей поведения нормативно одобренным требованиям (Мягких Н.И., 2010) с учетом региональных особенностей профессиональной деятельности.

С целью анализа результатов профессионально-психологического отбора сотрудников правоохранительных органов в период реформирования системы МВД нами проанализированы архивные данные 1132 протоколов психологического обследования в Центре психофизиологической диагностики (ЦПД) по Кировской области лиц из основного контингента (поступающие на службу, поступающие на учебу в вузы МВД России, сотрудники при перемещении по службе, стажеры после испытательного срока) за первые полугодия 2011 и 2012 гг.

На этапе реформирования системы МВД доля «группы риска» среди основного контингента обследуемых в ЦПД составляла в 2011 г. – 35 чел. (17,2 %), что достоверно ($p < 0,05$) ниже, чем за аналогичный период 2012 г. – 247 чел. (26,6%), при этом число «не рекомендованных» значительно возросло – с 18 (8,9%) до 127 чел.

(13,7%), соответственно ($p < 0,05$).

Увеличение «группы риска» среди основного контингента связано с более жесткими требованиями к профессионально-психологической пригодности кандидатов на службу на современном этапе, особенностями направляемого контингента, а также более качественным выявлением негативных личностных характеристик. Дополнительным фактором причины роста «группы риска» явилась нацеленность психологов ЦПД на углубленное, с использованием полиграфа, обследование сотрудников.

Выявленная негативная информация среди обследованных лиц в 2011 и 2012 гг. была представлена примерно равным соотношением приема психоактивных веществ – 59,2% и 54,4%, агрессивным поведением с приводами в милицию – 8,1% и 7,6%, совершением уголовно наказуемых деяний, не повлекших наказания или оставшихся нераскрытыми – 6,5% и 5,3%, соответственно. В то же время стали чаще выявляться другие негативные сведения: лишение водительских прав за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения – 6,2% и 7,3%, кражи – 3,9% и 7,0 %, факты административных правонарушений – 2,5% и 9,1%, махинации с документами – 2,1% и 3,1%, корыстные мотивы поступления на службу – 1,9% и 2,3%, соответственно.

Таким образом отмечается рост числа «не рекомендованных» на службу в МВД при снижении доли «условно рекомендованных», что свидетельствует о более жестком подходе к профессионально-психологическому отбору в период реформирования системы МВД, способствует качественному комплектованию кадрового состава и является мерой психопрофилактики антисоциального поведения полицейских.

Особенности проявления профессиональных деструкций у следователей органов внутренних дел Украины

Ковальчишина С.В.

Донецкий юридический институт, Научно-исследовательский центр
психотренинговых технологий (Донецк, Украина)

Экономические, политические, социальные перемены, произошедшие в обществе за последнее десятилетие, привели к снижению уровня жизни, проблемам социально-психологического характера, ухудшению здоровья людей. Все это не могло не отразиться и на правоохранительной структуре Украины. Нестабильность в обществе и долгий процесс реформирования правоохранительной системы способствовали увеличению психоэмоциональной нагрузки на психику работников органов внутренних дел, что со временем приводит к появлению профессиональных деструкций.

Деструктивные изменения личности исследовались многими науками: философией, педагогикой, медициной, юриспруденцией и психологией. Каждая из указанных отраслей науки предлагала свои пути решения проблемы профессиональных деструкций.

В психологии сущность деструктивных изменений личности рассматривалась в процессе выполнения профессиональной деятельности, освещались общие направления нарушения профессионального развития и их конкретные проявления.

Профессиональные деструкции – это негативные последствия рабочих стрессов, постепенно накопившихся в виде устойчивых изменений структуры и содержания профессиональной деятельности, а также структуры личности субъекта (Зер Э.Ф., Дружилов С.А.). Профессиональные деструкции негативно сказываются на производительности и удовлетворенности трудом, функциональных и межличностных взаимодействиях с партнерами, а также на развитии личности субъекта труда. Профессиональные деструкции связаны как с общими факторами жизнедеятельности человека (возрастными кризисами и др.), так и со специфическими детерминантами.

Большинство ученых (Зер Э.Ф., Маркова А.К., Сыманюк Э.Э.) сходятся во мнении, что психологическими детерминантами развития профессионально обусловленных деструкций являются конфликты профессионального самоопределения, кризисы профессионального становления, профессиональная дезадаптация, а также стереотипы мышления и деятельности, социальные стереотипы в поведении и отдельные формы психологической защиты: рационализация, проекция, отчуждение, замещение, идентификация.

Анализ теоретического материала по данной теме показал, что факторы профессиональной деструкции можно объединить в две группы: те, которые находятся в пределах профессиональной среды и общества, и те, которые находятся в пределах личности правоохранителя. Рассмотрим эти факторы более подробно:

Социально-экономический фактор. Неопределенность среды вызывает чувство тревоги, напряжения и требует дополнительных ресурсов для постоянного приспособления к изменяющимся условиям. В период социально-экономического, политического кризиса государство и население особенно нуждаются в защите, в связи с чем возрастает нагрузка на правоохранительные структуры.

Политический фактор. Вследствие принятия новых законов и реформ (особенно пенсионной), условия прохождения службы милиционеров становятся все более напряженными и ограниченными, что не привлекает потенциальных кандидатов на службу и разочаровывает тех, кто уже работает.

Функциональная маргинальность милиции. В условиях, когда экономическая и политическая ситуация в стране слабеет, ослабевает и ее правоохранительная система. Имидж милиции снижается в связи с ее противоречивым положением. Следовательно, как и любой другой сотрудник милиции, занимает пограничную (маргинальную) позицию в отношении государства и населения.

Нарушение процесса профессиональной идентификации. В период профессионального становления идентификация молодых следователей претерпевает значительные изменения, не всегда позитивные. Образ идеального следователя у них имеет достаточно размытые очертания. Это связано с тем, что в процессе реформирования органов правопорядка, принятия новых законов, которые лишь

ухудшили положение сотрудников ОВД, многие профессионалы следственных подразделений оставили службу.

Формирование синдрома выученной беспомощности. Деятельность милиционера проходит в условиях повышенной ответственности и строго ограничена законом. Из-за постоянно возникающих противоречий в правоохранительной деятельности каждому сотруднику приходится сталкиваться с чувством несостоятельности, невозможности помочь гражданину и в полной мере выполнить функцию правозащитника. Это вызывает разочарование в себе и в профессии, уменьшает профессиональную активность и приводит к формированию данного синдрома.

Развитие синдрома «асоциальной перцепции». В период служебной деятельности сотрудникам ОВД чаще приходится иметь дело с асоциальными и не всегда адекватными людьми, что приводит к формированию такой деструктивной черты характера как «асоциальная перцепция». Следователь склонен воспринимать любого гражданина как потенциального правонарушителя, относиться с подозрением даже к членам семьи, что приводит к внутрисемейным конфликтам и дисгармонизирует отношения.

Нарушения в коммуникативной сфере. Следователь по роду своей деятельности часто оказывается участником конфликтных ситуаций. Он может выступать в нескольких ролях: объект агрессии, медиатор, агрессор и провокатор. Нарушения в коммуникативной сфере следователя приводят к тому, что он все чаще оказывается в роли агрессора и провокатора конфликтов. Это связано с утрачиванием его способности устанавливать обратную связь из-за авторитарного стиля построения коммуникации.

Синдром эмоционального выгорания. Эмоциональное выгорание проявляется в жесткости характера, потере возможности поддерживать близкие отношения, одиночестве, аутизации. Вследствие блокирования эмоций может нарушаться процесс усвоения личностью жизненного опыта, что приводит к остановке психического развития и преждевременного старения.

Для определения выраженности тенденций профессиональной деструкции нами была разработана анкета, которая состоит из четырех блоков. Первый блок вопросов касается профессиональной идентичности сотрудника, 2-й блок характеризует заинтересованность сотрудника в профессии и его успешность в ней, 3-й блок вопросов раскрывает ценностно-мотивационную направленность личности в работе, 4-й блок показывает эмоциональное отношение респондента к профессии и служебной деятельности.

В исследовании принимали участие следователи (96 человек) ГУ МВД Украины в Донецкой области с разным стажем служебной деятельности в возрасте от 25 до 40 лет.

Анализируя полученные результаты, нами было установлено, что проявление профессиональных деструкций наблюдается у 22,9% следователей, имеющих стаж служебной деятельности более 10 лет. Из них у 5,20% респондентов выявлено

нарушение процесса профессиональной идентификации. У этих следователей прослеживается слабое отождествление себя с профессиональной деятельностью, отсутствует желание ее продолжать, выражено разочарование в профессии. У половины следователей с ярко выраженной тенденцией профессиональной деструкции (10,41%) выявлена неудовлетворенность профессией и желание ее сменить, а треть респондентов показали низкую ценностно-мотивационную направленность и заинтересованность в профессии.

Таким образом, особенности проявления профессиональных деструкций у следователей ОВД заключаются в степени их идентификации с профессией, характере ценностно-мотивационной направленности, желании продвигаться по службе и заинтересованности в профессиональном росте.

О психологической подготовке студентов к служебной деятельности в правоохранительных органах

Котлярова Л.Н.

ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации» (Москва)

Деятельность должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, имеет ряд таких особенностей как «правовая регламентация; властный, обязательный характер профессиональных полномочий; творческий, нестандартный характер; процессуальная самостоятельность; экстремальный характер» (Романов В.В., 2012; Кроз М.М., 2010; Столяренко А.М., 2009). Перечисленные особенности предъявляют к личности субъекта данного направления деятельности специфические требования в отношении сформированности и развития определенных личностных качеств, коммуникативного и поведенческого опыта. Экстремальный характер деятельности требует от специалиста владения навыками психической саморегуляции своего состояния.

Руководитель следственного управления Следственного комитета по Астраханской области А.А. Бессонов, анализируя одну из острых управленческих проблем о недостаточной психологической готовности специалистов к осуществлению правоохранительной деятельности, отмечает, что при назначении на должности следователя «большинство кандидатов по своим психологическим характеристикам признаются условно годными к работе следователя. В связи с этим на руководителей ложится ответственность за развитие у них качеств, необходимых для эффективной деятельности» (Бессонов А.А., 2009).

Разработка и внедрение в образовательный процесс программ психологической подготовки студентов юридического вуза к осуществлению профессиональной деятельности может представлять практическую значимость для решения кадровых задач правоохранительных органов. Изучение социально-психологических факторов, влияющих на совершенствование личностного потенциала и формирование психологической готовности студентов к осуществлению служебной деятельности в

правоохранительных органах представляет научный интерес для юридической психологии. Такие исследования проводятся в Российской правовой академии Минюста России начиная с 2010 г.

Оценка психологической готовности проводится на основе выявления и анализа разноуровневых личностных характеристик в соответствии с современными концепциями о структуре и динамическом развитии личности. Структурно программа состоит из четырех этапов. Цели первого этапа программы, связанные с приобретением студентами теоретических знаний о профессиональной деятельности юриста и экстремальных состояниях, достигаются в процессе изучения соответствующих разделов учебной дисциплины «Юридическая психология», обсуждения отдельных тем и вопросов на заседаниях научного кружка и интернет-форуме (<http://www.forum.yr-psi-rpa.ru/>), участия студентов в научно-исследовательской деятельности. Для углубленного изучения отдельных вопросов студенты используют возможности специально созданного учебного сайта (<http://www.yr-psi-rpa.ru/>).

Цели второго этапа программы связаны с определением профессионально важных личностных качеств. Используя возможности «Ассесмент-центра», размещенного на учебном сайте, студенты могут самостоятельно провести диагностику и составить свой личностный профиль, сравнить его с личностными профилями успешных специалистов (следователей, дознавателей, прокуроров и др.) правоохранительных органов (Кроз М.М., 2010; Ситковская О.Д., 2011).

Цели третьего этапа, связанные с разработкой и реализацией индивидуальной программы развития личностного ресурса достигаются в процессе индивидуального консультирования и участия студентов в специально разработанных тренингах («Личностный потенциал», «Преодоление негативных психических состояний и повышение стрессоустойчивости», «Влияние и противостояние влиянию», «Секреты межличностных коммуникаций»).

На заключительном этапе проводится сравнительный анализ динамики показателей личностного потенциала студента, участвующего в программе.

Литература

1. Бессонов А.А. Развитие профессионально-психологических качеств следователя // Вестник следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, № 4(6), 2009. С. 8-11 .
2. Кроз М.М. Психологическое исследование прокуроров // Сборник тезисов участников Всерос. конф. по юридической психологии Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М.: МГППУ, 2010. С. 209-210.
3. Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012.
4. Столяренко А.М. Социальная психология: учебник для студентов вузов / под ред. А.М. Столяренко. 2-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
5. Юридическая психология: учебник / под науч. ред. докт. психол. наук О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011.

Оптимизация навыков преодоления стресса у курсантов вузов МВД Украины с помощью психологического тренинга

Литвинова Г.А.

Донецкий юридический институт, Научно-исследовательский центр
психотренинговых технологий (Донецк, Украина)

Социально-экономические и политические условия современного общества требуют от человека значительных затрат физических и психических ресурсов. По оценкам многочисленных экспертов в настоящее время значительная часть населения страдает психическими расстройствами, вызванными острым или хроническим стрессом. Он приобретает масштабы эпидемии и представляет собой основную социально-психологическую проблему общества [4].

К категории лиц с высоким уровнем профессионального стресса можно отнести сотрудников МЧС, МВД, Службы безопасности, Министерства обороны и т.д. [3]. Адаптивные способности к стрессу, профессиональная надежность и стрессоустойчивость – это основные показатели психологической подготовленности к выполнению профессиональных задач в условиях стресса. Недостаточное их развитие, а также неумение регулировать свои психофизиологические состояния может привести к серьезным отрицательным последствиям как для деятельности, так и для психического и физического здоровья сотрудников. Избежать негативных последствий стресса возможно с помощью создания согласованной системы психологического обеспечения. Одним из ее элементов является психопрофилактический тренинг, направленный на формирование умений и навыков оптимального использования индивидуальных ресурсов и способностей для повышения эффективности деятельности, сохранения и восстановления психического здоровья [2].

Различные аспекты стресса являются предметом исследования в области многих наук. Можно выделить три основных подхода к анализу профессионального стресса: экологический, транзактный и регуляторный. В первом из них стресс понимается как результат взаимодействия индивида с окружающей средой. Во втором – как индивидуально-приспособительная реакция человека на осложнение ситуации, в третьем – как класс состояний, отражающий механизм регуляции деятельности в затрудненных условиях [4].

Экологический подход в качестве объекта эмпирических исследований рассматривает характеристики стрессогенных ситуаций на «входе» (причины, источники возникновения стресса) и «выходе» (последствия стресса для труда, физического и психического здоровья). Наличие стресса устанавливается на основании обнаружения закономерной связи между факторами напряженности труда и их негативными последствиями.

Зарубежными авторами Г. Олдхэмом и Дж. Хакманом разработана модель, являющаяся основанием для методики оценки основных структурных составляющих

труда, описываемых пятью базовыми характеристиками: разнообразие, сложность, значимость задач, автономия исполнения и наличие обратной связи. Вместе с тем разработаны также модели, касающиеся понятий «психическое здоровье» и «личностное благополучие», среди которых можно отметить следующие: модель «салютогенеза труда» А. Марселла, «витаминная модель» психического здоровья П. Варра, трехфакторная модель напряженности труда Р. Карасека и Т. Теорелл. Общими для них являются такие моменты, как: отказ от традиционного акцента на изучение только негативных аспектов стресса и создание модели, описывающей оптимальное рабочее состояние; где акцент не на перечислении трудовых нагрузок и индивидуальных характеристик работающих, а на анализе эффектов их воздействия [3].

Трансактный подход сформировался в середине 1970-х годов, как следствие развития когнитивных концепций стресса. На его становление значительное влияние оказала разрабатываемая Р. Лазарусом теория психологического стресса. Фокус интересов сместился с изучения гомеостатического регулирования и стадий адаптационного приспособления на анализ индивидуально-психологических факторов, обуславливающих развитие стресса. Центральное место в этом анализе заняли субъективная значимость той ситуации, в которой действует человек и те способы или стратегии поведения, с помощью которых он пытается преодолеть затруднения.

Недостатком рассмотренной модели является отсутствие четкого понимания того, как те или иные рассогласования в когнитивной переработке поступающей извне информации об имеющейся ситуации воплощаются на уровне «живого потока» деятельности профессионала.

Регуляторный подход разрабатывался в русле проводимых психологией труда и инженерной психологией исследований, посвященных анализу разного рода состояний работающего человека (утомление, монотония, стресс и пр.), влияющих на эффективность его деятельности. Основным предметом исследований в рамках регуляторного подхода стала детализация представлений о смене механизмов регуляции деятельности под влиянием различных факторов, а также оценка их «цены» с точки зрения внутренних затрат. Регуляторный подход находит большое практическое применение в создании более совершенных видов психодиагностических методов, ориентированных на анализ структурных изменений в процессах обеспечения деятельности.

Использование третьей стратегии оказывается полезным в случае необходимости индивидуализации средств оказания психологической помощи. Она указывает на дефицит индивидуальных способов и навыков преодоления стрессовых ситуаций, который может быть восполнен в ходе специального обучения и тренировки.

Стрессоустойчивость, как личностное свойство, определяющее степень эффективности преодоления стрессовой ситуации, является многокомпонентным явлением, тесно связанным с копинг-стратегиями и зависящим от ряда

индивидуально-типологических особенностей личности (локус-контроль, тип темперамента, эмоциональная устойчивость и т.д.). Оценка устойчивости-неустойчивости человека к стрессовым воздействиям требует учета всех параметров не только угрожающих условий, но и его индивидуальных ресурсов, а также накопленного опыта в преодолении подобных ситуаций.

Наиболее эффективным способом интеграции развиваемых компонентов, когда в моделируемой ситуации участники смогут оперировать приобретенными знаниями и навыками без каких-либо трудностей, является тренинговая форма обучения [1].

Нами предложена тренинговая программа, которая направлена на формирование стрессоустойчивости у курсантов вузов МВД. Она складывается из ограниченного числа узконаправленных занятий, поскольку предусматривает формирование умений без прерывания профессиональной деятельности.

Цель тренинга: определение уровня и развитие стрессоустойчивости личности. Число участников группы составляет 12-16 человек. Участники объединены сходством выполняемой деятельности и знакомы друг с другом. Продолжительность тренинга составляет 15 часов, то есть 5 занятий по 3 часа. Каждое тренинговое занятие состоит из следующих компонентов:

- приветствие, рефлексия предшествующих знаний (краткая характеристика работы на предыдущих занятиях);
- информация по теме занятия;
- выполнение тренинговых упражнений;
- обсуждение и подведение итогов.

Эмпирическое исследование эффективности тренинга проводилось в соответствии с планом, включающим предварительную диагностику с помощью соответствующего целям и задачам работы научно-методического аппарата, апробацию тренинговой программы, итоговую диагностику.

Анализ полученных в результате предварительного тестирования данных позволил, используя стратегию попарного отбора, сформировать экспериментальную и контрольную группы. Члены экспериментальной группы выступили в качестве участников тренинга.

Сопоставление данных предварительного и итогового тестирования, а также описательных статистик и рассчитанных критериев Манна-Уитни и Вилкоксона в экспериментальной и контрольной выборках показало значимые изменения в таких компонентах, как: оптимизм, уверенность в себе, самоуправление психофизиологическими процессами, адаптивное мышление.

Изменения показателей тревожности, как одного из свойств, воздействие на которое предусматривалось тренинговой программой, носило опосредованный характер, детерминированный повышением оптимистичности, адаптивного мышления и уверенности в себе.

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о развивающем действии тренинговой программы на эмоциональный, когнитивный и поведенческий

компоненты стрессоустойчивости личности.

Результаты исследования могут применяться для построения коррекционных и профилактических программ в процессе работы с сотрудниками ОВД. Научно обоснованная и апробированная программа тренинга развития стрессоустойчивости личности пригодна для использования при работе с курсантами вузов МВД. С целью совершенствования методологии и организации подобных исследований возможно проведение более широкого спектра диагностических методик, позволяющих не только всесторонне с подробным анализом каждого показателя стрессоустойчивости учесть изменения до и после, но и зафиксировать промежуточные результаты. Кроме того, выделение нескольких контрольных групп позволит проконтролировать возможные погрешности и смещения при разработке и апробации программы для сотрудников специфических подразделений.

Литература

1. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники / И.В. Вачков. М.: Ось – 89, 2003.
2. Еникеев М.И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии / М.И. Еникеев. М.: НОРМА, 2005.
3. Маришук В.Л. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / В.Л. Маришук, В.И. Евдокимов. СПб., 2001.
4. Фопель К. Психологические группы. Рабочие материалы для ведущего / К. Фопель. М.: Генезис, 2001.

Особенности психологического консультирования в высших образовательных учреждениях МВД России

Мальцева Т.В.

Московский областной филиал Московского университета МВД России (Руза)

В настоящее время в правоохранительной системе на первый план выдвигаются вопросы кадровой политики, связанные с совершенствованием профессиональной подготовки специалистов на этапе обучения в ведомственных вузах. Наблюдается повышенное внимание к организации и совершенствованию психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса и профессионализации личности будущих специалистов органов внутренних дел. При этом одной из главных задач профессиональной подготовки курсантов является формирование у них таких личностных качеств, которые позволяют сотруднику ОВД успешно выполнять служебные обязанности в повседневных и экстремальных условиях профессиональной деятельности, а также справляться с кризисными ситуациями жизнедеятельности. Это ориентирует на широкое использование продуктивных моделей оказания психологической помощи курсантам и слушателям при различных затруднениях в профессиональном становлении, в том числе на основе технологий психологического консультирования.

В начале нового столетия данные, полученные во время проведения фокус-

группы с практическими психологами вузов МВД России, позволили сделать вывод о том, что психоконсультативной деятельностью они занимались лишь эпизодично, и, как правило, в индивидуальной форме. За психологическим консультированием, как правило, обращались курсанты очного отделения и слушатели сокращенной заочной формы обучения, получившие на базе вуза МВД России среднее специальное образование и уже знакомые с деятельностью психолога. Слушатели полной заочной формы обучения обращались за психологической помощью в единичных случаях.

Круг проблем, по которым обращались к ведомственному психологу курсанты и слушатели, был связан не только с затруднениями в овладении профессией, но и со служебным общением, с межличностным общением, с семейными проблемами, с внутриличностными конфликтами профессионального становления. Чаще всего за помощью к психологу обращались девушки, у которых поводом для обращения служат проблемы, связанные, прежде всего со служебным и межличностным общением. Ситуация внутриличностного конфликта профессионального становления – характерный повод для обращения к психологу вуза МВД России юношей. Так же отмечалось, что курсанты и слушатели при возникновении психологических проблем, предпочитали обращаться за поддержкой и помощью к друзьям или родственникам. Слушатели заочного отделения, как правило, либо не понимали роли психолога, либо недооценивали его возможностей в реальной помощи. Только курсанты очного отделения считали для себя возможным обращение за психологической помощью к профессионалу.

На сегодняшний день практический опыт психологической службы образовательных учреждений МВД России показывает, что ситуация значительно изменилась. С одной стороны этому способствовали ряд принятых нормативно-правовых актов МВД России, направленных на решение задач, связанных с регламентацией отбора, аттестацией, морально-психологическим сопровождением обучающихся в ведомственных вузах, с другой стороны, кропотливый ежедневный труд практических психологов вузов МВД России, повышение их компетентности в психоконсультационной деятельности, успешная работа с личным составом, повышение авторитета статуса психолога в ведомстве.

Анализируя деятельность практических психологов в период реформирования системы МВД России, следует отметить, что животрепещущей задачей является работа по формированию у курсантов и слушателей ведомственных вузов стресс-преодолевающего (копинг) поведения. В процессе вузовской подготовки, прохождения аттестации, адаптации к изменившимся требованиям системы органов внутренних дел обучающиеся переживают ряд кризисных ситуаций жизнедеятельности, связанных с повышенной напряжённостью учебной и служебной деятельности, необходимостью соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к сотруднику полиции, а у курсантов к тому же с интенсивным физическим и личностным развитием, сопутствующим юношескому возрасту.

Кроме того, намного чаще стали обращаться за психологической помощью к практическим психологам курсанты, как девушки, так и юноши. Повысился

авторитет психолога и у слушателей. Среди ситуаций, которые послужили причиной обращения, выделяются следующие: у курсантов – разлука с близкими, неуспеваемость, недовольства, связанные с распорядком жизни и спецификой обучения в вузе, жесткая субординация, административная регламентация личного времени и досуга, разочарования в выбранной профессии; у слушателей – недовольства, связанные с реформированием системы МВД России, нехватка финансов, развод или проблемы с супругом, смерть близких, личная жизнь, преодоление вредных привычек.

В заключение следует сказать, что психоконсультативная деятельность как вид психологической помощи, должна и может выступать одной из важных форм психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в высших образовательных учреждениях МВД России, так как является средством совершенствования личностных и социально-психологических характеристик конкретного человека и коллективов.

Негативные информационно-психологические воздействия на военнослужащих внутренних войск при массовых общественно-политических беспорядках

Мацегора Я.В., Воробьева И.В.

Академия внутренних войск МВД Украины (Харьков, Украина)

Одной из актуальных проблем, с которой приходится иметь дело современному военнослужащему, является проблема негативных информационно-психологических влияний (НИПВ) во время выполнения служебно-боевых задач (СБЗ) по охране общественного порядка в условиях массовых общественно-политических мероприятий. Современное развитие манипуляционных технологий достигло таких высот, что игнорировать их в деятельности правоохранительных органов становится не только невозможно, но и опасно. Примером этого могут служить события «оранжевой революции» 2004 г. в Украине.

Как показали результаты исследований, чаще всего НИПВ осуществлялись с целью дезориентации (дезинформации), дезорганизации и деморализации правоохранителей. Так, дезориентации военнослужащих внутренних войск во время «оранжевой революции» пытались достичь за счет использования такой их особенности, как зависимость от руководства (субординация, несамостоятельность в принятии решений и ориентация в принятии решений на командиров, руководство внутренних войск, руководство города и т.д.), от собственных профессиональных обязательств, от имиджа (ожиданий населения относительно военнослужащих). Такая зависимость делает военнослужащих внутренних войск чувствительными к информации, касающейся условий выполнения СБЗ, обстоятельств, настроений и намерений населения в отношении военнослужащих, осуществляющих охрану правопорядка во время массовых мероприятий. Кроме того, выполняя поставленные СБЗ, военнослужащий значительно ограничен в возможности выбора обстоятельств собственной жизни (где и с кем быть, как поступить), поэтому довольно часто он не

имеет возможности физически дистанцироваться от источника НИПВ. Противодействие этому виду НИПВ связано с защитой коммуникационных систем внутренних войск, через которые осуществляется руководство действиями военнослужащих, а также с развитием коммуникативной компетентности самих военнослужащих.

Дезорганизации деятельности военнослужащих пытались достичь благодаря их втягиванию в эмоционально-напряженные взаимодействия с людьми из толпы, «подогреву» конфликтных ситуаций действиями провокаторов, эскалации прошлых конфликтных ситуаций между военнослужащими и населением, унижением профессионального и человеческого достоинств военнослужащих.

Выполняя поставленные СБЗ по охране общественного порядка, военнослужащие не имеют возможности отреагировать свои негативные эмоции, выразить свое несогласие, ответить на оскорбления, что делало их чувствительными к провокациям агрессивными действиями. Примерами таких провокаций, помимо демонстрации агрессивных намерений, было использование и таких изощренных манипулятивных воздействий, как сравнение военнослужащих внутренних войск с милиционерами с нелестными откликами то об одних, то о других, что вносило раскол в их совместные действия. Так, пытаясь восстановить положительный имидж в глазах общества, они стремились к популярным, социально положительным действиям и воздерживались от выполнения необходимых, оправданных обстоятельствами, однако непопулярных действий. Этот феномен проявился не только у рядовых военнослужащих и милиционеров, но и у руководителей подразделений. Кроме дезорганизации, неотрагированные отрицательные эмоции могут привести к обострению психосоматических заболеваний. Поэтому планируя выполнение СБЗ в условиях интенсивного НИПВ, нужно учитывать то, сколько времени без вреда для здоровья военнослужащий может выдерживать такие эмоциональные нагрузки и предусматривать условия для отреагирования накопленного негатива (возможность выполнения физических упражнений, проведение аутогенных тренировок или дебрифинга после выполнения поставленных задач). Меры противодействия НИПВ этого типа должны также предусматривать формирование у правоохранителей конфликтологической компетентности, умения управлять собственным гневом, освоение психологических упражнений направленных на снятие напряженности.

Демотивации военнослужащих внутренних войск способствовали обвинения в выступлениях против собственного народа, в защите нелегитимной власти, возвращении антидемократических (тоталитарных) устоев общества, которые направлялись на формирование в сознании военнослужащих противоречия между поставленными задачами охраны правопорядка на «майдане» и целями военной службы. Еще одним примером демотивации были попытки заставить военнослужащих почувствовать себя «по ту сторону закона», для чего активно использовался шантаж судебными преследованиями за выполнение поставленных служебно-боевых задач.

Противопоставить таким воздействиям можно только адекватную воспитательную работу, направленную на формирование понимания целей и задач внутренних войск, уважения к законодательству страны и ее государственному устройству, на формирование профессиональной чести и ответственности у военнослужащих.

В качестве общих профилактических мероприятий необходима психологическая подготовка военнослужащих в вопросах понимания техник осуществления манипуляционного влияния, возможностей использования психологических особенностей военнослужащих для осуществления на них НИПВ.

Некоторые аспекты психологической подготовки кадров для правоохранительной службы

Морозикова И.В.

Смоленский государственный университет (Смоленск)

Глубокие духовные, политические и социально-экономические преобразования, характерные для всех сфер жизни современного общества, обуславливают новые вызовы и угрозы времени. В области социально-политических процессов это проявляется в появлении экстремистских организаций, криминальных сообществ, совершении террористических актов, росте агрессивных настроений в обществе и т.п. Все это определяет необходимость повышения психологической грамотности населения с одной стороны, и психологической компетентности сотрудников силовых структур и правоохранительных ведомств государства – с другой.

Анализ исследований, посвященных данной проблеме и практика работы учреждений МВД, МЧС показывает, что на данный момент проделана достаточно большая работа по проблемам психологической подготовки специалистов правоохранительных органов, спасателей, военных и других специалистов экстремального профиля (Е.В. Баева, Е.Н. Зубцова, Ю.С. Калягин, И.Н. Коноплева, И.О. Котенев, А.Г. Романов и др.). Имеется богатый материал в области академических знаний, накоплен разнообразный практический опыт.

Однако осталось много невыясненных вопросов, решение которых позволило бы сделать систему развития профессионализма специалиста правоохранительных органов более эффективной и адресной, соответствующей личностно-ориентированному подходу.

В первую очередь необходимо отметить возникшую потребность в применении психологических знаний в деятельности сотрудников органов внутренних дел таким образом, чтобы вырабатывать умения, необходимые в ситуации профессионального общения, выявлять методы и приемы эффективного взаимодействия, понимать закономерности возникновения стереотипов в профессиональной деятельности, владеть средствами вербального и невербального общения. Реализация данного аспекта напрямую связана с необходимостью выявления структуры

профессиональных способностей, их особенностей, специфики взаимодействия с личностными свойствами, что в свою очередь требует подключения специалистов-психологов. При этом на данный момент отсутствует теоретически обоснованная и практически выявленная структура способностей у специалистов правоохранительных органов в зависимости от уровня развития данных способностей. Это затрудняет распознавание профессиональных способностей на раннем этапе, их прогнозирование, мешает формированию позитивных и нейтрализации негативных тенденций в развитии.

В связи с потребностью эффективного использования личностного и профессионального потенциала сотрудника для решения практических задач возникает потребность при подготовке кадров для правоохранительной службы в организации психологического сопровождения данного процесса, разработки программ по профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию, формированию профессиональных компетенций, способствующих его реализации в профессии с учетом психологических характеристик. Все это может определять более качественный, содержательный, продуктивный уровень профессионального отбора, подготовки и становления специалиста.

Мы видим, что на практике существует рассогласованность:

- между потребностью в психологически грамотном специалисте и отсутствием научно-обоснованной теоретико-прикладной адресной концепции его подготовки и совершенствования в процессе профессиональной деятельности;
- между стремлением к улучшению взаимодействия с населением и недостаточной психологической грамотностью, коммуникативной компетентностью сотрудников правоохранительных органов;
- между стремлением к повышению психологической компетентности специалиста и отсутствием адекватного по своему содержанию психологического содействия.

Таким образом, исследовательское поле в сфере психологической подготовки кадров для правоохранительной службы достаточно широко, и дальнейшая работа по данной проблеме является актуальной психологической научно-практической задачей в настоящее время.

Исследование чести сотрудника полиции как психологического феномена: теоретико-методологический аспект

Николаева В.К.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Санкт-Петербург)

Основной тенденцией последнего времени является необходимость повышения роли духовно-нравственных начал в жизни государства и общества. Современное общество требует более высокого уровня нравственной ответственности от всех

членов общества и особенно от людей, призванных внедрять в жизнь нравственные ценности (Лаврентюк Г.П., 2009) – работников средств массовой информации, педагогов, руководителей коллективов, а также сотрудников правоохранительных органов. Сотрудникам правоохранительных органов зачастую доверяются такие моральные ценности, как честь и достоинство человека, его доброе имя, свобода, а иногда и жизнь.

Выработкой этических норм для своей среды активно занялись представители гражданских корпораций (депутаты, госслужащие, журналисты, бизнесмены). В частности, Кодекс профессиональной этики сотрудника ОВД РФ представляет собой свод профессионально-этических норм и определяет: нравственные ценности, обязательства и принципы службы в органах внутренних дел; профессионально-этические требования к служебному и внеслужебному поведению, взаимоотношениям в служебном коллективе; профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения.

В Кодексе представлена идеальная модель межлических отношений и предпринята попытка решить профессиональные проблемы с позиции теории этики и нравственности в целом. Однако в отношении юридических и ряда других профессий дает о себе знать деонтологическое противоречие, которое проявляется в проблеме соотношения долга и должного (справедливости).

Основными целями ФЗ РФ «О полиции» являются: закрепление партнерской модели взаимоотношений полиции и общества; обеспечение правовых гарантий укрепления законности в деятельности полиции и повышение результативности этой деятельности; усиление антикоррупционной составляющей в деятельности полиции и др. Одним из основных принципов деятельности полиции является соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина (ст. 5 ФЗ РФ «О полиции»). В то же время в данном законе закрепляется принцип, который гласит: «Полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан» (п.1 ст. 9. ФЗ РФ «О полиции»).

В ст. 13 ФЗ РФ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» данного закона отражены требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел. В частности в п. 2. ст. 13 от сотрудника ОВД требуется заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Главное нравственное требование общества к кадрам полиции укладывается в такую формулу: «Точно соответствуйте социальным ожиданиям общества и своему предназначению». Основным критерием, по которому оценивается деятельность сотрудников полиции согласно ФЗ РФ «О полиции», является общественное мнение, выраженное в оценке качества выполнения ими своих функций, а также соответствии

полицейских, их поведения, деятельности и стиля общения с гражданами тому образу профессионала, который сформировался в сознании населения.

Сущность чести сотрудника полиции составляет ее внутреннее содержание. Поскольку это внутреннее содержание крайне сложно и многообразно, каждая наука, исследующая понятие «честь» определяет в нем свой предмет. В тесной связи с комплексным анализом теоретических источников и с их учетом в нашей работе с позиций юридической психологии феноменологический подход требует раскрыть психологическую сущность чести как предмета исследования. Предстоит определить ее структурные и процессные компоненты, психологические закономерности ее становления на личностном индивидуально-психологическом уровне.

Литература

1. Лаврентюк Г.П. О нравственности, совести, пороках и достоинствах, профессиональной этике и рецептах успеха на работе: Учебно-методическое пособие / Г.П. Лаврентюк. СПб., 2009.
2. Приказ № 1138 от 24 декабря 2008 г. «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации».
3. Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции».
4. Федеральный закон РФ от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ».

Установление некоторых психологических характеристик человека по его папиллярным узорам

Соколова О.А.

Московский университет МВД России (Москва)

В практике раскрытия и расследования преступления дактилоскопия более века занимает одно из лидирующих положений. Как известно, одной из основных задач дактилоскопии являются идентификация личности по отображениям папиллярных линий пальцев рук человека.

Параллельно с дактилоскопией изучением папиллярных линий занимается дерматоглифика. В настоящее время наблюдается ее активизация в научном плане. И дактилоскопия, и дерматоглифика изучают один объект исследования – папиллярные линии или гребневые линии (кожный рисунок) на пальцах рук и ладонях (Самищенко С.С., 2006, Майлис Н.П., 2008).

Повышенный интерес к данному направлению очевиден и со стороны психологии. Так для определения характера человека предпринимаются попытки определения его через последние достижения в современной аналитической психологии. Благодаря полученным результатам такие характеристики человека, как открытость (уровень экстраверсии и интроверсии), развитие эмоциональности и логики (уровень лево- и правополушарности), уровень лидерства возможно установить, анализируя рисунок папиллярных линий (Минкин В., 2008-2010).

Изучение формы и сложности рисунка (типа) и психологических характеристик

при определении характера конкретного человека позволили установить имеющуюся между ними взаимосвязь. Как известно, в дактилоскопии и дерматоглифике выделяют 4 основных типа рисунка папиллярных линий. Самый простой из рисунков – дуговой (арочный) тип. Для обладателей данного типа характерна открытость и простота в общении и при принятии решений, действий, восприятие информации находится на интуитивном уровне.

Петлевой тип узора занимает промежуточное положение между дуговым и наиболее сложным – завитковым узором. Обладатели петлевых узоров обладают достаточной гибкостью в принятии решений, могут легко менять свои решения и приспосабливаться к меняющейся обстановке. Об этом свидетельствует и анализ папиллярных узоров долгожителей. Для них характерно преобладание несложных типов узоров: петлевых и дуговых.

Для обладателей завитковых узоров характерна склонность к анализу, усложнение и замкнутость характера. Для сложного типа или атипичного (композиционного) характерно неустойчивое поведение, конфликтность, нестабильность характера. Таким образом, изучение типов папиллярных узоров и их строения позволяет определить некоторые психологические характеристики человека, которые необходимо учитывать при проведении следственных действий в частности и в целом при раскрытии и расследовании преступлений.

В специальной литературе имеются данные, согласно которым характер человека и его некоторые способности, например, экстрасенсорные, устанавливаются по наличию так называемых особых точек или частных признаков, а также среднего расстояния между папиллярными линиями. Общая, интегральная характеристика характера человека дается на основании изучения каждого пальца в отдельности и всех пальцев в совокупности. Следует отметить, что определение психологических характеристик человека и его характера значительно увеличивается при одновременном применении одновременно двух методов: психологических опросников Ю. Айзенка и биометрических методов – дактилоскопический тест Минкина. Проблема дальнейшего использования данной разнопрофильной научной информации заключается в выработке единообразных критериев объективной оценки.

Не вызывает сомнения, что многие из приведенных данных требуют дальнейшего изучения. Представляется, что именно симбиоз таких наук и научных направлений, как психология, физика, математика, логика, психофизиология, дактилоскопия, дерматоглифика и т.п., позволит при изучении рисунка папиллярных линий устанавливать некоторые психофизиологические характеристики конкретного человека. Очевидно, что имеющийся объем информации о критериях оценки характера не дает абсолютного результата. В данном случае целесообразно вести речь о вероятно-статистическом анализе изучаемых признаков, который в настоящее время применяется, в частности, при исследовании почерковедческого материала.

Таким образом, использование данной информации позволит диагностировать некоторые психологические характеристики, что, несомненно, в конечном результате

будет способствовать получению дополнительной личностной информации о конкретном человеке и позволит оперативно раскрывать и расследовать преступления.

Общая характеристика представлений о сопротивлении: анализ содержания

Соловьева А.В.

Московский университет МВД России (Москва)

Жизнь современного человека проходит в сложном изменчивом мире. Экономические и политические реформы, технические нововведения и изобретения неизбежно отражаются на образе жизни людей. Поэтому в условиях современной повседневности, когда общество переживает глубокий кризис, становится существенно значимым проследить логику действий современного человека, и в частности, логику таких действий, которые обеспечивают его устойчивость к воздействиям различных факторов.

Принято считать, что стремление к гомеостазису является основной стратегией личности. Речь в данном случае идет об изначальной адаптивной направленности организма и психики, а также о том, что следование общепринятым образцам, нормам, ценностям дает личности необходимый запас опыта, знаний, умений, навыков для того, чтобы линейно проструктурировать смыслодеятельностное поле. Возможность столкновения индивидуума с критическими ситуациями при этом не учитывается. В тоже время исследования, проводимые под руководством Л.Б. Филонова, показали, что человеческая природа не является полностью послушной. Во всяком случае, готовность принимать предлагаемые воздействия у индивидуумов носит избирательный характер. Оказалось, что индивидуумы специально выстраивают некую систему автономизаций от тех воздействий, которые считают неприемлемыми для себя. К этому необходимо добавить еще и то, что в чистом виде «нормального» поведения не существует. При таких условиях вопросы о мере интенсивности и характере сил, возникающих в ответ на какие-либо воздействия, представляются весьма перспективными.

Хорошо известно, что силы, возникающие в ответ на некие воздействия, в механике носят название сопротивления. Их исследование необходимо для того, чтобы эффективно прогнозировать пределы допустимых нагрузок и характер возможных последствий.

В психологии, говоря о сопротивлении, прежде всего, имеется ввиду психический механизм, препятствующий психоаналитическому проникновению в бессознательное. Кроме того, сопротивление является одним из естественных явлений человеческой жизни, которое нужно пытаться понять, чтобы затем использовать для более эффективного управления. Для реализации заявленной цели в первую очередь ставилась задача проанализировать логику мыслей современного человека относительно данного конструкта.

В исследовании приняли участие 45 человек (от 18 до 20 лет). Характер

выборки обусловлен тем, что в контексте решения задач развития именно для данной возрастной группы особенно актуальным является поиск приемлемых норм поведения, ценностей, образцов, необходимых для успешной адаптации в обществе. В процессе обследования испытуемым предлагалось задание с требованием перечислить собственные ассоциации к слову «сопротивление». Разброс мнений о том, что можно считать сопротивлением, позволил обнаружить 4 основные позиции испытуемых относительно предложенного конструкта:

- Сопротивление, как противодействие (n=30);
- Сопротивление, как противоборство (n=24);
- Сопротивление, как противостояние (n=18);
- Сопротивление, как реакция на воздействие в самом общем виде (n=12).

Таким образом, проведенное исследование позволяет понять, что в представлениях молодых людей сопротивление предполагает три формулы поведения:

- действовать «против»;
- бороться «против»;
- устоять «против».

И наконец, применительно к представленным данным, можно сказать, что в самом общем виде сопротивление представляет собой такую форму реагирования на воздействия, которая, как правило, имеет противоположную к ним направленность. В конечном счете, нетрудно также заметить, что на фоне полученных данных значимость такой проблемы социального характера, как проблема толерантности, резко усиливается. Таким образом, дальнейшая разработка конструкта сопротивления применительно к человеку в условиях современной действительности представляется одним из весьма перспективных направлений в психологии.

Трансформация и модификация систем подбора профессиональных работников в период усугубляющегося мирового кризиса

Стальнова И.А., Стальнов А.Г., Коноплева И.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В последние годы весь мир сотрясают следующие друг за другом финансовые кризисы. В период неустойчивой экономической обстановки предприятия и организации теряют свои профессиональные квалифицированные кадры. Отсутствие понимания, что ждать завтра, сможет ли работник прокормить свою семью, останется ли предприятие, на котором он работает на плаву или обанкротится, приводит к текучести кадров. Профессионалы в своей области ищут более стабильные места для работы, с большим количеством гарантий и социальной защитой. В этой связи трансформируется и модифицируется система и рекомендации по подбору персонала.

По данной проблематике с учетом мировых тенденций и незатихающих экономических потрясений выходит работа Rachel V. Schwartzhoffer «Psychology of Burnout: Predictors and Coping Mechanisms» [4]. В работе изучаются основные аспекты

психологической нагрузки на работника и возможные пути ее снижения. Значительная часть работников сегодня стремится справиться с основными обязанностями по дому, а также с растущими ожиданиями и требованиями на работе. Сочетание рабочих и семейных обязанностей часто приводит к нехватке времени и конфликтам в семье и на работе. В результате, все большее количество сотрудников в современных организациях страдают от стресса, характеризующегося эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением личных достижений. Стрессовое напряжение несет негативные последствия для всей семьи, в том числе это сказывается на снижении положительных эмоций, повышении числа семейных конфликтов и чувстве напряженности между членами семьи. Это также влияет на результаты работы, например, ведет к снижению производительности труда и снижению позитивного отношения к организации, к увеличению количества прогулов. В ответ на эту проблему широкий спектр исследований был направлен на факторы, которые уменьшают стрессовое напряжение, являются социальной поддержкой для таких людей. В работе Rachel V. Schwartzoffer проведен анализ новейших мировых исследований в этой области.

Для организаций, испытывающих нехватку и отток кадрового состава, важным является правильный и квалифицированный отбор новых работников, оптимизация рабочих процессов, взаимозаменяемость работников, подбор высококвалифицированных специалистов при умеренном вознаграждении. Цена ошибки в складывающихся для предприятия обстоятельствах в условиях нестабильной мировой экономики становится максимально высокой и может повлечь полную остановку или даже банкротство организации.

Вопросу подбора квалифицированного персонала в сложившихся условиях и снижению рисков, связанных с наймом неквалифицированного персонала посвящены исследования Cartwright S., Cooper Cary L. и Eric Herrenkohl.

Eric Herrenkohl [2] в своей работе рассматривает актуальные проблемы подбора и отбора персонала. По его мнению, легко найти людей, которые хотят иметь работу, но при этом сложно найти и нанять в самом деле хороших работников. В своем исследовании Eric Herrenkohl показывает руководителям и менеджерам малого и среднего бизнеса, где и как найти хороших сотрудников. Именно таких сотрудников, которые помогут организации сохранить высокое качество и способствовать росту прибыли. Eric Herrenkohl показывает, как использовать существующий маркетинг, продажи и сетевые возможности, чтобы найти хороших кандидатов. Он приводит примеры деятельности компаний, у которых высокая текучесть кадров, компании, в которых не проводят специальный отбор, и шаг за шагом объясняет, как создать эффективные стратегии деятельности в организации. Автор предлагает рекомендации, как найти и нанять руководителей среднего и высшего звена. Herrenkohl является консультантом частных бизнесменов более чем в 50 отраслях, в список его клиентов входят такие крупные корпоративные имена, как Банк Америки, Эдвард Джонес и Northwestern Mutual Life. Хорошие сотрудники – это основа жизнедеятельности любого растущего бизнеса. Руководство Eric Herrenkohl

показывает, где искать, что спросить, кого нанять на работу, чтобы улучшить бизнес сегодня.

Специалисты, работающие в области психологии труда за рубежом, проводят значительное количество исследований, посвященных изучению индивидуальных различий сотрудников и их влияния на деятельность организации. Увеличение количества набираемого персонала для большинства организаций является основной проблемой, влияющей на производительность организации. Характер деятельности и успехи отдельных сотрудников имеют огромное значение для устойчивого развития и финансовой деятельности любой организации.

Cartwright S., Cooper Cary L. [1] выпустили Справочник по психологии персонала, объединяющий вклады ведущих мировых ученых в данной области. В нем собраны аналитические обзоры по самым актуальным вопросам, концепциям и исследованиям в области психологии труда. Справочник включает исследования индивидуальных различий, влияющих на производительность труда и отношение к работе, анализ методик подбора персонала, программы подготовки и обучения сотрудников. Акцент авторы делают на практических рекомендациях для специалистов в области профессионального отбора и подбора персонала.

Еще одно издание – BPP Learning Media Ltd [3] рассматривает стратегии привлечения хороших работников на низкие зарплаты. Авторы предлагают быстрые решения для одной из самых сложных проблем, стоящих перед руководителями сегодня – привлечение большого числа высококвалифицированных специалистов. При нынешнем плотном рынке труда борьба за способных рабочих становится все жестче. Работа демонстрирует оптимальные способы поиска и привлечения знающих и талантливых сотрудников. Рекомендации включают конкретные методы, способствующие повышению уровня удовлетворенности трудом, снижению текучести кадров, уменьшению затрат и увеличению прибыли.

Литература

1. Cartwright S., Cooper Cary L. The Oxford Handbook of Personnel Psychology (Oxford Handbooks in Business & Management). USA: Oxford University Press, 2012.
2. Herrenkohl E. How to Hire A-players: Finding the Top People for Your Team - Even If You Don't Have a Recruiting Department. New York: John Wiley & Sons, 2010.
3. Leading Series: Recruiting, Selecting & Inducting New Staff in the Workplace. United Kingdom: BPP Learning Media Ltd, 2011.
4. Schwartzoffer Rachel V. Psychology of Burnout: Predictors and Coping Mechanisms. United Kingdom: Stratford Books, 2010.

Исполнительская деятельность личности как основание эффективности его труда

Узденова А.М., Семёнова Ф.О.

ФБГОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» (Карачаевск)

Проблема повышения эффективности труда в XXI веке является одной из основных в науке. Являясь междисциплинарной, она находится в фокусе внимания экономики, менеджмента, психологии, педагогики, физиологии, этики и др. Более того, некоторые аспекты трудовой деятельности регулируются законодательно. Так трудовой и гражданский кодексы закрепляют исполнение обязательств, взятых на себя добровольно юридическим или физическим лицом при заключении договора. Что особенно актуально, учитывая тот факт, что любая трудовая деятельность в РФ должна быть оформлена посредством заключения трудового договора.

Однако особенностью современных исследований является их направленность в большей степени, как бы это не парадоксально звучало, на повышение эффективности труда посредством увеличения исполнительности работника. Столь своеобразный выбор способа решения данной задачи обусловлен складывающейся тенденцией пренебрежения своими обязанностями работниками самых разнообразных сфер деятельности. Необходимо отметить, что, не затрагивая вопросы коррупции, данное исследование ограничивается поиском психологических детерминант данного явления, а именно: влияние типа исполнительской деятельности работника на эффективность его трудовой активности.

Под понятием «исполнительская деятельность», вошедшим в активный понятийный аппарат психологической науки в 70 – 80-х гг. XX в., благодаря исследованиям Анисимова О.С., Журавлёва А.Л., Китова А.И., Скворцова В.В., Шелепова Е.П. и др., понимается система (совокупность) методов, приёмов и техник реализации управленческих решений, принятых аппаратом управления, руководителями или коллегиальным органом управления (самоуправления) и доведённых до субъекта исполнения в форме приказов, распоряжений, указаний, поручений, просьб и т.д. (Журавлев А.Л., 2007).

Типологию исполнительской деятельности и исполнителей А.Л. Журавлёва образует система из 8 типов: творческий тип, сверхнормативный тип, нормативный, преобразующий, пассивно следующий, низкомотивированный, уклоняющийся. В основе данных типов лежат специфические сочетания семи основных свойств исполнительской деятельности: целенаправленность – разбросанность (бесцельность) исполнения, заинтересованность – незаинтересованность, самостоятельность – зависимость, организованность – стихийность исполнения, ответственность – безответственность, компетентность (профессиональность) или некомпетентность (непрофессиональность) исполнения, креативность (творческий характер) – рутинность исполнения (Журавлев А.Л., 2007).

Данная классификация была дополнена Галкиной И.А. новыми типами

исполнительской деятельности, выделенными при изучении трудовых коллективов с работниками с высшим образованием, сочетание характеристик которых выходило за пределы классификации исполнительской деятельности А.Л. Журавлёва: «тип долженствования», «энтузиаст» (Галкина И.А., 2009).

Классификация, предложенная А.Л. Журавлёвым, предоставляет все преимущества хорошего инструмента не только в дифференциальной диагностике, но и в профилактике, и более того, в коррекции. Основание, на котором была выдвинута типология исполнителей и исполнительской деятельности А.Л. Журавлёвым, позволяет описывать новые специфичные для той или иной популяционной группы типы, существование которых допускал и сам автор.

Возможность коррекции, а также профилактики формирования низкоэффективных типов исполнительской деятельности и исполнителей поднимает человечество на новую ступень понимания проблемы повышения эффективности труда.

Литература

1. Галкина И.А. Взаимосвязь самооценки личности и характеристик исполнительской деятельности. Дисс. ...канд. психол. наук. М., 2009.
2. Журавлёв А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал, 2007, том 28, №1. С. 6 – 16.

Личностно-психодинамический подход в профессиональной психодиагностике сотрудников органов внутренних дел

Шаповал В.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург)

В современных реалиях «полицейской» реформы факт высокой актуальности разработки валидных и надежных психодиагностических критериев профессионально-психологической успешности сотрудников ОВД, а также более эффективных, по сравнению с имеющимися, методов их оценки не вызывает сомнений. Решение проблемы недобровольных массовых психодиагностических обследований как лиц, поступающих на службу (учебу), так и штатных сотрудников ОВД сегодня не может быть успешным без учета следующих организационно-методологических подходов: 1) уровневый принцип оценки, прогнозирования и представления информации, сочетающий в себе преимущества как патоцентрической (лимитирующей, ориентированной на скрытую психопатологию), так и ресурсоцентрической (ориентированной на личностные ресурсы) диагностики с градацией испытуемых на несколько критериальных групп (категорий) профпригодности; 2) применение эффективных методов психодиагностики, основанных на валидной концепции; 3) использование современных компьютерных технологий; 4) периодическое совершенствование экспертно-диагностической системы на основе психометрической экспертизы и обратной связи, включая разработку новых психодиагностических технологий, учитывающих половозрастные,

этнокультурные и специфические профессиональные особенности различных групп испытуемых.

С учетом изложенного нами для оценки и прогнозирования ресурса профессионально-психологического здоровья и субъектно-профессиональной идентичности сотрудников ОВД в контексте решения практических задач психологического обеспечения был специально разработан Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс» (Шаповал В.А., 2009), базирующийся, как и его прототип – Я-структурный тест (ISTA), на основе гуман-структурологической концепции личности Г. Аммона (Тупицын Ю.Я., Бочаров В.В., Алхазова Т.В. и др., 1998). Данная модель личности максимально интегрирует различные аспекты понимания человека, как био-психо-социо-духовной сущности и позволяет измерять центральные (неосознаваемые) Я-функции личности (агрессия, страх, нарциссизм, сексуальность, внешнее и внутреннее Я-отграничение) в их конструктивном, деструктивном и дефицитарном проявлении с помощью тестовых утверждений, содержащих опыт психоаналитически ориентированного наблюдения. Тест ПОЛО «Ресурс» (2012) – результат многократно проводимой психометрической экспертизы и айтем-аналитической селекции с отбраковкой слабо работающих в ситуации экспертизы и включением новых, близких по смыслу, но более нейтральных в отношении психопатологии, утверждений из более 20 широко известных опросников (СМИЛ, FPI, САТ, Басса-Дарки и др.) и содержащий менее 15% исходных утверждений ISTA. С учетом гендерных отличий было получено 2 варианта теста с разным количеством утверждений: мужской (190 it) и женский (208 it). Кроме 18 шкал, содержательно идентичных ISTA, ПОЛО содержит шкалы достоверности (L, F, K), шкалы, указывающие на имеющийся или возможный тип психической дезадаптации (психосоматический, поведенческий, невротический и тормозимо-депрессивный); интегральные шкалы общей конструктивности, деструктивности, дефицитарности Я-структуры личности и общей социо-психо-соматической проблемности; а также шкалы креативности, профессионально-психологической успешности, профессионализма, непрофессионализма и их производные – шкалы адаптационного потенциала, потенциала психической активности, ресурса психологического здоровья и профессиональной идентичности.

На основе соотношения в принудительно нормализованном Т-приведении показателей интегральных шкал общей конструктивности и общей социо-психо-соматической проблемности, а также профессионализма и непрофессионализма нами был разработан алгоритм градации испытуемых на 4 квалификационных группы психологического здоровья (ГПЗ) и профессиональной идентичности (ГПИ), отражающие уровень прогнозируемой и реальной успешности (в соотношении эффективность/цена) профессиональной деятельности сотрудника. Процентное соотношение итоговых градаций позволяет получить обобщенную качественную характеристику обследуемого контингента, наглядно отражающую интегральный уровень профессионально-психологического здоровья коллектива (от подразделения до министерства).

Литература

1. Шаповал В. А. Психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел как предмет исследования ведомственных психологов: новые подходы к оценке и прогнозированию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, № 3 (43), 2009. С. 232- 246.
2. Я-структурный тест Аммона. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: пособие для психологов и врачей / авт.- сост. Ю.Я. Тупицын, В.В. Бочаров, Т.В. Алхазова и др. СПб., 1998.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

К вопросу о подготовке юридических психологов

Богданович Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В ходе реализации компетентностного подхода в рамках высшего профессионального образования возникает множество проблем, без решения которых подготовка психологов была бы не в полной мере полноценной.

Главной проблемой при написании основной профессиональной образовательной программы является определение системы деятельности психолога, исходя из модели специалиста, выработанной выпускающей кафедрой совместно с работодателями.

С одной стороны, вроде бы все виды деятельности, выполняемые психологом, уже известны. Какой психолог может обойтись в своей практической работе без психодиагностической, консультативной, развивающей деятельности. Не обойтись в работе в юридически значимых ситуациях и без основ клинической беседы, а также психокоррекции и даже хотя бы начал психотерапевтической работы. Есть и специфические умения в области экспертной деятельности, которые позволяют юридическому психологу выступать в роли специалиста в суде.

С другой стороны, такое нагромождение различных видов деятельности требует приведения в систему, что возможно лишь при выделении системообразующего фактора. На наш взгляд им выступает работа психолога с группами, ведь право есть разновидность групповых норм.

Таким образом, необходимо так построить образование студентов, чтобы они включались в различные виды деятельности последовательно, делая акцент на групповые формы оказания психологической помощи.

На факультете Юрической психологии студенты включаются в своеобразные модули, в ходе которых и происходит освоение разработанной коллективом выпускающей кафедры системы деятельности юридического психолога. Каждый такой модуль состоит из теоретических дисциплин и связанной с ними практикой.

Так, учебно-ознакомительная практика сопровождается и сопровождает дисциплину «Введение в специальность», таким образом посещение различных баз практики иллюстрируют знания, полученные в институте, а получаемый там опыт позволяет более глубоко строить взаимодействие со студентами на занятиях.

Более глубокой подготовки требует следующая практика — психодиагностическая. Здесь строится сложный модуль начиная с изучения теоретических основ «Общей психологии», которая сопровождается «Общим психологическим практикумом», где основные психические процессы исследуются с

помощью различных методов психологии. Студенты не только получают необходимый инструментарий, с ними обсуждается так же основные принципы психодиагностической деятельности. Однако акцент здесь делается на инструментарии, чего явно не достаточно для того, чтобы приступить к практической деятельности. Поэтому следующим этапом параллельно с освоением теоретических основ психодиагностики (в ходе преподавания которой тоже оказывается полезен опыт проведения методик), студенты в «Практикуме по психодиагностики» осваивают необходимые практические умения и навыки: установления контакта, работа с запросом, подбор методик под запрос и т.д. И, когда студенты выходят на психодиагностическую практику, они уже в реальных условиях отработывают полученные знания и навыки.

Другой модуль заключается в освоении развивающей деятельности психолога. Уже на первом курсе студенты принимают участие в тренингах, где они получают клиентский опыт. На основе этого опыта основывается преподавание некоторых разделов «Социальной психологии». А затем уже на этой базе студенты в рамках практикума разрабатывают свои тренинговые занятия, которые они проводят на своих однокурсниках, что позволяет с одной стороны получить первичный опыт как тренера, с другой стороны расширить свой репертуар тренинговых методик, а кроме того, получить супервизию преподавателя. Это позволяет в достаточно защищенной форме методически отработать начальные навыки проведения тренинга, осознать свои стилевые особенности как тренера. Кроме того, наблюдение за своими коллегами изнутри процесса позволяет студентам получить дополнительные методические навыки, научиться не только навыкам профессионального саморазвития, но и технологиям поддержки коллег. Интересно, что в таком практикуме интересно проводить лекции как обобщение практического опыта и сопоставление его с прочитанными заранее источниками (основными монографиями по организации тренингов) в форме составления алгоритма составления тренинга под определенный, пускай пока модельный, запрос. На психолого-педагогической практике студенты получают уже реальный запрос и работают с клиентами под наблюдением психологов базы практики. Рефлексивные дневники, которые сдают студенты в составе отчета по практике, позволяют отследить насколько данный модуль был эффективен для подготовки студентов.

На основе этих двух модулей уже прорабатываются модули специальной подготовки. Диагностическая линия продолжается в виде клинической практики, а развивающая — в виде психокоррекционной практики. Кроме того, специальным образом организуется консультативный модуль, который заканчивается психотерапевтическим практикумом.

Но самым важным модулем становится тот, который проходит на самом старшем курсе и заключается в сопровождении стажерской практики (где студент уже выступает как специалист) рефлексивной дисциплиной, целью которого является реализация студентами всей системы деятельности юридического психолога.

Таким образом, на основе модели специалиста выстраиваются основные модули, на которых и формируются практические компетенции юридического психолога.

О формировании диагностического мышления будущих юридических психологов

Бусарова О.Р.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Одним из основных признаков специальной методологии юридической психологии является психотехнический подход. Психотехническая теория в юридической психологии – это, как отмечает Ф.С.Сафуанов, не теория «объекта», а теория практики, теория «психологической работы с объектом». Реализация психотехнического подхода предусматривает внедрение учебных программ, формирующих не только общие (надпрофессиональные), но и предметно-специализированные (профессиональные) компетенции по разным специализациям юридической психологии (Сафуанов Ф.С., 2012). В частности, это относится к психодиагностическим компетенциям, ведь психодиагностика – один из основных видов деятельности юридического психолога. В ювенальной юридической психологии профилактическая и коррекционно-реабилитационная работа с несовершеннолетними основана на диагностике психологических причин отклоняющегося поведения.

К вопросу о схеме прикладного психодиагностического исследования применительно к «трудновоспитуемому и ненормальному ребёнку» обратился ещё Л.С.Выготский (1983). В настоящее время алгоритм диагностико-коррекционной работы с детьми, характеризующимися негрубыми нарушениями поведения и школьными трудностями, разработан и экспериментально проверен в рамках концепции постановки психологического диагноза (Ануфриев А.Ф., 1993). При традиционной системе подготовки психолога, как показало наше исследование диагностической деятельности психологов с разным уровнем квалификации (Бусарова О.Р., 2000), три четверти обследованных студентов четвёртого курса пропускают этап выдвижения диагностических гипотез, являющийся, по мнению специалистов, ключевым звеном диагностического поиска. Те старшекурсники, кто всё-таки формулирует гипотезы, в половине случаев делают это на обыденном языке, не прибегая к психологическим терминам, что затрудняет правильный выбор диагностических методик как средства проверки гипотез. Нами были разработаны специальные упражнения для формирования навыков грамотного построения психодиагностического процесса (Бусарова О.Р., Ковалёнок Т.П., 2002), которые предлагаются студентам факультета юридической психологии МГППУ на занятиях психологического практикума. Развитию данных компетенций способствуют задания, выполняемые студентами на диагностической практике.

Анализ отчётов о диагностической практике студентов второго курса позволил получить представление о промежуточных результатах формирования у будущих юридических психологов целостной психодиагностической деятельности. Рассматривались описания самостоятельной диагностической работы студентов с запросами педагогических работников средних школ и детских садов различного типа на выявление причин психологических трудностей детей и подростков. Проанализировав 14 отчётов, в которых описываются 28 случаев, мы получили следующие результаты:

- все студенты использовали рекомендованную схему диагностического поиска, что позволило предотвратить выпадение отдельных его звеньев;
- все учащиеся выдвигали диагностические гипотезы, причём в основном формулировали их в терминах научной психологии (82%);
- половина студентов ограничивались продуцированием одной гипотезы, почти столько же формулировали две гипотезы и только одна студентка смогла выдвинуть несколько гипотез, достаточно полно охватив круг возможных причин психологических трудностей ребёнка;
- гипотезы в основном проверялись адекватными диагностическими методиками (64%).

На основании полученных данных можно сформулировать выводы:

1. Формирование элементов диагностической деятельности в рамках психологического практикума и их отработка в ходе прохождения студентами-второкурсниками практики позволяют привить будущим юридическим психологам логику диагностического поиска и, в частности, такой важный его элемент при работе с запросами-жалобами, как выдвижение гипотез о психологических причинах неблагополучия обследуемого.

2. Наибольшие трудности у студентов вызывает продуцирование такого числа гипотез, которое позволяет рассматривать несколько наиболее вероятных причин заявленных жалоб, а также подбор диагностических инструментов, адекватных выдвинутым гипотезам. Формированию этих умений целесообразно уделять особое внимание.

Новый федеральный государственный образовательный стандарт бакалавриата по направлению "Психология" помимо общепсихологического практикума предусматривает отдельный практикум по психодиагностике, что открывает новые возможности развития диагностического мышления будущих психологов в рамках этой дисциплины.

Литература

1. Ануфриев А.Ф. Психологический диагноз: система основных понятий. - М., 1993.
2. Бусарова О.Р. Психологический анализ решения диагностических задач (на материале консультирования подростков) Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000.- 162 с.
3. Бусарова О.Р., Ковалёнок Т.П. Введение в психодиагностику. - М., МГАУ им. В.П.Горячкина, 2002. – 30 с.

4. Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства // Собр. соч. в 6 т. - М., 1983, т.5.
5. Сафуанов Ф.С. К проблеме специальной методологии юридической психологии // Научные материалы У съезда Российского психологического общества. - М., 2012. - Т.2. С.432-433.

**Дисциплина «юридическая психолингвистика» в программе подготовки
юридических психологов: содержание и актуальность**

Волкова А.Г.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Калуга)

Дисциплина «Юридическая психолингвистика» вводится на первом курсе специализации «юридическая психология» (предпоследнем курсе обучения). Это связано с необходимостью освоения профильной проблематики, связанной в том числе с проведением судебной экспертизы.

Курс юридической психолингвистики, как видно уже из самого названия, синтезирует знания по трем основным направлениям:

- психологии: знание методов психодиагностики, типов личности и т.п.;
- лингвистики: знание базовых лингвистических терминов, характеристик устной и письменной речи;
- юриспруденции: знание основных понятий, используемых в судебной экспертизе.

Структура курса такова:

Раздел I. Теоретические основы: предмет, цели, задачи, объекты; история развития, порождение и восприятие речи; методы.

Раздел II. Разделы психолингвистики: этнопсихолингвистика, патопсихолингвистика, прикладные аспекты психолингвистики.

Раздел III. Юридическая психолингвистика:

- цели, задачи. Понятие о судебной экспертизе, методы,
- диагностика личности по устной речи,
- психолингвистический анализ письменных текстов,
- речевое манипулирование, вербальная агрессия,
- комплексный подход к исследованию продуктов речевой деятельности.

Первый раздел курса предполагает знакомство с лингвистическими терминами и понятиями, которое включает также актуализацию уже имеющихся у студентов теоретических знаний по психологии. На этом этапе при подготовке к занятиям студентам рекомендуется следующая литература:

Белянин В.П. Психолингвистика. – М.: Флинта: МПСИ, 2009.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997 (или 2001).

Енгальчев В.Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология. Учебное пособие для ВУЗов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2001. – С.399-406.

Второй раздел носит ознакомительный характер: студенты знакомятся с некоторыми разделами психолингвистики, при изучении которых они могут применить уже имеющиеся у них психологические знания.

Третий раздел является самым объемным. Этот раздел предполагает не только систематизацию и получение теоретических знаний, но и выполнение практических заданий, в число которых входят следующие:

- ознакомление с образцами экспертиз;
- прослушивание аудиозаписей, чтение стенограмм и ответы на поставленные вопросы (анализ устного текста);
- чтение текста, ответ на поставленные вопросы (анализ письменного текста).

На данном этапе студенты также систематизируют и пополняют лингвистические знания, необходимые в процессе работы над материалами дел. Для анализа текстов применяются следующие психолингвистические методы: семантическая интерпретация смысла, метод контент-анализа, интент-анализа. Совместно со студентами апробируется метод дискурсивного анализа.

Особое внимание обращается на комплексную экспертизу, проводимую с участием психолога и лингвиста (в некоторых случаях – и других специалистов, например, фоноскописта). Студенты изучают примерную тематику комплексных экспертиз:

- 1) Защита чести и достоинства (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений, неуважение к суду т.д.);
- 2) Разжигание межнациональной и религиозной розни;
- 3) Лингвокриминалистика (идентификация личности по языковым признакам, диагностика личности по продуктам речевой деятельности);
- 4) Речевое манипулирование (реклама, предвыборные технологии, деструктивные культы).

Материалы для анализа предоставляются из архива Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики (НИЦСЭиК) при Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского. Кроме того, обучающиеся в рамках данного курса могут заниматься научно-исследовательской работой (написание курсовых и дипломных работ).

Предложенная структура и содержание дисциплины не являются жесткими: они могут меняться в зависимости от потребностей и изменения стандартов образования. Однако это не уменьшает актуальности предмета: дисциплина дает студентам теоретические знания и практические навыки, необходимые для работы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях, в системе правоохранительных органов.

Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах

Егоров И.А., Сафуанов Ф.С.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Общее образование является важнейшей ступенью для формирования правосознания и правовой культуры, что подтверждается, помимо прочего, Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан и Типовым положением об общеобразовательном учреждении.

Для данной работы был составлен перечень основных показателей формирования правосознания и правовой культуры при обучении в общеобразовательном учреждении:

- 1) юридические знания (показатель А);
- отношение к праву в целом (Б);
- 3) отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм (В);
- 4) ценностные ориентации, регулирующие поведение (Г);
- 5) свобода правомерного поведения (Д).

Было проведено изучение действующих стандартов начального общего образования и основного общего образования (данная работа была проведена в январе-феврале 2012 года, когда стандарт среднего (полного) общего образования еще не был утвержден) с целью выявления в разделах, определяющих требования к результатам освоения основной образовательной программы, показателей, достижение которых могло бы быть индикатором формирования указанных выше показателей.

По результатам анализа, получены следующие результаты:

- показатель А – присутствует в образовательных стандартах в 12 компетенциях (в стандарте начального общего – 5, основного общего – 7);
- показатель Б – 5 (только в стандарте основного общего образования);
- показатель В – 5 (2 и 3 соответственно);
- показатель Г – 33 (13 и 21 соответственно);
- показатель Д – 3 (1 и 2 соответственно).

Выводы:

- в стандарте основного образования выявлено большее количество показателей формирования правосознания, что связано с тем обстоятельством, что обучающиеся по программам основного образования являются более подготовленными, чем обучающиеся в начальной школе;

- показатель Г выявлен в значительно большем количестве, чем остальные – формирование правосознания и правовой культуры в детском возрасте на этом уровне образования должно в большей степени сводиться именно к формированию ценностных ориентаций.

- в стандарте начального образования не выявлен показатель Б, что может быть признано логичным из-за сложности предмета восприятия для детей младшего школьного возраста;

- показатель А по стандартам начального и основного образования имеет различие всего в 2 балла, что, безусловно, требует внимания и, по всей видимости, их увеличения в стандарте основного образования;

- показатель Д выявлен в наименьшем количестве по сравнению с остальными показателями, что, видимо, логично в виду сложности его достижения; в то же время данный показатель является одним из важнейших для формирования правосознания и правовой культуры: сознательное, основанное на совести правомерное поведение и правомерное поведение, вызванное страхом, совершенно отличны друг от друга по механизмам регуляции поступков, что имеет значение для профилактики правонарушений.

Таким образом, можно увидеть, что действующие в настоящее время стандарты начального и основного общего образования в целом соответствуют Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности правосознания граждан и с точки зрения формирования правосознания и правовой культуры имеют серьезное наполнение. В то же время анализ показывает необходимость совершенствования образовательных стандартов по, следующим направлениям:

- увеличение составляющей показателей А и Б, как фундамента, необходимого для достижения других показателей;

- более полное раскрытие показателя В, как имеющего наибольшее отношение к действительности и той социально-правовой ситуации развития выпускников школы;

- глубокая проработка проблемы достижения показателя Д, в первую очередь в личностных и метапредметных результатах.

Реализация стандартов общего образования в аспекте формирования правосознания и правовой культуры требует подготовки школьных педагогов, обладающих как необходимым уровнем правовых знаний, так и знаниями в области юридической психологии.

Литература

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утверждены Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168.
2. Постановление Правительства РФ от 19.03.2001 № 196 «Об утверждении Типового положения об общеобразовательном учреждении» (с последующими изменениями).
3. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».

4. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

Подготовка юридических психологов в области информационных технологий

Жукова М.И.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Современное развитие информационных технологий требует от специалистов любой области большого набора навыков работы с персональным компьютером.

Дисциплина Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности направлена на то, чтобы сформировать у студентов навыки грамотного применения информационных технологий в контексте получаемой профессии, умение автоматизировать свою деятельность при работе с текстом, таблицами, графическими объектами, сопровождающими документы в программе MS Word. Освоить корректный ввод, управление данными и применение при обработке результатов основ статистического анализа в табличном процессоре MS Excel. Получить навыки создания и управления базами данных в MS Access. Овладеть навыками эффективной поисковой работы в Internet и последующей каталогизации найденной информации. Сформировать навыки разработки презентаций в MS Power Point и грамотного ее применения при сопровождении сообщений, докладов, лекций и т.д.

В процессе освоения дисциплины студенты знакомятся с основными современными технологиями, развитием программного обеспечения и областью применения их в практической деятельности.

Данная дисциплина проходит в первых двух семестрах обучения и позволяет сформированные навыки применять не только в будущей профессиональной деятельности, но и в учебной.

Материал разделен на блоки и состоит из тренировочного материала, который выполняется в сопровождении преподавателя при демонстрации материала с помощью мультимедийного оборудования, и заданий для самостоятельной работы. Все задания моделируют реальные задачи, решаемые в процессе работы психологом.

При прохождении текстового редактора студенты не набирают текст с клавиатуры, а получают заготовки. Таким образом, экономя время на механическом внесении информации в редактор, студенты непосредственно отрабатывают приемы редактирования и форматирования информации. Итогом прохождения данного блока является умение работать с большими документами, внедрять и изменять объекты, оформлять научные работы, автоматизировать процесс с помощью записи макрокоманд.

Работа с электронными таблицами в табличном редакторе моделируется несколько задач, решаемых психологом в практической деятельности, такие как обработка результатов психодиагностики, в том числе автоматизация с помощью

записи макрокоманд, графическое отображение результатов, использование различных математических и статистических формул.

Следующий блок дисциплины служит подготовкой студентов к практике публичных выступлений и к последующей научной деятельности. Каждый студент подбирает и согласовывает с преподавателем тему в рамках своего научного интереса, готовит текст и презентацию для сопровождения выступления. В данном модуле студенты учатся искать область своих научных интересов, непосредственно осваивают технические навыки по созданию презентаций и отрабатывают навык публичного мультимедийного выступления.

При работе с базами данных формируется навык грамотной систематизации массива данных, создания и редактирования данных и отображения результатов в различных формах. В процессе обучения работы с базами данных рассматриваются два направления, такие как создание документа в редакторе MS Access и формирование запроса в правовые базы данных. Правовые ресурсы изучаются на примере некоммерческой интернет версии Консультант Плюс. Данный блок формирует навыки работы с клиентской базой и умение ориентироваться в готовых ресурсах для быстрого поиска и отбора информации.

Также в курсе отрабатываются навыки контекстного поиска, сохранение результатов поиска, создание своего информационного пространства, обмен информацией в рамках совместной работы над проектами и получение новых знаний посредством Интернет.

Таким образом, результатом изучения данной дисциплины должны стать способность выполнять профессиональные задачи с грамотным применением информационных технологий, умение приобретать новые знания, высокий уровень информационной культуры.

Подготовка юристов в области юридической психологии

Козырева И.Е.

Башкирский государственный университет (Уфа)

В 1990 году автор данных тезисов была направлена в командировку в г. Москву в НИИ Проблем укрепления законности и правопорядка при генеральной Прокуратуре РФ, где и познакомилась с М.М. Коченовым. Общение было кратковременным, но осталось в памяти, как и встреча с А.Р. Ратиновым и И.И. Карпецом. В кабинете юридической психологии Института права БашГУ, среди портретов ученых, внесших вклад в историю развития психологии и юридической психологии в том числе, есть и портрет М.М. Коченова, как одного из основоположников становления юридической психологии в России.

1990 год – это было время по существу начала превращения юридической психологии в полноценную научную дисциплину, хотя Э. Клапаред ввел в научный обиход термин «юридическая психология» в 1906 году и в том же году начал читать лекции в данном направлении.

Сейчас существует достаточно большое количество учебников и хрестоматий по юридической психологии, переведены на русский язык и опубликованы многие работы по психологии и юридической в том числе, которые являлись мировыми бестселлерами и стали доступны массовому читателю именно в это время. Например, такие работы, как Берон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997; Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999; Аронсон Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. М., 2002; Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб., 2011.

И наконец, в 2012 году состоялся выпуск магистров в Московском городском психолого-педагогическом университете по направлению «Ювенальная юридическая психология».

Все это говорит о несомненной значимости юридической психологии для полноценного овладения профессией юриста.

Не подлежит сомнению, что психологические знания необходимы юристу в той же степени, как и знания правовых дисциплин.

В такой сфере профессиональной деятельности, как юриспруденция, юрист будет постоянно сталкиваться с психологически насыщенными ситуациями, в какой бы сфере он не работал. Ему необходимо хорошо разбираться в психологии личности, умение психологически грамотно разрешать возникающие конфликты, правильно устанавливать психологический контакт, знать закономерности функционирования эмоционально-волевой сферы личности, разбираться в сознательных и бессознательных мотивах поступков и совершаемых преступлений, уметь правильно строить отношения в коллективе, т.е. обладать коммуникативным талантом, разбираться в содержании таких направлений юридической психологии, как СПЭ и пенитенциарная психология, и во многом другом, что способствовало бы наиболее эффективному развитию его профессиональных навыков и давало ему возможность овладевать в полной мере, так не хватающей нашему обществу, в настоящее время, психологической культурой.

Исходя из вышесказанного, можно однозначно утверждать, что количество учебных часов, отводимых на данную дисциплину в учебных планах крайне недостаточно. Даже при наличии функционирования кружка по юридической психологии ряд интереснейших и полезных будущему юристу тем останутся незатронутыми. И существует такая вероятность, что студент, чье внимание не было направлено преподавателем на те или иные актуальные проблемы, находящиеся на пересечении психологии и права, уже никогда на них внимание не обратит.

Таким образом, увеличение количества часов в учебных планах вузов, применение новых современных форм занятий, может послужить воспитанию специалиста, обладающего не только знанием правовых дисциплин, но и психологически образованного, толерантного, дипломатичного, т.е. человека, обладающего психологической культурой.

Как писал Д.А. Леонтьев «психологическая культура помогает человеку лучше понимать свою душу и чувствовать свое тело; не бояться ни смерти, ни жизни;

получать удовольствие от общения с людьми и добиваться при этом своих целей; сводить к минимуму конфликты вокруг себя, а те, что все же возникают быстро и конструктивно разрешать; нравиться окружающим, не угождая им; идти своим путем, не вступая в противоборство; говорить и слушать, понимая больше, чем сказано, в общем, извлекать максимум из того, чем наградили нас Бог или природа, и того, что мы сами приобрели а нашем жизненном странствии» (Леонтьев Д.А., 2007).

Литература

1. Леонтьев Д.А. Журнал Psychologies (Психология), №1, 2007. с. 54.

Роль «общепсихологического практикума» в подготовке психологов

Фадеева Д.А., Моисеева Л.П.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

С каждым годом все больше юридических психологов акцентируются на изучение клинических случаев, связанных с исследованием личности с психическими отклонениями, и все менее интересной для них становится группа «нормы». Все больше чувствуется дефицит в общепсихологических знаниях. На первом курсе студенты изучают пока еще непонятную для вчерашних школьников дисциплину «Общая психология», где многие фундаментальные и столь важные в практике аспекты не понимаются в силу недостаточности их знаний, а затем чаще всего вся эта информация быстро забывается по причине непонятности. И, как следствие, мы имеем отсутствие эмпирических исследований психических явлений с использованием общепсихологических методик, резкое снижение качества или небольшое количество экспериментальных работ, направленных на изучение различных аспектов научной и практической психологии. Кроме того проблемы, такое положение дел вызывает и проблемы в практической работе, с которыми в настоящее время сталкиваются выпускники психологических факультетов.

Также в ходе обучения на первом курсе студенты знакомятся в лучшем случае лишь теоретически с такими важными составляющими работы психолога как морально-этические нормы, правильное заполнение и ведение документации, ответственности перед клиентами, испытуемыми и даже законом.

Исходя из всего вышесказанного, основной целью данной дисциплины является формирование диагностических умений, которые лежат в основе практической и исследовательской работы психолога. Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи:

Усвоить психологические понятия, описывающие различные психические явления, с помощью практических методов.

- ✓ Овладеть навыками практического применения основных методов психологии (беседа, наблюдение, эксперимент) с помощью проблемных задач и практических домашних заданий.
- ✓ Изучить применение методик, направленных на исследование различных психических процессов.

- ✓ Ознакомить с необходимой документацией и принципами ее ведения при проведении различных исследований.
- ✓ Овладеть этическими и моральными принципами при планировании, проведении и анализе психологического исследования.

Для осуществления поставленных задач нами используются практические методы и методики обучения.

К примеру, для овладения навыками планирования и проведения такого метода психологии как эксперимент студентам дается задание придумать и провести свое собственное экспериментальное исследование. Задание не содержит четких целей или указаний на определенные тематики. Студенты получают возможность самостоятельно придумать тему эксперимента, на основании полученных ранее теоретических данных полностью спланировать и провести разработанный ими эксперимент. После его проведения студентам необходимо написать экспериментальный отчет по схеме, предложенной в книге Р. Готтсданкера «Основы психологического эксперимента».

При выполнении данного задания студенты не только усваивают теоретические понятия данного метода, но и получают возможность уже на первом курсе вовлечься в мир исследовательской деятельности, а также развить свои креативные и научные способности.

Приведем еще один пример овладения таким методом психологии как беседа. На аудиторном занятии кроме теоретических основ планирования и проведения указанного метода, нами моделируются различные беседы в контексте юридической психологии, а именно беседа при установлении контакта в начале проведения исследования девиантных подростков, осужденных, подэкспертных, кандидатов на должность в правоохранительные органы и т.д.

Одним из основных видов деятельности студентов в рамках данной дисциплины является ознакомление и проведение различных методик, направленных на изучение психических явлений, оформление на их основе протоколов и написание заключений.

Таким образом, у студентов от занятия к занятию возрастает качественный уровень проведения методик, ведения протоколов, написания заключений, происходит более осознанное оперирование научными психологическими понятиями и терминами. По окончании изучения «Общепсихологического практикума» студенты приобретают не только заявленные в целях навыки и умения, а также начинают более осознанно понимать свои возможности, психические функции и состояния, приобретают навыки взаимодействия при проведении исследований, постепенно формируются их исследовательские интересы.

Специальная подготовка ФГОС специальности «Педагогика и психология девиантного поведения»

Чернушевич В.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Трудность реализации ФГОС по специальности 050407.03 «Педагогика и психология девиантного поведения» (ППДП) заключена в самом перечне компетенций, предлагаемых для освоения. К сожалению, он, обозначая типовые проблемы, в решении которых специалист принимает участие, не раскрывает систему и типологию профессиональных деятельности специалиста.

Для решения данной проблемы необходимо использовать новую для гражданских вузов форму организации учебного процесса - специальную подготовку, на которую вместе с производственной практикой отнесено формирование наиболее значимых компетенций профессиональной подготовки.

Положение о специальной подготовке регламентирует реализацию одного из существенных и по значению, и по объему (13 у.е.) разделов учебного плана. Специфику спецподготовки в отличие от практики или учебного предмета составляет то, что она является **производственной практикой в формате учебного предмета**, т.е. совмещает в себе, на первый взгляд, несовместимое.

В рамках спецподготовки выполнение производственных заданий и инструктивная учебная работа ведутся в один период времени и даже могут пространственно совпадать, полностью или частично (например, вся учебная работа по патопсихологической диагностике может вестись на территории клинического учреждения).

В учебном предмете производственный процесс всегда представлен **частично**. Каждый из предметов (даже практикум), вычленяет свою проекцию в реальной профессиональной деятельности. Например, практикум по психодиагностике не рассматривает проблему установления контакта с испытуемым, а ориентирован на освоение диагностического инструментария. Характеристикой ориентиров к действию, осваиваемых в предмете является обобщенность, **теоретичность**, абстрактность (они еще нуждаются в существенной адаптации к реальной ситуации), **инструментальность** (осваивается инструмент как таковой, а не способы работы с ним и, тем более, - не способы его создания). Конкретные ситуации, выбираемые для демонстрации инструмента, носят модельный, крайне упрощенный характер. В учебном предмете студент ориентирован на **внеситуативные основы** профессиональной деятельности.

Производственная практика имеет свою специфику. Ее характеризует **полнота процесса** профессиональной деятельности. Даже, если практика тематическая (ориентирована на решение какой-то определенной задачи), она все равно решается в контексте всех остальных процессов, необходимых для успешного решения заданной задачи. Например, задачи психодиагностики необходимо привлекают к исполнению задачи установления контакта с испытуемым и субъектами

окружающей социальной среды, как на этапе выявления запроса на диагностическую работу, так и на этапе трансляции ее результатов. Практику характеризует также **конкретность, ситуативность действий и случайность действий**, в рамках выполнения которых осваиваются компетенции. Работа выполняется под **ситуативный запрос** (актуальный в момент пребывания студента на практике) с использованием **ситуативного инструментария** (применяемого на данной производственной базе). На практике студент преимущественно ориентируется на **профессиональный опыт специалиста базы практики** («Забудьте дедукцию, давайте продукцию»).

В рамках спецподготовки предполагается научно-практическая ориентация, что предполагает работу с **типизированными актуальными** запросами (например, на групповое сплочение, проблемы общения, коммуникации, снятие агрессии) в рамках специализации на основе научно-методических разработок ведущей кафедры. В этом случае запрос **реальный, но внеситуативный**. Студент ориентирован на **профессиональный опыт кафедры, но он реализуется им в конкретных условиях запроса базовой организации**. Предварительная отработка запроса происходит на мастер-классе кафедры, там же происходит и рефлексивная проработка каждого шага в осваиваемой деятельности.

Третий, крайне важный аспект особенности спецподготовки, как особого вида учебного процесса - ее **трансляционный характер**. Она являет собой особую форму непосредственного научно-методического взаимодействия практики и университетской науки, при котором происходит трансляция научно-методических разработок кафедры в практику профессиональной деятельности. Агентами распространения научно-методических (деятельностно-ориентированных) разработок становятся студенты. В наиболее совершенном варианте реализации эта трансляция выглядит как два вида мастер-классов: мастер-класс по виду деятельности, проводимый кафедрой для студентов и мастер-класс, проводимый студентами как решение практической задачи на базе практики для специалистов базы. Множество студентов, предполагает и множество баз практики, т.е. множество каналов распространения научно-методических разработок университетской кафедры.

Аутоагрессивные формы поведения подростка с нарушением развития «Я» идентичности (недифференцированным «Я»)

Банников Г.С.¹

Московский городской психолого-педагогический университет

Кошкин К.А.

Московский городской психолого-педагогический университет,

ФГБУ Московский НИИ психиатрии Минздравсоцразвития (Москва)

Введение: Рост различных форм аутоагрессивного поведения среди подростков заставляет вновь обратиться к проблеме развития «Я» идентичности подростка и в частности роли недифференцированного «Я» в их формировании. Гражданская и психологическая идентичность, как устойчивая система мировоззрения, может быть сформирована на базе нормального развития «Я» идентичности, развития дифференцированного «Я», подразумевающего под собой наличие таких качеств как: доверие, автономия, инициатива, деятельность. К сожалению, в последние годы в своей клинической, научно-практической деятельности мы сталкиваемся с ростом феномена «диффузного», недифференцированного «Я» (М. Боуэн) у подростков, одним из проявлений которого являются устойчивые агрессивные и аутоагрессивные формы поведения.

Цель исследования: выявление роли уровня дифференциации «Я» в развитии антивитаальных переживаний и аутоагрессивных форм поведения.

Теоретическая основа: концепция о дифференциации «Я» М. Боуэна.

Результаты: проведен экспериментально-психологический, клинко-психопатологический анализ 60 обращений подростков с антивитаальными переживаниями и аутоагрессивными формами поведения. У 47 подростков уровень дифференциации «Я» был от 0-25 баллов, что соответствовало психологическому механизму слияния, для которого характерно слабое различие чувств, мыслей, фактов, полная ориентированность на отношения, с поиском любви, одобрения, поддерживание отношений в гармонии, плохая адаптация в коллективе, хронический характер проблем. В клинической картине отмечалось преобладание тревожно-фобических реакций, высокий уровень агрессивности, импульсивности, склонности к саморазрушающему поведению, нанесению себе в состоянии аффекта телесных повреждений. В структуре личности этой группы подростков по данным опросника PDQ-IV преобладали нарциссические, пограничные, шизотипические черты характера. Их выраженность в 60% наблюдений находилась в пределах акцентуации характера, а в 40% наблюдений расстройств личности. Кризисная психологическая

¹ Работа этого автора выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№12-06-00719а)

помощь в 90% случаев включала в себя семейную психотерапию и в 35% поддерживающую психофармакотерапию.

Обсуждение: на уровень дифференциации «Я» и в частности на его нарушения развития влияет комплекс факторов: 1. Изменения, происходящие в социальной сфере - размытость, нечеткость границ дозволенного и недозволенного, смещение ценностно-смысловых ориентиров в обществе (изменение отношения к различным формам агрессивного и аутоагрессивного поведения). Дружба естественная подменяется дружбой виртуальной. В жизнь подростка вместе с компьютерными играми входит и виртуальное представление о смерти, подчас заменяя осознание и проживание ее в реальности, через смерти животных, близких людей. Средства массовой информации «способствуют» формированию представления у молодежи о «наилучших» способах решения проблем между людьми (как агрессивных, так и аутоагрессивных форм). Наблюдается героизация и романтизация смерти. Самоубийство или попытка самоубийства становится поступком, выделяющим подростка среди всех других. 2. Изменения, происходящие в системе семейных отношений - размытость и прерванность передачи нравственных ценностей, смещение с воспитания ребенка на его обеспечение, транслируемое ребенку агрессивное, обесценивающее отношение к миру со стороны родителей, рост внутрисемейной агрессии (различные формы насилия). 3. Изменения в протекание возрастных кризисов - повышенная сензитивность, совпадающая с периодом неопределенности и вхождения во взрослую жизнь, размытостью границ «Я», «что я из себя представляю?», «кто я в этой семье, в этом обществе?». Появляются новые возможности, расширяются границы дозволенного, но понимание ответственности, часто не приходит. Наблюдается полярность психических процессов: повышенная самоуверенность, безапелляционность в суждениях быстро сменяется ранимостью и неуверенностью в себе; целеустремленность, настойчивость и импульсивность сменяется неустойчивостью, апатией, отсутствием стремлений и желаний что-либо делать. **Размытость социальных и семейных границ** в период кризиса подростковой идентичности может приводить к развитию личности с «дефицитным «Я», «недифференцированным «Я» (с неразвитой концепцией собственного «Я», социального, идеального «Я»), низким уровнем осознания и различения мыслительных и эмоциональных процессов. Стоит тревоге достигнуть определенного уровня, и автоматические реакции эмоциональной системы начинают происходить независимо от когнитивной активности. Работая с такими подростками, мы сталкивались с тем, что их частой реакцией на фрустрацию или искусственно вызванный регресс являлась агрессия, имеющая всеобъемлющий, диффузный характер при когнитивном сужении сознания. Разрядка агрессии (злости) у подростка с «недифференцированным «Я» в равной степени возможна как вовне, так и на себя. Куда будет направлен агрессивный импульс: на отстаивание автономии, удаления препятствий или барьеров на пути желаемого уровня удовлетворения, либо удаления или разрушения источника глубокой боли или фрустрации, зависит во многом от человека в данный момент выполняющего функцию вспомогательного «Я». Не имея

устойчивых внешних и внутренних ориентиров, подростки с нарушением «Я» идентичности и как следствие гражданской идентичности, могут быть достаточно легко вовлечены в деятельность экстремистских организаций, в зависимости, от цели проявляя агрессивные или аутоагрессивные формы поведения.

Заключение: настоящее положение дел требует, в первую очередь со стороны семьи и образовательных учреждений восстановления института воспитания (а не обеспечения) помогающего подростку обрести себя в этом мире.

Профилактика суицида в подростково-молодежной среде: опыт некоторых западных программ

Бовина И.Б., Бовин Б.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

По данным ВОЗ суицид является одной из двадцати ключевых причин смертности во всем мире. Ежегодно по этой причине умирает примерно один миллион человек. Образность этому показателю придает несколько иная форма его выражения: так, каждые сорок секунд на планете совершается один суицид (WHO, 2012). И хотя, конечно, можно говорить о преобладании этой причины смертности в определенных поло-возрастных группах, тем не менее, на протяжении последних четырех с половиной десятилетий специалистами ВОЗ был зафиксирован повсеместный рост смертности от суицидов, причем - в различных возрастных группах (WHO, 2012).

Этот факт говорит в пользу того, что эта проблема общественного здоровья носит глобальный характер, а для ее разрешения требуется разработка комплексных превентивных программ, опирающихся на знания, полученные представителями ряда социальных наук в отношении суицида.

Направляя фокус нашего внимания на профилактические и превентивные программы, существующие на настоящий момент, можно отметить, что одна из таких действует на международном уровне под эгидой ВОЗ¹.

Одним из основных предназначений данной программы оказание влияния на научное сообщество и на население всего мира с целью продвижения идеи о том, что суицид можно предотвратить. И здесь одной из мер по достижению этой цели является оказание влияния на политическом уровне с целью разработки национальных программ по предотвращению суицида. Выполнение этой задачи, по оценкам западных экспертов, - крайне важно: никакие усилия специалистов в области общественного здоровья не могут быть эффективными, если решение проблемы не подкрепляется соответствующими политическими решениями (Andriessen, 2008).

¹ Существует даже Всемирный день предотвращения суицида, он отмечается 10 сентября. Как и в рамках других программ – например, Всемирного дня по борьбе со СПИДом и др., действия не ограничиваются только одним днем, но объединяют ряд мер, которые реализуются в течение всего года. В этом году отмечается десятилетия этой акции.

В качестве другой глобальной задачи программы ВОЗ в области суицида можно назвать оказание влияния на общественное мнение. Эта мера позволила бы повысить уровень осознания опасности суицида и необходимости предпринять соответствующие действия.

Наконец, к еще одной задаче, на разрешение которой направлены усилия программы ВОЗ с партнерами (в частности, речь идет о Международной ассоциации по предотвращению самоубийств), можно отнести разработку и реализацию целого ряда мер, адресованных тем людям, которые уже предпринимали попытки суицида. Здесь речь идет как о создании кризисных центров, так и о реализации мер на лечение депрессии, а также алкоголизма и наркомании. Кроме того, речь идет о разработке и реализации мер, направленных на социальную поддержку людей с суицидальными мыслями и попытками.

Можно вспомнить, что в США широко используются скрининговые программы для выявления и лечения депрессии, ибо депрессия рассматривается в качестве одного из важных факторов суицида. В фокус внимания таких программ попадают подростки, что позволяет определить уязвимую категорию и затем предпринимать различные интервенции в отношении этой группы (Bae et al., 2005).

В рамках действия Европейского альянса против депрессии (European alliance against depression) существуют аналогичные программы, реализующиеся в различных регионах семнадцати европейских стран. Европейский альянс разрабатывает и выполняет меры на четырех уровнях: *во-первых*, предпринимается работа с терапевтами и педиатрами. Цель, которая преследуется на первом уровне, заключается в обучение этой профессиональной группы тому, как опознать депрессию и выявить суицидальные тенденции в ситуации взаимодействия с пациентами; *во-вторых*, разрабатываются и реализуются кампании по информированию различных групп населения. Информационная кампания предполагает разработку видеоматериалов, рекламных постеров и Интернет-сайтов, ориентированных на соответствующие целевые аудитории. Главная задача здесь – повысить информированность людей о лечении депрессии, снизить стигматизацию людей, страдающих депрессией; *в-третьих*, работа с представителями групп риска предполагает раздачу подросткам, а также людям, предпринявшим попытку суицида, так называемых «карт скорой помощи», гарантирующих незамедлительное получение профессиональной помощи в кризисных центрах. Кроме того, в рамках этого направления оказывается профессиональная помощь самостоятельным группам поддержки. *В-четвертых*, обучающие программы для представителей различных профессиональных групп (в частности – различного рода социальных работников и консультантов, полиции, религиозных деятелей и пр.). Их предназначение – просвещение этих групп в отношении того, что такое депрессия. В том числе в рамках этого же направления разрабатываются специальные меры, ориентированные на родителей и учителей. Их цель – обеспечить этих социальных агентов, оказывающихся рядом с детьми и подростками, информацией о причинении себе вреда и о суицидальном поведении. Наконец, в рамках этого направления

разрабатываются рекомендации для представителей средств массовой коммуникации, относительно того, как освещать случаи суицида, что позволило предотвратить так называемый «имитирующий суицид» (European alliance against depression).

ВОЗ также выступает за более взвешенное освещение случаев суицида в средствах массовой коммуникации (WHO, 2012).

Среди мер, имеющих в качестве целевой группы - подростков, можно отметить программы, разработанные для проведения в школах. Основная цель таких программ – повышение самооценки подростков, развитие навыков по совладанию с кризисными ситуациями, обучение стратегиям по принятию решений, улучшению коммуникативных навыков. Важность именно такого рода образовательных интервенций определяется тем, что трудности подростков, на которые ориентированы указанные меры, являются факторами совершения суицида (Bae et al., 2005).

В 2005 году в рамках европейской конференции под эгидой ВОЗ по проблемам психического здоровья было намечено предпринимать действия в двух направлениях (Henden, 2008): *во-первых*, организация групп помощи, создание телефонов доверия и сайтов – как мера, способствующая снижению суицида; *во-вторых*, выявление специфических групп риска. Выявление палитры групп риска позволяет выявлять соответствующие факторы и разрабатывать стратегии соответствующих мер по предотвращению и профилактике суицида.

Говоря о профилактике, стоит отметить, что программы, адресованные подросткам и молодежи – разнятся. Обращение к подростковой среде, с одной стороны, предполагает учет специфики возраста целевой группы; программы, адресованные молодежи, совпадают с теми, что обращены к взрослой целевой группе. С другой стороны, реализация программ, предназначенных для подростковой аудитории, имеет некоторые организационные преимущества. Дело в том, что с подростками взаимодействуют различные группы взрослых (будь то родители, учителя, социальные работники, представители различных ассоциаций и пр.), таким образом, палитра потенциальных социальных агентов воздействия на подростка значительно шире, чем в случае молодежи.

С достаточной долей условности и формальности можно обозначить следующие виды профилактики¹: первичная, вторичная, третичная (Henden, 2008). В *первом случае* речь идет об общей популяции, тогда профилактика суицида заключается в продвижении ценности здоровья и жизни. Такой вид профилактики адресован широкой аудитории, в том числе группам подростков и молодежи. Сюда же, по мысли Дж.Хендена (Henden, 2008), можно отнести различные образовательные программы в школах, а также на рабочих местах, направленные на повышение осведомленности о суициде.

¹ Мы понимаем, что существующее многообразие программ по профилактике и предотвращению суицида среди различных групп населения, а особенно – среди подростков и молодежи, реализуемых на международном, национальном, региональном и городском уровнях едва ли возможно описать, обращаясь к указанным видам профилактики. Тем не менее, идея сегментации целевой аудитории таким образом имеет свои плюсы, ибо меры воздействия в каждом случае принимают во внимание различные факторы.

Второй вид профилактики – нацелен на тех людей, кто уже предпринимал попытки совершить суицид, ибо наличие попыток является весомым признаком, позволяющим предсказывать последующие попытки (O'Connor et al., 2011). Основная цель, которая преследуется здесь, заключается в помощи клиенту найти выход из кризисной ситуации, преодолеть дистресс, в котором он находится (Henden, 2008). Такого рода интервенции как раз и должны осуществляться в кризисных центрах, а также посредством консультирования через телефон доверия. Кроме этого, здесь же речь может идти о тренинговых программах, адресованных тем, кто имеет опыт попыток суицида. В качестве примера, можно рассмотреть программу, предложенную Ч.Хеннигом с коллегами (Hennig et al., 1998). Ключевая идея заключается в том, чтобы обучить подростков навыкам распознавания симптомов суицида среди своих сверстников, а также соответствующей интервенции. После обучения подростки демонстрировали свою уверенность в том, что суицид не может быть рассмотрен как приемлемый выход из ситуации. Важность такого рода программы, как утверждают исследователи, объясняется тем фактом, что половина тех подростков, имеющих попытки суицида, заявили о том, что они не обращались за помощью к специалистам, но предпочли бы рассказать о случившемся своему другу.

Кроме того, второй тип профилактики предполагает обращение к помощи специалистов в рамках различных психотерапевтических подходов. Так, Хенден предлагает различать клиенто-центрированный подход К. Роджерса, когнитивно-поведенческий подход Дж.Бека, рационально-эмотивную поведенческую терапию А.Эллиса, психоаналитический подход К.Менингер, транзактный анализ Дж.Ортона, экзистенциальную логотерапию В.Франкла, а также психотерапевтический подход, сфокусированный на решении, С. де Шазера.

Наконец, *третий вид профилактики* - адресован близкому окружению суициданта, он преследует цель – помочь близким пережить это события, использовать адекватные способы совладания с трагической ситуацией.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить, что разработка профилактических мер и превентивных программ в области суицида по-прежнему остается одной из приоритетных направлений деятельности как представителей ряда научных дисциплин (суицидология, психология, психиатрия, социология и др.), так и специалистов, взаимодействующих с подростками и молодежью. Заметим, что выполнение многих из задач, указанных выше, предполагает знание социально-психологических закономерностей, ибо речь идет об изменении мнения и поведения, о формулировании стратегии влияния на различные группы, а также о замерах эффективности программ, ибо, как отмечают сами исследователи, зачастую вопрос об эффективности профилактических разработок остается открытым (Hennig et al., 1998).

Литература

1. Andriessen K. Comment améliorer le soutien aux endeuillés après suicide ? Expériences issues du programme national pour les endeuillés après suicide en Flandres belges // Perspectives Psy, 2008, vol.47, N4, pp.. 384-389

2. Bae S., Ye R., Chen S., Rivers P.A., Singh K.P. Risky behaviors and factors associated with suicide attempt in adolescents// Archives of suicide research, 2005, vol.9, N2, pp..193-202.
3. Conner K. R., Duberstein P. R., Eric Y. C., Caine D. Reactive aggression and suicide: theory and evidence//Aggression and violent behavior, 2003, N8, pp.. 413–432.
4. European Alliance Against Depression (www.eaad.net/enu/3699/php)
5. Henden J. Preventing suicide: the solution focused approach. NY: John Wiley and Sons, Ltd., 2008.
6. Hennig C.W., Crabtree C.R., Baum D. Mental health CPR: peer contracting as a response to potential suicide in adolescents// Archives of suicide research, 1998, vol.4, N2, pp..169-187.
7. O'Connor R., Platt S., Gordon J. Introduction// In: International handbook of suicidal prevention: research, policy, and practice/ Eds. by R.C.O'Connor, S.Platt, J.Gordon. Wiley- Blackwell, Oxford, 2011, pp..1-7.
8. WHO: Mental health: suicide prevention (SUPRE), 2012, (http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html/)

Телефон доверия как средство помощи детям и подросткам с алкогольной и наркотической зависимостями¹

Вихристюк О.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Телефонное консультирование особое значение приобретает в ситуации, когда очная психологическая помощь по разным причинам невозможна. Преимущества телефонного консультирования – это сведение до минимума влияний извне на человека, доступность, анонимность, конфиденциальность, экстренность оказания помощи. Обращение ребенка на Телефон доверия не опосредованно влиянием родителей или иных взрослых и, поэтому телефонное психологическое консультирование становится одной из реальных форм помощи ребенку, оказавшемуся в кризисной ситуации.

Детский телефон доверия предназначен для детей, их родителей, иных взрослых испытывающих одиночество, страхи, тревогу, обеспокоенных ситуацией, складывающейся в жизни ребенка. Абоненты Телефона доверия обращаются по вопросам развития, обучения, воспитания, детей. Часто на Телефон доверия обращаются абоненты по поводу различных видов аддикций, в т.ч. и приема психоактивных веществ, алкоголя. В среднем в год поступает около четырехсот таких обращений. Тематика обращений распределяется следующим образом:

- алкогольная зависимость – 39%;
- наркотическая зависимость – 31%;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№12-06-00719а).

- смешанные аддикции – 10%;
- компьютерная зависимость (Интернет) – 7%;
- игровая зависимость (компьютер, приставки) - 7%;
- табакокурение – 5%;
- токсикомания – 1%.

Чаще всего обращения со стороны взрослых (родственников, ближайшего окружения ребенка, соседей) поступают по поводу алкогольных и наркотических зависимостей. Стоит отметить, что обращения от детей чаще всего связаны с наркотическими аддикциями, реже - с алкогольными. Обращения взрослых, напротив, чаще содержат вопросы по поводу алкогольной зависимости.

Обращения от детей и подростков по поводу приема психоактивных веществ поступают гораздо реже (взрослые – 92%, дети - 8%).

От абонентов в возрасте до 18-ти лет чаще всего наблюдаются две категории обращений – «беспокойство по поводу наркомании или токсикомании близких друзей, родственников» и «беспокойство по поводу собственного употребления наркотиков или иных психоактивных веществ».

Обращения со стороны родителей почти всегда содержат утверждения о том, что их сын или дочь употребляют те или иные наркотические вещества.

Обращения от других взрослых содержат либо заявления о фактах употребления наркотических веществ соседями, родственниками и т.д., либо просьбы разъяснить, по каким признакам можно установить факт приема наркотиков.

Среди обращений по поводу злоупотребления алкоголем также наблюдается преобладание запросов от родителей и других взрослых. Запросы детей и подростков в большинстве случаев, связаны с беспокойством об употреблении алкоголя друзьями или родственниками. Запросы родителей почти во всех случаях связаны с употреблением алкоголя детьми, причем нижний возрастной порог детей – 11 лет. Обращения со стороны других взрослых связаны либо с беспокойством об употреблении алкоголя близкими детьми либо самими обратившимися.

Основной задачей телефонного консультанта в процессе работы с абонентом, обратившемся по поводу алкогольной, наркотической и других видов аддикций, является мотивирование клиента на обращение за очной медицинской, психологической помощью.

Функциями телефонного консультирования в оказании помощи по проблемам зависимостей от психоактивных веществ, в том числе являются: информационная, поддерживающая, профилактическая. Информационная функция реализуется через рекомендации психолога абоненту обратиться за медицинской (либо иной) помощью, сообщив соответствующие контакты. Кроме того, психолог может информировать абонента о специфических маркерах, стадиях того или иного вида зависимости, видах и формах помощи при аддикциях и т.д. Поддерживающая функция заключается в том, что психолог оказывает эмоциональную поддержку абоненту в его желании бороться с проблемой (либо собственной, либо близкого человека). Для психолога важно сформировать или усилить мотивацию отказа от наркотиков/алкоголя. Без

доброй воли абонента, даваемые рекомендации не будут востребованы. Профилактическая функция заключается в том, что посредством телефонных консультаций психолог имеет возможность своевременно выявлять случаи употребления психоактивных веществ, алкоголя в подростковой среде и вести разъяснительную работу о вреде их употребления, мотивировать абонентов обращаться за специализированной помощью.

Стили деятельности руководителей тушения пожара в экстремальных условиях

Ковтун Е.В.

ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Пермскому краю» (Пермь)

Служебная деятельность руководителя тушения пожара (РТП) характеризуется наличием экстремальных условий и воздействием разнообразных стрессогенных факторов (М.И. Марьин, В.Л. Марищук, А.П. Самонов). Это предъявляет повышенные требования к их индивидуальности и стилю деятельности, которые обеспечивают успешность в экстремальных условиях.

Известно, что интегральная индивидуальность в деятельности человека выполняет адаптационную функцию, позволяющую человеку путем выработки индивидуального стиля деятельности наиболее гибко приспособиться к постоянно изменяющимся условиям. Стил деятельности в Пермской психологической школе рассматривается как целостное системное образование, многоуровневое и многокомпонентное, направленное на достижение успеха в деятельности и детерминированное разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности (В.С. Мерлин, Б.А. Вяткин, М.Р. Щукин и др.).

Цель исследования - выявление стилей деятельности, их структуры, детерминированности разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности. В исследовании приняли участие 116 РТП. На основе метода экспертных оценок успешности боевой деятельности было выделено две группы: более успешных и менее успешных. Затем с помощью факторного и кластерного анализа в группе и более успешных РТП было выделено 3 стили деятельности.

РТП с рационально-оценочным стилем деятельности используют оценку обстановки при разведке на пожаре, точно выбирают направление тушения пожара, умело производят расстановку сил и средств. Совладающее поведение характеризуются ассертивными действиями. Осознанно планируют деятельность. Легко перестраивают программы действий. Гибко реагируют на изменение событий и успешно решают поставленную задачу в ситуации риска. Развиты нейробиодинамические процессы, эмоционально устойчивы, доминантны, рациональны, умеют взаимодействовать с социумом.

РТП с аналитико-прогностическим стилем деятельности используют анализ деятельности, хорошо прогнозируют и планируют действия при подготовке к тушению, проявляют оперативность в принятии решений. Совладающее поведение характеризуются выбором стратегий не прямых и жестких действий. Самостоятельно

планируют, анализируют и оценивают деятельность. Умеют выделять значимые условия достижения целей, гибко изменять модель и программу действий. Развиты нейропсиходинамические процессы, эмоционально устойчивы, доминантны, проницательны, активны.

РТП с контрольно-практическим стилем деятельности быстро осуществляют боевое развертывание, при локализации и ликвидации пожара лично производят разведку, прогнозируют и планируют действия при подготовке к тушению, проявляют оперативность в принятии решений. Совладающее поведение характеризуется стратегиями не прямых действий с жесткими действиями и избеганием. Продумывают способы своих действий для достижения намеченных целей. Программы разрабатываются самостоятельно, гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех. Развиты нейропсиходинамические процессы, эмоционально устойчивы, доминантны, обладают высоким самоконтролем.

Выделенные стили деятельности успешных РТП равнозначны, так как все они ведут к успеху в боевой деятельности, хотя и отличаются структурной организацией и детерминантами.

Литература

1. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. — М. : Наука, 1998. — 192 с.
2. Полисистемное исследование индивидуальности человека./ Под ред. Б.А. Вяткина – М., ПЕРСЭ, 2005. – 384с.
3. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы/ Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд «Институт психологии РАН», 2008 - 474 с.

Профессиональный отбор и внедрение новейших технических средств в работе с персоналом силовых структур Украины

Колесниченко А.С.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

На современном этапе развития украинского общества все острее встает проблема надежного функционирования всех звеньев силовых структур. Данное обеспечение зависит, в первую очередь, от готовности и способности персонала силовых структур на должном уровне выполнять свои профессиональные обязанности. В связи с этим особое значение приобретает задача создания эффективной системы обеспечения надежности специалистов. Именно то обстоятельство, что у нас не существует системы, которая бы учитывала особенности социально-экономической и политической ситуации в обществе и объективные возможности активизации резервов «человеческого фактора», негативно отражается на выполнении главной задачи кадровых органов - обеспечение высокого уровня профессионализма персонала силовых структур Украины (Кокун О.М., 2004, Макаренко Н.В., 1996).

Одной из первоочередных задач, которую необходимо решить для того, чтобы повысить эффективность функционирования силовых структур Украины, является укомплектование подразделений. Выполнить эту задачу невозможно без периодического контроля функционального состояния сотрудника и определения объективных критериев, характеризующих качественный состав подразделения (Кокун О. М., 2004).

Одним из критериев, который иллюстрирует реальное состояние профессионального соответствия и надежности персонала, является текучесть кадров. Характеризуя данный показатель, можно выделить следующие его составляющие: увольнение работников по выслуге лет; увольнении по состоянию здоровья; нежелание продолжать службу через различные социальные и профессионально значимые мотивы; дисциплинарные нарушения и т.д. (Макаренко Н.В., 1991).

Отметим, что традиционным методам психологической и психофизиологической диагностики, которые используются соответствующими службами в профотборе кадров, не хватает достаточности и полноты научно-методического и материально-технического обеспечения и связи с их отсутствием, цель которых является не только разработка и внедрение в практику новейших приборов и комплексов, но и подготовку, и переподготовку соответствующих специалистов. Фактически отсутствует планомерная система по накоплению банков данных, на основе анализа которых профессионально, на надлежаще научном уровне осуществлялась бы рестандартизация существующих; разработка и стандартизация новых тестов и «тестовых батарей», написание и издание соответствующих методических пособий, учебной и справочной литературы и т. п. (Кокун О.М., 2004, Макаренко Н.В., 1996).

Объективно эффективным является внедрение в процедуру профессионального отбора специальных психофизиологических исследований, а именно: 1) диагностики нейродинамических, индивидуально-типологических и личностных характеристик индивида; 2) углубленных полиграфных опросов (полиграфный скрининг) по методикам, составленным на основании предварительно полученных данных (Экман П., 2003). Такой подход обеспечит экспертам возможность максимально индивидуализировать и валидизировать процедуры построения и реализации скрининговых опросов. В свою очередь, это позволит алгоритмизировать процесс разработки скрининговых проверок, то есть проявлять информацию о кандидате, которую он по каким-то причинам пытается скрыть во время обследования.

Литература

1. Кокун, О.М. Оптимізація адаптаційних можливостей людини: психофізіологічний аспект забезпечення діяльності / О. М. Кокун. - К.: Міленіум, 2004. - 265 с.
2. Макаренко, Н.В. Психофизиологические функции человека и операторский труд / Н. В. Макаренко. - К. : Наук. думка, 1991. - 215 с.
3. Макаренко, Н.В. Теоретические основы и методики профессионального психофизиологического отбора военных специалистов / НИИ проблем военной

медицины Украинской военно-медицинской академии / Н. В. Макаренко. - К., 1996. - 336 с.

4. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб: Питер, 2003. - 270 с.

Представления молодежи о наркотиках и наркозависимых¹

Коноплева И.Н., Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дебольский М.Г., Дворянчиков Л.А.
Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва)

В отечественной и зарубежной психологии изучается влияние на употребление наркотиков семьи и референтной группы, исследуются личностные факторы, провоцирующие молодых людей на употребление наркотиков и препятствующие ему, рассматриваются доминирующие мотивы и мотивировки употребления наркотиков. Издавна предпринимались попытки понять, почему люди приводят себя в состояние наркотического опьянения, что заставляет их добровольно вредить своему здоровью. Современные ученые достаточно подробно разработали объяснения мотивации употребления наркотиков и возникновения наркотической зависимости и выделили 3 группы факторов наркотизации: социологические, включающие влияние общества и семьи; биологические, объясняющие склонности к злоупотреблению особенностями организма и особой предрасположенностью; и психологические, рассматривающие особенности и отклонения в психике. Иногда еще добавляют культурологические аспекты наркотизма, т.к. влияние определенной культурной традиции употребления наркотиков позволяет объяснить мотивы, не поддающиеся объяснению тремя перечисленными факторами.

Новой редакцией Уголовного кодекса легализованы приобретение, хранение, перевозка, переработка и даже изготовление всех видов наркотиков в размере до 10 доз, как мягких, так и жестких, при отсутствии у виновного цели их сбыта (ст. 228 УК РФ). При этом сужаются границы уголовно наказуемой пропаганды наркотиков – разрешена теперь пропаганда применения инструментов и оборудования, используемых для применения наркотиков, в целях профилактики ВИЧ-инфекции и других опасных инфекционных заболеваний (см. примечание к ст. 230 УК РФ).

По данным многочисленных социологических исследований каждый второй заявляет, что узнает о наркотиках из прессы. Подобная реклама оказывает пагубное воздействие в первую очередь на подростков с их еще не сформировавшейся психикой, быстрее поддающейся влиянию путем стимулирования интереса к потреблению наркотиков. Все чаще фиксируются случаи осознанной пропаганды наркотиков некоторыми представителями средств массовой информации, лицами, имеющими серьезное влияние на молодежь, прежде всего звездами рок-музыки и культуры. Таким образом, СМИ стали одним из основных источников распространения молодежной наркотической субкультуры.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№12-06-00719а)

Постоянно растет число пользователей интернета, активно развивается именно подростковый и молодежный сегмент этой аудитории. Поисковики дают почти 20 млн. ссылок на слово «наркотики». На страницах сайтов подробно рассказывается о способах приготовления наркотиков в домашних условиях, умышленно преуменьшается вред от их употребления, предлагаются к продаже предметы наркотического обихода, приводятся рассказы о положительном опыте употребления разных видов наркотических веществ.

Целью нашего эмпирического исследования явилось изучение представлений о наркотиках и наркозависимых в молодежной среде. Выборку эмпирического исследования составили студенты, обучающиеся на 4 курсе юридического факультета. Юноши и девушки в возрасте от 20 до 25 лет.

На первом этапе исследования студентам было предложено ответить на вопросы анкеты, собиралась информация о социально-демографических характеристиках испытуемых, приоритетах в интересах, увлечениях, отношении к наркомании и осведомленности о различных сторонах наркопотребления. На втором этапе была проведена методика ЦТО (А.М. Эткинд) для изучения эмоционального отношения к наркоманам и наркомании, и исследование с помощью методики Ш. Шварца (2) для изучения индивидуальных ценностей личности. Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, были обработаны с помощью статистических методов обработки данных.

Результаты методики ЦТО показали, что эмоциональное восприятие людей, употребляющих наркотики и психоактивные вещества является негативным. Как мужчины, так и девушки заявили, что плохо относятся к наркотикам и наркозависимым.

Молодые люди выразили негативное отношение к таким понятиям, как опасность, угроза, курящий человек, преступник, ровесник, употребляющий спиртные напитки, больной человек, зло, несчастный человек, зависимость, наркотик, а также крайне негативно оценили отношение к таким понятиям как ровесник, употребляющий психостимуляторы, страх, неприятный человек, ровесник, употребляющий наркотики.

Мужчины, кроме отношения к наркотикам, показали также негативное отношение курящему человеку, причем ярче выраженное, чем к употребляющему спиртные напитки.

Девушки дали несколько отличные результаты, показав высокие значения негативного отношения к людям, употребляющим спиртные напитки, преступникам.

При проведении кластерного анализа понятий, использованных при проведении ЦТО, сложно выделить четкие подструктуры, но можно проследить явное разделение на кластерные группы.

Первая подструктура – это положительно окрашенные понятия, куда включаются позитивные характеристики – «доброжелательность», «привлекательность», «честный человек», «ответственность» и некоторые самоидентификационные понятия: «я», «мое будущее», «я-идеальное».

Представления о себе в будущем связаны с «идеальной работой» и характеристиками, приоритетными для данной ценности – «честный человек», «ответственность».

Данный субкластер включает в себя еще несколько подгрупп. Одна из них содержит связь «спорта» и «веселья» с «образом матери»; вторая подгруппа состоит из взаимосвязи «свободного времени» с «добром», «доброжелательностью» и «искренностью»; третья группа формирует «образ женщины», связанный с «удовольствием» и «экстримом». Таким образом, субкластер характеризуется позитивным отношением к здоровому (спортивному) образу жизни.

Второй большой кластер мы охарактеризовали как отношения к психоактивным веществам. В нем можно проследить разделение на более мелкие субкластеры, но общее отношение к данным средствам заметно негативное. Понятие «наркотики» связано с понятием «зло». Более подробную градацию можно наблюдать, рассматривая отдельные виды ПАВ. «Ровесники, употребляющие наркотики», «психостимулирующие вещества», «спиртное» связываются с такими характеристиками, как «нечестный», «неискренний», «неприятный человек», «недоверие», «больной человек».

Помимо этого, данный кластер включает в себя негативно окрашенные понятия «недоверие», «неудовольствие», «слабость», «неуспех», «преступник», «угроза», «непривлекательность», «избегаю быть таким». Данные связи понятий позволяют говорить о том, что респонденты негативно относятся к зависимостям, данные ценности имеют низкий приоритет.

Можно предположить, что наркотики в ситуации нечеткости ценностно-смысловых ориентаций делают неактуальными субъективно лишённые смысла повседневные дела и дают субъекту некие новые ощущения, переживания, в том числе и те, которых нет в реальной жизни. Ценностные ориентации выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности. Ценности носят двойственный характер: они социальные, поскольку исторически и культурно обусловлены, и индивидуальные, поскольку в них сосредоточен жизненный опыт конкретного субъекта.

Проблема употребления наркотиков молодежью остается актуальной для современной России. Различные способы преподнесения недифференцированных по своему содержанию сведений о наркомании, используемые в целях профилактики молодежного наркотизма, ведут к противоречивости представлений о наркомании у молодых людей. Резко отрицательное эмоциональное отношение к людям, употребляющим наркотики, часто совпадает с интересом к употреблению таких веществ. Представляется, что для создания программ эффективной профилактики необходим регулярный мониторинг представлений современной Российской молодежи о наркотиках и наркопотреблении.

Профессиональные факторы психической дезадаптации сотрудников правоохранительных органов

Корехова М.В., Новикова И.А., Соловьев А.Г.

Северный государственный медицинский университет (Архангельск)

Правоохранительная деятельность относится к числу профессий, характеризующихся одним из наиболее высоких уровней экстремальности и профессионального стресса, вследствие чего сотрудники правоохранительных органов могут быть отнесены к группе риска развития психической дезадаптации (Дубак Е.А., 2008; Спиркин В.С., 2009; Корехова М.В., 2012). Особую роль при этом играют профессиональные факторы.

С целью выявления профессиональных факторов психической дезадаптации сотрудников правоохранительных органов было обследовано 159 сотрудников ОВД по Архангельской области (подразделение охраны общественного порядка (ПООП) и подразделение оперативно-розыскной деятельности (ПОРД)).

Использовались методики: анализ личных дел; анкета, выявляющая социально-демографические характеристики, анкета профессионального стресса; методика организационного стресса Мак-Лина, методика МЛЮ-АМ «Адаптивность», тест Спилбергера-Ханина, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В.Бойко, краткий ориентировочный тест В.Н.Бузина.

Установлено, что сложности в процессе адаптации наблюдались у 8,7% сотрудников ПОРД и 7,0% – ПООП. Расстройства сна, повышенная утомляемость, снижение способности к продолжительному физическому и умственному напряжению отмечались у 4,4% сотрудников ПОРД и 8,0% ПООП. Высокий уровень нервно-психического напряжения, агрессивность и нарушение морально-нравственной ориентации были обнаружены у 6,0% – ПООП, данного показателя у сотрудников ПОРД не выявлено. Сотрудники ПОРД в сравнении с сотрудниками ПООП имели более выраженные признаки психической дезадаптации (снижение адаптационных способностей, высокий уровень организационного стресса, высокая личностная тревожность).

Стрессогенность условий служебной деятельности оказывает влияние на психологическое состояние сотрудников, вызывая дезадаптационные нарушения. Явления психологической дезадаптации наиболее часто отмечались у сотрудников, которые были в командировках в Северо-Кавказком регионе (СКР). Среди сотрудников, бывших в командировках в СКР, каждый шестой имел признаки социальной и психологической дезадаптации, ухудшение сна, снижение аппетита, отсутствие мотивации к профессиональной деятельности, высокий риск профессионального выгорания, признаки повышенной агрессивности, конфликтности, частую перемену настроения, интересов, низкий уровень коммуникативных способностей, проявления организационного стресса.

Стаж профессиональной деятельности является важной детерминантой в развитии явлений психической дезадаптации. Наиболее выраженные проявления

психологической дезадаптации отмечались у сотрудников со стажем работы до 5 и свыше 15 лет. 13,2% сотрудников со стажем работы свыше 15 лет имели трудности в процессе адаптации, низкую нервно-психическую устойчивость; 22,5% □ обладали высоким уровнем личностной тревожности; у 19,5% была сформирована фаза резистенции синдрома эмоционального выгорания и у 4,9% □ фаза истощения находилась в стадии формирования. Сотрудники со стажем до 5 лет успешнее справлялись с возникающими трудностями адаптации.

Таким образом, у сотрудников правоохранительных органов психическая дезадаптация детерминируется такими профессиональными факторами как: профиль профессиональной деятельности (ПОРД), стрессогенность условий служебной деятельности (участие в командировках в СКР); стаж работы до 5 лет и свыше 15. Полученные данные необходимо учитывать при проведении профилактики психической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Дубак Е.А. Некоторые проблемы психологической реабилитации сотрудников ОВД. // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. № 2 (33). С. 57-60.
2. Корехова М.В., Соловьев А.Г., Новикова И.А Профилактика психологической дезадаптации у сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – №1 (48). – С. 66-71.
3. Спиркин В.С. Понятие и основы подготовки сотрудников правоохранительных органов при ликвидации чрезвычайных происшествий, связанных с террористическими актами. // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. – С. 124 -130.

Опыт организации профилактики суицидов среди студентов на психологической службе вуза

Кузнецова С.А.

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

Проблема эффективности профилактики суицидов среди молодежи особенно остро встала в нашей стране в текущем году. В силу множественности причин суицидального поведения, принимаемые профилактические меры (юридические, социальные, медицинские и др.) должны иметь комплексный характер. Важным является вопрос о необходимых и возможных в рамках деятельности психологических служб в образовательных учреждениях мер профилактики молодежных суицидов. Насущной задачей является обмен опытом реализации существующих программ психологической профилактики.

Многолетние настойчивые пожелания сотрудников кафедры психологии Северо-Восточного государственного университета создать психологическую службу встретила понимание у нового руководства университета после суицидальной попытки несовершеннолетней студентки - первокурсницы в 2008 г. Общей целью

созданной психологической службы является сопровождение процесса обучения студентов путем оказания бесплатной психологической помощи. Однако профилактика суицидов среди студентов является одной из наших центральных задач.

Особое внимание в деятельности службы уделяется группе риска - категории студентов, испытывающих серьезные трудности в социально-психологической адаптации в вузе, которые могут привести к негативным последствиям. Проблема заключается в том, что группа риска – это динамичная группа с подвижными границами, которую нельзя выделить раз и навсегда. Вследствие этого, работа по ее выявлению должна проводиться постоянно. Мы считаем, что наиболее целесообразно эту функцию возложить на кураторов учебных групп, так как они находятся в постоянном контакте с учебной группой и по своим обязанностям должны оказывать поддержку студентам. Психологическая служба ежегодно на каждом факультете проводит специальные семинары для кураторов. Содержанием семинара является ознакомление с причинами трудностей социально-психологической адаптации, обсуждение вопросов организации работы по выявлению группы риска, а также организации индивидуальной работы по преодолению кризиса, в том числе путем оказания помощи на психологической службе вуза. Целью семинара является установление контакта и отношений сотрудничества психологов службы с кураторами, выработка общей позиции, создание у кураторов ориентировочной основы осуществления профилактической работы.

Так, причины трудностей социально-психологической адаптации мы схематически объединяем в основные группы: 1) приводящие к хронической неуспешности в учебной деятельности; 2) приводящие к хронической неуспешности в общении. Усугубляют трудности адаптации те причины, которые затрудняют доступ к социальной поддержке. Причинами неуспешности в учебной деятельности являются, во-первых, слабая учебная и познавательная мотивация. Она может быть следствием проблем в профессиональном самоопределении, влияния конкурирующей деятельности или конкретной ситуации, при которой проблемы в другой сфере выходят на первый план. Во-вторых, причинами неуспешности в учебной деятельности может быть слабая академическая подготовка, недостаточные способности. В-третьих, такой причиной может быть слабое здоровье (хронические заболевания, инвалидность). Среди причин неуспешности в общении могут быть обозначены индивидуально-психологические и социально-психологические причины. К индивидуально-психологическим причинам относятся, например, акцентуированность черт личности и т.п.). Кроме этого, затруднять общение могут особенности здоровья, например, инвалидность, психические заболевания, в частности, депрессия. К индивидуально-психологическим также относятся другие особенности, сильно выделяющие студента из группы, например, особенности внешности, принадлежность к каким-то меньшинствам и т.п. К социально-психологическим причинам относятся: семейное неблагополучие, конфликты, отсутствие семьи у студентов из числа сирот и лишенных родительского попечения,

отдаленность от семьи, как у иногородних студентов; особый, неблагоприятный социально-психологический климат в учебной группе; конфликты в общежитии; конфликты с преподавателями, а также слабо развитые коммуникативные навыки и другие причины. Проблемы возникают и нарастают по механизму замкнутого круга: например, проблемы, связанные с недостаточной академической подготовкой, приводят к неуспеху в учебе, что вызывает падение мотивации, студент «запускает» учебу, а это в свою очередь, ведет к дальнейшему неуспеху и т.д. Другой вариант заключается в том, что проблемы с общением, вызванные индивидуальными особенностями (например, тревожность, сензитивность, робость), приводят к социально-психологическим проблемам (низкий статус в группе, мало контактов), а это в свою очередь, усугубляет те же индивидуальные особенности.

Далее мы знакомим кураторов со стратегиями преодоления трудностей адаптации к вузу (как и к любой другой трудной жизненной ситуации). Конструктивными стратегиями являются сознательные, рациональные, ответственные решения студента, проявляющиеся в активном преобразовании ситуации в деятельности, в поведении и решении проблемы. Другим вариантом являются изменения установок, системы оценок, которые позволяют создать более позитивный взгляд на ситуацию и выработать новое отношение к ней. Такие стратегии, как правило, поддерживаются значимыми людьми. Деструктивными являются стратегии, приводящие к социально-психологической дезадаптации. Это избегание проблем, пассивно-страдательная позиция, конфликтность, враждебность, нездоровая конкуренция; самопоражающие, аутоагрессивные действия. Они имеют последствия в виде изоляции от группы, отчисления, ухода студента из университета, нарушений психического и психосоматического здоровья; девиантного (отклоняющегося) поведения – злоупотребления психоактивными веществами, криминального поведения, суицидального поведения. Наибольшую опасность представляет суицидальный риск, и к любым сведениям о мыслях и намерениях следует относиться самым серьезным образом.

Предлагаемыми кураторам методами выявления студентов группы риска являются анализ документов (анализ сведений об успеваемости, в частности, результатов рейтинга, посещаемости занятий, сведений из личных дел студентов); наблюдение (за поведением студента в группе во время личного контакта с группой, общественных мероприятий); беседа (с преподавателями, и непосредственно со студентом). Очень важно, чтобы эта работа кураторов не нарушала контакта со студентами. Признакам нарушения адаптации, на которые может обратить внимание куратор, являются, во-первых, трудности в учебной деятельности: пропуски занятий, низкие баллы по рейтингу, жалобы преподавателей, жалобы самого студента. Во-вторых, признаками являются трудности в общении. Это конфликты, изоляция от группы: низкий статус в группе, постоянные насмешки, отвержение студента, избегание им общегрупповых мероприятий. В-третьих, должны обращать на себя внимание признаки депрессии (подавленное настроение, понурый усталый вид, пассивность, молчаливость). В-четвертых, различные признаки использования ПАВ,

прежде всего неадекватность поведения. Как указано выше, особенности здоровья: инвалидность, хронические соматические заболевания (необходимость периодического лечения, индивидуального графика, сниженная работоспособность), сильно затрудняют нормативный процесс адаптации.

При выявлении студента группы риска мы рекомендуем куратору провести беседу с самим студентом или при необходимости с однокурсниками для первоначального определения проблемы и планирования совместных действий по ее разрешению. Основная роль куратора на этом этапе заключается в эмоциональной поддержке и выполнении информационно-диспетчерской задачи. Она состоит в том, чтобы посоветовать студенту, к кому он может обратиться за помощью. Это, безусловно, наша психологическая служба вуза, а также телефон доверия. Но также для решения проблем студентов может понадобиться помощь деканата, юридической службы и т.п., а в ряде случаев - помощь специалистов из служб вне университета (медицинские учреждения, органы внутренних дел и т.п.). В отдельных экстренных случаях о проблемах студента (суицидоопасность, риск для здоровья), куратору целесообразно информировать родителей.

Работа нашей службы осуществляется на основе принципов добровольности и конфиденциальности информации. Услуги оказываются студенту по его запросу. Наша психологическая служба большое внимание уделяет информационной работе со студентами, ставит специальную задачу - снижение психологического барьера перед обращением за помощью. Привлечение нами для профилактической работы кураторов, которые могут посоветовать обратиться в трудной ситуации за психологической помощью повышает шансы своевременности ее оказания.

За время существования психологическая служба нашего вуза накопила положительный опыт психологического сопровождения студентов с высоким риском суицидального риска. Насущной проблемой является отсутствие в штате службы врача-психиатра.

Проблема суицидального поведения подростков и молодежи для образовательных учреждений¹

Миллер Л.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Образовательные учреждения не могут существовать изолированно от всех остальных элементов общественной системы, поэтому то, что происходит в обществе (и в мировом сообществе), в отдельно взятой семье, так или иначе, находит свое отражение в образовательной среде. Суицид, совершенный учащимся ОУ (даже если вне стен этого учреждения), затрагивает, в большей или меньшей степени, всю его систему: учащихся, родителей, педагогов, администрацию и других его сотрудников.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№12-06-00719а)

На основании опыта работы в образовательных учреждениях по оказанию экстренной психологической помощи в ситуации совершенного суицида, можно сделать следующие выводы:

- Первичные реакции сверстников после получения информации о гибели одноклассника: шок, потрясение, боль, растерянность, подавленность, страх, обида, раздражение, вина. У педагогов эти реакции могут усугубляться в связи с высокой ответственностью за жизнь и благополучие учащихся.

- В результате участия в ритуалах, связанных с прощанием, подготовке альбома с лучшими фотографиями погибшего и т.п. первичные реакции постепенно начинают сменяться адаптивными стратегиями. Отсроченную реакцию на смерть одноклассника могут дать такие стратегии как, например: «стараясь не думать об этом», «стараясь себя чем-то занять».

- Помимо реакции горя, связанной с потерей одноклассника, учащиеся могут испытывать тревогу, страхи, в основе которых лежат незавершенные реакции на более ранние потери, психотравмирующие события. Оказание психологической помощи дает возможность подростку понять причины данного состояния, вернуть чувство контроля над происходящим.

- В большинстве случаев среди одноклассников есть человек, который был посвящен в суицидальные замыслы погибшего. Он может как не разделять эти намерения, так и формировать свою собственную установку на совершение суицида как «варианта» выхода из трудной ситуации. В случае наличия суицидальных намерений учащийся должен быть направлен к специалисту-суицидологу для более точного определения его состояния и оказания помощи.

- Основные направления работы психолога в ОУ в ситуации суицида:

1) Установление контакта с администрацией учреждения и другими его сотрудниками (социальным работником, заместителем по безопасности, учителями, психологом ОУ), психологами психологической службы района, округа. Сбор информации, оценка ситуации, уточнение запроса, определение плана действий.

2) Взаимодействие с классным руководителем, другими педагогами. Получение предварительной информации о состоянии отдельных учащихся, организация встречи с учащимися, с родителями, информирование о признаках психологического неблагополучия, о службах, оказывающих необходимый вид помощи, консультирование по вопросам взаимоотношений с учащимися, пережившими данные события. Следует также обратить внимание педагогов их собственные чувства, возникшие в связи ситуацией, и оказать (по запросу) психологическую помощь (осознание, принятие, отреагирование чувств; актуализация ресурсов).

3) Взаимодействие со школьным психологом (если психологи внешние). Получение предварительной информации о состоянии учащихся, о предпринятых мерах, в конкретных случаях сбор анамнеза, совместная разработка дальнейших действий, профессиональное сопровождение психологов ОУ в кризисной ситуации.

4) Встреча с классом (групповая и, в случае необходимости, индивидуальная), с целью выявления группы риска.

5) Оказание экстренной психологической помощи. Взаимодействие, в случае необходимости, со специалистами других ведомств.

6) Проведение профилактических мероприятий. С педагогическим составом ОУ более актуальны такие мероприятия, как психологическое просвещение, тренинги, семинары, групповые дискуссии. Для школьных психологов и специалистов психологических служб, - курсы повышения квалификации (для администрации ОУ краткосрочные). Эти мероприятия должны проводить специалисты, имеющие образование в области суицидологии. Учащимся подходят тренинги по развитию коммуникативных навыков, а также мероприятия, направленные на групповое сплочение, повышение личной и социальной идентичности, которые могут проводить специалисты психологических служб, школьные психологи.

Основные проблемы развития экстремальной психологии в Украине

Онищенко Н.В.

Национальный университет гражданской защиты Украины,
научно-исследовательская лаборатория экстремальной и кризисной психологии
(Харьков, Украина)

В современной психологической науке не существует общепринятой концепции, которая бы объясняла факторы, вызывающие нарушения психического здоровья людей, оказавшихся в условиях чрезвычайной ситуации. Сегодня наблюдается стремление исследователей заменить отсутствие такой концепции психологическим феноменом посттравматического стрессового расстройства. Но на наш взгляд, влияние чрезвычайной ситуации природного, техногенного или социального происхождения на психическое состояние человека гораздо шире феномена посттравматического стрессового расстройства и включает в себя социально-психологический, информационный и организационный аспекты.

Волна чрезвычайных ситуаций, прокатившаяся по нашей стране за последние годы, показала, как нужны Украине специалисты по психологии экстремальных ситуаций. Во всем мире, кроме Украины, психология экстремальных ситуаций развивается достаточно быстрыми темпами. Отечественное психологическое сообщество достаточно длительное время удовлетворялось накопленными за прошедшие годы знаниями и не весьма охотно воспринимало новейшие течения по переоценке и переосмыслению сущности психологической помощи, несмотря на то, что эти новые подходы диктовались самой жизнью и острой необходимостью изменений в существующей на сегодня концепции психологической помощи.

С каждой новой чрезвычайной ситуацией становится все более очевидным, что современный специалист-психолог, по какой бы узкой специальности он не работал, в любой момент может быть поставлен перед необходимостью оказания экстренной

(неотложной) психологической помощи пострадавшим от трагедии. Однако сегодня мало кто из отечественных психологов говорит о том, что жертвам катастроф нужна экстренная психологическая помощь. Почему специалисты не пытаются поставить вопрос об изучении этой проблемы? Где программы психологической работы с населением в очаге чрезвычайной ситуации? Также требуют совершенствования, а в отдельных случаях и кардинального изменения, программы специальной подготовки психологов для работы с пострадавшими от чрезвычайных ситуаций. Ведь до сих пор большинство психологов, которые выезжают на места трагедий, обладают лишь академическими знаниями в рамках психологической науки. Специальные же знания и практические навыки по оказанию экстренной психологической помощи у большинства из них отсутствуют.

Таким образом, можно сказать, что отдельное внимание в этом вопросе занимает проблема необходимости выхода знания о психологической помощи за рамки классических подходов изучения ее сущности. Наряду с этим чрезвычайно актуальной становится задача по обоснованию необходимости целенаправленной подготовки специалистов-психологов в рамках экстремальной и кризисной психологии. Такая потребность продиктована условиями современности, требованиям общества и тем опытом, который был обобщен нами за последние годы работы в очагах чрезвычайных ситуаций различного уровня.

Полученные нами знания позволяют научно обосновать теорию и практику оказания экстренной психологической помощи пострадавшим при чрезвычайных ситуациях природного, техногенного или социального происхождения. Наш подход к оказанию психологической помощи несколько отличается от общепринятого на сегодня, так называемого академического подхода. Во-первых, в современной психологической науке не существует общепринятой концепции, которая бы объясняла причины, вызывающие нарушения психического здоровья людей, оказавшихся в условиях чрезвычайной ситуации. Во-вторых, сегодня фактически вся, известная нам практика оказания психологической помощи человеку, который выжил, начинается не ранее момента его выхода из зоны чрезвычайной ситуации – другими словами, когда окружающая среда перестает предъявлять к человеку экстремальные требования.

Таким образом, наше видение данной проблемы можно обозначить как принятие точки зрения о важности работы психолога МЧС в первые минуты после чрезвычайной ситуации и непосредственно в очаге трагедии. При ликвидации последствий чрезвычайной ситуации психологическая помощь сегодня является такой же важной, как и помощь других служб оперативного реагирования. Основными же задачами экстремального психолога являются: оказание экстренной психологической помощи всем категориям пострадавших, проведение профилактических мероприятий по предупреждению возникновения и развития негативных состояний у участников трагедии, а также восстановление психоэмоционального равновесия у всех, кто пострадал от чрезвычайной ситуации.

Насилие как психотравмирующий фактор пиратского плена

Побидаш А.Ю.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

На сегодняшний день статистика деятельности пиратских формирований по всему миру свидетельствует о возрастании количества пиратских группировок, увеличении площади районов их преступной деятельности и всё большем количестве захваченных в пиратский плен судов. Морская индустрия несёт ежегодно многомиллиардные убытки. Но это всего лишь материальная сторона этой многогранной проблемы.

Не менее важным является моральный, физический и психический вред наносимый морякам при пребывании в пиратском плену. Результаты анализа пребывания моряков в пиратском плену позволяют сказать, что всего лишь треть моряков, побывавших в пиратском плену, не получили серьёзных физических и психических травм. Проблеме насилия пиратов над моряками мы бы хотели уделить отдельное внимание.

К проявлениям насилия со стороны пиратов по отношению к пленным морякам можно отнести *агрессию* и *жестокость*. Однако по сравнению с жестокостью, агрессивность, на наш взгляд, – более широкое и в значительной степени морально-нейтральное понятие, поскольку далеко не всегда агрессивные действия носят жестокий характер. Вместе с тем любая жестокость является агрессивной. Можно сказать, что *жестокость* - *особое качество агрессивности*. Если агрессия и агрессивность имеют естественный характер, то жестокость – явление социального происхождения, присуще только человеку, продукт именно человеческих противоречий и страстей, обусловленных воспитанием и условиями жизни. Возникнув на биологической основе, агрессивность проявляется в качественно иной сфере – социальной.

Некоторые психологи считают, что агрессия как основной инстинкт всегда существовала и будет существовать в человеческом обществе. Они предусматривают неизбежность применения агрессивных методов в процессе реализации определенных целей (Лепешкин Н.Я., 2008).

В общем виде агрессия и жестокость в рамках нашего исследования могут пониматься как демонстрация пиратами своей силы, угроза ее применения или использование силы в отношении отдельного моряка или захваченного экипажа в целом. Эти явления могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер и всегда направлены на причинение физического, психологического, морального или иного вреда пленнику (Гришина Н.В., 2001; Матеюк О.А., 2000). Поэтому насильственные действия (в том числе и жестокие) всегда имеют внутренний смысл, используются пиратами ради какой-то выгоды, реального или воображаемого материального выигрыша.

Жестокое поведение пиратов в отношении пленных моряков может быть определено как умышленное и осмысленное причинение последним мук и страданий.

Если агрессивность – черта личности, а агрессия – проявление этой черты, то жестокость мы рассматриваем в качестве личностной особенности современного флибустьера, которая реализуется в жестоких действиях.

Жестоким можно назвать пирата, который характеризуется непреклонностью, бесчеловечностью, отсутствием сопереживания и сострадания и одновременно склонного совершать жестокие поступки, считая их лучшим способом решения жизненных проблем. Однако жестокость, по нашему мнению, можно отнести к числу личностных черт представителей современных пиратских преступных группировок только в том случае, если она является стабильной и фундаментальной для этого флибустьера, внутренне присущей ему.

Насилие над моряками, попавшими в пиратский плен, может приобретать формы, которые отличаются между собой. В каждом конкретном случае та или иная форма насилия будет фигурировать как доминирующая.

Проведенный нами анализ публикаций по этой проблематике позволил выделить те *формы насилия, которые применялись пиратами по отношению к пленным морякам:*

- *физическое* насилие (лишение жизни, нанесение телесных повреждений, лишение или существенное ограничение свободы передвижения);
- *имущественное* насилие (осуществляется путем посягательства на личное имущество моряков и груз, который находится на судне);
- *морально-психологическое* насилие (шантаж, угрозы и т.п.).

Неотъемлемым средством морально-психологического насилия является **запугивание и угрозы.**

Слово «плен» всегда ассоциируется с такими понятиями как «страх» и «ужас». Обстоятельства страха, подавленности, напряженности намеренно создаются пиратами не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне всего экипажа и представляют собой объективно сложившийся социально-психологический фактор, который влияет на всех без исключения моряков и вынуждает их к совершению определенных действий в интересах пиратов или к принятию их условий.

Литература

1. Гришина, Н.В. Психология социальных ситуаций/ [Сост. Н.В. Гришина]. - СПб.: Питер, 2001. – 403 с.
2. Лепешкин, Н.Я. Психологические основы терроризма и антитеррористической деятельности в современных условиях: учебно-методическое пособие / Н.Я. Лепешкин, В.Г. Василин, А.И. Обирин, В.Е. Талынев; под ред. проф. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2008. – 348 с.
3. Матеюк, О.А. Аналіз соціально-психологічних методів впливу на особистість / Матеюк О.А., Потапчук Є.М. // Психологія. Збірник наукових праць. – К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, випуск 3 (10), 2000. – С. 54-57.

Психологические особенности профессиональной деятельности горных спасателей

Поляков И.А.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Горные поисково-спасательные отряды МЧС Украины (ГПСО) профессиональные отряды, которые предназначены для предотвращения возникновения чрезвычайных ситуаций, произошедших в горах, пещерах, на горных реках, что (или) вызванные туристической деятельностью, и имеют соответственно подготовленный и снабженный личный состав.

Проведенный опрос опытных специалистов ГПСО МЧС Украины позволяет утверждать, что успешное выполнение профессиональных задач достигается:

- качественным осуществлением комплекса организационных мероприятий по подготовке к проведению поисково-спасательных работ (ПСР);
- четкой координацией поисково-спасательных подразделений, привлеченных к оперативным действиям и взаимодействию с другими службами;
- сбором максимальной информации о пострадавших и обстоятельства и дальнейшее ее использование в ходе ПСР;
- постоянным восхождением в горы, с целью разьяснения и обучения туристов мерам безопасного поведения в горах;
- наличием на вооружении современного снаряжения и техники;
- постоянным повышением своего уровня физической и специальной подготовки;
- умением оказывать первую медицинскую помощь.

Профессиональная деятельность горных спасателей проходит в сложных метеорологических условиях горной и спелеологической местности и требует от специалистов определенных знаний, умений и незаурядной выносливости и психологической подготовленности к выполнению профессиональных задач по назначению.

В ходе опроса некоторыми экспертами дополнительно было выделено нетипичные профессиональные задачи специалистов ГПСО, в которые вошли:

- действия, связанные с пиротехническими мероприятиями: иногда пиротехнические подразделения обращаются к специалистам ГПСО с просьбой оказать помощь в изъятии найденных боеприпасов времен Великой Отечественной Войны из горных ущелий, каменоломен, колодцев. Стресс-фактором является невозможность использования бронированной одежды и защитных щитов;
- ликвидация последствий наводнения: как показал опыт 2008 года, ликвидация последствий наводнения на Закарпатье не обошлась без привлечения к оперативным действиям специалистов ГПСО. Стресс-факторами были: осуществление длительное время поисково-спасательных работ на подтопленной местности, перемещение по местности только с помощью плавсредств, вид разрушенных поселков, сложность в общении с пострадавшим населением;

- морские операции: данный вид оперативных действий присущ Крымскому ГПСО. Одной из самых сложных ситуаций стала ситуация 2009 года, когда морской сухогруз из-за шторма попал к береговой линии и сел на мель. Из-за невозможности использования морского спасательного транспорта и средств авиации (плохие метеоусловия) было принято решение провести аварийно-спасательные работы силами подразделений ГПСО. Стресс-факторами были: в сложных метеоусловиях осуществить переправу со скалы на корабль, а затем на береговую линию, а также невозможность контролировать спасательные работы на тонущем корабле.

В связи с неблагоприятными условиями труда, у практически здоровых людей в конце выполнения фактически каждой из задач по назначению формируются реакции, характерные для патологического функционального состояния организма.

Таким образом, влияние мощных раздражителей, к которым относятся непосредственное противоборство со стихией, переутомление, дефицит времени и информации, применение большого количества оборудования и инструмента, вызывает определенные негативные изменения физического и психического состояния, что существенно снижает эффективность выполнения служебных задач и опасным образом влияет на личность спасателя.

Экстремальные факторы профессиональной деятельности газодымозащитной службы МЧС Украины

Пономаренко И.В.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

От дыма и газов при пожарах в мире ежегодно погибает около 16 человек на 1 млн. населения, причем этот показатель имеет тенденцию к дальнейшему росту. Уже сегодня число жертв в Швеции, Франции, США и ряде других стран достигает 20-27 чел. на 1 млн. населения. В Украине этот показатель в 1992 г. превысил 27 чел. на 1 млн. населения, в 1993 - 33 чел., и, начиная с 1994 года, составляет около 50 человек (2003 год - 80 человек) (Ковальов П.А., 2005). Рассматривая данную тенденцию, следует отметить важность профессиональной деятельности специалистов газодымозащитной службы МЧС Украины.

Основными задачами газодымозащитной службы являются:

- спасение людей;
- проведение разведки и тушения пожаров в непригодной для дыхания среде;
- эвакуация материальных ценностей;
- создание нормальных условий, обеспечивающих безопасную работу личного состава подразделений пожарной охраны и аварийно-спасательных бригад (Настанова газодимозахисної служби, 1994).

Статистика показывает, что за последние годы в Украине в среднем гасится около 15% пожаров с применением звеньев ГДЗС. Каждый погашенный пожар с применением средств индивидуальной защиты органов дыхания является своеобразным испытанием для газодымозащитников, потому что требует от личного

состава мобилизации всех сил, знаний, опыта, дает возможность проверить качество подготовки к работе в сложных, экстремальных условиях. Газодымозащитная служба предназначена для обеспечения ведения боевых действий в непригодной для дыхания среде при спасении людей, тушения пожаров и ликвидации последствий аварий.

Проведя психологический анализ деятельности сотрудников газодымозащитной службы можно выделить следующие экстремальные факторы их профессии:

угроза жизни и здоровью, обусловленная обрушением конструкций, взрывами, отравлением продуктами горения, парами, поражением электрическим током, работой на высоте, высокой температурой, возникающих при тушении пожара, проведении разведки и спасении людей (Корольчук М.С., 2006);

высокая влажность, задымленность, предельная видимость, шум, ультра- и инфразвук, значительные перепады температур, высокая концентрация СО и СО₂;

необходимость концентрации внимания, скорости и правильности принятия решений при дефиците времени и информации, эмоции негативного характера, связанных с вынесением обгоревших и погибших (Тимченко А.В., 1997);

фактор высоких физических нагрузок, связанный с работой по спасению людей, материальных ценностей, разборкой конструкций и оборудования, работой с пожарно-техническим оборудованием;

групповой характер деятельности (в непригодной для дыхания среде газодымозащитники работают только в составе отделения, звенья).

Проведенные исследования показывают, что наиболее опасными факторами пожаров, от каких гибнут люди, являются следующие: открытый огонь, повышенная температура окружающей среды, предметов - 26,1%; токсические продукты горения, дым и пониженная концентрация кислорода - 66,1%; падающие части конструкций, агрегатов, опасные факторы взрыва - 5,9%. Все это требует надежных аппаратов для защиты органов дыхания человека, которые имеют достаточный срок защитного действия; и совладания самого газодымозащитника со своими психическими состояниями.

Литература

1. Ковальов, П.А. Основи створення та експлуатація апаратів на стисненому повітрі / П.А. Ковальов, В.М. Стрілець. – Харків: АЦЗУ, 2005. – 272 с.
2. Корольчук, М.С. Соціально-психологічне забезпечення діяльності в звичайних та екстремальних умовах / М.С. Корольчук, В.М. Крайнюк. – Київ : Ніка-Центр, 2006. – 580 с.
3. Настанова по газодимозахисній службі пожежної охорони МВС України. Наказ 657 МВС України від 2 грудня 1994 р. – Київ, 1994.- 128 с.
4. Тимченко, А.В. Психологические аспекты состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных условиях и методы их коррекции / А.В. Тимченко. – Харьков: НУВД, 1997. – 184 с.

Исследование психологической безопасности личности специалиста экстремального вида деятельности

Приходько И.И.

Научно-исследовательский центр Академии внутренних войск МВД Украины
(Харьков, Украина)

Для определения системы связей и отношений категориального значения «психологическая безопасность личности» с другими понятиями и их системами, разработки модели психологической безопасности личности специалиста, выполняющего экстремальный вид деятельности, нами использовалась методика специализированного денотативного семантического дифференциала, представляющая модифицированную процедуру многомерного шкалирования.

Экспертами (психологи внутренних войск МВД и МЧС Украины, ученые и профессорско-преподавательский состав различных вузов Украины, всего 69 специалистов) было проранжировано 35 шкал-антонимов (показателей), касающихся категории «психологическая безопасность личности». Каждый показатель оценивался по шкале от 0 до 7 (0 - качество не выражено, 7 - качество максимально выражено). Факторный анализ матриц результатов экспертной оценки понятия психологическая безопасность личности в повседневных условиях деятельности позволил получить ее четырехфакторную структуру, описывающую 76 % дисперсии признаков. Содержание морально-коммуникативного компонента определяет корреляция с показателями моральность, общительность, доброжелательность, коммуникативность, добросовестность, вежливость, организованность. Второй компонент – мотивационно-волевой, его содержание коррелирует с показателями: жизнестойкость, оптимизм, контроль, активность, инициативность, целеустремленность, уверенность, склонность к новаторству. Третий компонент – ценностно-смысловой, его содержание коррелирует с показателями бесстрашие, вовлеченность в события, социальная ответственность, жизнерадостность. Четвертый компонент – внутреннего комфорта, содержание коррелирует с показателями безопасность, отсутствие угрозы, защищенность.

Однако разработанная модель психологической безопасности личности в обычных условиях жизнедеятельности будет трансформироваться в экстремальных условиях пребывания человека и выполнения им профессиональной деятельности, связанной с реальной витальной угрозой. Факторизация результатов экспертной оценки показала, что модель психологической безопасности личности в экстремальных условиях деятельности представлена такими компонентами: морально-волевая урегулированность (нормативность), ценностно-смысловой, копинг-стратегии совладания со стрессовыми ситуациями и посттравматический рост, которые описывают 72,8 % суммарной дисперсии признаков. Содержание первого компонента коррелирует с показателями целеустремленность, самостоятельность, уверенность, контроль, организованность, независимость, принятие риска, доброжелательность, социальная ответственность, вежливость,

честность, добросовестность, нравственность, чуткость, скромность, коммуникативность. Содержание второго компонента коррелирует с показателями инициативность, активность, склонность к новаторству, вовлеченность в события. Третий компонент коррелирует с показателями нервно-психическая устойчивость, жизнестойкость, стрессоустойчивость, психическое здоровье, безопасность, защищенность, отсутствие угрозы, адаптивность, а также выявлены отрицательные корреляционные связи с показателями скромность-бесстыжесть, общительность-замкнутость. Содержание четвертого компонента определяется корреляционными связями с показателями здоровый образ жизни, оптимизм, жизнерадостность.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить факторную структуру модели психологической безопасности личности в обычных условиях жизнедеятельности, в которую вошли компоненты: морально-коммуникативный, мотивационно-волевой, ценностно-смысловой и внутреннего комфорта; обосновать модель психологической безопасности личности, перенесшую экстремальную травматическую ситуацию, состоящую из компонентов: морально-волевая урегулированность (нормативность), стратегии совладания со стрессовыми ситуациями (копинги), ценностно-смысловой, посттравматический рост.

Роль здорового образа жизни как средства профилактики профессионального выгорания пожарных

Ремеева А.Ф., Голубева С.В.

Московский городской психолого-педагогический университет,
Московская гуманитарно-техническая академия (Москва)

Развитие стресса в профессиональной деятельности пожарных является важнейшей проблемой. Воздействие экстремальных условий складывается не только из прямой, непосредственной угрозы жизни человека, но и опосредованной, связанной с ожиданием ее реализации. Ученые и практики разрабатывают специальные рекомендации для представителей стрессогенных профессий в целях повысить психологическую устойчивость этих людей.

Сотрудники служб быстрого реагирования, действующие в условиях техногенных катастроф, подвергаются повышенному риску испытать как «событийный», так и «невидимый» стресс, т.к. не только сталкиваются с трагическими ситуациями, но зачастую испытывают воздействие факторов, могущих повлечь непредсказуемые и необратимые изменения в состоянии здоровья – прежде всего радиации и комплексов токсических веществ, последствия которых проявляются спустя длительное время (несколько лет) с нарастающей интенсивностью.

Здоровый образ жизни, как правило, называют первым профилактическим средством синдрома выгорания. Однако это сложное понятие часто упрощают, редуцируют до диетических рекомендаций, ежедневных пробежек и рекомендаций по проведению досуга. На наш взгляд, понятие здорового образа жизни смыкается с

представлением «культуры себя», который является весьма древним мотивом греческой культуры. Первоначально понятие «культура» в греческом языке относилось к области сельского хозяйства и имела значение «возделывать». Таким образом, когда мы говорим о «культуре себя», мы имеем в виду самостроительство, саморазвитие, самосовершенствование.

Общее представление о «культуре себя» может дать **принцип «заботы о себе»**, которому подчинено искусство существования в различных своих формах.

К базовым принципам заботы о себе относится всеобщность. Как отмечал Сенека, посвятив себя ей, нужно оставить все прочие занятия, только так можно освободить душу. Когда речь идет о заботе о себе, то нужно конкретно определить, какую часть дня или жизни ей стоит посвятить.

По традиции, уходящей к истокам греческой культуры, забота о себе тесно связана с медицинской мыслью и практикой. Плутарх во вступлении к Наставлениям о здоровье заявил, что философия и медицина действуют в «одних пределах». Искомое исправление души, самосовершенствование, путь к которому лежит через философию или воспитание все более приобретает медицинский оттенок. Формировать, образовывать себя и заботиться о себе - два эти занятия суть взаимосвязаны.

Действительно, практика заботы о себе сосредоточивает внимание на тех точках, где пороки тела и духа могли сходиться и «обмениваться» своими недугами: дурные качества души влекли за собой телесную немочь, тогда как эксцессы плоти свидетельствовали о душевных изъянах и питали их. Важное значение имеет практическая оснащенность заботы о себе. В этой практике, каждый человек, особенно специалист работающий в экстремальных условиях для реализации здорового образа жизни создает свой свод жизненных правил и упражнений, нацеленных на поддержание психического и физического здоровья. Согласно Сенеке, средоточием его практики было подведение итогов дня, как бы отчет о достигнутом: всякий раз «завершив дневные труды и удалившись на ночь ко сну».

Рекомендованные нами методы профилактики профессионального выгорания, саморегуляции поведения и адаптации к стрессу в большинстве применимы непосредственно по месту несения службы или в кабинетах психологической регуляции.

Общая цель всех этих практик определяется единым ключевым принципом обращения к себе. Прежде всего, она предусматривает некоторую модификацию привычной деятельности: задача не в том, чтобы оставить все прочие занятия, целиком и полностью посвятив себя заботе о себе, однако за текущими делами следует постоянно помнить о главной своей цели, стремиться к себе, искать себя и соотноситься с собою. Такое обращение предполагает сдвиг внимания: его нельзя более растрчивать на праздное любопытство, увлекаясь суетой повседневности или жизнью окружающих. Это также еще и траектория, двигаясь по которой, можно избежать каких бы то ни было зависимостей или порабощения и достичь воссоединения с собой.

Тот, кому удалось, наконец, подступиться к себе, становится для себя объектом удовольствия, и не просто довлеет себе в своих пределах, но и «довольствуется» собою и «радует» себя. Состояние такого «довольства», суть его заключается в том, что оно не может быть вызвано чем-то, от нас не зависящим и, следовательно, нам неподвластным: оно рождается нами и в нас самих.

Наконец, критерием успеха «заботы о себе» выступает умение человека властвовать над собой, ощущение полноты и радость жизни. Забота о других есть следствие и результат заботы о себе.

Значение как характеристика травматической ситуации и его изменение

Рехтина Н.В.

Специализированный межрегиональный учебный центр ГУФСИН России
(Новосибирск)

Проблема ситуации - фундаментальная методологическая проблема соотношения объективного «внешнего» мира и субъективного «внутреннего» мира человека (Гришина, 2008). Сегодня, исследователи, признают объективно-субъективную природу ситуации, и рассматривают ее с учетом субъективных факторов: восприятия и интерпретации.

При изучении взаимодействия субъекта с миром, в зависимости от теоретических предпочтений, выделяют особый класс ситуаций, обозначаемых как кризисные, критические, экстремальные, травматические.

В каждом случае «речь идет об эмоционально переживаемых жизненных ситуациях, затрагивающих значимые стороны существования которые, в восприятии человека, представляют сложную психологическую проблему, трудность, требующую своего решения или преодоления» (Гришина, 2008, с.189).

Выполнение служебно - боевых задач, пребывание на территории ведения военных действий, «на войне» является травматической ситуацией.

Последствия пребывания человека в травматической ситуации для личности подробно изучены, при этом субъективная картина войны в сознании участника, особенности ее восприятия и интерпретации изучены недостаточно.

Существующее, на сегодня, понимание значения в психологии (Выгодский, 2000; Петренко, 2005), положения о его изменчивости и двойственной природе, позволяют изучать ситуацию с учетом субъективных факторов, как модель описания ситуации «с позиций субъекта».

Мы рассматриваем ситуацию – как результат взаимодействия субъекта с окружающей действительностью, ее восприятие и интерпретацию. Войну - как травматическую ситуацию. Подведение войны под понятие “ситуация” позволяет отойти от противопоставления войны и мира, рассматривая их как состояния окружающей реальности, фазы одного целого, анализировать войну в психологических понятиях и категориях.

Понятие войны принадлежит к числу базовых, которыми оперирует субъект в своей повседневной практике (Горошко, 2001) и, как общезначимое, предполагает стандартизацию значения в рамках культуры.

Обращение к категории значения позволяет изучать войну, как травматическую ситуацию в сознании субъекта.

В исследовании использована методика неоконченных предложений (МНП). Для формирования совокупности НП применена комбинированная стратегия (Климова, 1995, Бурлов, Татарова, 1999), с учетом методических требований ее использования.

Обработка результатов проводилась с применением схемы С.Г. Климовой (1995). Объединение в смысловые классы проведено на основании согласованного мнения экспертов.

В соответствии с методическими требованиями при использовании проективных методов (Леонтьев, 1983; Климова, 1995) исследование проведено на однородной, по основным критериям (возраст, образование, пол) выборке в двух группах испытуемых, отличающихся по факту участия в боевых действиях: не участвовавшие в боевых действиях и участники.

В результате исследования, для двух групп испытуемых, отличающихся по факту участия в боевых действиях, мы получили определение травматической ситуации в трех возможных значениях: «переживание»; «взаимодействие» и «уход от ответа».

Для испытуемых, не имеющих боевого травматического опыта, «война» представлена только в значении «переживание».

Для испытуемых имеющих боевой травматический опыт в трех возможных значениях: «переживание»; «взаимодействие» и «уход от ответа», что предполагает существование трех моделей травматической ситуации в сознании субъектов, трех различных субъективных (психологических) ситуаций.

Полученные результаты свидетельствуют о динамике значения травматической ситуации: возможности как сохранения, так и его изменения под влиянием травматического опыта.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология. - М.: Эксмо-пресс, 2000. – 1008 с.
2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: ИЯ РАН – Каравелла, 2001. – 320 с.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. – 2-е изд., - СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М: Педагогика, 1983. - 320 с.
5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
6. Бурлов А.В., Татарова Г.Г. Логическая организация данных, полученных методом неоконченных предложений // Социол. исслед. 1999. № 8. С. 123-133.

7. Климова С.Г. Опыт исследования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: 4 М. 1995. № 6. С. 49-64.

Особенности установления психологического контакта с детьми разных возрастных категорий в чрезвычайной ситуации

Титаренко Д.С.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Как показывает официальная статистика МЧС Украины, только на протяжении 2011 года было зарегистрировано 221 чрезвычайная ситуация, в результате – погибло 355 человек (39 из которых были дети) и пострадало 985 (из них – 439 детей). Эти цифры отражают только одну категорию людей, которые непосредственно пережили крах и ужас чрезвычайной ситуации. В этих данных не представлены сотни тех, кто опосредовано пострадал от стресс-факторов катастроф: нет очевидцев, родственников погибших и травмированных, нет тех, кто после увиденного в СМИ сами чувствовали себя плохо. Если учитывать все эти категории людей, то цифры бы выросли в десятки, а то и тысячи раз.

Хотим обратить Ваше внимание на то, что даже исходя из официальных данных практически половина людей, которые пострадали в чрезвычайной ситуации (44,58 %) были дети. Не следует забывать, что и среди других категорий пострадавших так же есть те, психика которых еще формируется.

Эффективность психологической помощи зависит от разных факторов, в том числе, и от умения специалиста устанавливать тесную эмоциональную связь с пострадавшим. Для того чтобы успешно установить психологический контакт с ребенком, необходимо учитывать целый ряд факторов:

- возрастной период ребенка;
- стадию его интеллектуального развития;
- тип эмоционального развития;
- темперамент ребенка;
- тип поведения в ситуации;
- тип родительского отношения.

Итак, рассмотрим особенности установления психологического контакта с детьми разных возрастных категорий.

Дети до трех лет находятся в тесном контакте с матерью, как физическом (высокая потребность в ее присутствии) так и эмоциональном. Так, можно сказать, что состояние матери определяет степень эмоциональных реакций у ребенка. В этом возрасте установление психологического контакта должно проходить непосредственно через мать. Психолог сначала должен установить доверительные отношения с ней, а потом уже начинать работу с ребенком.

Дети с 3 до 6 лет. С трех лет у детей начинает формироваться сознательное «Я», они стремятся отделиться от взрослого, и быть более самостоятельными. Основным видом деятельности на этом этапе является игровая, поэтому и

установление психологического контакта с ребенком должно проходить через игру. Наиболее эффективным при установлении контакта с ребенком в этом возрасте будет игрушка, желательно мягкая. Лучше всего использовать игрушку-перчатку, которая одевается на руку, или пальчиковые игрушки. При таком варианте ребенок может более открыто разговаривать с психологом, адресуя свои высказывания игрушке. При выборе игрушки необходимо учитывать пол ребенка, его эмоциональное состояние.

Дети с 7 до 14 лет. В этом возрасте ребенок становится еще более самостоятельным, происходит смена основного вида деятельности (с игровой на учебную), сменяется стиль мышления (становится абстрактно-логическим). Поэтому для установления психологического контакта с ребенком данного возраста можно использовать образы известных для него персонажей-героев в рассказах (для наглядности можно использовать карточки, раскраски, небольшие игрушки и т.д.).

Дети с 14 до 18 лет. В этом возрасте идет перестройка стиля жизни ребенка, от детского к взрослому. На данном этапе психического развития для ребенка важна его положительная оценка со стороны окружающих, поэтому для продуктивной психологической работы можно использовать прием подчеркивания значимости его помощи для общественности. Фразы по типу: «Мне сейчас очень нужна твоя помощь...» быстрее расположит подростка к психологу, чем вопросы о его самочувствии.

Таким образом, при работе с ребенком в очаге чрезвычайной ситуации следует придерживаться позиции о том, что ребенок все понимает, и ему все можно объяснить. Не стоит забывать и о том, что для детей предметом подражания является взрослый, так те или иные действия могут облегчить или наоборот усугубить полученную в чрезвычайной ситуации травму.

МЕДИАЦИЯ И МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Медиация в социальной сфере: основы применения

Хаванский С.Н.

Автономная некоммерческая организация

«Научно-методический центр медиации и права»,

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В современном мире право принятия решений в социальных конфликтах чаще всего передано самым различным инстанциям и лицам – суду, правоохранительным органам, административным учреждениям. В отличие от этой тенденции медиация утверждает и способствует практической реализации права людей, между которыми возник спор, самим искать и принимать решение по проблеме.

Медиация – это целостное явление, обладающее своей структурой, условиями применения и границами. За рубежом, где развитие медиации длится уже несколько десятилетий, она давно заняла свое место в системе разрешения споров. Там же, где в силу каких-либо причин полноценная процедура медиации невозможна, зачастую целесообразно применение так называемого «медиативного подхода», разрабатываемого в АНО «Центр медиации и права» (г. Москва).

Таким образом, медиация и медиативный подход применимы в самых различных сферах человеческих взаимоотношений. Общими признаками споров и ситуаций, наиболее пригодных для применения медиации можно назвать высокий эмоциональный накал у участников конфликта, сохраняющаяся при этом высокая значимость их последующего сотрудничества, желание сохранить происходящее в тайне, невозможность однозначного прогнозирования последствий конфликта, большое число определяющих ситуацию факторов.

В первую очередь большинство из этих условий присутствует в семейных отношениях, а также при проведении различных видов социальной работы. К спорам, возникающим в этих рамках, можно добавить также разногласия в вопросах наследования и споры между друзьями, соседями, коллегами. Дополнительным обстоятельством в этих конфликтах нередко выступает недопустимость непосредственной обусловленности разрешения споров уровнем дохода.

Не менее широкое поле для применения медиации и медиативного подхода можно найти в образовательной сфере, где медиация может стать плацдармом для привития молодежи культуры конструктивного разрешения конфликтов. Кроме того, медиация может быть эффективна в целях профилактики возрастных кризисов и последующих им правонарушений среди несовершеннолетних.

Медиация может активно использоваться в трудовых и профессиональных спорах, а также в менеджменте. В этих областях она будет способствовать росту

производительности труда, снижению уровня социальной напряженности, а также оказывать влияние на другие отношения (семейные и проч.). Следует отметить необходимость создания комплексных систем разрешения споров как в рамках отдельных предприятий (организаций), так и на уровне отраслей экономики (в системе социального партнерства).

Медиация в потребительских спорах (продукты и товары массового потребления, розничная торговля, услуги населению, а также споры со страховщиками и банками) может помочь сгладить разницу в фактическом уровне правовой и финансовой защищенности сторон споров, вдобавок позволяя при вынесении решений учитывать и многочисленные субъективные факторы.

Особую роль медиации можно оценить и в спорах в сфере здравоохранения, где присутствуют такие обстоятельства, как в известной степени интимный характер оказываемых услуг, особая ранимость участников спора, нередкие сложности с возможностью полноценного представления своих интересов в рамках существующих процедур разрешения споров.

Наконец, применение медиации и медиативного подхода может быть особо актуально современной России, где остро стоит вопрос о межэтнических и межконфессиональных отношениях, а общественные дискуссии часто характеризуются фактическим неравноправием сторон.

Конечно, для использования медиации есть и свои ограничения — как сущностные, так и законодательные. Однако и они не столь значительны, как кажется на первый взгляд, а в их рамках можно добиться действительно многого.

ДЕТСТВО ПОД ЗАЩИТОЙ: ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЙ ОБМЕН ОПЫТОМ В ОБЛАСТИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Особенности превентивной работы с девиантной молодежью и молодежью в ситуации правонарушения в Германии

Аравина А.И.

Городской центр «Дети улиц» (Москва)

Закон о помощи молодёжи в Германии с 20-х годов 20 столетия постоянно обновлялся, последнее обновление было в 2012 году. Закон о помощи детям и молодёжи относится к молодым людям в возрасте до 27 лет.

Ювенальное право Германии направлено на воспитание/перевоспитание молодых людей, а не на наказание. Цель ювенального кодекса – предотвращение рецидива и в уголовно-правовом смысле нормирование поведение. Поэтому приоритет отдаётся более мягким мерам наказания. Несовершеннолетний должен понимать, почему его наказывают.

По словам Christine Wiezorek из Friedrich-Schiller-Universität, Jena, преступность среди молодёжи – это нормально, повсеместно, эпизодично. Подростки склонны к нарушению общественных норм и правил, это нормальная характеристика этого возраста.

По закону о правосудии в отношении несовершеннолетних (JGG) подростками считаются лица от 14 до 18 лет. Ювенальный кодекс также может быть применён к молодым людям в возрасте от 18 до 21 года, решение об этом принимает судья на основе информации об уровне развития личности молодого человека, его способности отвечать за свои поступки и пр.

В каждом округе есть Jugendamt – ведомство по делам молодёжи. Социальный работник ведомства составляет отчёт о несовершеннолетнем, присутствует на суде, высказывает мнение о мере наказания.

Судебная помощь несовершеннолетним направлена на поиск возможностей для развития и социализации подростка, на предотвращение рецидива. Таким образом, при незначительном нарушении прокурор может отказаться от уголовного преследования и ограничиться предупреждением.

Уголовное дело в Германии может быть прекращено на стадии досудебного разбирательства.

Существуют неформальные и формальные санкции. Неформальные санкции используются на этапе, когда дело находится в прокуратуре. Цель использования неформальных санкций – недопущение стигматизации, они применяются при незначительных деяниях. Воспитательные средства в рамках ювенального права должны содействовать воспитанию и охранять образ жизни подростка, а не должны быть репрессивными. При необходимости могут предполагать посещение

консультанта по зависимостям, тренинг на снижение агрессивности и другие программы полезные для подростка. Крайняя мера - заключение в тюрьму на срок от 2 дней до 4 недель с целью устрашения. И только если уже и это не помогает, тогда применяется реальная мера наказания, реальный приговор.

Формальные санкции применяются, если несовершеннолетний не выполняет назначенные обязательства. В этом случае уголовное дело продолжается.

Если назначается наказание, предусмотренное уголовным законодательством для несовершеннолетних, должен быть назначен специалист, который будет сопровождать несовершеннолетнего (§ 21 и 24 JGG).

Специфика работы специалиста помощи условно осуждённому:

- Специалист оказывает помощь и заботу молодому человеку.
- Специалист должен содействовать воспитанию молодого человека.
- Он может получать сведения от родителей, законных представителей, школы и образования (§ 24 Abs. 3 JGG).
- Судья может давать указания специалисту.
- Специалист обязан регулярно представлять судье отчёт (§ 25 JGG).

Судья прописывает обязательства и указания, которые молодой человек обязан выполнять (§ 10 und 15 JGG). Специалист помощи условно осуждённому контролирует исполнение обязательств и указаний и должен уведомлять суд в первую очередь в том случае, когда несовершеннолетний или молодой человек их не соблюдает.

В Германии разрабатывается и получает финансирование множество различных экспериментальных проектов, направленных на воспитание «трудных», девиантных подростков.

Ресурсы формирования социально-нормативного поведения несовершеннолетних в условиях смены социо-культурной среды

Аруин С.В.

Союза Принятие-Доверие-Перспектива (Дюссельдорф, Германия)
Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Чиркина Р.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Эмиграция, потеря родины и привычного окружения, чужая языковая среда – это группа факторов, в большой степени предопределяющих запуск противоправных форм поведения у подростков. Эта проблема актуальна для многих стран, в т.ч. для России и Германии. Межкультурные различия, потеря общих ментальных и семейных традиций, неясность перспектив и невозможность вернуть прошлое, фрагментарность опыта и связанных с ним идентификационных стратегий, требуют особых подходов к подбору мер профилактики правонарушений среди юных иммигрантов.

Германия столкнулась с этими проблемами в послевоенные десятилетия. И предоставила семьям переселенцев все ресурсы социального государства, чтобы помочь им сначала адаптироваться, а затем, пройдя период попытки ассимиляции мигрантов, интегрироваться в немецкое общество. В настоящее время только в Дюссельдорфе, например, 75% детей до 14 лет имеют иммиграционные корни (информация городского Ведомства по делам молодежи, 2012). Противоправная напряженность и криминальная пораженность в молодежной когорте гораздо также выше в иммигрантской среде, нежели среди коренного населения. В России такая статистика пока не ведется, но тенденция наблюдается сходная. Поэтому представляется целесообразным изучение российских и европейских практик и социально-психологических сервисов в работе с семьями и детьми иммигрантов.

Задачей нашего исследования было выяснить, как в результате смены места жительства в иной социо-культурной, языковой, политической среде происходит формирование личности и правопослушных поведенческих моделей у детей и подростков, как влияют на них социальная ситуация и территориальные особенности, какие превентивные подходы формируют социально-нормативные установки у детей с иммиграционными корнями и как все это отражается в их сознании. На основании такого страноведческого сравнительного контекста можно разработать методические рекомендации по работе с детьми и подростками из семей мигрантов, например, для российской системы профилактики.

Применялись методы исследования: анализ теоретических источников, наблюдение, метод экспертных оценок, интервью, кейс-стади, анализ документов и пр. Базы исследования: организации, занимающиеся профилактикой противоправного поведения в Германии (Jugendamt, ASD, AVP e.V. - NRW) и России (Дети улиц, РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, СПО И НПО Москвы и области).

Наше исследование началось с проведения пилотной серии интервью с представителями 32 русскоязычных семей, проживающих в городах Земли Северный Рейн-Вестфалия, где традиционно велико количество семей с миграционным фоном. Ответить на вопросы интервью предлагалось родителям и детям (если детям от 11 лет до 21 года и они попали в Германию уже в сознательном возрасте, т.е. помнят родину). Один опросник заполняли один родитель и один ребенок.

Вопросы касались: языка общения и идентификации по национальному признаку, самооценки детей и оценки их качеств родителями, ключевых событий до и после переезда в Германию, проблем родителей и детей после переезда, возможностей (знаемых и используемых) для решения этих проблем, отношения к прежней родине, удовлетворенности различными сторонами жизни, перспектив будущего, отношения к законам и др.

Второй этап исследования – анализ 145 кейсов (историй жизни, материалов личных дел, социальных карт, диагностических заключений, процесса и результатов социальной работы и пр.) русскоязычных семей, направленных социальными службами Дюссельдорфа в программу сопровождения общественной организации AVP (Der Verein Akzeptanz, Vertrauen, Perspektive (AVP) e.V.). Программы

сопровождения дезадаптированных семей с детьми включают огромный спектр сервисов от организации обучения немецкому языку, тренингов социального поведения и творческих студий до длительной психотерапии, лечения от зависимостей, помощи в трудоустройстве и т.д. Основным принципом работы с такими семьями является индивидуальный подход, грамотный кейс-менеджмент и уважение к собственному выбору семьи по отношению к предлагаемым мерам помощи.

Первичный анализ результатов исследования психологической феноменологии, характерной для русскоязычных семей с разной степенью включенности в инфраструктуру интеграционных ресурсов, позволил выявить следующие тенденции. Степень готовности и объем принятия семьей предлагаемой помощи напрямую влияет на степень ее адаптации к новым условиям, показатели удовлетворенности жизнью детей и родителей, продуктивности процесса формирования у детей социальных навыков (выраженность установок на социально нормативное и правопослушное поведение), определяет дифференцированность и устойчивость их национальной идентичности, тональность отношения к будущему и характер постановки целей. Имеет также значение и источник оказания помощи. Русскоязычные семьи более склонны принимать помощь от русскоязычных организаций и специалистов и оценивают ее как более эффективную.

На следующем этапе планируется провести аналогичные исследования в России на выборке семей из республик СНГ. С целью сопоставления как репертуара помогающих технологий, так и их психологических составляющих.

Выводы. В странах, отличающихся общественно-экономическим потенциалом, подходами и инфраструктурой поддержки детства, различными могут быть и механизмы формирования социально-нормативного поведения детей и подростков, особенно из категории мигрантов/переселенцев.

Исследование и сравнение этих механизмов могут дополнить существующую у нас систему профилактики и сопровождения детей из семей мигрантов, и позволят сформировать новую архитектуру технологических подходов к решению проблемы формирования у них просоциальных установок.

Анализ принципиальных отличий системы помощи несовершеннолетним в Германии и России

Подушкина Т.Г., Иванова А.В., Милованова Е.А. Абраменко А.Ю.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В июле 2012 года в рамках проекта «Детство под защитой: германо-российский обмен опытом в области ювенальных технологий», проходящего в рамках Года Германии в России, специалисты центра социально-психологической адаптации «Перекресток» МГППУ посетили в Германии (г. Дюссельдорф) ряд организаций, которые занимаются оказанием социально-психологической помощи семьям и несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации.

По результатам встреч мы провели сравнительный анализ принципиальных отличий системы помощи несовершеннолетним в Германии и России, который и хотим представить в данной публикации.

1. Главным основанием оказания помощи и любого взаимодействия между государством и гражданами является опора на существующее законодательство Германии, которое регламентирует все аспекты прав и обязанностей всех сторон взаимодействия. Формально данный принцип прописан и в российских законах. Принципиальным отличием является неукоснительное соблюдение законодательства представителями государственных структур Германии. Если в России, в большинстве случаев, кража, например, мобильного телефона одного подростка у другого в школе будет решаться внутри школы или по договоренности между родителями, то в Германии данный случай с вероятностью 95 % будет доведен до официальных разбирательств. По мнению германских коллег, данная практика наступления последствий за совершенные подростком действия, является профилактикой более серьезных правонарушений в будущем. Главное – неотвратимость последствий.
2. Родительские права и обязанности прописаны в законодательстве очень подробно. При возникновении ситуаций, связанных с лишением родительских прав, специалисты анализируют, какие обязанности по отношению к ребенку выполняются родителем неэффективно, а какие не выполняются. Родитель может быть лишен каких-то конкретных прав, например, права определения места учебы ребенка, при этом остальные права за родителем остаются. Реализацию изъятых обязанностей по отношению к ребенку берет на себя государственный опекун. Решения о лишении прав родителей на заботу о ребенке и изъятии ребенка из семьи принимаются единолично по всем случаям руководителем департамента по семейной и молодежной политике города. Это еще одно принципиальное отличие от российской практики – чиновник, руководитель департамента, является действующим специалистом с высочайшим уровнем компетенций.
3. Все организации, в которые мы были приглашены, начинали свою презентацию с описания бюджета и рассказа о том, откуда поступают деньги, на что и каким образом они тратятся. Подобная финансовая четкость и прозрачность необходима и для российских структур.
4. Система оказания помощи в Германии строится на тесном взаимодействии различных государственных служб и общественных организаций. Каждый случай попадает к специалисту департамента по социальной и молодежной политике – кейс-менеджеру. Он, в тесном взаимодействии с семьей, выстраивает индивидуальную программу помощи, к реализации которой привлекает специалистов по необходимому профилю. При этом, спектр возможностей чрезвычайно широк: начиная от обучения культуре взаимодействия и выработке семейных традиций, например, во время общих завтраков в присутствии специалиста, до возможности помещения семьи в стационар (с согласия самой

семьи) с целью более тесного сотрудничества специалиста с семьей для изменения отношений внутри нее.

5. В Германии реализуется идея воспитания, а не наказания. Данная тенденция развивается и в России, но в Германии она реализуется повсеместно и пронизывает всю практику оказания помощи несовершеннолетним. Специалист любой сферы: и социальный педагог, и полицейский, и судья исходят из причин и контекста, вызвавших ситуацию, в которой оказался подросток или его семья, и в зависимости от этих причин выбирает траекторию взаимодействия. Все индивидуально.
6. В Германии есть система арестных домов. Арестный дом – это заведение, в которое может быть помещен подросток с 14 лет, сроком до 4 недель по решению ювенального судьи. Цель помещения в арестный дом – воспитательная: на подростка не заводится уголовного дела, он не имеет судимости. В арестном доме он находится в одиночной камере. Есть ряд занятий, которые он может посещать: прогулки, тренинги социальных компетенций и снижения агрессивности, творческие занятия. В арестном доме подросток находится во внеучебное время, информация об этом не передается в его учебное заведение. В России подобных аналогов не существует.

В завершении важно отметить следующий немаловажный фактор, влияющий на систему помощи в Германии. В сфере социальных услуг в Германии процесс работы с клиентом является не менее важным и ценным, чем результат работы. Следствием подобной позиции со стороны государства может являться ориентация специалистов на ситуацию клиента, а не на отчет об успешном завершении работы, что позволяет оказывать максимально возможную помощь.

О работе Центра Защиты Детства

Полланд Габриеле¹

Диагностический Центр KinderschutzAmbulanz am EVK (Дюссельдорф, Германия)

Перевод: Ерастова А.С., Чиркина Р.В.

KinderschutzAmbulanz – это Центр защиты детства, существующий в структуре негосударственной городской клиники и выполняющий диагностические и терапевтические задачи по запросу социальных служб города, а также в ответ на обращения семей, соседей, родственников и т.д. в ситуациях совершения насилия по отношению к детям.

В следующем году работе с детьми в Центре защиты детства исполнится 25 лет. За это время сделано многое и многое еще предстоит. Почти 5400 семей и еще больше детей побывали в Центре. Круг проблем, с которыми мы работаем – это не только домашнее насилие, но и конфликты между детьми, психотравмы вследствие

¹ По материалам доклада об опыте работы KinderschutzAmbulanz am EVK Düsseldorf: Erfahrungs- und Arbeitsberichts 2001/2012 и выступления на встрече с сотрудниками МГППУ 30.07.2012 в Дюссельдорфе по проекту «Детство под защитой»

военных действий, моббинг и насилие, в том числе передаваемые через Интернет. Количественно виды насилия, жертвами которого становятся дети, распределяются следующим образом: 8% - психологическое насилие, 30% - сексуальное, 40% - физическое, 34% - родители не осуществляют правильного ухода и воспитания, 33% - дети являются свидетелями конфликтов между родителями. Суммарно это больше 100-%, т.к. некоторые дети подвергаются множественным видам насилия. Наша работа в основном направлена на детей младшего возраста. Подростки составляют лишь около 10 %.

Специалисты Центра, педагоги, психологи, психиатр, социальный работник и другие осуществляют не только диагностику и терапию, но также проводят семинары, обучающие программы для родителей и специалистов, с превентивными целями поддерживают контакты с патронатными медсестрами.

Как правило, на начальном этапе работы с семьями детям и родителям предоставляются разные консультанты, т.е. сначала они должны предстать скорее как отдельные компоненты, нежели как семья. С одной стороны, это противоречит установившемуся представлению детской и юношеской психиатрии, которая исходит из понятия конгруэнтности семьи и ребенка. Однако в Центре защиты детства понимают, что часто сами родители могут выступать агрессорами, являться причиной страхов ребенка и из-за нужды или завышенных требований не замечать и не защищать его, пренебрегать или притеснять. Таким образом, если речь идет о защите детей, может возникнуть конфликт интересов, когда ребенок описывает совершенное в отношении него насилие, а родители его полностью отрицают. Конечно, существуют и другие пути, как, к примеру, проведение на начальной стадии терапии семейно-диагностической консультации со всеми членами семьи, и, самое главное, дальнейшее интенсивное семейно-терапевтическое сопровождение родителей и детей.

В нашей работе используются различные терапевтические методы: системная семейная, перинатальная, телесно-ориентированная терапия, психодрама, арт-терапия. Есть детский психоаналитик.

Уникальной особенностью нашего Центра является участие в терапевтическом процессе специально обученной собаки. Фунтана, представительница породы «золотой ретривер», помогает в сопровождении травмированных детей, и детей, подвергшихся насилию.

Вот один из примеров такого терапевтического взаимодействия.

Яну уже девять лет. Он вынужден общаться со следователем, а сейчас он начал проходить детскую терапию с участием животных. Много пришлось пережить Яну: пренебрежение родителями, насилие со стороны приемного отца, боль и отчаяние, и снова понимание того, что в его мучениях он никому не нужен, что ничего не изменить. У Яна вследствие травмы наблюдается сложное душевное расстройство. Необходимо отметить, что Ян не может успокоиться, не может жить нормальной детской жизнью, хотя он больше не общается со своим приемным отцом. По ночам его терзают страшные сны, и вновь и вновь он переживает то, что с ним

делал его приемный отец. Ян подружился с Фунтаной и узнал радость теплого телесного контакта с животным. Когда следователь просит Яна представить себе спокойное, защищенное место, где с ним бы ничего плохого не могло произойти и где он чувствовал бы себя счастливым, то Ян представляет себя рядом с собакой. Фунтана и во снах стала для Яна верной спутницей. Постоянные страшные сны отразились на молчаливости Яна, но теперь он по крайней мере хоть несколько часов может спокойно спать. Все еще возникающие страшные сны Яна часто заканчиваются тем, что в них появляется Фунтана и спасает его. Самые ужасные воспоминания Ян, по указанию психолога, спрятал в сундук, откуда специалист может доставать эти воспоминания только небольшими порциями и только с разрешения самого Яна. Мальчик представляет себе, что этот сундук в замке охраняется собакой, и это ему очень помогает. Он также в полной мере уверен, что собака его слушается. Ян кладет ей на лапку лакомство, и Фунтана может только тогда взять это лакомство и съесть, когда ей разрешит Ян. Как горд Ян, как сияют его глаза! Оказывается, он что-то может в мире, где до недавнего времени был всегда зависим, где он был только жертвой насилия. Но лечение травмированного человека это высокая степень напряжения и для самой собаки. То, что Ян пережил во время совершаемого над ним насилия, выходит из него во время игры, и он должен это повторять, чтобы избавиться от воспоминаний. Плохое не должно оставаться внутри него. Наблюдая за его игрой, Фунтана удивляется, когда Ян заставляет игрушки нападать друг на друга, предавать друг друга, делать подлости из-за спины, при этом используя собаку как щит. Но собака понимает, зачем она здесь, и у нее с детьми складываются поистине удивительные терапевтические взаимоотношения.

Наша диагностика часто заканчивается рекомендациями для детей и семей, планированием помощи. Лишь некоторые, не все семьи мы сопровождаем терапевтически в течение долгого времени, остальным мы предлагаем идеи для помощи, направляем к терапевтам, семейным консультантам и другим представителям поддержки в долгосрочной перспективе. Да и после самой терапии существует множество путей дальнейшего развития! И мы всегда стараемся так помочь детям, чтобы они смогли дальше жить в семье, а не отдельно от нее. На данном этапе мы ставим перед собой задачу, опираясь на четверть вековой опыт работы с проблемными семьями, понять, как после выхода семьи из программы помощи применяются наши рекомендации, правильно ли были они поняты, были ли они доступны, понятны и полезны для детей и их семей? Для этого мы осуществляем научно сопровождаемый ретроспективный анализ, а также катамнестические исследования.

Воспитательные возможности правосудия по делам несовершеннолетних

Пютц Эдвин¹

Окружной суд, Центр заключения несовершеннолетних (Дюссельдорф, Германия)

Перевод – Чиркина Р.В.

В Германии на переднем плане в совокупности правовых норм для несовершеннолетних находятся почти исключительно воспитательные меры. Цель этих мер – найти соответствующую ситуации каждого подростка и подходящую именно ему санкцию на его правонарушение. Это воспитательное уголовное право. Выбор санкций на правонарушающее действие подростка определяется не столько характером совершенного действия, как это происходит по отношению ко взрослым преступникам, сколько всесторонним анализом личности правонарушителя. Мероприятия суда должны помогать молодому человеку в том, чтобы он мог выбирать правильную дорогу и больше не совершать в будущем новые преступления.

Совокупность правовых норм для несовершеннолетних регулируется законом о суде по делам несовершеннолетних (JGG) и применяется в судебном процессе в отношении молодых преступников, которым на момент совершения преступления было от 14 до 17 лет. А также к молодым людям 18-20 лет, если на момент совершения преступления судом установлены так называемые задержки развития личности или характер деяния расценен как типичный для молодежи.

В распоряжении ювенального судьи имеется большой спектр воспитательных мер амбулаторного характера, таких как общественно полезные рабочие часы, участие в социальной бригадной работе или тренинге преодоления агрессивности. Молодым преступникам, которые работают, присуждается денежный штраф в пользу общественно полезного учреждения. Однако, суд может назначать другие амбулаторные мероприятия, которые кажутся ему рациональными, и комбинировать, кроме того, различные мероприятия друг с другом. Наконец, в распоряжении суда имеется молодежный арест, которого в такой форме нет во взрослом уголовном праве.

Молодежный арест - это особенная форма лишения свободы для осужденных ювенальным судом молодых людей и подростков, которые не выполняют предписания суда или совершают повторные правонарушения.

Имеются несколько форм такого ареста: арест в свободное время (воскресный арест), короткий арест (от 2 до 4 дней) или продолжительный арест (от одной до четырех недель). Согласно закону о суде по делам несовершеннолетних, молодежный арест должен будить в молодом человеке "чувство собственного достоинства и внушать ему сознание, что он должен отвечать за совершенную им неправомочность". Однако, часто он служит последним предупреждением, чтобы

¹ По материалам выступления 15.09.2012 в МГППУ в рамках проекта «Детство под защитой» и по материалам сайта "Podknast". Wie es wirklich ist? www.podknast.de

разъяснить упомянутому лицу, что далее последует более длительное наказание для несовершеннолетних преступников.

Но и находясь в Jugendarrestanstalten (Центре заключения молодежи) молодой правонарушитель может участвовать в различных видах воспитательной работы и даже в творческих проектах.

Одним из таких проектов стал проект «Podknast» - <http://www.podknast.de/projekt/index.php>. «Podknast» состоит из слов «Podcast» (подкаст) и "Knast" (тюрьма). Речь идет о коротких видеозаписях, которые рассказывают о "тюрьме". Идея состоит в том, чтобы с помощью видео образов, обеспечивающих большую подлинность и привлекающих молодых людей, показывать жизнь и будни подростков в учреждении отбывания наказания.

Проект был разработан по инициативе молодежного центра заключения в Дюссельдорфе в рамках проекта сайта Министерства юстиции земли Северный Рейн-Вестфалия в сотрудничестве с Государственным СМИ администрации земли Северный Рейн-Вестфалия (LfM) при технической поддержке университета Аахена и Центра информационных технологий Государственного Управления Северный Рейн-Вестфалия. Поддержан земельным учреждением для средств массовой информации Северный Рейн-Вестфалию.

Проект преследует множественные цели и обращается к разным целевым группам. Первоначально участвующие молодежные штрафные учреждения исполнения наказания ставили задачу побудить желание молодых заключенных разобраться в своих проблемах, со своей историей жизни, криминальным поведением и его причинами. Вторичной целью является повышение прозрачности информации для потенциально уязвимых молодых людей о ювенальной юстиции и ее последствиях для себя в случае ареста. Молодые люди, знакомясь с подкастами, должны понимать, каково это - сидеть в тюрьме, и они должны приложить все усилия, чтобы не попасть в тюрьму. Кроме того, общественность должна быть информирована о жизни и распорядке дня в исправительном доме для несовершеннолетних. Целью проекта также является оказание помощи специалистам, работающим с несовершеннолетними, которые могут использовать этот источник информации для профилактической работы.

В центре проекта - производство Video-Podcasts с наибольшим вовлечением молодых людей в процесс производства. Содержание и темы Video-Podcasts вырабатывается вместе с арестованными. Они выполняют специальные задания в рамках процесса производства, получая при этом навыки технического обращения с различными сферами видео производства (съемка, монтаж, камера, свет, звук и пр.). Средства видео соответствуют духу времени и потому привлекательны для молодых людей.

Цель проекта также состоит в том, чтобы стимулировать интерес молодежи к новым средствам массовой информации и способствовать повышению их медиаграмотности. Кроме того, мы прогнозируем улучшение социального поведения арестованных, участвующих в производстве кино-работ.

Подкасты имеют продолжительность максимум 5 минут и предлагают зрителям краткий, но информативный взгляд на жизнь за стенами молодежной тюрьмы. В опоре на популярные интернет-платформы такие как "YouTube", "PodknaSt" должен находить доступ к молодым людям. Что подтверждает большая посещаемость сайта и обилие комментариев к роликам.

Одним из наиболее популярных подкастов стал клип Justizvollzugsanstalt Herford: Paar Jugendliche - ein Traum (Тюрьма Herford: молодая пара – мечта): Вы можете построить новый мир в тюрьме? - Пять заключенных поют рэп о своем задержании, повседневных проблемах, но также размышляют о своем будущем. У них всех есть мечта...

Германо-российский обмен опытом в области ювенальных технологий: по материалам проекта «Детство под защитой»

Чиркина Р.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В июле 2012 года в МГППУ стартовал проект «Детство под защитой: германо-российский обмен опытом в области ювенальных технологий». Проект получил финансирование Немецкого культурного центра им. Гёте при Германском Посольстве в Москве (Гёте-институт) в рамках Года Германии в России 2012/13, который проходит под девизом: «Германия и Россия: вместе строим будущее». Год Германии призван укрепить российско-германские партнерские отношения, предложить идеи для решения глобальных вопросов и открыть новые дороги в совместное будущее России и Германии. Организаторами Года Германии 2012/13 являются Гете-Институт, Министерство Иностранных Дел Германии, Восточный комитет германской экономики при поддержке Российско-Германской Внешнеторговой палаты (<http://www.germanyinrussia.ru/intro.html>).

В контексте тем Года «Вызовы общества» и «Научный и академический обмен» проект представляет перспективную линию объединения профессионального арсенала достижений обоих государств в области реализации и защиты прав детей. Ювенальная система Германии, особенно в NRW (Земля Северный Рейн-Вестфалия, столица Земли – г. Дюссельдорф, побратим Москвы), является образцом воплощения идей социального государства. Наш опыт достойно представлен авторскими методиками и практиками, оригинальными модификациями зарубежных технологий. Успешная реализация совместного опыта может внести весомый вклад в развитие системы комплексной защиты детства в России.

Проект осуществляют три подразделения МГППУ: Научно-исследовательская лаборатория Ювенальных технологий (создана с целью научно-методической разработки и внедрения ювенальных технологий в систему психосоциальной реабилитации и профилактики правонарушений, правовой защиты и поддержки несовершеннолетних), Факультет юридической психологии (осуществляет подготовку психологов для работы в сфере семейного, гражданского, уголовного и

других областей права), Центр социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток».

С немецкой стороны в проекте участвуют партнерские организации: общественная организация интеграции русскоязычной молодежи Союз Доверие-Принятие-Перспектива, Дюссельдорф (Der Verein Akzeptanz, Vertrauen, Perspektive (AVPe.V.) и Международная академия повышения квалификации на базе Психотерапевтического института в Дуйсбурге (Internationale Akademie für Fernstudien und Weiterbildung Inh.PiB Fortbildungs- Diagnose- und Therapiezentrum GmbH).

Цели проекта:

1. Организация обмена опытом реализации ювенальных технологий и элементов ювенальной юстиции, а также опытом подготовки кадров для работы в области ювенальных технологий на территории Германии и России.

2. Развитие системы долгосрочного сотрудничества между организациями-участниками проекта.

3. Формирование общественного и профессионального интереса к развитию в России ювенальных практик, доказавших свою эффективность в немецкой системе социально-психологических сервисов.

Целевые группы проекта:

Участники проекта: российские и немецкие специалисты, работающие в государственных учреждениях психологической, социальной, правовой поддержки несовершеннолетних, а также в сфере высшего профессионального образования, научных подразделениях и общественных организациях соответствующего профиля.

Реципиенты проекта: несовершеннолетние и семьи, получающие помощь специалистов; органы управления структурами поддержки детства; читатели СМИ и профессиональных изданий.

Краткое описание проекта

Проект представляет собой композицию из трех основных событий. Это краткосрочная стажировка российских специалистов в Земле Северный Рейн-Вестфалия (июль-август 2012) и серия рабочих встреч с немецкими коллегами и референтами - в Москве (сентябрь 2012). Итоговое мероприятие проекта пройдет в Москве на базе МГППУ 19 октября 2012г. в рамках 3-ей Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием - Коченовские чтения «Психология и право в современной России» в форме телемоста Москва-Дюссельдорф и пресс-конференции по результатам проекта.

В ходе стажировки и рабочих встреч помимо лекций, семинаров, мастер-классов предусмотрено проведение круглых столов с участием стажеров и специалистов принимающих организаций. Во встречах участвуют ведущие специалисты в области ювенальных практик и известные представители научных школ России и Германии.

Тематика встреч и круглых столов:

Знакомство с основаниями, спецификой, организацией и принципами социально-психологической работы с семьями и детьми в России и Германии.

Методическое обеспечение профилактики противоправного поведения подростков и сопровождения процесса декриминализации в соответствии со спецификой различных целевых групп несовершеннолетних.

Особенности подготовки специалистов для работы с семьями и детьми в Германии и России.

Концептуальные основы низкопороговой клубной работы с подростками. Особенности работы с подростками на улице.

Построение сопровождения подростков, совершивших правонарушения, в модели восстановительного подхода с использованием программ восстановительного правосудия и элементов нарративной терапии.

Одним из наиболее ценных результатов обмена являются аналитические материалы о возможностях и технологиях построения эффективной системы защиты детства, включающей в себя все уровни власти, общественные и гражданские институты и профессиональные практики.

Эту системную концепцию в проекте представляют с немецкой стороны:

- от общественных организаций и городских структур г. Дюссельдорфа Сергей Аруин, директор объединения «Принятие. Доверие. Перспектива», Петер Лукачек, руководитель Управления помощи молодежи, Дирк Зауерборн, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ Главного городского полицейского управления, руководитель отдела связи с мусульманскими общинами, Эдвин Пютц, окружной ювенальный судья и руководитель арестного дома для несовершеннолетних, Штефан Зибенкоттен-Дальхофф, директор городского Центра помощи детям;

- Ханс-Вернер Гессманн, профессор, директор Психотерапевтического Института Бергерхаузен, (Дуйсбург) и другие.

С российской стороны:

- от Департамента образования Правительства г. Москвы О.В. Глазкова, начальник отдела дополнительного образования Управления социализации и дополнительного образования;

- от Московского городского психолого-педагогического университета Н.В. Дворянчиков, к.пс.н. декан, проф. Е.Г. Дозорцева, завкафедрой юридической психологии факультета Юридической психологии, К.Д. Хломов, к.пс.н., руководитель Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток», Л.М. Карнозова, к.пс.н., ст.н.с. Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий.

- Р.Максудов, директор МОО Центр "Судебно-правовая реформа", председатель Всероссийской ассоциации восстановительной медиации и другие.

Автор и руководитель проекта - Чиркина Римма Вячеславовна, к.пс.н., и.о. заведующего Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий, доцент кафедры юридической психологии МГППУ.

В ходе проекта между МГППУ и организациями/институтами, вовлеченными в проект, будут заключены Соглашения о сотрудничестве, направленные на реализацию совместных научно-исследовательских и образовательных проектов в России и в Германии в области ювенальных технологий и инновационной деятельности, а также обмен актуальными разработками и результатами исследований. Регулярными станут принятые рабочей группой проекта программы обмена специалистами и ежегодные конференции по данной тематике.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ДЕПАРТАМЕНТУ ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ**

**Влияние восстановительных программ на самосознание подростков с
девиантным поведением**

Великоцкая А.М., Женодарова Е.Д.

ЦСПАиРП «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического
университета (Москва)

Социально-психологические исследования последних лет показывают некоторые негативные характеристики социальной позиции российских подростков: инфантилизм как отсутствие осознанных и самостоятельных решений в значимых областях жизни, перенос ответственности за свою жизнь, социальная апатия, дефицит смысла будущего, гедонистическое и ситуативное восприятие своей жизни. Все это проявления, которые еще Э. Эриксонем были названы «спутанностью идентичности».

Я-концепция большинства девиантных подростков, часто страдающих психическим инфантилизмом, отличается от Я-концепции более социализированных сверстников и может быть охарактеризована как «деформированная». У таких подростков часто недостаточно развиты функции прогноза и планирования деятельности, как в ситуативном плане, так и на уровне субъективной картины жизненного пути. Девиантные подростки менее склонны описывать себя через социальные роли и давать себе личностные характеристики, у них часто отсутствуют определения, относящиеся в своей компетентности и самореализации, они чаще говорят о своих привычках и действиях («я курю», «я люблю кататься на электричках») (В.А. Мяскин, 2001).

Степень позитивности Я-концепции повышается под влиянием благоприятных суждений со стороны внешнего окружения, под влиянием неблагоприятных Я-концепция становится негативной (Ф. Райс, 2002; T.D. Heatherton, N .Ambary, 1993; и др.). Это происходит с помощью процесса интериоризации: оценки индивида, даваемые ему «извне», становятся его собственными (А.А. Налчаджан, 1988). Так внешние условия влияют на внутренние (интериоризированные) представления человека о себе.

Исходя из этого, можно предположить, что наличие ресурса социальной поддержки, в роли которого выступают члены семьи и другие действительно близкие люди может благотворно влиять на самосознание подростков и являться профилактикой девиантного и конфликтного поведения.

Работа с подростками в Центре «Перекресток» строится на основе применения восстановительного подхода, в частности восстановительных программ (Кругов, Программ восстановительного правосудия, Семейных конференций). Восстановительная программа – это процесс, в котором ведущий программы создает условия для восстановления способности участников понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций. (Р.Р. Максудов, 2009).

Целью восстановительного реагирования на ситуации правонарушений и конфликтов с участием несовершеннолетних является запуск такого процесса, который направлен на:

-интеграцию подростков в общество;

-вовлечение в разработку и реализацию решения по поводу конфликтной ситуации людей, которых эта ситуация непосредственно касается. Исходя из этой цели, определяются задача и роли специалистов. Главная задача специалистов – создать пространство полноценного участия в этом процессе ближайшего социального окружения и самого подростка (Р.Р. Максудов, 2009).

На основе наблюдений из практики мы можем отметить два основных «эффекта» восстановительных программ.

Во-первых, программы помогают подросткам совершить скачок от сиюминутного восприятия себя к более стабильному и осознанному. Я-идеальное в развитии содержит в себе представление о том, каким подросток хотел бы стать через какое-то время, так как главной задачей, которая стоит перед ним, является самоопределение. Необходимость осуществлять выбор решения и принимать на себя ответственность за реализацию своего решения, заложенная в восстановительных программах, развивает способности подростка к самоопределению. Происходит самоопределение подростка в разных сферах жизни – выделяются конкретные интересы, занятия, появляется перспектива.

Во-вторых, программы способствуют восстановлению баланса власти и старшинства в семье или группе, когда распределяется ответственность взрослых и ребенка, и они «занимают свои места». После программ подростки чувствуют включенность взрослых в свою ситуацию. Это часто приводит к расширению у подростков репертуара социальных ролей и появлению представлений о себе как об обладателях этими ролями («я сын/ дочь», «я брат/ сестра», «я ученик/ студент»).

Таким образом, как мы видим, в технологию проведения восстановительных программ заложена идея восстановления ресурса социального окружения для подростка, поэтому программы обладает большим развивающим потенциалом для самосознания подростка.

Литература

1. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: идея и технология. Методические рекомендации. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 72 с.

2. Мьялкин В.А. Особенности осознания себя и своих действий несовершеннолетними с психическим инфантилизмом в юридически значимых ситуациях. Автореф. дис. канд. психолог. наук. - Ярославль, 2001. – 19 с.
3. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1988. – 263 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М: «Прогресс», 1996. – 344 с.

Социально-ориентированная организация мигрантов

Коновалов А.Ю.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В числе мероприятий с участием специалистов из Германии по проекту «Детство под защитой», проходивших в МГППУ в сентябре 2012 года, одним из самых интересных был Круглый стол «Острая тема: миграция и межнациональные конфликты. Проблемы, подходы, технологии». Вели заседание: с немецкой стороны - директор Союза АVP Сергей Аруин, с российской - Рустем Максудов, Антон Коновалов, Нодар Хананашвили, Римма Чиркина. Для присутствующих мнение немецкого коллеги, работающего в сфере помощи мигрантам, было весьма значимым. По его прогнозам, в ближайшие годы в российском обществе ожидаются значительные перемены. Мигранты, приехавшие в Россию за последние десятилетия, начнут все сильнее влиять на политику. Сейчас мигранты достаточно разрозненны, у многих из них низкий уровень образования, недостаточное знание русского языка, они соглашаются на низкооплачиваемые работы, стараются в основном избегать конфликтов (понимая, что общество не на их стороне). Но, как это происходит в Германии, постепенно они (и их дети) получают хорошее образование, прописку, работу. Следующим их возможным шагом может стать стремление лоббировать свои интересы на разных уровнях власти (муниципальном, городском и выше), даже несмотря на то, что далеко не все из них ассимилируются в культуру российских городов. Чаще мигранты образуют анклав, сохраняя свой язык, культуру, традиции.

Следовательно, перед социальной сферой России стоит проблема обеспечения социализации мигрантов и их интеграции (их, а также их детей и приехавших родственников) в российское общество. Однако, исходя из опыта германских коллег, привычная для нас система работы полиции, социальных педагогов и других специалистов часто не находит «общего языка» с мигрантами. Это приводит к конфликтным ситуациям между мигрантами и коренными жителями. Но если сейчас в целом мигранты мирятся с применяемыми к ним мерами, то по мере усиления их влияния на политику, конфликты могут перерасти в серьезное противостояние.

Решением может стать поддержка и развитие социально значимых общественных организаций, «выросших» из среды самих мигрантов. Такие организации могут взять на себя не только роль защиты интересов мигрантов, но и оказание своим соотечественникам помощи в социализации, налаживании конструктивного взаимодействия с властными структурами, правоохранительными

органами, системой образования и здравоохранения. Будучи сами из среды мигрантов, они смогут лучше наладить коммуникацию и взаимопонимание, не будут восприниматься как «чужие», смогут учитывать интересы разных людей и групп.

При этом нельзя забывать про риск маргинализации и национализации подобных организаций, поэтому при их поддержке важно учитывать открытость организации, готовность идти на диалог, включаться в сетевое взаимодействие с другими организациями страны.

К сожалению, пока существующая в социальной сфере России структура управления не ориентирована на взаимодействие с общественными организациями. В основном, социальные заказы и работы возлагаются на существующие государственные структуры: органы опеки, социальных работников, государственные центры в системе образования, молодежной политики и социальной защиты. Добавим от себя, что сейчас некоторые социальные услуги начинают передавать на аутсорсинг негосударственным структурам, но пока система не отработана. Также Министерство экономического развития РФ выделяет средства на работу с социально ориентированными некоммерческими организациями, но надо выстраивать взаимодействие этих организаций с органами социальной сферы.

Для сравнения: в Германии основную часть работы выполняют общественные организации, с которыми уполномоченные госучреждения заключают договоры на обслуживание населения, работу с незащищенными слоями общества и людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации (включая мигрантов). Строгая и прозрачная система распределения средств, отчетности и мониторинга создает условия для повышения качества работы общественных организаций.

Кроме того, на наш взгляд, в отличие от Германии, у нас важную роль в процессе налаживания межнационального и межконфессионального диалога могут играть восстановительные практики (медиация, «Круги сообщества» и другие). Особенно эффективными могут стать формы, опирающиеся на традиции примирения, сохранившиеся в национальных сообществах.

Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве

Ошевский Д.С.

Московский городской психолого-педагогический университет
ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Тревожной тенденцией последних лет является изменение структуры и характера правонарушений, совершаемых подростками. По данным МВД РФ, несовершеннолетние активно вовлекаются в групповую экстремистскую деятельность, связанную с идеями национальной ненависти (<http://www.mvd.ru/>). Еще несколько лет назад группы «скинхедов» состояли в основном из социально и педагогически запущенных подростков нередко с интеллектуальными дефицитом. Их

восприятие националистической идеологии отличалось поверхностностью. Подростки группировались ситуационно, совершали деликты, как правило, в состоянии алкогольного опьянения, сопровождая их разбоями. Однако в последнее время в наблюдаются иные тенденции. «Скинхеды» достаточно хорошо ориентированы в националистической литературе. Такие несовершеннолетние составляют устойчивые, хорошо организованные группы, осуществляющие свою координацию с помощью сети Интернет. В них входят внешне благополучные подростки, положительно характеризующиеся по месту жительства и учебы, нередко получающие высшее образование. Вполне естественно, что после привлечения подростка к уголовной ответственности за тяжелое правонарушение возникает вопрос о его психическом здоровье. Между тем, подобное поведение может быть обусловлено целым рядом причин и требуют дифференцированной оценки, в которой учитывались бы социальные и психологические факторы, такие как индивидуальные особенности подростка, его установки, поведение в группе, социальные ориентации и т.п. В клинико-психологических работах на примерах отдельных случаев показано, что у несовершеннолетних в генезе противоправных действий на национальной почве существенную роль играют эмоционально насыщенные смысловые конструкты, связанные с негативным восприятием лиц иной национальности (Голуб С.В., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В., Ошевский Д.С., 2009; Бадмаева В.Д., Кондратьев Ф.В., Макушкин Е.В., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., 2010). Между тем обобщенного анализа на эту тему не проводилось. Перечисленными обстоятельствами обусловлена актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – выявление социальных установок и смысловых конструктов у подростков, совершивших агрессивные деликты на национальной почве.

Материалы и методы. Обследовались несовершеннолетние мужского пола (N=12), совершившие агрессивные противоправные действия на национальной почве (ст.ст. УК РФ: 105 - «Убийство», 111 - «Умышленное причинение тяжкого вреда», 282 - «Возбуждение ненависти, либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и направленные на комплексную судебную психолого-психиатрическую (КСППЭ) в ФГБУ «ГНЦ ССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России в период с 2008 по 2011 г.г. Средний возраст испытуемых $16,2 \pm 1,4$ лет. Для выявления социальных установок и смысловых конструктов использовался цветовой тест отношений (ЦТО) (Эткинд А.М, 1988; Дозорцева Е.Г., 2004; Ошевский Д.С., 2006). Кроме того, проводился качественный психологический анализ истории жизни несовершеннолетних, который осуществлялся по материалам актов КСППЭ.

Результаты исследования. Проведенный кластерный анализ позволил выявить у испытуемых ряд тенденций, касающихся специфических смысловых конструктов, которые можно рассматривать в качестве факторов риска агрессивного криминального поведения на национальной почве. Их оценки, как правило, категоричны и полярны, смысловая сфера отличается конфликтностью и

недифференцированностью смыслов. Подобная структура смысловых конструктов и негативных установок, по-видимому, связана с неблагоприятным семейным контекстом, в котором воспитывается ребенок. Отцы таких несовершеннолетних либо вообще не поддерживают с ними отношений, или отличаются эмоциональной холодностью. В результате у подростков, совершивших агрессивные деликты на национальной почве, не формируется адекватного представления о своей психосоциальной роли. Мужской образ у них отличается недифференцированностью. Гипермаскулинные модели поведения, реализуемые за счет вхождения в националистические группы, возможно, позволяют таким подросткам компенсировать диффузность своей идентичности. Фактором риска агрессивного противоправного поведения на национальной почве может являться ориентация на нормы референтной группы, в которой культивируются смыслы, связанные с агрессией и насилием по отношению к лицам иной национальности. Аффективную нагруженность ксенофобских представлений, а также непоследовательную и конфликтную оценку содеянного, по-видимому, следует рассматривать в качестве факторов, существенно повышающих вероятность подобных деликтов.

Заключение. Выявленные тенденции целесообразно учитывать при проведении КСППЭ, назначении и исполнении наказания, проведении коррекционных и реабилитационных мероприятий, а также прогнозировании у несовершеннолетних повторных агрессивных правонарушений на национальной почве.

СПИСОК АВТОРОВ

Абраменко Анна Юрьевна, психолог Центра «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Азарных Татьяна Дмитриевна, доцент Воронежского государственного университета инженерных технологий, кандидат биологических наук (Воронеж)

Али-заде Ариф Сабирович, аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Андреанов Михаил Семенович, старший научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Академии генеральной прокуратуры РФ, кандидат психологических наук (Москва)

Анисимова Татьяна Германовна, старший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, кандидат психологических наук (Москва)

Аравина Анастасия Игоревна, педагог-психолог, Отделение ГБУ «Городской центр «Дети улиц» (Москва)

Аруин Сергей Евгеньевич, дипломированный социальный работник, руководитель Союза Принятие-Доверие-Перспектива (Der Verein Akzeptanz Vertrauen Perspektive e.V.) (Дюссельдорф, Германия), научный сотрудник НИЛ Ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Асланбекова Эльмира Наримановна, лаборант лаборатории юридической психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, (Саратов)

Базылевич Татьяна Федоровна, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный университет технологий и управления; профессор, зав. кафедрой общей и социальной психологии, Международный славянский институт; ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН; научный руководитель независимого НПЦ психологической безопасности индивидуальности «Акма», доктор психологических наук, профессор (Москва)

Банников Геннадий Сергеевич, заведующий лабораторией «Научно-методического обеспечения экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат медицинских наук (Москва)

Бовин Борис Георгиевич, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Москва)

Бовина Инна Борисовна, профессор кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник лаборатории «Научно-методического обеспечения экстренной психологической помощи» Центра экстренной

психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук (Москва)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Бондаренко Наталья Викторовна, главный специалист-эксперт, эксперт-психолог Бюро судебных экспертиз МЮ ПМР (Тирасполь, Молдова, Приднестровье)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (Орел)

Будыкин Сергей Владимирович, выпускник факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Булыгина Вера Геннадьевна, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Вакулич Татьяна Михайловна, доцент кафедры практической психологии, Киевский национальный университет имени Бориса Гринченка, кандидат психологических наук (Киев, Украина)

Валицкас Гинтаутас, заведующий кафедрой общей психологии Вильнюсского университета, доктор психологических наук, профессор (Вильнюс, Литва)

Ванагайте Кристина, преподаватель Вильнюсского университета, доктор психологических наук (Вильнюс, Литва)

Васкэ Екатерина Викторовна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет), кандидат философских наук (Нижний Новгород)

Вахнина Виктория Владимировна, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Великоцкая Анастасия Михайловна, педагог-психолог, ведущий восстановительных программ, специалист подразделения «Работа с правонарушениями подростков» ЦСПАиРП «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Вертягина Елена Александровна, доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования

«Саратовская государственная юридическая академия», кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Виноградова Светлана Николаевна, аспирантка Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарская гуманитарная академия» (Самара)

Вихристюк Ольга Валентиновна, руководитель Центра экстренной психологической помощи (ЦЭПП) Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Волкова Анна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат филологических наук (Калуга)

Воробьева Инна Викторовна, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории морально-психологического сопровождения служебно-боевой деятельности внутренних войск научно-исследовательского центра служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД Украины Академии внутренних войск МВД Украины, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Украина Харьков)

Воропай Ксения, докторант Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва)

Голубева Светлана Николаевна, старший преподаватель Московской гуманитарно-технической академии (Москва)

Горбатов Сергей Владимирович, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Горфан Яна Юрьевна, аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Гриднева Светлана Валерьевна, доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии, Южный федеральный университет, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Гриценко Анна Александровна, аспирант Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Гутник Анастасия Дмитриевна, инженер факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Дворянчиков Леонид Александрович, выпускник кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета Юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дебольский Михаил Георгиевич, заведующий кафедрой пенитенциарной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дзюман Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры психологии образования и развития, Нижневартовский государственный гуманитарный университет (Нижневартовск)

Дозорцева Елена Георгиевна, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, заведующая кафедрой юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Дьячкова Ирина Сергеевна, заместитель директора, эксперт-психолог Некоммерческого Партнерства «Межрегиональный центр практической психологии и экспертизы «Развитие» (Ижевск)

Дубинин Алексей Сергеевич, заведующий лабораторией развития личности Московского государственного университета технологий и управления (Москва)

Дубнякова Анастасия Игоревна, старший преподаватель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Дубровская Татьяна Владимировна, начальник цикла Федерального казенного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования Специализированного межрегионального учебного центра Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Новосибирской области, подполковник внутренней службы (Новосибирск)

Душкин Антон Сергеевич, преподаватель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Дыса Елена Викторовна, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат психологических наук, доцент (Днепропетровск, Украина)

Егоров Игорь Александрович, начальник правового управления Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Есикова Татьяна Владиславовна, доцент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гидрометеорологический университет», кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Жарков Георгий Вадимович, доцент ФГБОУ ВПО, Владимирский Государственный Университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат психологических наук (Владимир)

Жендарова Елена Дмитриевна, педагог-психолог, ведущий восстановительных программ, ведущий специалист подразделения «Работа с правонарушениями подростков» ЦСПАиРП «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Жукова Марина Игоревна, старший преподаватель кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Жумагалиева Мария Юрьевна, младший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦССП им.В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ (Москва)

Захарченко Дарья Александровна, студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Зеленина Марина Микаеловна, аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Злоказова Марина Владимировна, профессор кафедры психиатрии Кировской государственной медицинской академии, доктор медицинских наук (Киров)

Иванова Александра Владимировна, педагог-психолог Центра «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Ильин Александр Валерьевич, начальник психологической службы УФСИН России по Владимирской области (Владимир)

Ичитовкина Елена Геннадьевна, начальник Центра психофизиологической диагностики Федерального казенного учреждения здравоохранения Медико-санитарной части Министерства внутренних дел России по Кировской области, кандидат медицинских наук, майор внутренней службы (Киров)

Кабанова Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Казаковцев Борис Алексеевич, руководитель отдела судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Москва)

Калашникова Анна Сергеевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник ФНБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, кандидат психологических наук (Москва)

Карасев Валерий Альбертович, старший преподаватель ФГБОУ ВПО, Владимирский Государственный Университет им. А.Г и Н.Г. Столетовых, Муромский филиал (Муром)

Ковалев Максим Александрович, соискатель факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Ковальчишина Светлана Владимировна, научный сотрудник Научно-исследовательского центра психотренинговых технологий Донецкого юридического института МВД Украины Донецкого юридического институт МВД Украины (Донецк, Украина)

Ковтун Елена Викторовна, аспирант кафедры теоретической и прикладной психологии Института психологии Пермского государственного педагогического университета, старший инспектор-психолог ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Пермскому краю» (Пермь)

Козырева Ирина Евгеньевна, доцент кафедры криминалистики Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (Уфа)

Кокурин Алексей Владимирович, декан факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Кокурина Инга Валерьевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Колесниченко Александр Сергеевич, преподаватель Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков Украина)

Комиссарова Ярослава Владимировна, доцент кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Конкин Владислав Юрьевич, выпускник факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Коновалов Антон Юрьевич, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории Ювентальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Константинов Всеволод Валентинович, декан факультета психологии ФГБОУ «Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского» кандидат психологических наук, доцент (Пенза)

Корехова Мария Владимировна, аспирант Института ментальной медицины ГОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» (Архангельск)

Котлярова Любовь Николаевна, доцент ФГБОУ «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», кандидат психологических наук (Москва)

Кошкин Кирилл Александрович, старший научный сотрудник лаборатории «Научно-методического обеспечения экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник ФГБУ МНИИП Минздравсоцразвития, кандидат медицинских наук (Москва)

Красник Вадим Семенович, доцент ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (Челябинск)

Кузнецов Игорь Владимирович, медицинский психолог ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ (Москва)

Кузнецова Снежана Анатольевна, доцент кафедры психологии социально-гуманитарного факультета Северо-Восточного государственного университета, докторант Московского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Магадан)

Лефтеров Василий Александрович, профессор кафедры психологии и социологии Донецкого юридического института МВД Украины, доктор психологических наук,

профессор (Донецк, Украина)

Лисовцева Вера Михайловна, старший преподаватель Саратовской государственной юридической академии (Саратов)

Литвинова Галина Алексеевна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра психотренинговых технологий Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат психологических наук (Донецк, Украина)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Лукьянченко Наталья Владимировна, докторант ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет», кандидат психологических наук, доцент (Красноярск)

Максимова Ирина Викторовна, педагог-психолог Государственного бюджетного образовательного учреждения детский сад комбинированного вида № 919 г. Москвы (Москва)

Макурин Антон Александрович, младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Макурина Анна Павловна, младший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ (Москва)

Маланцева Оксана Дмитриевна, заместитель начальника отдела психологических экспертиз и исследований Государственного унитарного предприятия «Центр информационно-аналитических технологий», аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Малева Мария Владимировна, студент факультета педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Шуйский государственный педагогический университет» (Шуя)

Мальцева Татьяна Вячеславна, доцент Московского областного филиала Московского университета МВД России, кандидат психологических наук (Руза)

Мацегора Янина Владимировна, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории морально-психологического сопровождения служебно-боевой деятельности внутренних войск научно-исследовательского центра служебно-боевой деятельности внутренних войск МВД Украины Академии внутренних войск МВД Украины, кандидат психологических наук (Украина Харьков)

Моисеева Людмила Петровна, преподаватель кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Морозова Марина Валентиновна, заведующая отделением психологии ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития РФ, доцент факультета Клинической

и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Москва)

Морозикова Ирина Владиславовна, доцент кафедры психологии и ОМЗ Смоленского государственного университета, кандидат психологических наук (Смоленск)

Миллер Людмила Владимировна, ведущий научный сотрудник лаборатории «Научно-методического обеспечения экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Милованова Елена Александровна, начальник отдела социально-психологической адаптации и развития подростков Центра «Перекресток» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Михайлова Ольга Юрьевна, профессор кафедры психологии образования и развития Нижневартовского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор (Нижневартовск)

Мялкин Владимир Алексеевич, адвокат адвокатской фирмы «Защита» Адвокатской палаты Ярославской области, кандидат психологических наук (Ярославль)

Назарова Наталья Глебовна, педагог-психолог Отделения ГБУ "Городской центр" Дети улиц" в ЮВАО (Москва)

Николаева Валерия Константиновна, начальник кабинета специальных дисциплин кафедры юридической психологии Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Санкт-Петербург)

Новикова Елена Анатольевна, педагог-психолог ФБУ ИК-22 Дом ребенка (Красноярск)

Новикова Ирина Альбертовна, профессор кафедры психологии Поморского государственного университета им. Н.В. Ломоносова, доктор медицинских наук, профессор (Архангельск)

Новотоцкая-Власова Екатерина Владимировна, медицинский психолог психиатрической клинической больницы № 1 им. Н.А. Алексеева (Москва)

Нуцкова Елена Владимировна, младший научный сотрудник ФГБУ ГНЦ ССП им. В.П. Сербского (Москва)

Овсянникова Янина Александровна, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии, Национальный университет гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук, капитан службы гражданской защиты (Харьков Украина)

Онищенко Наталья Викторовна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Харьков, Украина)

Онищенко Ольга Романовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук (Омск)

Ошевский Дмитрий Станиславович, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета; старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Палий Антонина Дмитриевна, студентка факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Петелина Анастасия Сергеевна, психолог ФГУ Орловская ПБСТИН Росздрава (Орел)

Петрова Любовь Георгиевна, доцент Саратовской государственной юридической академии, кандидат психологических наук (Саратов)

Пимонов Владимир Александрович, доцент кафедры юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Побидаш Андрей Юрьевич, начальник отделения внедрения психотренинговых технологий Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков, Украина)

Подушкина Татьяна Геннадьевна, методист Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток», Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Полланд Габриеле, доктор психиатрии, руководитель диагностического Центра KinderschutzAmbulanz am EVK (Дюссельдорф, Германия)

Поляков Игорь Александрович, старший научный сотрудник Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков, Украина)

Полянская Валентина Анатольевна, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент (Иркутск)

Пономаренко Иван Владимирович, соискатель научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Потлачук Наталья Викторовна, доцент Санкт-Петербургского филиала национального исследовательского университета Высшей школы экономики, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Приходько Игорь Иванович, начальник научно-исследовательского центра Академии внутренних войск МВД Украины, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Харьков, Украина)

Пчельников Юрий Михайлович, директор, эксперт-психолог Некоммерческого Партнерства «Межрегиональный центр практической психологии и экспертизы «Развитие» (Ижевск)

Пютц Эдвин, ювенальный судья Окружного суда, начальник Центра отбытия наказания несовершеннолетних (Дюссельдорф, Германия)

Ратинова Наталия Александровна, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук (Москва)

Ремеева Альфия Фаатовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Рехтина Наталья Владимировна, преподаватель Специализированного межрегионального учебного центра ГУФСИН России по Новосибирской области (Новосибирск)

Романко Оксана Анатольевна, доцент кафедры психологии образования и развития ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет, кандидат психологических наук, доцент (Нижевартовск)

Романовская Ирина Викторовна, преподаватель Международного гуманитарного университета Крымского экономико-правового института, кандидат юридических наук (Симферополь, Украина)

Савина Ольга Феликсовна, старший научный сотрудник лаборатории психологии Отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения РФ, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник (Москва)

Сафуанов Фарит Суфиянович, руководитель лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Семёнова Файзура Ореловна, профессор ФБГОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», доктор психологических наук (Карачаевск)

Ситковская Ольга Давидовна, заведующая отделом юридической психологии Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор психологических наук (Москва)

Соколова Лейла Александровна, аспирантка факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Соколова Ольга Александровна, начальник кафедры оружиеведения и трасологии Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Соловьев Андрей Горгоньевич, профессор кафедры психиатрии и медицинской психологии Северного государственного медицинского университета, доктор медицинских наук (Архангельск)

Соловьева Анна Владимировна, доцент кафедры юридической психологии Московского университета МВД России, кандидат психологических наук (Москва)

Стальнова Ирина Александровна, аспирант факультета Юридической психологии Московского психолого-педагогического университета (Москва)

Стальнов Алексей Геннадьевич, аспирант факультета Юридической психологии Московского психолого-педагогического университета (Москва)

Стволыгин Константин Владимирович, доцент кафедры психологии и конфликтологии Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)

Суслов Юрий Евгеньевич, психолог Межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Владимирской области; ассистент кафедры психологии и социальной педагогики ГОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (Владимир)

Суфиянова Яна Рустамовна, студентка Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартовск)

Сучкова Елизавета Львовна, доцент кафедры организации психологической службы в УИС Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук, доцент (Вологда)

Тащёва Анна Ивановна, доцент кафедры психологии личности, Южный федеральный университет, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Терехина Светлана Алексеевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета; старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Тигунцева Галина Николаевна, доцент кафедры медицинской психологии ФГБОУ ВПО "Иркутский государственный университет", кандидат педагогических наук, доцент (Иркутск)

Титаренко Диана Сергеевна, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков, Украина)

Тонконог Инна Сергеевна, студент факультета педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Шуйский государственный педагогический университет» (Шуя)

Узденова Алана Магомедовна, старший преподаватель ФБГОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» (Карачаевск)

Урываев Владимир Анатольевич, доцент по кафедре медицинской психологии Ярославской государственной медицинской академии, кандидат психологических наук, доцент (Ярославль)

Устьянина Жанна Георгиевна, заведующая отделением принудительного лечения специализированного типа Кемеровской областной клинической психиатрической больницы (Кемерово)

Фадеева Дарья Андреевна, аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Федонкина Анастасия Александровна, младший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (Москва)

Фёдоров Александр Фёдорович, старший психолог Межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Владимирской области; доцент кафедры общей психологии и акмеологии КГТА ГБОУ ВПО «Ковровская государственная технологическая академия им. В.А.Дегтярева», кандидат психологических наук, доцент (Ковров)

Целиковский Сергей Борисович, заведующий кафедрой военной и юридической психологии факультета психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Цильмак Алёна Николаевна, начальник кафедры юридической психологии и педагогики факультета подготовки сотрудников подразделений милиции общественной безопасности Одесского государственного университета Министерства внутренних дел Украины, доктор психологических наук, доцент (Одесса, Украина)

Чепеленко Анна Геннадьевна, студентка ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет» (Нижевартовск)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Чиркина Римма Вячеславовна, и.о. заведующей Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий, доцент кафедры юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Шаповал Валентин Анатольевич, доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент (Санкт-Петербург)

Шелонина Татьяна Валериевна, ассистент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Шемякин Алексей Владимирович, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальная психология, Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Шемякина Ольга Олеговна, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Шипшин Сергей Сергеевич, заместитель начальника ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Шипшина Ольга Сергеевна, старший эксперт ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Шмелькова Татьяна Сергеевна, ассистент ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказской гуманитарно-технологической академии» (Карачаевск)

Шульга Александра Геннадьевна, младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Южанинова Алла Леонидовна, доцент ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат психологических наук (Саратов)

Юстицкис Викторас, профессор университета им. Миколаса Ромериса, доктор юридических наук, профессор (Вильнюс, Литва)

Хаванский Сергей Николаевич, старший преподаватель кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, медиатор-тренер АНО «Центр медиации и права», кандидат юридических наук (Москва)

Ясная Вера Александровна, старший преподаватель кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Азарных Т.Д. Психологические последствия сексуального насилия	5
Али-заде А.С. Язык как фактор атрибуции вины	6
Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Коноплева И.Н., Ковалев М.А., Конкин В.Ю Специфика социальных представлений молодежи о наркотиках и наркоманах ...8	
Вакулич Т.М., Лефтеров В.А. Виктимное поведение женщины в механизме супружеского насилия	13
Горфан Я.Ю. Исследование психологических особенностей пожилых людей, подвергшихся виктимизации: предварительные результаты	15
Гриднева С.В., Тащёва А.И. Семейное насилие глазами детей: эмпирическое исследование	16
Гриценко А.А. Перспективы развития психологического портретирования в рамках теории деятельности	18
Гутник А.Д. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии над детьми	20
Дзюман Е.М., Михайлова О.Ю. Криминально-психологическая классификация групповых сексуальных преступлений несовершеннолетних	21
Жарков Г.В. Готовность к риску, рискованное поведение, криминальное действие – проблема соотношения понятий	23
Захарченко Д.А., Дозорцева Е.Г. Психологические особенности и реакции больных, получивших сочетанную и множественную соматическую травму в результате противоправных действий	24
Константинов В.В. Специфика адаптационных алгоритмов инокультурных мигрантов в принимающем сообществе: психолого-правовой аспект	26
Овсянникова Я.А. Социально-психологические факторы, детерминирующие возникновение насилия в семье	28
Онищенко О.Р. Мошенничество. Бесконечный путь усовершенствования технологий обмана	29
Пимонов В.А. О состоянии нормативно-правового регулирования вопросов защиты субъектов образовательных отношений от насилия	31

Семенова Ф.О., Шмелькова Т.С. Представления молодежи о причинах развития терроризма	32
Целиковский С.Б., Романко О.А. Девiantное поведение подростков в ИТ-пространстве	34
Цильмак А. Н. Классификация грабителей в соответствии с их криминальными мотивами	36
Чепеленко А.Г. Психологический портрет террориста	37
Шемякин А.В., Шемякина О.О. Проблема подходов к изучению криминального поведения: От прошлого к настоящему	40
Ясная В.А. Просоциальное и антисоциальное в я-концепции подростков с девиантным поведением	43
КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	
Анисимова Т.Г., Петелина А.С. Факторы риска психологической дезадаптации персонала, осуществляющего принудительное лечение	45
Бондаренко Н.В. Конфликтологический анализ в практике судебно-психологической экспертизы по гражданским делам	46
Булыгина В.Г. Новые инструменты в зарубежной практике - структурированное измерение протективных факторов риска насилия	48
Булыгина В.Г., Казаковцев Б.А. Унифицированная программа тематических усовершенствований по вопросам судебно-психиатрической профилактики (в рамках специальности судебно-психиатрическая экспертиза)	50
Валицкас Г., Ванагайте К., Юстицкис В. Изменения поведения судей (на примере литовского судопроизводства)	52
Валицкас Г., Воропай К. Особенности восприятия справедливости поведения должностных лиц правоохранительных органов жертвами преступлений	53
Васкэ Е.В. Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений	55
Дьячкова И.С., Пчельников Ю.М. Судебно-психологическая экспертиза морального вреда (опыт проведения СПЭ по делам о компенсации морального вреда в результате ЧС в п. Пугачево Республики Удмуртия)	57

Жарков Г.В., Карасев В.А. Трансформация восприятия телесности и рискованных сексуальных действий в обыденной психологии современной российской провинции	59
Кабанова Т.Н. Учет субъективных оценок пациентов в профилактике повторных ООД психически больных	61
Калашникова А.С. Использование герменевтических приемов при диагностике суицидального поведения	63
Комиссарова Я.В. О диагностике информационного состояния субъекта в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа (ПФИ)	66
Кузнецов И.В. Особенности восприятия и когнитивной сферы при бредовых расстройствах	68
Лисовцева В.М., Петрова Л.Г. Психологические особенности анализа видеоматериалов в рамках судебно-психологической экспертизы	69
Макурин А. А. Факторы рецидива сексуальных правонарушений (зарубежный подход)	72
Макурина А. П. Психологические факторы внутрибольничной агрессии во время принудительного лечения у психически больных женщин	74
Морозова М.В., Савина О.Ф. К проблеме атипичного течения аффекта у лиц, не страдающих психическим расстройством	76
Мялкин В.А. Комплексный характер экспертной психологической оценки состояния лиц, совершивших ДТП	77
Полянская В.А. О некоторых вопросах назначения судебно-психологической экспертизы в уголовном судопроизводстве	79
Потлачук Н.В. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей	81
Ратинова Н.А. Типичные ошибки, совершаемые при производстве судебно-психологических экспертиз материалов экстремистской направленности	84
Ситковская О.Д. Психологическая характеристика вменяемости и невменяемости	85
Соколова Л.А. Вывоз ребенка с места постоянного проживания одним из родителей в ситуации острого семейного конфликта	87

Стволыгин К.В. Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников.....	89
Урываев В.А. К вопросу о социально-психологических аспектах судебно-психологической экспертизы показаний свидетелей (потерпевших)	91
Устьянина Ж.Г. Медицинская профилактика общественно опасных действий психически больных, находящихся на принудительном лечении.....	92
Устьянина Ж.Г., Новотоцкая-Власова Е.В. Психологические и поведенческие критерии успешности реабилитационных мероприятий	94
Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы.....	96
Шульга А.Г. Психологические факторы внутрибольничной агрессии	99
Южанинова А.Л. Возможности двусторонней судебно-психологической экспертизы	101

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Андрианов М.С. Периодизация процесса правовой социализации.....	103
Дозорцева Е.Г. Современные общественные процессы и ювенальная юридическая психология.....	104
Есикова Т.В. Психологические аспекты развития правосознания: от детства к зрелости	106
Луковцева З.В. К вопросу о структуре психологических последствий жестокого обращения с несовершеннолетними.....	108
Максимова И.В. Семейное насилие над детьми дошкольного возраста как психолого-педагогическая проблема	110
Маланцева О.Д. Проявления экстремизма среди подростков(по материалам экспертных психолого-лингвистических исследований).....	112
Назарова Н.Г., Ошевский Д.С. Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних, отбывающих наказание	114
Нуцкова Е.В. Сопровождение психологом несовершеннолетних – жертв сексуального насилия.....	115
Палий А.Д., Дозорцева Е.Г. Проблемы психического здоровья у подростков-правонарушителей: возможности скрининга	117

Романовская И.В. Семейные факторы, предопределяющие развитие агрессивного поведения личности	118
Суфиянова Я.Р. Ювенальная юстиция сквозь призму ценностей.....	120
Сучкова Е.Л. Рекомендации по коррекции неадекватных правовых представлений у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии	121
Терехина С.А. Психологические аспекты понятия «интересы ребенка»	123
Тигунцева Г.Н. Социально-психологическая концепция восстановления нарушенных коммуникаций у подростков-правонарушителей: основные положения	125
Федонкина А.А. Экспертные проблемы применения ч. 3 ст. 20 УК РФ в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния	127
Шипшина О.С. Образ матери и риск совершения правонарушения у несовершеннолетних.....	128
 ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	
Виноградова С.Н. Ценностно-смысловая сфера осужденных в условиях ресоциализации	131
Дубровская Т. В. Психолого-педагогические компетенции в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях реформирования	132
Жумагалиева М.Ю. Диагностика социальной апперцепции у лиц, отбывающих наказание	133
Зеленина М.М. Чувство вины как фактор риска совершения повторных правонарушений осужденных условно	135
Ильин А.В. Изучение факторов риска готовности осужденных женщин к ресоциализации	138
Кокурин А.В., Кокурина И.В. О необходимости внесения изменений и дополнений в некоторые нормативно-правовые акты, касающиеся деятельности пенитенциарных психологов уголовно-исполнительной системы России	140

Красник В.С. Эмоциональные состояния сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах служебной деятельности: основные результаты исследования	142
Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А. Особенности семейной идентичности осужденных женщин, имеющих детей в доме ребёнка исправительного учреждения	144
Малеева М.В., Тонконог И.С. Психологические аспекты изучения личности осужденного	145
Суслов Ю. Е. К проблеме формирования инновационной среды в уголовно-исполнительной системе	147
Фёдоров А.Ф. Помощь психолога в процессе адаптации несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы	148
 ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ	
Асланбекова Э. Н. Основные характеристики и динамика параметров невербального и вербального поведения при сообщении истинной и ложной информации в различных экспериментальных ситуациях	150
Базылевич Т.Ф., Дубинин А.С. К типологическим предикторам формирования толерантности в современной России	153
Борисова С.Е. Роль человеческого фактора в работе отделов, осуществляющих регистрационную, экзаменационную деятельность, технический надзор Государственной инспекции безопасности дорожного движения	154
Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В. Влияние показателей жизнестойкости и копинг-стратегий на последствия экстремальных ситуаций	156
Вахнина В.В. К вопросу о психологии преодоления кризисов переговорной деятельности в практике органов внутренних дел	158
Вертягина Е.А. О коммуникативной компетентности следователя	161
Горбатов С.В., Шелонина Т.В. Техника MAPS в изучении лиц с деструктивным поведением	162
Дубнякова А.И. Анализ мотивации здорового образа жизни курсантов вуза МВД России	164

Душкин А.С. О перспективах применения компетентностного подхода при расстановке кадров в подразделениях органов внутренних дел.....	165
Дыса Е.В. Роль самоэффективности в развитии профессионального самосознания юристов.....	168
Ичитовкина Е.Г., Злоказова М.В., Соловьев А.Г. Совершенствование профессионально-психологического отбора в период реформирования системы МВД России	170
Ковальчишина С.В. Особенности проявления профессиональных деструкций у следователей органов внутренних дел Украины.....	171
Котлярова Л.Н. О психологической подготовке студентов к служебной деятельности в правоохранительных органах.....	174
Литвинова Г.А. Оптимизация навыков преодоления стресса у курсантов вузов МВД Украины с помощью психологического тренинга.....	176
Мальцева Т.В. Особенности психологического консультирования в высших образовательных учреждениях МВД России.....	179
Мацегора Я.В., Воробьёва И.В. Негативные информационно-психологические воздействия на военнослужащих внутренних войск при массовых общественно-политических беспорядках.....	181
Морозикова И.В. Некоторые аспекты психологической подготовки кадров для правоохранительной службы.....	183
Николаева В.К. Исследование чести сотрудника полиции как психологического феномена: теоретико-методологический аспект	184
Соколова О.А. Установление некоторых психологических характеристик человека по его папиллярным узорам	186
Соловьева А.В. Общая характеристика представлений о сопротивлении: анализ содержания	188
Стальнова И.А., Стальнов А.Г., Коноплева И.Н. Трансформация и модификация систем подбора профессиональных работников в период усугубляющегося мирового кризиса	189
Узденова А.М., Семёнова Ф.О. Исполнительская деятельность личности как основание эффективности его труда	192

Шаповал В.А. Личностно-психодинамический подход в профессиональной психодиагностике сотрудников органов внутренних дел.....193

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Богданович Н.В. К вопросу о подготовке юридических психологов.....196

Бусарова О.Р. О формировании диагностического мышления будущих юридических психологов198

Волкова А.Г. Дисциплина «юридическая психолингвистика» в программе подготовки юридических психологов: содержание и актуальность200

Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах.....202

Жукова М.И. Подготовка юридических психологов в области информационных технологий204

Козырева И.Е. Подготовка юристов в области юридической психологии205

Фадеева Д.А., Моисеева Л.П. Роль «общепсихологического практикума» в подготовке психологов207

Чернушевич В.А. Специальная подготовка ФГОС специальности «Педагогика и психология девиантного поведения»209

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Банников Г.С., Кошкин К.А. Аутоагрессивные формы поведения подростка с нарушением развития «я» идентичности (недифференцированным «я»)211

Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Профилактика суицида в подростково-молодежной среде: опыт некоторых западных программ213

Вихристюк О.В. Телефон доверия как средство помощи детям и подросткам с алкогольной и наркотической зависимостями217

Ковтун Е.В. Стили деятельности руководителей тушения пожара в экстремальных условиях219

Колесниченко А.С. Профессиональный отбор и внедрение новейших технических средств в работе с персоналом силовых структур Украины220

Коноплева И.Н., Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дебольский М.Г., Дворянчиков Л.А.	
Представления молодежи о наркотиках и наркозависимых	222
Корехова М.В., Новикова И.А., Соловьев А.Г. Профессиональные факторы	
психической дезадаптации сотрудников правоохранительных органов	225
Кузнецова С.А. Опыт организации профилактики суицидов среди студентов на	
психологической службы вуза	226
Миллер Л.В. Проблема суицидального поведения подростков и молодежи для	
образовательных учреждений	229
Онищенко Н.В. Основные проблемы развития экстремальной психологии в	
Украине	231
Побидаш А.Ю. Насилие как психотравмирующий фактор пиратского плена	233
Поляков И.А. Психологические особенности профессиональной деятельности	
горных спасателей.....	235
Пономаренко И.В. Экстремальные факторы профессиональной деятельности	
газодымозащитной службы МЧС Украины.....	236
Приходько И.И. Исследование психологической безопасности личности	
специалиста экстремального вида деятельности	238
Ремеева А.Ф., Голубева С.В. Роль здорового образа жизни как средства	
профилактики профессионального выгорания пожарных	239
Рехтина Н.В. Значение как характеристика травматической ситуации и его	
изменение	241
Титаренко Д.С. Особенности установления психологического контакта с детьми	
разных возрастных категорий в чрезвычайной ситуации	243
МЕДИАЦИЯ И МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И В	
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	
Хаванский С.Н. Медиация в социальной сфере: основы применения	245
ДЕТСТВО ПОД ЗАЩИТОЙ: ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЙ ОБМЕН ОПЫТОМ В	
ОБЛАСТИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Аравина А.И. Особенности превентивной работы с девиантной молодежью и	
молодежью в ситуации правонарушения в Германии	247

Аруин С.В., Чиркина Р.В. Ресурсы формирования социально-нормативного поведения несовершеннолетних в условиях смены социо-культурной среды....	248
Подушкина Т.Г., Иванова А.В., Милованова Е.А., Абраменко А.Ю. Анализ принципиальных отличий системы помощи несовершеннолетним в Германии и России	250
Полланд Габриеле О работе Центра Защиты Детства	252
Пютц Эдвин Воспитательные возможности правосудия по делам несовершеннолетних.....	255
Чиркина Р.В. Германо-российский обмен опытом в области ювенальных технологий: по материалам проекта «Детство под защитой».....	257
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ДЕПАРТАМЕНТУ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ	
Великоцкая А.М., Женодарова Е.Д. Влияние восстановительных программ на самосознание подростков с девиантным поведением.....	261
Коновалов А.Ю. Социально-ориентированная организация мигрантов	263
Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве	261
СПИСОК АВТОРОВ.....	267

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, Е.Н. Задорина, А.А. Марголис,
З.И. Кекелидзе, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Ениколопов,
М.Г. Дебольский, Ц.А. Шамликашвили

Составители: И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева

Корректор: И.Б. Бовина, А.А. Матюшкина

Художественная верстка: И.Н. Коноплева

Компьютерная верстка: И.Н. Коноплева, А.А. Матюшкина

Подписано в печать: 01.10.2012.

Формат 60*88/16. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 18,5.

Отпечатано: 144000 г. Электросталь, пр-т Ленина, д.25

ООО «Эль-принт» Тел. : 8(496) 577-80-25, e-mail:el-print@mail.ru